

See discussions, stats, and author profiles for this publication at: <https://www.researchgate.net/publication/277308241>

Life Beyond Dictionaries

Conference Paper · September 2013

CITATIONS

0

READS

1,486

1 author:

Olga Mikhailovna Karpova
Ivanovo State University

19 PUBLICATIONS 7 CITATIONS

SEE PROFILE

Some of the authors of this publication are also working on these related projects:

Florence in the Works of World Famous People [View project](#)

Dictionary Use [View project](#)

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Life beyond Dictionaries

**Материалы
юбилейной X Международной
школы-семинара**

**Иваново — Флоренция,
12–14 сентября 2013 г.**

Иваново
Издательство «Ивановский государственный университет»
2013

ББК 81.432

Л 11

Life beyond Dictionaries : материалы юбилейной X Международной школы-семинара, Иваново – Флоренция, 12–14 сентября 2013 г. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2013. – 432 с.

ISBN 978-5-7807-1015-2

Представлены материалы докладов, посвященных лексикографической картине английского, итальянского, немецкого, русского, татарского, турецкого, японского, амхарского языков и языка суахили. В первой части *Иваново* рассматриваются проблемы исторической, писательской, учебной и LSP-лексикографии. Во второй части *Florence* рассматривается круг вопросов, посвященных культурологическому аспекту словарей и отражению культурного наследия в справочниках различных типов. В процессе работы обеих секций предложены проекты новых словарей.

Сборник отражает результаты научных исследований, представленных в докладах и сообщениях на юбилейной X Международной школе-семинаре по лексикографии, которая состоялась 12–14 сентября 2013 г. на двух площадках – во Флоренции при поддержке фонда *Romualdo Del Bianco Foundation*® – *Life Beyond Tourism*® и в Иваново на базе Ивановского государственного университета.

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Ивановского государственного университета*

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук, профессор **О. М. Карпова**
(ответственный редактор)

кандидат филологических наук, доцент **С. А. Маник**

кандидат филологических наук, доцент **Е. А. Шилова**

(заместители ответственного редактора)

О. А. Мелентьева

(компьютерная верстка)

ISBN 978-5-7807-1015-2

© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2013

Life beyond Dictionaries

**Proceedings
of X Anniversary International School
on Lexicography**

**Ivanovo – Florence,
September 12–14, 2013**

Welcoming Words

Ivanovo State University has always paid special attention to the development of friendly relations with universities and non-governmental institutions from other countries which contributes to general research, teaching and educational activities carried out at the University.

The fruitful contacts with the *Fondazione Romualdo Del Bianco*® – *Life Beyond Tourism*® (Florence, Italy) started in 2004, when an *Agreement on Cooperation* in the field of cultural and scientific communication was signed. Over the years, more than fifteen conferences, seminars, workshops and meetings were held both in Ivanovo and Florence.

Our scholars had a chance to become not only partners but first-hand developers and prime movers of several projects carried out by the Foundation. With the Foundation support we involved over 250 teachers and students from a dozen of universities in Russia and twelve UN countries (Great Britain, Germany, Spain), Asia and the USA. The cooperation with the Foundation let the University find new partners in Florence – the University of Florence and Accademia della Crusca.

Professors of Ivanovo State University worked as international experts of the Foundation. We were invited by the President of the Foundation Mr. Paolo Del Bianco in 2008, 2010 and 2011 to hold round table discussions, develop further cooperation and sign the *Memorandum of Understanding* between the Foundation and the city of Ivanovo. During these visits, along with fruitful meetings, we participated in numerous cultural events and workshops together with the members of the Foundation governing board.

By the decision of the University Academic Council the Foundation President Mr. Paolo Del Bianco was awarded the title of Professor Emeritus for the great contribution of the Foundation into integration of our University into European educational environment. In its turn, the Foundation Board awarded Ivanovo State University with a Medal of Honour for the effective cooperation.

Six international students' workshops organized by Vice-Rector for PR, Head of English Department Professor Olga Karpova in 2008–2013 deserve special mention. The project suggested by Professor Karpova is devoted to the compilation of a new encyclopedic dictionary entitled *A Dictionary without Boundaries: Florence in the Works of World Famous People. Project of a Dictionary for Guides and Tourists*. This long-term project is devoted to the Italian, particularly Florentine, influence on different national cultures. All the participants benefit from visiting Florence, exchanging opinions and ideas in international students groups thus spreading the general principle of intercultural dialogue. They learn to work, communicate and live together in the international community.

The workshop that takes place on 8–15 September 2013 is of a special kind because it is organized as a part of X Anniversary International School on Lexicography *Life beyond Dictionaries*. Being set up in 1995 for the first time, at present Ivanovo School on Lexicography is an outstanding international event that biennially attracts more than 300 participants from all the continents (except for Antarctic). This autumn Ivanovo School gets much closer to the world academic community as it extends its geographic reach and joins together researchers from 17 countries in two cities – Ivanovo and Florence.

I wish all the participants fruitful and interesting work during the conference and I am looking forward to further cooperation with *Fondazione Romualdo Del Bianco® – Life Beyond Tourism®* in many respects.

Vladimir Egorov,
Rector of Ivanovo State University,
Doctor, Professor

It is common knowledge that the Fondazione's activity is designed to foster intercultural dialogue. In this connection, it is crucial for individual countries and individual regions to draw closer to their tangible and intangible cultural heritage, but above all, it is strategic for them to draw closer to their heritage in its impact on the daily lives of their residents. Travel can introduce people to knowledge only if it is conceived as an opportunity for meeting and for trading experience and knowledge rather than as the mere use and enjoyment of consumer-driven services. Fostering mutual knowledge among people from different countries through aspects of their daily lives is the basic aim of the *Life Beyond Tourism Cultural Portal*, a virtual forum where cultures meet to promote dialogue.

The work that Ivanovo State University is doing with its X International School on Lexicography *Life Beyond Dictionaries* fully reflects the spirit of the Fondazione and of the *Life Beyond Tourism Portal-Heritage Community*, and indeed it is a major contribution to furthering better intercultural knowledge and understanding.

The Fondazione Romualdo Del Bianco® – Life Beyond Tourism® is particularly grateful to Ivanovo State University and to the Organizing Committee as a whole for this ongoing and increasingly valuable commitment, which encourages the development of a sensibility in young people, helping to make them feel increasingly involved and increasingly responsible. This is crucial if we are to ensure harmonious development based on a determined will to understand our fellow man on a planet whose population is drawing close to the 10 billion mark.

Paolo Del Bianco,
President of Fondazione Romualdo Del Bianco® –
Life Beyond Tourism®, Florence, Italy

Preface

**X INTERNATIONAL SCHOOL ON LEXICOGRAPHY
LIFE BEYOND DICTIONARIES:
12–14 September, 2013
(Ivanovo, RUSSIA / Florence, ITALY)**

Lexicography today has become a very attractive area of research and production of numerous printed and electronic dictionaries which unites scholars from different countries at international conferences, symposiums, courses and schools. EURALEX and LSP congresses, lexicographic symposiums in Copenhagen and Helsinki (HEL-LEX, historic lexicography), E-Lexicography (electronic) conferences and other many international events regularly gather specialists from different countries of the world to discuss new dictionary projects, user needs and demands, dictionary use problems, typology of dictionaries, etc.

Ivanovo State University also contributes to this range of international lexicographic events having organized nine international schools on lexicography, the first one taking place in 1995 with Dr. R.R.K. Hartmann as a guest speaker. Among guest lecturers of nine Ivanovo Schools were K. Varantola and Chr. Laurén (Finland), G. Iamartino (Italy), J. Coleman (UK), J. Considine and V. Skybina (Canada) and other prominent lexicographers.

We chose the format of the event called *school-seminar* with the aim to attract young scholars and PhD-students to share their research results with mature lexicographers.

The range of the topics of Ivanovo schools covers the following themes:

1995 – I International School *Theoretical and Practical Aspects of Lexicography*;

1997 – II International School *Issues of Theoretical and Practical Lexicography*;

1999 – III International School *Dictionary in Modern World*;

2001 – IV International School *Language. Culture. Dictionaries*;
2003 – V International School *Theoretical Lexicography: Modern Trends of Development*;
2005 – VI International School *Lexicon, Lexicography, Terminography in Russian, American and Other Cultures*;
2007 – VII International School *Modern Lexicography: Global Problems and National Solutions*;
2009 – VIII International School *New in Theory and Practice of Lexicography: Synchronous and Diachronous Approaches*;
2011 – IX International School *Multi-disciplinary Lexicography: Traditions and Challenges of the XXIst century*.
Nine volumes of conference proceedings (1997, 1997, 2000, 2001, 2003, 2005, 2007, 2009 and 2011) appeared. Moreover, papers based on plenary and section presentations of last four Schools were published by *Cambridge Scholars Publishing* (<http://www.c-s-p.org>) edited by Prof. Olga Karpova and Prof. Faina Kartashkova: *Essays on Lexicon, Lexicography, Terminography in Russian, American and Other Cultures* (2007); *Lexicography and Terminology: a Worldwide Outlook* (2009); *New Trends in Lexicography: Ways of Registrating and Describing Lexis* (2010) and *Multi-disciplinary Lexicography: Traditions and Challenges of the XXIst* (2013, see References).

The Xth International School is a remarkable event for Ivanovo State University, because this year we celebrate the tenth jubilee anniversary and hold its sessions on two platforms: in Ivanovo and Florence. Thus, in Florence we plan to discuss questions connected with cultural tourism and heritage dictionaries; cultural aspects of learner lexicography and new dictionaries projects, while in Ivanovo the participants will concentrate on dictionaries for special purposes, historical lexicography and various problems of modern lexicographic scene.

Why Florence? Since 2004, our University has partner relations with *Italian Cultural Romualdo Del Bianco Foundation®–Life Beyond Tourism®* which promotes different international events, among them: international annual students' workshop on the dictionary project proposed by Ivanovo State University (project

leader Prof. Dr. Olga Karpova) *A Dictionary without Boundaries: Florence in the Works of World Famous People. Project of a Dictionary for Guides and Tourists* based on the principle *genius loci*. The students from Croatia, Hungary, Serbia and seven Russian Universities (Ivanovo, Chelyabinsk, Kazan', Perm, Tomsk, Vladimir, Yaroslavl) created a solid database of 115 international personalities (artists, architects, musicians, writers, public figures) who visited Florence from the XVth c. up to present day.

This time the students' workshop will also take place in September (<http://new.lifebeyondtourism.org/evento/342/A-Dictionary-without-boundaries%3A-Florence-in-the-Works-of-World-Famous-Italians.-Project-of-a-Dictionary-for-Guides-and-Tourists>) and the participants will present their works (new dictionary articles) during the Xth School. Thus we include a new trend in lexicographic schools – presentation of students' volunteer lexicographic projects.

Another important feature of the Xth School is invited speakers who will deliver their lectures in Ivanovo and in Florence. Full online video conference will give us the opportunity to have the personal interaction without needing to be at the same location.

Thus Lynda Mugglestone, Doctor, Professor at Pembroke College, University of Oxford (Oxford, Great Britain) and Sandro Nielsen, Associate Professor, PhD, Centre for Lexicography, Department of Business Communication, Aarhus University (Aarhus, Denmark) will deliver lectures in Ivanovo. Dr. Mugglestone offers a wide range of the topics: *Patriotism, Empire, and Cultural Prescriptivism: Images of Anglicity in the OED; Telling the Life of Words: The Lexicographer as Biographer; Redefining the English Dictionary – Hard Words, Best Words and the “Inventory” of English*. S. Nielson's lectures cover the following themes: *The Treatment of Culture-bound Items in Dictionaries; Foundations and Key components of Specialized Lexicography; Domain-specific Knowledge in Lexicography*.

And in Florence the keynote speakers are Paolo del Bianco, President of the *Romualdo Del Bianco® Foundation – Life Beyond Tourism®* (Florence, Italy) and famous European lexicographers: Janet DeCesaris, Doctor, Professor at Institut Universitari de

Lingüística Aplicada, Universitat Pompeu Fabra, current EURALEX President (Barcelona, Spain) and EURALEX ex-president Geoffrey Williams, Doctor, Professor at UFR Lettres et Sciences Humaines, Université de Bretagne Sud (Lorient, France).

Prof. Paolo del Bianco's talks will deal with intercultural activities and projects of *Romualdo Del Bianco® Foundation – Life Beyond Tourism®*. Prof. J. DeCesaris's lectures are devoted to: *Cultural Elements in English, Spanish and Italian Dictionaries: A Comparison; Incorporating Context into Dictionary Presentation; What should be New in Bilingual Dictionaries?* Prof. G. Williams will talk on the topics: *What is Europe: Multilingual Lexicographical Prototypes; Blast from the Past: Meaning Change through Collocational Resonance; Moving between Words: Collocational Networks in Dictionaries.*

I would also underline the positive fact that Organizing Committee of the Xth School has (along with guest speakers) representatives from several Italian institutions. They are: Nicoletta Maraschio, President of the Accademia della Crusca (Italy), Maurizio Bossi, Board Member for Institutional Relations of the *Romualdo Del Bianco® Foundation – Life Beyond Tourism®* (Italy), Prof. Marcello Garzaniti, Università degli Studi di Firenze (Italy) and Simone Giometti, Secretary General of the *Romualdo Del Bianco® Foundation – Life Beyond Tourism®* (Italy).

References

1. Aktualnye problemy teoreticheskoy i prikladnoy leksikografii : mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov (Current Problems of Theoretical and Applied Lexicography : Collection of Research Papers) / Ed. by O. Karpova. Ivanovo : Ivanovo State University, 1997. 332 p.
2. Essays on Lexicon, Lexicography, Terminography in Russian, American and Other Cultures / Ed. by O. Karpova, F. Kartashkova. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2007. 265 p.
3. Jazyk. Kul'tura. Slovni : materialy IV Mezhdunarodnoj shkoly-seminara (Language. Culture. Dictionaries : Proceedings of IV International School on Lexicography) / Ed. by O. Karpova. Ivanovo : Yunona, 2001. 165 p.

4. Lexicography and Terminology: a Worldwide Outlook / Ed. by O. Karpova, F. Kartashkova. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2009. 205 p.
5. Leksika, leksikografija, terminografija v ruskoj, amerikanskoj i drugikh kulturakh : materialy VI Mezhdunarodnoj shkoly-seminara (Lexis, Lexicography, Terminography in Russian, American and Other Cultures : Proceedings of VI International School on Lexicography) / Ed. by O. Karpova. Ivanovo : Ivanovo State University, 2005. 345 p.
6. Leksikograficheskie rakursi: traditsii i vyzovi XXI veka : materialy IX Mezhdunarodnoj shkoly-seminara (Multi-disciplinary Lexicography: Traditions and Challenges of the XXIst century : Proceedings of IX International School on Lexicography) / Ed. by O. Karpova. Ivanovo : Ivanovo State University, 2011. 410 p.
7. Multi-disciplinary Lexicography: Traditions and Challenges of the XXIst Century / Ed. by O. Karpova, F. Kartashkova. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2013. 335 p.
8. New Trends in Lexicography: Ways of Registrating and Describing Lexis / Ed. by O. Karpova, F. Kartashkova. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2010. 280 p.
9. Novoe v teorii i praktike leksikografii: sinkhronnyj i diakhronnyj podkhody : materialy VIII Mezhdunarodnoj shkoly-seminara (Synchronic and Diachronic Lexicography: A New Age of Theory and Practice : Proceedings of VIII International School on Lexicography) / Ed. by O. Karpova. Ivanovo : Ivanovo State University, 2009. 404 p.
10. Slovar' v sovremennom mire : materialy III Mezhdunarodnoj shkoly-seminara (Dictionary in the Contemporary World : Proceedings of III International School on Lexicography) / Ed. by O. Karpova. Ivanovo : Yunona, 2000. 225 p.
11. Sovremennaja leksikografija: global'nye problemy i natsional'nye reshenia : materialy VII Mezhdunarodnoj shkoly-seminara (Modern Lexicography: Global Problems and National Solutions : Proceedings of VII International School on Lexicography) / Ed. by O. Karpova. Ivanovo : Ivanovo State University, 2007. 303 p.
12. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty leksikografii : mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov (Theoretical and Practical Aspects of Lexicography : Collection of Research Papers) / Ed. by O. Karpova. Ivanovo : Ivanovo State University, 1997. 197 p.

13. Teoreticheskaja leksikografija: sovremennye tendentsii razvitia : materialy V Mezhdunarodnoj shkoly-seminara (Theoretical Lexicography: Modern Tendencies of Development : Proceedings of V International School on Lexicography). Ivanovo : Ivanovo State University, 2003. 234 p.
14. *Yudina N. V.* A Dictionary without Boundaries: Florence in the Works of World Famous People. Project of a Dictionary for Guides and Tourists. 3d issue / Ed. by O. M. Karpova. Vladimir : Publishing House of Vladimir State University, 2012. 125 p.

Olga Karpova,
Chair of the Conference Programme Committee,
Vice-Rector for PR,
Chair of English Department
of Ivanovo State University,
Doctor of Philology, Professor

Keynote Speakers

Brief Biographical Notes

Janet DeCesaris, Doctor, Professor at Institut Universitari de Lingüística Aplicada, Universitat Pompeu Fabra (Barcelona, Spain), EURALEX President (2012–2014). Janet DeCesaris is Associate Professor of Translation and Interpreting at Universitat Pompeu Fabra in Barcelona, Spain, where she has taught since 1993.

She originally studied Spanish, linguistics and translation at Georgetown University in Washington, D.C. (B.S., 1977) and then went on to graduate work at Indiana University-Bloomington (M.A. 1979, M.A., 1981, Ph.D., 1988). While a student at Indiana, she obtained a grant to study Catalan linguistics at the University of Barcelona. She taught Spanish for several years at Rutgers University in New Brunswick, New Jersey, and has published an advanced level textbook for students of Spanish (*Investigación de gramática*, with P. V. Lunn. Boston: Heinle & Heinle Publishers, 1st edn. 1992, 2nd edn. 2007.).

Since joining the staff at Universitat Pompeu Fabra, she has taught English composition and translation into English, and has concentrated her research on the relationship between grammar and lexicon and the representation of the lexicon in dictionaries. She has been the Principal Researcher for four nationally funded research projects in Spain which have dealt with lexicology and lexicography. She has been an active member of the *European Association for Lexicography* since 1998, and organized the association's biannual meeting in 2008. She is currently the President of EURALEX (2012–2014) and also serves on the Publications Committee for the *Dictionary Society of North America*.

Lynda Mugglestone, Doctor, Professor at Pembroke College, University of Oxford (Oxford, Great Britain). Lynda Mugglestone teaches English language from Old English to the present day,

literature in Old and Middle English, and a whole range of language orientated topics, including electronic discourse, dictionary-making, etc. Her research focuses on two main issues: 1) the history of the English spoken language in the XIX century and 2) metalexigraphy and the cultural, social, and linguistic history of dictionaries. Web page: http://www.pmb.ox.ac.uk/Fellows_Staff/?profile=73.

Sandro H. Nielsen, Associate Professor, PhD, Centre for Lexicography, Department of Business Communication, Aarhus University (Aarhus, Denmark). Sandro Nielsen is affiliated with Centre for Lexicography at Department of Business Communication, University of Aarhus, Denmark. His main teaching area is legal translation, and his research interests focus on practical and theoretical lexicography. Dr. Nielsen is the author and co-author of numerous publications on lexicography, including *The Bilingual LSP Dictionary. Principles and Practice for Legal Language*. Web page: www.asb.dk/staff/sn.

Geoffrey Williams, Doctor, Professor at UFR Lettres et Sciences Humaines, Université de Bretagne Sud, (Lorient, France) EURALEX Ex-President (2010–2012). Web page: <http://web.univ-ubs.fr/corpus/williams.html>.

Geoffrey Williams is Professor of Applied Linguistics at the Université Bretagne Sud (University of South Brittany), France. Specialised in corpus linguistics and lexicography, particularly for special languages, he is the director of the department for document management and the LiCoRN research team, a multidisciplinary team of researchers working on lexicography, corpus linguistics and TEI-based language resources. He is particularly interested in how perceptions are passed through language and how dictionary entries can serve as mediators between language-based perceptions. He participated in the EU funded Intune Project (www.intune.it) and also lead work on how heritage and cultural objects are perceived across Europe. He is currently leading research in to the evaluation and perception of Humanities and Social Science research through the *EvalHum Project* (www.evalhum.eu).

Presentations

Janet DeCesaris

University Institute for Applied Linguistics, Pompeu Fabra University,
Barcelona, Spain

CULTURAL ELEMENTS IN ENGLISH, SPANISH AND ITALIAN DICTIONARIES: A COMPARISON

General purpose dictionaries are full of cultural elements, some of which originated in the culture associated with the language of the dictionary, and some of which originated in other cultures, and by extension, other languages. In this paper, we will examine how general purpose dictionaries of English, Spanish, and Italian treat words in the field of food and food preparation, which contains clear cultural references.

As food and food preparation have become international, so has the vocabulary: the field contain words that have originated in one of these three languages and have “travelled” to the other two, and all three have incorporated some of the same vocabulary from other languages (for example, from French, German, or Russian). The dictionary treatment of this vocabulary is particularly interesting, and particularly difficult, because once a cultural element becomes part of another culture, it may not have the same characteristics that it had in the original culture.

A case in point is the definition of *paella*: in the *Diccionario de la lengua española* by the Real Academia Española, *paella* is a “*Plato de arroz seco, con carne, pescado, mariscos, legumbres, etc., característico de la región valenciana, en España*” (“Dish of dry rice, with meat, fish, seafood, legumes, etc., characteristic of the Valencian region in Spain”), whereas in the *Merriam-Webster Collegiate Dictionary*, a good dictionary of American English, *paella* is defined as “a saffron-flavored dish containing rice, meat, seafood, and vegetables.” *Saffron* would not appear to be a defining characteristic

of paella in Spain, yet it is in the United States. Another example is that of *gazpacho*, which in Spain is almost never spicy, yet is defined by Merriam-Webster as a “spicy soup”. Merriam-Webster defines *spaghetti* as long, **thin** pasta, the *American Heritage Dictionary of the English Language* states that *spaghetti* is often **thick**, but the *Sabatini Coletti Dictionary of Italian* tells us “*Varietà di pasta asciutta filiforme, caratteristica della gastronomia italiana,*” which does not suggest that spaghetti is either thin or thick but rather is dried pasta (as opposed to fresh pasta).

In our talk, we will show how these very interesting, “itinerant” words reflect cultural heritage, often with surprising results.

Janet DeCesaris

University Institute for Applied Linguistics, Pompeu Fabra University, Barcelona, Spain

INCORPORATING CONTEXT INTO DICTIONARY PRESENTATION

The starting point for this paper is that most words in the general vocabulary of a language do not have a clearly identifiable meaning out of context, rather, they have a meaning potential that becomes specified once the context of use is established. Under this view of word meaning, the words that co-occur with a certain lexical item are essential in order to determine the meaning of the lexical item because without the co-occurring words in context, the lexical item could have several meanings. This approach, which is much in line with Firth’s well known observation that “you shall know a word by the company it keeps,” poses a serious challenge to traditional lexicographical description found in general purpose dictionaries, which typically order word senses as discrete items listed under a headword, with little-to-no consideration of contextual information or collocation.

The importance of context in determining word meaning is in large part due to the advent of corpus lexicography; the methodology

available to study lexis changed dramatically because of large computerized corpora. In the latter part of the XXth c., large, computerized amounts of lexical data became available for many languages. The field of corpus linguistics, in fact, attracted the attention of many because of the dictionary project directed by J. Sinclair at the University of Birmingham, which resulted in the *Collins Cobuild English Dictionary*.

Corpus analysis of lexical data is of great importance to dictionaries because of two factors: a) a well-balanced, representative corpus can provide a reasonably accurate picture of language as used by a speech community, and dictionaries aim to describe lexis as used by a community as opposed to lexis as used by a small group of individuals; and b) the prevalent role of phrasing, mutual co-occurrence and collocation in the production of natural language can be demonstrated and quantified. Most current dictionary projects rely on corpus data, to a larger or lesser extent, because of factor (a). Factor (b) has been exploited in dictionaries to a much lesser extent. Dictionaries traditionally do not address lexical combinations that are semantically transparent, because such lexical combinations are classified as syntax and as such the structures involved need to be explained in a grammar, not defined in a dictionary. Yet, in the XXth c. the traditional boundary between grammar, understood as inflectional morphology and syntax, and lexis, understood as vocabulary and word formation and structure, blurred, and grammars today increasingly incorporate information that was formerly classified as belonging to lexis. It remains to be seen how dictionaries can successfully incorporate information that was formerly classified as belonging to grammar.

In our talk, we will suggest some ways in which dictionaries could incorporate more contextual information, and thus – we believe – improve the representation of word meaning.

Janet DeCesaris

University Institute for Applied Linguistics, Pompeu Fabra University,
Barcelona, Spain

WHAT SHOULD BE NEW IN BILINGUAL DICTIONARIES?

Bilingual dictionaries have been produced for hundreds of years, and very often have been written by scholars or other individuals with extensive knowledge and/or life experience in more than one culture. In many ways, the procedures used to produce bilingual dictionaries have changed little, which in itself is surprising considering that the need for and use of bilingual dictionaries is greater than ever, and this growing need should bring about innovation and, as a result, improvement. Moreover, the procedures used to produce monolingual dictionaries have changed radically in the past forty years, and one might assume that recent advances in monolingual dictionaries would have influenced bilingual dictionaries.

In our presentation, we will discuss two issues which we will argue should be the object of new approaches in bilingual lexicography, namely, the organization and order of senses and the representation of phraseology.

Organization and order of senses. It is obvious that bilingual dictionaries provide equivalents; however, exactly how various senses should be identified and ordered within a particular entry is not so evident. As A. Adamska-Sałaciak (2006, 96) states, sense ordering in bilingual dictionaries often derives directly from sense ordering in monolingual dictionaries because “bilingual dictionaries rely heavily on existing monolingual dictionaries of L_x and L_y ” (note: L_x and L_y is shorthand for $L[\text{language}]_x$ and $L[\text{language}]_y$). In the past forty years, sense ordering is one of the aspects that has changed most dramatically in monolingual dictionaries, as many publishers have moved away from historical order to criteria such as frequency of occurrence and semantic progression from (more) literal to (more) figurative. Furthermore, one of the main developments in the organization of entries in monolingual learner’s dictionaries in recent

years is the increasing use of signposts or other semantic labels to guide users through long, complex articles. Many entries in bilingual dictionaries are quite long due to anisomorphism (Zgusta, 1971, 294–296; Adamska-Sałaciak, 2006, 20), yet on the whole bilingual dictionaries have not incorporated similar labeling. We will consider how bilingual dictionaries might be improved if they reorganized senses according to semantic criteria specifically from a contrastive perspective, as opposed to relying on the order of senses from a monolingual dictionary, and how the use of labels might be helpful to users, especially for users who consult dictionaries online or via other electronic media.

Representation of phraseology. The role of collocations in particular and of phraseology more generally in foreign language teaching is quite different now than it was in the 1960s and 1970s. The presence of phraseology and collocations has been widely discussed in relation with learner's dictionaries, the target users of which are often also users of bilingual dictionaries. Despite the growing importance of phraseology in foreign language teaching, the representation of phraseology in bilingual dictionaries has changed little. In our paper, we concentrate on lexicalized expressions that are not strictly idioms (i.e., they are not completely opaque in terms of compositional meaning), yet are good candidates for inclusion in a bilingual dictionary because they include words that display overlapping polysemy (Alsina, DeCesaris, 2002); examples of such expressions are Eng. *domestic help*, Sp. *por la puerta grande*, It. *metterselo bene in testa*. We will show that in many large bilingual dictionaries, the alphabetical lists of expressions at the end of the entry often do not show that there is, in fact, a semantic relationship to other parts of the entry. Showing such relationships, which often involve metaphorical extensions of meaning, would represent innovation and improvement in bilingual lexicography.

References

1. *Adamska-Sałaciak A.* Meaning and the Bilingual Dictionary. Frankfurt am Main : Peter Lang, 2006.

2. *Alsina V., DeCesaris J.* Overlapping Polysemy, Bilingual Lexicography, and Corpus Use // Lexis in Contrast. Corpus-based Approaches. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins. P. 215–229.
3. *Zgusta L.* Manual of Lexicography. The Hague : Mouton, 1971. 360 p.

Lynda Mugglestone

Pembroke College, University of Oxford, England

TELLING THE LIFE OF WORDS: THE LEXICOGRAPHER AS BIOGRAPHER

Biography is one of our most pervasive cultural metaphors, writes D. Lowenthal in his *The Past is a Foreign Country* (1985). This paper explores the formal extension of biography into lexicographical methodology, particular in connection with the *Oxford English Dictionary (OED)*. The first edition of the latter was published between 1884–1928, though work on it began in the 1850s as material began to be assembled for the citation file (comprising some five million quotations) on which the completed first edition would be based. As a dictionary on historical principles, as its title page affirmed, the *OED* deliberately departed from the models provided by previous English dictionaries. “I doubt whether Johnson even so much as set this before him as an object desirable to be obtained”, Archbishop Richard Chenevix Trench wrote of the kind of evidence now deemed necessary to establish a date for first use for any given form. R. Ch. Trench’s seminal paper *On some Deficiencies in our English Dictionaries* (1860), which he delivered, in two parts, to the London Philological Society in November 1857, set out the conceptual foundations of the *OED*. Biography emerged as a prominent model.

For Trench, biography and historical lexicography were presented as closely interdependent – a mode of investigation salient to remedying the “deficiencies” which he had identified. “It is in every

case desirable that the *first* authority for a word's use in the language ... should be adduced", he stated (1860, 29), constructing the dictionary-maker as a historian who is profoundly engaged in documenting the life of words. "As we hailed it in the cradle, we may also follow it, where dead, to the grave", he notes of the lexicographical processes which were henceforth to be followed (1860, 41). Biographical thinking of this kind was frequently reiterated as a guiding principle during the making of the dictionary. The aim was "to give in the dictionary the life-history of every word in the language", James Murray, editor in chief from 1878–1915, explained (1880, 173); the dictionary "seeks ... to furnish a biography of each word, giving as nearly as possible the date of its birth or first known appearance", J. Murray likewise emphasized in the Romanes lecture, headed *The Evolution of English Lexicography*, which he delivered in the Sheldonian Theatre in Oxford in 1900. "[T]he Dictionary should be a biography of every word", he added, such that each entry provided "quotations illustrating the first and last appearance, and every notable point in the life-history of a word" (1900, 50, 46).

Yet, as this paper explores, the sheer familiarity of biography as metaphor, as well as its pervasiveness, can importantly deflect or allay our critical scrutiny. While life-writing itself has, of recent years, been keen to interrogate its own theoretical bases, the same reassessment has rarely been extended to the use of biography as model in other domains. Such absences can be problematic. Trench's biographical thinking on the life of words has become a commonplace of comment on the *OED* in popular and scholarly works alike, frequently being cited to illustrate the shift to properly objective and historical thinking in English lexicography. Biography, for Murray and Trench alike, was made part of the "fabric of facts" which descriptive lexicography should document, a way of facilitating, as in Franz Passow's earlier maxim for classical lexicography, the means by which a form of quasi (auto-) biography might, with impeccable neutrality, be reached. The word "should tell its own story", F. Passow adjured. Conversely, it is the potential subjectivity of the biographical process which has insistently come to the fore in recent biographical theory. Biography,

the act of writing lives, can instead be seen to negotiate a range of possible pathways in which the stance of the writer, his or her ideological assumptions, as well as the point at which the life is told will all affect the life as eventually narrated. Outside the rhetoric of history, in which lexical biography is often placed, stands therefore a range of other ways in which life-writing can be seen.

Scrutinizing the play of evidence, ideology (as in terms of gender and class), and data selection, this paper therefore seeks to open up lexical biography to the same processes of scrutiny, revealing the problematic basis of this familiar metaphor, and the consequences this can have in terms of both the underlying methodology and the use (and interpretation) of reference models such as the *OED*. Biographical narratives, in reality, prove remarkably uneasy as mechanisms for historical lexicography; “birth” and “death” present problematic consonances at best in the historical documentation of the life of words, while the nature of the biographical lens per se offers other complexities. If words have biographies, they also have biographers, in ways which potentially orientate life-writing away from the simple narration of facts.

References

1. *Lowenthal D.* *The Past is a Foreign Country.* Cambridge : Cambridge University Press, 1985. 489 p.
2. *Murray J.* *The Evolution of English Lexicography.* Oxford : Clarendon Press, 1900. 51 p.
3. *Trench R. Ch.* *On some Deficiencies in our English Dictionaries: being the Substance of Two Papers Read Before the Philological Society, Nov. 5, and Nov. 19, 1857.* L. : John W. Parker and Son, 1860. 80 p.

Sandro Nielsen

Centre for Lexicography, Department of Business Communication,
Aarhus University, Denmark

DOMAIN-SPECIFIC KNOWLEDGE IN LEXICOGRAPHY

Dictionaries are consulted when translating specialized texts in a global setting and when such texts are written in a foreign language. However, studies of translation in e.g. accounting indicate that most dictionaries do not provide the help needed in communicative situations, because they do not take into consideration that domain-specific meanings are culture- and structure-dependent. I proposed that this state of affairs can be improved by studying the relevant types of knowledge required of lexicographers making accounting and other specialized dictionaries.

Three types of knowledge that are relevant in lexicography can be identified: declarative, procedural and schematic knowledge. These knowledge types are relevant when lexicographers select entry words as well as when they select equivalents and translations.

Finally, I propose that declarative, procedural and schematic knowledge is needed when writing definitions of terms, and that these types of knowledge should also be reflected in the definitions presented to users or in other ways in dictionaries.

Sandro Nielsen

Centre for Lexicography, Department of Business Communication,
Aarhus University, Denmark

FOUNDATIONS AND KEY COMPONENTS OF SPECIALIZED LEXICOGRAPHY

Some say that lexicography is a sub-discipline of linguistics, but many linguists think that specialized (or LSP) lexicography is something different from linguistics. Therefore, I will propose one way in which to look at the field of specialized lexicography.

The two key fundamentals of specialized lexicography are its object, the dictionary, more specifically a tool providing specific types of help concerning one or more subject fields and their related LSP to specific types of user in specific types of situation, and its objective. A number of key components of specialized lexicography can be identified.

The type of specialized dictionary that appears to provide the best help in most situations is the maximizing sub-field dictionary, because it can contain the necessary lexicographical data, which are arranged and presented using appropriate lexicographical structures.

Dictionary functions thus become the point of departure for any discussion of dictionaries and the data they contain must be specifically adapted to user needs and competences. User situations are extrinsic lexicographical phenomena in that they are not related to lexicography but arise in the extra-lexicographical environment, i.e. independent of dictionaries and lexicography; dictionary functions are intrinsic lexicographical phenomena as they are directly related to the help dictionaries are intended to give in various situations.

By identifying the key components specialized lexicography lexicographers can achieve its objective, i.e. to develop principles and guidelines that can help them design, evaluate, make and use “ideal” and specific types of objects in LSP lexicography.

Sandro Nielsen

Centre for Lexicography, Department of Business Communication,
Aarhus University, Denmark

THE TREATMENT OF CULTURE-BOUND ITEMS IN DICTIONARIES

Many lexicographic contributions deal with culture-bound words and expressions in dictionaries. However, they have a limited understanding of the notion of culture. They assume that there are areas with associated words and expressions in which different communities have the same basic understanding of culture.

Applying a broader understanding of culture in lexicography involves the linking of lexicographical functions to user needs. I intend to show that every word and expression in a dictionary is culture-bound, and every word and expression in a language is culture-bound. The treatment of culture-bound words and expressions depends, first of all, on the type of dictionary concerned, i.e. whether it is a communicative or a cognitive dictionary. Secondly, the cultural, factual and linguistic competences of the intended users affect the way in which culture-bound phenomena should be explained and represented. This means that in some dictionaries, culture-bound words and expressions present no problems, whereas in other dictionaries, lexicographers have to adopt special solutions for the treatment of specific cultural phenomena as shown above.

Geoffrey Williams

HCTI-LiCoRN. European University of Brittany in South Brittany,
Lorient, France

BLAST FROM THE PAST: MEANING CHANGE THROUGH COLLOCATIONAL RESONANCE

Ignorance about both language is rife, unfortunately often particularly amongst teachers and those who should know better. The situation as regards dictionaries is even worse as this ignorance can breed a totally uncritical approach where the dictionary is the supposed holder of the truth about meaning.

The truth, as we all know, is that dictionaries are wonderful tools that set out to show how generalisations as to how a word has been used at some time in the past. Meaning only exists in context and through interpretation of that context so that words can only be understood through the company they keep (Firth, 1957, 11), and dictionaries can only ever show meaning potentials (Hanks, 1986). This is not a limiting factor but a source of great wealth, but by coupling diachronic corpora and historical dictionaries a fascinating insight into word usage and changes in word usage over time can be achieved. For this to happen, two premises must be accepted. The first is that meaning lies in the present, it is about how people use words now, words do not have meanings, meanings have words. The second premise is that dead metaphors are just that, dead. The word, or multiword expression means what it means at the time of use. Active metaphors may bring up images, but dead one do not, they mean what they mean.

Once these premises are accepted we can look for meaning potentials in corpora, but bearing in mind that although the meaning is in the context, some aspects of meaning will be carried over from our previous knowledge of words and that this will link to older meanings of the words we encounter. This is where collocational resonance (Williams, 2008) comes into play as it aims to use corpora, dictionaries and collocational networks (Williams, 1998).

Key concepts in understanding the power of collocation in language use have been lexical priming (Hoey, 2005), and semantic prosody (Louw, 1993). The former describes how use of a word may trigger lexical units and meanings stored in the brain, the latter deals with unconscious decisions as to connotational values of words.

Collocational resonance refers to both so as to see how unconsciously we may colour our actual usage by meaning elements carried over from earlier usages that need not necessarily be appropriate. Linked to lexicographical prototypes (Hanks, 1994; 2000; Williams et al., 2012) underlying meanings and carrying over of meanings can be demonstrated.

Collocational resonance calls upon collocational networks built from corpora and lexical resources in different contexts or periods of time. The networks show meaning relationships through the collocational environments of a given lexical unit within the corpus. This was first demonstrated using an English translation of the Bible and the works of Shakespeare to see their affect on modern usage, the idea being to see if certain elements of meaning, expressed in collocations or simple propositions are carried forward. This will have been assimilated by contact with texts and dictionary entries at school, for example, where we might have learned the correct (sic) meaning of a word, whilst continuing to use it in a very different way.

The same methodology has been applied in other areas such as in building a dictionary of specialised usage (Williams, Millon, 2010) as well as in studies of art (Williams, 2011a) and culture (Williams, 2011b). It is the latter aspect that will be explored here as it typifies how a latin-based word can spread throughout European languages with very different meaning values in different contexts, and an unconscious carry over of its initial meanings which never existed in some modern European languages.

References

1. *Firth J. R.* Papers in Linguistics 1934–1954. Oxford : Oxford University Press, 1957. 233 p.
2. *Hanks P.* Typicality and Meaning Potentials // ZüriLEX'86 Proceedings : Papers read at the EURALEX International Congress, University of Zürich, 9–14 September 1986 / Ed. by M. Snell-

- Hornby. Zurich : Francke Verlag, 1986. P. 37–47.
 URL: http://www.euralex.org/elx_proceedings/Euralex1986/009_Patrick%20Hanks%20%28Birmingham%29%20-Typicality%20and%20meaning%20potentials.pdf.
3. *Hanks P.* Linguistic Norms and Pragmatic Exploitations, or why Lexicographers Need Prototype Theory, and Vice Versa // *Papers in Computational Lexicography: Complex 94* / Ed. by F. Kiefer, G. Kiss, J. Pajzs. Budapest : Hungarian Academy of Sciences, 1994. P. 89–113.
 4. *Hanks P.* Do Word Meanings Exist? // *Computers and the Humanities*. 2000. Vol. 1–2 (34). P. 205–215.
 5. *Hoey M.* *Lexical Priming: A New Theory of Words and Language*. L. : Routledge, 2005. 240 p.
 6. *Louw W.* Irony in the Text or Insincerity in the Writer? The Diagnostic Potential of Semantic Prosodies // *Text and Technology* / Ed. by M. Baker, G. Francis, E. Tognini-Bonelli. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 1993. P. 157–176.
 7. *Williams G.* Collocational Networks: Interlocking Patterns of Lexis in a Corpus of Plant Biology Research Articles // *International Journal of Corpus Linguistics*. 1998. Vol. 3. № 1. P. 151–171.
 8. *Williams G.* The Good Lord and his Works: A Corpus-based Study of Collocational Resonance // *Phraseology: an Interdisciplinary Perspective* / Ed. by S. Granger, F. Meunier. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2008. P. 159–173.
 9. *Williams G.* Art for Dictionaries Sake: Comparing Cultural Outlooks though Dictionaries and Corpora // *Cultural Identities in English Lexicography* / Ed. by R. Facchinetti. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2011a. P. 171–200.
 10. *Williams G.* A Cultivated Audience: Comparable Corpora and Cross Language Collocation // *Corpus Linguistics and Language Variation*, Special Issue of RILA / Ed. by M. Bondi, S. Cacchiani, G. Palumbo. Rome : Bulzoni Editore, 2011b. P. 39–64.
 11. *Williams G., Millon Chr.* Going Organic: Building an Experimental Bottom-up Dictionary of Verbs in Science // *Proceedings of the XIV EURALEX International Congress, Leeuwarden, 6–10 July 2010* / Ed. by A. Dykstra, T. Schoonheim. Ljouwert : Fryske Akademy/Afuk, 2010. P. 1251–1257.
 12. *Williams G., Piazza R., Giuliani D.* Nation and Supernation: A Tale of Three Europe // *European Identity: What the Media Say* / Ed. by P. Bayley, G. Williams. Oxford : Oxford University Press, 2012. P. 55–83.

Geoffrey Williams

HCTI-LiCoRN. European University of Brittany in South Brittany,
Lorient, France

MOVING BETWEEN WORDS: COLLOCATIONAL NETWORKS IN DICTIONARIES

Dictionaries are ordered alphabetically we learn at school. The alphabet is the easiest way to classify words, we learn. The interesting reply to any schoolteacher might be, which alphabet and why is the modern Latin alphabet so good? As we all know, the Latin alphabet used in ASCII works for modern English provided you accept to lower your spelling standards. Others may with top retain their specificities. And then there is the other half of Europe using Cyrillic, and then the rest of the world with its wealth of writing conventions.

Even in Western lexicographical traditions, the modern Latin alphabet, henceforth the alphabet, only began to become standard in the late XVIth and early XVIIth cc. so that announced (Cawdrey, 1604) proudly the alphabetical nature of his work. Since this date, many lexicographers have lamented the limitations of the alphabet, whilst recognising that it is one of the defining characteristics of dictionaries. The rise of electronic dictionaries have led us to hope that freedom from strict alphabeticity is high, but these hopes have been shattered as we get little more than hyperlinks between alphabetical entries. Collocational networks (Williams, 1998) endeavour to provide a new means of navigating through lexicographical entries, but more than this, they also seek to provide a more natural means to decide what words should enter a dictionary.

Collocations have been found in dictionaries from very early on, the great French lexicographer, Antoine Furétiere and the illustrious Dr Johnson gave them, albeit not systematically and without naming he phenomenon. The first systematic analysis of lexical units, of which what we now term collocations, was that of (Palmer, 1933), but current understanding of collocation as a fundamental factor in word meaning only really started with the

revelations of (Firth, 1957, 11) and the essential notion of the company that words keep.

Collocational networks grew from the idea that collocation is a dynamic phenomenon that can reveal patterns of meaning as well as be used to demonstrate variations of usage in context (Williams, 2007). Networks not only provide a means of visualising the environment of a given lexical item, its company, but can also be used to demonstrate new meaning units and to move between words. It is this capacity to link words that are not related in formal mechanisms that is used in the building of an organic dictionary (Williams, Millon, 2010; Williams et al., 2012; Williams, 2012).

The *E-Advanced Learner's Dictionary of Verbs in Science* (DicSci) is an experimental dictionary based on a large corpus of BioMedical texts. The aim is to build a dictionary that will test the theoretical and computational methodologies, but above all to provide a tool usable by non-native users of English who are publishing scientific research papers in English. As such, it draws on previous work (Williams, 2006; Williams, 2008) that shows the inadequacies of current learner's dictionaries to meet the needs of the specialised user. Starting from an initial word list of the most frequent verbs and an iterative process is used in which collocational networks provide the arguments of the units entered in the dictionary as well as the means to build the natural ontology in which functional elements will be named. The iterative process allows classification of meanings within the ontology and reveals new verbs that will be included in the dictionary because of their environmental relevance rather than their simple frequency. Once the dictionary has been built, a further model will be added allowing navigation between the lexical units so as to create a dictionary that both respects and frees from the alphabetical straightjacket.

References

1. *Cawdrey R.* The First English Dictionary, 1604: A Table Alphabetical / Ed. by J. Simpson. Oxford : Bodleian Library, 2007. 200 p.

2. *Firth J. R.* Papers in Linguistics 1934–1954. Oxford : Oxford University Press, 1957. 233 p.
3. *Palmer H. E.* Second Interim Report on English Collocations. Tokyo : Kaitakusha, 1933.
4. *Williams G.* Collocational Networks: Interlocking Patterns of Lexis in a Corpus of Plant Biology Research Articles // International Journal of Corpus Linguistics. 1998. Vol. 3. № 1. P. 151–171.
5. *Williams G.* Advanced ESP and the Learner’s Dictionary: Tools for the Non-language Specialist // Proceedings of the XII EURALEX International Congress, Turin, Italy, 6–9 September 2006 / Ed. by C. Marelllo. Turin : University of Turin, 2006. P. 795–801.
6. *Williams G.* In Search of Representativity in Specialised Corpora: Categorisation through Collocation // Critical Concepts in Corpus Linguistics. Vol. 3 / Ed. by W. Teubert, R. Krishnamurthy. L. : Routledge, 2007. P. 324–346.
7. *Williams G.* Verbs of Science and the Learner’s Dictionary // Proceedings of the XIII EURALEX International Congress, Barcelona, 15–19 July 2008 / Ed. by J. DeCesaris. Barcelona : Universitat Pompeu Fabra, 2008. P. 797–806.
8. *Williams G.* Bringing Data and Dictionary Together: Real Science in Real Dictionaries // Corpus-Informed Research and Learning in ESP: Issues and Applications / Ed. by A. Bolton, Sh. Thomas, Sh. Rowley-Jolivet. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2012. P. 219–240.
9. *Williams G., Millon Chr.* Going Organic: Building an Experimental Bottom-up Dictionary of Verbs in Science // Proceedings of the XIV EURALEX International Congress, Leeuwarden, 6–10 July 2010 / Ed. by A. Dykstra, T. Schoonheim. Ljouwert : Fryske Akademy / Afuk, 2010. P. 1251–1257.
10. *Williams G., Millon Chr., Alonso A.* Growing Naturally: The DicSci Organic E-Advanced Learner’s Dictionary of Verbs in Science // Proceedings of the XV EURALEX International Congress, Oslo, 7–11 August, 2012 / Ed. by R. Vatvedt Fjeld, J. M. Torjusen. Oslo : University of Oslo, 2012. P. 1008–1013.

Geoffrey Williams

HCTI-LiCoRN. European University of Brittany in South Brittany,
Lorient, France

WHAT IS EUROPE: MULTILINGUAL LEXICOGRAPHICAL PROTOTYPES

You seek it here, you seek it there, Europe seems to be everywhere. It may be an ill-defined geographical, or even more ill-defined geological space, an ancient Greek goddess conceived in dubious circumstances, the area in which we live, the answer to all ills, or the cause of all ills. All of this and none, and yet we use the word so easily as if we all know what we mean, not so certain, and that our listener/reader knows what we mean too.

If unsure, go to a dictionary. Unfortunately, this will not help as either dictionaries do not deal with proper names. The definitions that are generally geographical (Williams et al., 2012) or excessively elliptical as in the case of *OED* (Simpson, 2009) which informs us that the word is “Used ellipt, and allusively to refer to membership of the European Economic Community (the Common Market).” One might wonder why they bothered at all given that this was outdated even when published in 2009, but this definition has interest precisely because of what it does and does not do. It does not define as such, but tells us how people at some point of time understood Europe, and points, indirectly to the connotations that might have.

Thus our problem lies in the fact that we are faced with a polysemic lexical entity which may activate similar polysemic definitions in other languages, but which carries a wide variety of possible connotations and interpretations. Translation equivalence is thus easy, might mediating meaning is not. One answer to this problem may lie in lexicographical prototypes (Hanks, 1994; 2000).

The problem raised by P. Hanks is that word meanings are not discrete, even if we cut them up in such a way in dictionaries but form a series of overlapping propositions. This he illustrates with the noun *bank* in English which although seemingly simple, may be referring to

a building or an institution, and not necessarily an institution that manages money. The prototype consists of a series of minimal propositions that are shown as activated in line with the meaning to be expressed. The interesting point is that this list is based on L. Wittgenstein's (Wittgenstein, 1953) family resemblance notion of prototypes which allows for extendable classes in which members may not share the same characteristics. The important factor is that prototypes are extendable to take into new aspects of concept (Williams, 2006).

Within the context of the EU-funded IntUne project on European identity (Bayley, Williams, 2012), members of the LiCoRN research group (www.licorn-ubs.com) decided to adapt the notion of lexical prototypes to both diachronic and multilingual contexts. This meant analysing press corpora in three languages: English, French and Italian, in order to build prototypes of key concepts, of which the most central one is that nature of Europe itself. The initial prototypes were built from dictionaries in all three languages and then continuously refined in line with corpus data. The basic proposition out of which the prototypes were built were simple enough to be translatable into each language with a minimum of ambiguity so that different activations of meanings in different languages could be highlighted.

The key question being whether the readers of the press, not to mention the political scientists, sociologists and media specialists involved in the project were discussing the same concept at any one time. The main finding was that the situation was so complex as to show that the actors could not be really sharing meanings fully.

So what was Europe in the press of 2007 and 2009? What was obvious was that a particular Western European outlook was paramount. This took for granted a geographical Europe in which the complications of artificial boundaries to the East and South-East were ignored. Equally unclear was the diachronic aspect where the Europe Union changed not only in name, as found in the *OED*, but also size. There was thus a highly variable geometry. In socio-political terms, three Europes emerged, those of West, Central and East Europe. The East-West divide provided difficult connotational issues as the EU widened, much of the East became a Central Europe, a unit that

created a wide north south band corresponding to mitteleuropa in parts but broadened to take in Poland and the Baltic States. To complicate issues, even the west could be subdivided into a north and a south. Unsurprisingly, the divide was based on the cold war division, despite the fact that the so-called new entrants have been in for a long time.

New entrants oscillate between east and central depending on the degree of laziness of the journalist and financial considerations. In 2007, Central Europe was potential market, in 2009 East Europe was a potential financial burden. In fact, the West is not a simple unit either as from a bankers perspective, there is the rich and the poor, and both South and East could be connoted as poor. Thus, the simple addition of a locational adjective significantly changes the meanings activated. There were other Europes, those of culture and sport, which include both Turkey and Israel, but for different reasons. Then there is the ideal world of Europe, loosely synonymous with the EU, where the grass will ever be greener, as opposed to Brussels, somewhat synonymous with the European Commission, where the grass seems to grow under their feet.

These are images, but images count. The power of lexicographical prototypes lies in demonstrating what meanings are being activated and provide a means to go beyond simple translation equivalence into what people may be saying, or trying to say.

References

1. *Bayley P., Williams G.* European Identity: What the Media Say. Oxford : Oxford University Press, 2012. 336 p.
2. *Hanks P.* Linguistic Norms and Pragmatic Exploitations, or why Lexicographers Need Prototype Theory, and Vice Versa // Papers in Computational Lexicography: Complex 94 / Ed. by F. Kiefer, G. Kiss, J. Pajzs. Budapest : Hungarian Academy of Sciences, 1994. P. 89–113.
3. *Hanks P.* Do Word Meanings Exist? // Computers and the Humanities. 2000. Vol. 1–2 (34). P. 205–215.
4. *Simpson J.* Oxford English Dictionary on CD-Rom. 2nd edn. Version 4.0. Oxford : Oxford University Press, 2009. URL: <http://www.oed.com/>.

5. *Williams G.* Advanced ESP and the Learner's Dictionary: Tools for the Non-language Specialist // Proceedings of the XII EURALEX International Congress, Turin, Italy, 6–9 September 2006 / Ed. by C. Marengo. Turin : University of Turin, 2006. P. 795–801.
6. *Williams G., Piazza R., Giuliani D.* Nation and Supernation: A Tale of Three Europe // European Identity: What the Media Say / Ed. by P. Bayley, G. Williams. Oxford : Oxford University Press, 2012. P. 55–83.
7. *Wittgenstein L.* Philosophical Investigations. Traduit par G. E. M Anscomb. Oxford : Blackwell, 1953. 250 p.

ИВАНОВО (IVANOVO)

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ (PLENARY PRESENTATIONS)

К. Я. Авербух

Московский городской педагогический университет, Россия

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ: ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКА И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ

Глобализация языка специального профессионального общения во все времена занимала человечество. Торговля и мореплавание, наука и производство, и, наконец, отправление культа – все эти сферы деятельности настоятельно требовали взаимопонимания между людьми разных национальностей и религиозных конфессий.

Вплоть до XIX в. у европейских ученых не было серьезных трудностей в сфере общения, так как функции средства профессиональной коммуникации успешно исполнял мертвый язык, латынь. Однако шли годы и на смену почти условным границам между странами пришли границы реальные, с востовыми столбами и пограничными дозорами: европейские государства обособились на своих территориях и даже страны одной языковой группы, например, романской, стали развивать свой язык и культуру дивергентно.

Возникающие при этом трудности профессиональной коммуникации побудили выдающиеся европейские умы (Ф. Бэкон, Д'Аламбер, А. Ампер, О. Конт, В. Лейбниц и др.) к поискам ново-

го, уже искусственно созданного языка международного общения. Попытки решения этой сверхсложной задачи не увенчались успехом и человечество снова вернулось к веками апробированному приему: на протяжении конца XIX – первой половины XX вв. языком дипломатии был французский язык, языком делового общения в Митропе пребывал немецкий и, наконец, последняя четверть XX в. ознаменовалась полной победой английского языка как языка международного профессионального общения во всем мире.

В то же время было бы опрометчиво не замечать и прямо противоположную тенденцию, а именно, в русле «парада суверенитетов», когда на территории Восточной Европы и, в частности, бывшего СССР, национальные правящие элиты стали придавать языку государствообразующей нации господствующее значение. При этом ошибочно полагая, что терминология всех (!) наук и областей деятельности должна номинироваться в исконно своих национальных (а не заимствованных?) терминах. В противном случае, как они полагают, национальному престижу будет нанесен непоправимый урон.

Говоря о проблеме интернационализации языка профессионального общения, следует вспомнить о том, что после того, как в 60-х гг. прошлого века был зафиксирован феномен стратификации развитых национальных языков на общелитературный язык (LGP) и многочисленные языки для специальных целях (LSP), стало очевидным, что язык профессионального общения не успевает за темпами развития науки и техники, технологий и ему необходимо помогать для обеспечения его адекватности требованиям сегодняшнего дня. Язык профессионального общения нуждается в постоянном мониторинге его состояния, его соответствия уровню требований точности передачи информации между специалистами, однозначного соответствия между понятиями и выражающими их терминами. Весь этот комплекс требований обеспечивается деятельностью по упорядочению и стандартизации терминологии. Любая деятельность по изменению и совершенствованию чего-либо в сущности должна опираться на анализ тенденций развития совершенствуемой предметной области.

В сфере языка науки и техники таких тенденций отмечается пять. Этой тенденцией наряду с интеграцией и дифференциацией, унификацией и экономизацией является интернационализация.

В интернационализации выделяются два аспекта: а) собственно интернационализационный, связанный с созданием и освоением некоего общечеловеческого фонда единиц номинации, удовлетворяющих потребности в терминах в разных национальных языках и б) интерлингвистический, в плане которого проводятся работы по созданию искусственных языков, призванных решить проблемы коммуникации на международном уровне.

Вначале рассмотрим интерлингвистический аспект. К настоящему времени в обстановке неравномерного развития различных научных дисциплин, областей техники и других сфер интеллектуальной деятельности в разных странах часто случается так, что то или иное государство, имеющее приоритет в определенной предметной области, распространяет информацию о нем на своем национальном языке, что способствует проникновению терминов этого языка в другие национальные языки. Например, русский термин *спутник*, или англоязычные термины компьютерной техники и т. п.

Второй аспект решения проблем интернационализации, тесно смыкающийся с проблематикой глобализации и международно-го общения в области науки и техники в целом, лежит в области интерлингвистики. Интерлингвистика, как известно, — наука, занимающаяся созданием искусственных языков. Не вдаваясь в детали и многообразие задач, связанных с деятельностью по созданию искусственных языков, отметим, что все искусственные языки рассматриваются как некое вспомогательное средство при решении проблем международной профессиональной коммуникации, что отнюдь не делает излишним изучение иностранных языков.

Слежение за потоком научной информации требует от специалиста знания многих языков: английского, французского, немецкого, испанского, русского, итальянского, японского. Все больше ценной информации появляется и на других языках: венгерском, голландском, шведском, польском и т. д. Наконец, на языках развивающихся стран: арабском, китайском, хинди и т. п. публикуется много

ценной информации, игнорировать которую также нельзя. Знание всех этих языков одним специалистом практически исключено, поэтому уже давно стоит проблема некоего вспомогательного языка, на котором бы печатались резюме тех или иных научных работ, публиковались реферативные издания и т. п.

Этой цели отлично мог бы служить эсперанто, гениальное детище Л. Заменгофа, если бы не одно, ограничивающее его коммуникационные возможности, обстоятельство. Речь идет о соотношении объемов общеязыкового словаря и терминологии, на которое одним из первых, надо полагать, обратил внимание Э. К. Дрезен. Он разработал проект ИТК, представляющий собой перечень точно определенных, на международном уровне согласованных научно-технических понятий, обозначаемых стандартными звуковыми и письменными терминами.

К сожалению, по ряду причин этот проект остался нереализованным. Если возможен в принципе «всеобщий язык», который существовал бы (разумеется, наряду с национальными языками) как средство общения всех людей мира, то им, вне всякого сомнения, должен был бы стать необычайно легким в изучении и удобным в употреблении эсперанто.

Список использованной литературы

Авербух К. Я. Общая теория термина. М : МГОУ, 2006.

Е. В. Белоглазова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия

ТЕЗАУРУС АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ, ОРИЕНТИРОВАННОГО НА РУССКУЮ КУЛЬТУРУ

Последние десятилетия английский язык активно развивается как язык международного общения, употребляемый во вторичной культурной ориентации. Обращение к внешней для языка культуре неизбежно выявляет в нем лакуарность, которая преодолевается за счет формирования специального пласта инокультурной лексики – **ксенонимов** (Кабакчи и др., 2012, 27). Ксенонимическая прослойка, однако, остается на периферии лексического состава английского языка, что отражает и лексикографическая практика. Ксенонимы рассматриваются не только как окказионализмы, но и чужеродные, а значит, избыточные элементы. Прежде чем быть включенным в словарь, слово должно пройти испытание временем, что приводит к тому, что «кандидатский стаж» ксенонимов, как его называет В. В. Кабакчи, может длиться веками. Так, издавна известная и символизирующая русскую музыкальную традицию *балалайка* получила лексикографическое признание лишь в 1989 г., после более чем двухсотлетнего ожидания, не взирая на то, что слово находилось в активном употреблении: *балалайка* упоминается в песне *The Beatles* “Back in the USSR” (1968), в 1978 г. была основана *Balalaika and Domra Association of America*, в 1981 – *Atlanta Balalaika Society*.

Пример ксенонима *balalaika* позволяет нам сделать два существенных наблюдения. Во-первых, хотя *балалайка* на сегодняшний день уже относительно широко используется в музыкальном мире вне исполнения русской национальной музыки, слово по-прежнему ассоциируется с русской культурой, т.е. сохраняет инокультурную ориентацию, на что указывают такие контек-

сты, типичные для *balalaika*: “music and cultural history associated with Russian folk instruments” (<http://www.bdaa.com/>).

Во-вторых, слово может быть общеизвестным, широко-употребимым, давно войти в языковой узус, но в то же время оставаться за рамками лексикографически зарегистрированного лексического состава языка. И дело не столько в том, что традиционная лексикография по своей природе обречена быть устаревшей и неполной, но в том, что авторитетная лексикография не может быть иной.

Возможно, еще более существенной проблемой традиционной лексикографии в отношении русизмов является отсутствие единого стандарта романизации кириллического алфавита, что приводит к колоссальному разнобою в передаче ксенонимов, восходящих к одному и тому же идиониму-прототипу, т.е. исходной единице русского языка. Яркой иллюстрацией этой проблемы является ксеноним *borsch*, который также встречается в следующих графических формах: *borscht*, *borsh*, *bortsch*, *borsh*.

Эта проблема неполноты и неупорядоченности лексикографического отражения актуального состояния лексического состава языка решается созданием специальных словарей, наиболее полно и непротиворечиво раскрывающих избранный сегмент лексики. Так, наиболее полным изданием по русизмам в английском языке является *The Dictionary of Russia* (Кабакчи, 2002). Словарь раскрывает 2 500 русизмов английского языка, однако и в нем автор вынужденно занимает выжидающую позицию, ограничиваясь регистрацией отраженных в авторитетных толковых словарях современного английского языка «традиционных ксенонимических вариантов, которым языковая практика отдает предпочтение» (Кабакчи и др., 2012, 153).

Представляется, что максимальную свободу составителю дает формат тезаурусного словаря. Так, тезаурус П. М. Роже в разделе *musical instruments* включает значительное число ксенонимов. Среди струнных инструментов находим базовые ксенонимы, вошедшие в ядро словаря (греч. *cithara*; итал. *mandola*, *mandolin*, *mandoline*, и др.); специальные ксенонимы, выделенные курсивом и снабженные указанием языка-источника (*ukelele* [Hawaii];

bandurria [It.], *samisen* [Jap.]; *vina* [India] и др.). Раздел такого тезауруса можно сравнить с периодической таблицей Менделеева, в которой знание системы, лежащей в ее основе, позволяет выявить лакуны и оставить для них пустые клетки. В тезаурусе П. М. Роже были заполнены в основном клетки с итальянскими и французскими ксенонимами, и оставлено множество других пустыми, но потенциально заполнимыми. Так, онлайн энциклопедия *Wikipedia* в разделе *Music of Russia* упоминает такие русские национальные инструменты как *Livenka (accordion) and woodwinds like zhaleika, svirel and kugikli, buben, bubenci, kokshnik, korobochka, lozhki, rubel, treschetka, vertushka and zvonchalka* (<http://en.wikipedia.org>). Это, разумеется, не значит, что все они должны войти в словарь (некоторые из приведенных названий инструментов, фактически, таковыми не являются). Здесь перспективным видится корпусный подход к отбору актуальных элементов словаря.

Список использованной литературы

1. Кабакчи В. В., Белоглазова Е. В. Введение в интерлингвокультурологию : учеб. пособие. СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2012. 252 с.
2. Кабакчи В. В. The Dictionary of Russia (2 500 Cultural Terms). Англо-английский словарь русской культурной терминологии. СПб. : СОЮЗ, 2002. 576 с.
3. Roget's International Thesaurus of English Words and Phrases / Ed. by C. O. S. Mawson. URL: <http://www.bartleby.com>.

А. А. Григорян

Ивановский государственный университет, Россия

**ПЕЙОРИЗАЦИЯ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В СОВРЕМЕННЫХ
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ СПРАВОЧНИКАХ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
(на материале ряда ключевых слов)**

Работа направлена на выяснение степени сбалансированности фактора оценки в представлении ряда пар ключевых слов, обозначающих мужчину и женщину в одном из наиболее авторитетных и современных учебных словарей английского языка – *Macmillan English Dictionary*. Выбор именно этого лексикографического справочника был, помимо прочего, спровоцирован тем, что руководство издательства *Macmillan* приняло решение прекратить, начиная с января 2013 г., издание бумажных версий своих словарей. Издательство объясняет этот шаг тем, что бумажные словари устаревают на следующий день после выхода. В случае же с онлайн словарями процесс обновления и – при необходимости – корректировки словника носит постоянный, непрерывающийся характер. Таким образом, именно онлайн словари предоставляют пользователю наиболее современную, соответствующую всем последним изменениям в лингвокультуре того или иного языка информацию. Этот момент представляется нам очень существенным как вообще, так и в связи с изучением проблемы гендерной асимметрии, в частности. Изучение присутствующего в словах параметра *оценочность* с гендерных позиций является важным и естественным, так как именно по отношению к себе подобным люди чаще всего и охотнее всего пользуются хвалебными или уничижительными характеристиками.

Время начала перехода к изданию онлайн словарей (и, как нам представляется, к постепенному отказу от бумажных версий) также едва ли можно назвать случайным именно потому, что антропоориентированная парадигма в языкознании (учитывающая среди прочих аспектов и гендерный) к концу XX – началу XXI

столетия стала, бесспорно, доминирующей. С позиций гендерной парадигмы следует, вероятно, говорить не столько об антропоцентричности, сколько об андроцентричности языка и культуры. Своевременное реагирование и регистрация постоянно происходящих в лингвокультуре перемен – в том числе в плане преодоления гендерной асимметрии – представляет очень важную и актуальную для современной лексикографии задачу. В этой связи любопытно выяснить, какое отражение находят образы мужчины и женщины в таких нормативных инструментах, коими по праву считаются хорошие словари. Для анализа были выбраны следующие пары ключевых слов: *man/woman*, *boy/girl*, *lady/gentleman*, *Mr/Mrs/Ms/Miss*. Последнюю выборку трудно назвать «парой». Однако, учитывая тот факт, что все три представленных женских титула есть попытка «адекватного ответа» на один и тот же мужской – *Mr*, строгими арифметическими нормами можно, наверное, пренебречь. Данные пары/параллели слов представляются ключевыми в любом языке, поскольку они отражают фактическую разделенность человеческого существа на две «принципиально отличные половинки» – мужскую и женскую.

Несмотря на все изменения, действительно происходящие в языке и обществе, мы, тем не менее, предполагаем, что они носят в значительной степени поверхностный, не очень глубокий характер. Возможно, на данном этапе уместнее говорить, скорее, о количественных, а не о качественных изменениях. Эти процессы находят отражение в современных словарях. Авторы-составители лексикографических справочников значительно более тщательно подходят к подбору дефиниций и иллюстративного материала, пытаясь идти в ногу со временем. Вместе с тем, проведенный анализ свидетельствует об отсутствии качественных перемен в лексикографических пособиях. Это, в свою очередь, говорит о том, что дисбаланс в гендерном устройстве языка и общества есть проблема более глубокая и многоуровневая, чем это может показаться на первый взгляд.

При анализе выбранных пар слов мы решили особое внимание обратить не только на их непосредственные словарные дефиниции, но и на то, что авторы-составители словаря *Macmillan* на-

зывают *phrases* и *related dictionary definitions*. Гипотеза состояла в том, что именно в этой части словаря гендерный дисбаланс может проявиться особенно ярко. Обращение уже к первой паре анализируемых слов *man* и *woman* красноречиво свидетельствует о сохраняющейся асимметрии в отображении этих слов в языке. Это становится очевидным, даже если учитывать только количественные параметры. Так, список *phrases* для слова *man* насчитывает 22 словосочетания, а для слова *woman* – 3; колонка *related dictionary definitions* соответственно 23 и 16. Уже этот показатель недвусмысленно сигнализирует о различной «весовой категории» анализируемых слов в английской лингвокультуре. Дело, однако, этим не ограничивается: различия носят также довольно ярко выраженный «качественный» характер. Так из 22 словосочетаний в списке *phrases* 15 имеют более или менее явно выраженную положительную окраску (начиная от просто *the man – someone with power or authority over other people*). Оставшиеся словосочетания носят нейтральный характер. В словах и словосочетаниях из колонки *related dictionary definitions* можно выделить 7 положительных, например, *man up*, *old man* и 2 отрицательных значения (*hit man*, *yes-man*). Аналогичный анализ слова *woman* приводит к совершенно иным результатам. Из 3 словосочетаний в списке *phrases* 2 имеют отрицательную (*another woman*, *the other woman*), 1 – положительную окраску (*be your own woman*); из 16 слов и словосочетаний колонки *related dictionary definitions* выделяется 8 отрицательных (*con woman*, *old woman* etc.) и лишь одно положительное (*well woman*) значения. Очень похоже выглядит ситуация и с остальными анализируемыми парами. Такое состояние дел наводит на мысль о том, что в деле преодоления гендерного дисбаланса языке, несмотря на некоторые успехи, еще очень многое предстоит сделать.

Н. В. Громова

Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИИ РОДСТВА В ЯЗЫКЕ СУАХИЛИ

Терминология родства представляет собой сложную систему, особенно в традиционных обществах, в том числе и в крупнейшем африканском языке – современном языке суахили. Язык суахили – крупнейший из африканских языков, на котором в Восточной и Центральной Африке говорят около 150 миллионов человек. Он является государственным языком в Танзании и Кении, одним из официальных языков в Уганде, Демократической Республике Конго, Руанде и Бурунди, широко используется во всех приграничных странах.

Термины кровного родства. В суахили только термины кровного родства *tama* «мать» и *baba* «отец» однозначны. Следует напомнить, что в древнем суахили этими терминами обозначались не конкретные лица, а вся группа отцов или матерей. В современном языке сохранились два особых однозначных термина: *tjomba* «дядя по материнской линии» и *shangazi* «сестра по отцовской линии». При этом термины для обозначения по старшинству братьев отца или сестер матери требуют дополнительной расшифровки: *baba mdogo/mkubwa* «младший/старший отец = младший/старший брат отца», *tama mdogo/mkubwa* «младшая/старшая мать = младшая/старшая сестра матери».

Термин *mwana* не выражает полового различия, это может быть и сын, и дочь. В случае необходимости дифференциации привлекаются арабизмы *bin* «сын» и *binti* «дочь» или используется описательный способ: *mwana wa kike* «женский ребенок = дочь», *mwana wa kiume* «мужской ребенок = сын». При этом в суахили имеются особые наименования для первого и последнего ребенка в семье: *kifunguamimba* «букв. открывающий беременность», *kichinjamimba* «букв. обрезающий беременность».

Такой же лексической недифференцированностью по половому признаку, как и *mwana*, отличается и термин *ndugu* «брат/сестра». Термины *kaka* «старший брат» и *dada* «старшая сестра» в современном языке теряют признак старшинства и используются как обозначение сиблингов, т.е. просто «брат» или «сестра».

В отличие от русского языка термины родства по нисходящей линии дифференцированы: *mjukuu* «внук», *kitukuu* «правнук», *kilembwe* «праправнук», *kilembwekeza* «прапраправнук», *kining'ina* «прапрапраправнук». Термины родства по восходящей линии выше *babu* «дедушка» или *bibi/nyanya* «бабушка» имеют описательный характер: *babumkuu* «букв. главный дедушка» или *mzaa babu* «букв. родитель дедушки = прадедушка», *nyanyamkuu* «букв. главная бабушка» или *mzaa bibi* «родитель бабушки = прабабушка», *bamkubwa* «прапрадедушка», *bimkubwa* «прапрабабушка».

Термины свойства. Среди терминов не кровного родства, т.е. наименований родственников по браку, есть однозначные, такие как *mume* «муж», *mke* «жена». Общий термин для терминогруппы свойственников – *mlamu/mwamu* «родственник по браку», т.е. брат или сестра мужа, муж сестры или жена брата. Большинство в этой группе составляют термины, недифференцированные ни по гендерному, ни по возрастному признакам, например *mkwe* «тёща = свекровь, тесть = свёкор, золовка, шурин» и любой из родственников родителей жены или мужа. Для уточнения пола старших свойственников добавляются слова «отец» или «мать»: *babamkwe* «тесть = свёкор», *tamamkwe* «тёща = свекровь».

В результате изменений в социуме, в условиях современного города и активных миграций происходит ослабление значимости родственных связей и, как следствие, размытость терминологии родства. Так, в современном суахили (собственно как и в русском языке) для уточнения родственных связей также используется описательный способ, например «невестка» – *mke wa mwana* «жена сына» и др. Сложность и семантическая расплывчатость терминологии родства в суахили приводит к определенным коммуникативным затруднениям.

Д. В. Забелин

Ивановский государственный университет, Россия

СЛОВАРИ ПОСЛОВИЦ НА ФОНЕ ФОРМИРОВАНИЯ АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Английская словарная традиция одна из наиболее богатых в мире. Она уходит корнями к широко распространенной в древнеанглийский и среднеанглийский периоды практике составления глоссариев, объединявших глоссы к различным латинским текстам. Старейшие из дошедших до нашего времени глоссариев датируются VII–VIII вв., такие как, например, *Leiden Glossary*, *Epinal-Erfurt Glossary*, *Corpus Glossary*, *Colloquy*. Глоссы поясняли трудные латинские слова. Глоссарии, таким образом, служили для передачи знаний. Они занимали важное место в школьном обучении, помогали в понимании текста, его запоминании и переводе. Для тех же целей использовались и первые собрания пословичных изречений, такие как *Disticha Catonis*, *Durham Proverbs* и *Proverbs of Hendyng*. Большинство глоссариев были одно- и двуязычными (латино-латинские и латино-английские), что справедливо и для сборников пословиц. В среднеанглийский период начали появляться англо-французские и латино-англо-французские глоссарии (например, *Treatise*) (Sauer, 2009, 24), в то время как пословичные сборники продолжали оставаться одно- и двуязычными.

Коллекции пословиц уступали глоссариям по ряду параметров: небольшому объему (несколько десятков единиц против нескольких сотен и тысяч), отсутствию какой-либо организации словника и дополнительных комментариев, пояснений. Если глоссарии представляли собой справочные пособия, то пословичные сборники часто выглядели иначе. Значительная часть из них относится к литературным произведениям, жанру *книг мудрости* (wisdom literature). Некоторые были написаны рифмованными двустишиями или их сочетанием с традиционным аллитерационным стихом (например, *Disticha Catonis* и *Proverbs of Alfred*).

О составителях сборников пословиц, как и большинства глоссариев, как правило, известно мало, однако авторство глоссариев в некоторой степени более ясно. Источники также обычно не указывались. Нередко пословичные изречения приписывались людям, которые, возможно, имели к ним весьма косвенное отношение (как в случае с королем Альфредом).

Постепенно глоссарии расширялись и усложнялись. XV в. обозначил начало нового этапа в развитии английской лексикографии. Наряду со справочниками традиционного типа (такими, как *Vulgaria* [1508]) стали появляться инновационные словари, например англо-латинские *Promptorium Parvulorum* и *Catholicon Anglicum* (Sauer, 2009, 36). В этот же период в Англии появляется книгопечатание. Первой напечатанной книгой стал сборник изречений философов *Dictes and Sayings of the Philosophers*.

Следует отметить, что понятие *пословица* (proverb) обладало значительно более широким значением, чем в настоящее время. Сборники пословиц могли включать совершенно разные типы изречений: афоризмы, сентенции, максимы, гномы, цитаты и ряд других, что наложило отпечаток на последующее развитие английской паремиографии, однако некоторая дифференциация типов изречений в дальнейшем все же была достигнута.

В начале XVI в. появился первый полноценный словарь пословичных изречений – *Proverbes or Adagies: with Newe Addicions Gathered out of the Chiliades of Erasmus* (1539), являвшийся переводом довольно успешного словаря Эразма Роттердамского *Adagia* с дополнениями. Возможно, именно публикация этого справочника послужила причиной раннего развития профессиональной паремиографии в Англии. За ним последовал частичный перевод сборника апофтегм Плутарха *Apophthegms* (1542). Первый непереводной словарь данного типа *Dialogue Conteinyng the Nomber in Effect of all the Prouerbes in the Englishe Tongue* увидел свет вскоре после этого, в 1546 г. Начиная с этого периода, сборники пословичных изречений начинают регулярно публиковаться и переиздаваться.

Так, в течение XVII в. появляется не менее одиннадцати новых словарей, среди которых четыре многоязычных. Три из один-

надцати являлись словарями шотландских пословиц, что связано с формированием шотландской лексикографии, развивавшейся параллельно английской, и нарастающим интересом шотландцев к своему языку и культуре. В тот же период начинают издаваться словари сленга, юридических терминов, словари языка писателей, опережая, наряду с пословичными сборниками, развитие справочников для общих целей. Происходит формирование отдельных лексикографических областей.

Английская паремиография, таким образом, не только имеет богатую историю, находится у истоков формирования лексикографической традиции в Англии, но и является одной из первых областей, развивающихся в русле специальной лексикографии.

Список использованной литературы

1. The Cambridge History of English and American Literature in 18 Volumes (1907–21). Vol. I. From the Beginnings to the Cycles of Romance / Ed. by A. W. Ward, A. R. Waller. N. Y. : G.P. Putnam's Sons ; Cambridge : Cambridge University Press, 1907.
2. *Dent R. W.* Proverbial Language in English Drama Exclusive of Shakespeare, 1495–1616: An Index. Vol. II. Berkeley, Los Angeles : University of California Press, 1984. 600 p.
3. *Orme N.* Medieval Schools: Roman Britain to Renaissance England. New Haven, Conn. : Yale University Press, 2006. 432 p.
4. The Proverbs of Alfred / Re-ed. by W. W. Skeat. Oxford : At The Clarendon Press, 1907. 144 p.
5. *Sauer H.* Glosses, Glossaries, and Dictionaries in the Medieval Period // The Oxford History of English Language. Vol. I. / Ed. by A. P. Cowie. Oxford : Oxford University Press, 2009. P. 17–40.

М. Р. Кауль

Российский государственный гуманитарный университет, Москва,
Россия

СИСТЕМА УЧЕБНЫХ СЛОВАРЕЙ – СИСТЕМНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКА

Учебный словарь отличается от общего словаря тем, что он **учит**, т.е. преследует определенные учебные цели. Вопросы, которые ставит перед собой составитель – автор словаря – кого учить, чему учить, с какой целью, какими педагогическими принципами руководствоваться.

Ответы на эти вопросы еще до того как составлен словарь определяют его форму и содержание.

Педагогические принципы, положенные в основу учебных словарей, написанных С. С. Хидекель и М. Р. Кауль, сводятся к следующему:

1. Современное преподавание ориентировано на коммуникацию, а именно речь, речевое употребление описываемых слов, то есть единицей описания является словосочетание.

2. Сочетаемость слов представляет собой систему структурных моделей, различных для каждой части речи. Последовательное описание моделей – от простых к сложным – определяет структуру словарной статьи.

3. Учебный материал всегда соотнобразуется с принципом частотности. Частотность – основополагающий прием как отбора словника, так и отбора моделей и их лексического наполнения.

4. При обучении коммуникативному употреблению в словарях выстраивается логическая последовательность: от слова – к модели словосочетания, от неё к лексическому наполнению, от словосочетания к предложению, а от него к ситуации.

5. Учебные словари, ориентированные на русскоговорящих/думающих студентов, требуют постоянной опоры на компаративно-контрастивные исследования. Отсюда множественные замечания – комментарии типа *Usage Notes*, *Ways of Doing Things*, *Metaphor and Imagery*, *Choice of Words*.

Руководствуясь этими лингвистическими и педагогическими принципами, авторы создали серию учебных словарей, с исходной идеей представить последовательно лексику английского языка как систему. Английский язык – язык глагольного типа, поэтому описание началось с описания именно глагольной системы. Глаголу посвящены два фундаментальных словаря: *Английский глагол: сочетаемость и управление* (М. : Астрель, 2007) и *Морфология английского глагола: система и функционирование* (М. : Изд-во РГГУ, 2008).

Следует обратить внимание на роль и цель вступительной части к словарям и приложений. В первом приводится практически вся теория словосочетания, глагольные модели, способы их расширения и их роль в создании предложения-высказывания. Во втором – теория глагола и исчисление всех его морфологических форм и их вариаций в четырех основных речевых регистрах: прозе, драме (как воплощении устной речи), научном тексте и в текстах газетного стиля. При достаточно непривычной для традиционного восприятия словарной статьи форме представления частотных характеристик глагола в указанных регистрах, данный словарь является необходимым руководством к отбору форм глагольной парадигмы как для педагогического процесса, так и для написания учебных текстов и даже для представления возможной направленности дальнейшего развития глагольных форм и их употребления в речи на основе списка редкочастотных форм, встречавшихся (пока) лишь в единичном употреблении.

К этой серии системного описания части речи относится и словарь на основе материала собранного Ц. С. Горелик *Английское прилагательное* (М. : Астрель, 2002). В нем помимо словника, построенного и разработанного с учетом вышеизложенных критериев, можно найти два весьма содержательных приложения: обратный русско-английский словарь с указанием модели, в которой употребляется/употреблялся английский/английские эквиваленты [безразличный: careless a. (1) of/about smb., smth.; (2) in smth./in doing smth. (книжн.): dead (2) b. to smb. (пазр): dead (2) a. to smb.]; и индекс моделей управления английских имен прилагательных [A + about smb: anxious, eager, easy, gay, gentle, glad, happy, honest, nervous, sad, silent, thick, wild].

Вышеназванные словари представляют собой один тип словарей, разрабатывающих теорию и словарное описание отдельных частей речи.

Все словари, входящие в системное описание лексики, можно разделить на несколько групп:

1. Частеречные словари (глагол, прилагательное).
2. Синтаксический словарь дискурсивных слов.
3. Когнитивные (объяснительные) словари.
4. Тематический (обучающий) словарь с системой упражнений.
5. Частотный словарь словосочетаний.
6. Компаративно-систематизирующий словарь трудностей английского словоупотребления для русских учащихся.

Особенно хочется отметить синтаксический словарь – словарь дискурсивных слов, в который включены *коннекторы* (слова, соединяющие отдельные слова/словосочетания и предложения разной структуры в сложные синтаксические комплексы) и *модификаторы* (частицы, модальные и вводные слова). Как и остальные словари, он опирается на солидную исследовательскую базу и включает теорию приводимой дискурсивной лексики. Особую роль играет комментарий, следующий за каждой из частей и представляющий собой русско-английское компаративное сопоставление типов синтаксических отношений и способов их представления в двух языках.

Нетрадиционными являются когнитивные словари *Русско-английский объяснительный словарь* (М. : Астрель, 2008, 2009, 2011) и *Англо-русский объяснительный словарь* (М. : Астрель, 2012). Специфика этих словарей состоит в том, что в них слова представлены не как словные эквиваленты, а как специфическая для каждого языка форма закрепления концепта. Этот подход порождает акцент на ассиметрические отношения языков (одно слово – обобщенное понятие в, скажем, русском языке и целый веер эквивалентов в английском языке, которые каждый по своему покрывают семантику исходного слова).

Сопоставление смыслов описываемых слов приводится в дискрипционной рамке, предшествующей описанию и спецификации «эквивалентов»: Быстрый, прил. – (1) quick (2) fast (3) rapid (4) swift (5) speedy (6) prompt (Русское прилагательное *быстрый* употребляется во многих ситуациях и характеризует как само

движение, так и период времени, затрачиваемый для чего-либо, и характер самого действия. В английском языке все эти аспекты различаются и передаются разными словами).

Далее следует разработка каждого из слов заголовочной строки с семантическим комментарием и последующим употреблением в словосочетании и предложении.

Особое внимание авторы уделяют вариативности переводов. Само сопоставление переводов способствует объемной семантизации лексикографируемого слова.

В словарях всех типов разрабатываемая лексика снабжается дополнительными разъяснительными информативными комментариями: *Usage notes* (примечания грамматического характера, отталкивающиеся от русско-английского/англо-русского сопоставления), *Ways of doing things* (отдельные аспекты и виды действий), *Choice of words* (систематические и гиперо-гипотетические отношения слов, покрывающих исходное значение входной вокабулы), *Metaphor and Imagery* (чрезвычайно важные для осмысления метафоро-метонимических механизмов английского лексикона, развивающие мышление), и *Cultural notes* (сведения об употреблении и ассоциативные лингвистические характеристики слова).

Список использованной литературы

1. Горелик Ц. С., Гинсбург Р. С., Хидекель С. С., Альперин А. Л. Английское прилагательное: управление и сочетаемость. Тематический англо-русский словарь-справочник / Под ред. М. Р. Кауль. М. : Астрель, 2002. 376 с.
2. Кауль М. Р., Хидекель С. С. Англо-русский объяснительный словарь. М. : Астрель, 2012. 544 с.
3. Морфология английского глагола: система и функционирование. М. : Изд-во РГГУ, 2008. 546 с.
4. Хидекель С. С., Кауль М. Р. Русско-английский объяснительный словарь. М. : Астрель, 2008, 2009, 2011.
5. Хидекель С. С., Кауль М. Р., Кесельман И. С. Английский глагол: сочетаемость и управление. М. : Астрель, 2007. 768 с.

С. А. Маник

Ивановский государственный университет, Россия

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Представляется целесообразным разграничить два подхода к определению лексики, функционирующей в сфере общественно-политической жизни: в отечественной и зарубежной лингвистической науке.

Цель настоящего исследования – проследить основные подходы к определению и изучению лексики, функционирующей в сфере общественно-политической жизни, в ходе политической коммуникации, а также обозначить динамику их развития в отечественной и зарубежной лингвистике.

В отечественной науке ученые довольно часто используют понятие *общественно-политическая лексика* (ОПЛ) или *социально-политическая лексика* для обозначения совокупности лексических единиц, называющих понятия и реалии общественно-политической жизни и широко используемых в средствах массовой коммуникации и публицистике. Данный термин вошел в активное употребление в начале 50-х годов прошлого века, когда лексико-семантическая подсистема обособилась в качестве самостоятельного предмета исследования в результате активного включения отдельных политических единиц в дореволюционные справочные издания (словари иностранных слов, политические энциклопедии, справочники и толкователи политических терминов, всего, как отмечает А. Л. Голованевский 42 издания), а также специального изучения их семантики с первых послереволюционных лет.

Безусловно, данная лексика функционирует в определенной предметной сфере, поэтому в процессе изучения ОПЛ понятия *общественно-политическая лексика* и *общественно-политическая терминология* одни ученые разграничивают и выделяют терминологическую и нетерминологическую части общественно-политиче-

ского словаря, другие используют их как равнозначные и взаимозаменяемые, другие относятся к ним как к целому и части.

Также многие отечественные исследователи отмечают социально-оценочный характер данной лексики и ее идеологизированный (или идеологический) компонент, который влияет на ее семантику (В. И. Goverдовский, Т. Б. Крючкова, Н. А. Купина, С. А. Маник, М. Н. Николаев, А. Нойберг, В. Шмидт, А. Л. Голованевский, Е. Д. Поливанов, А. М. Селищев, Р. О. Шор, Л. П. Якубинский, В. М. Жирмунский и др.).

Зарубежная наука, в свою очередь, оперирует другим терминологическим аппаратом: *social life, political life, political discourse, political dictionary, political opinion classification, political economy words, political quotations, political slang, political correctness, dictionary of social sciences, political terms, social issues dictionary* и т.п., но никогда *socio-political life* или *socio-political words/lexis*. Как отмечалось нами ранее, на Западе прослеживается тенденция разграничения политической и социальной сферы (общественная жизнь – *public life* – понимается в английском языке в другом контексте) (Manik, 2013). Вместе с тем, под политическим языком понимается значительно более узкая часть лексических единиц, используемая на парламентских слушаниях, в международных документах и договорах, инаугурационных речах, дебатах и прениях, в (не)официальном разговоре политических деятелей о политике с целью воздействия на аудиторию. Поэтому большая часть работ за рубежом посвящена: политическому дискурсу; политической риторике; политическим метафорам; изучению влияния идеологии на язык, на перевод и на политику языка; составлению политических корпусов; использованию языка в СМИ, пропаганде и убеждении; языковым контактам в политической области; интертекстуальности в политическом общении; гендерным аспектам и идентификации в политическом дискурсе; методологическим способам обучения политиков языку и т.п.

Среди зарубежных исследователей политического языка можно выделить Дж. Орвелла (G. Orwell) и его очень важную и судьбоносную книгу *Politics and the English Language* (1946), П. Клинтона (P. Chilton), А. Г. Маршалла (A. G. Marshall), Н. Чом-

ски (N. Chomsky), Г. Грубера (H. Gruber), Р. Киммел (R. Kimmel), С. Оубенга (S. G. Obeng), Т. Ван Дийка (T. A. van Dijk), Е. Хаугена (E. Haugen), Дж. Бломмаерта (J. Blommaert), С. Булкаена (C. Bulcaen), Р. Дирвена (R. Dirven), Р. Франка (R. Frank), С. Лли (C. Llie), Г. Кресса и Р. Ходжа (G. Kress, R. Hodge), Г. Лакоффа (G. Lakoff), Д. Миллера (D. Miller) и др.

Важно подчеркнуть, что временной фактор играет большую роль, поскольку ОПЛ отражает те понятия и явления общественно-политической жизни, которые на определенное время становятся социально значимыми и обсуждаемыми (Н. Р. Гейко). Поэтому основная масса исследований ОПЛ выполнена в рамках синхронно-описательного подхода. Выделяют целые пласты лексикологии, свойственные определенному историческому периоду: *анархизм, буржуазия, интернационал, провокатор, кворум, митинг, мандат, социал-демократ, вождь, бунт, самодержавие, агитация, экспроприация, марксизм и т.п.* – предреволюционное время в России; *black capitalism, New Federalism, Nixon Doctrine, radic-lib, Vietnamization, workfare, Tricky Dick, Used car salesman, Middle America, social issue, Nixonomics, etc.* – эпоха администрации Никсона; *axis of evil, decider, netroots, war on terror, jihadist, bundling, slam duck, waterboarding, earmarks, faith-based, etc.* – эпоха Дж. Буша.

Как справедливо отмечает Л. А. Жданова, изучение ОПЛ в отечественном языкознании имеет три аспекта: синхронно-описательный, диахронический, или исторический, и типологический (Жданова, 1996). Диахронический аспект, собственно история ОПЛ, оставшаяся вне поля зрения отечественных, но не зарубежных лингвистов (см. работы по Войне в Ираке и политическому дискурсу), отражает состояние языка в определенный кризисный период, «революцию в языке», когда проходит переосмысление ценностей и смена политической парадигмы. Типологический аспект характеризует настоящее исследование, поскольку ОПЛ рассматривается в русском и английском языках.

Важно отметить в заключении, что обе традиции объединяет обсуждение способов лексикографирования ОПЛ, появление богатого репертуара одноязычных политических справочников.

Список использованной литературы

1. *Гейко Н. Р.* Общественно-политическая лексика в публицистическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). Филология. Искусствоведение. Вып. 73. С. 194–197.
2. *Голованевский А. Л.* Общественно-политическая лексика в словарях 1900–1917 гг. (К проблеме идеолого-семантической типологии словарей дореволюционного периода) // Филологические науки. 1986. № 3. С. 25–31.
3. *Жданова Л. А.* Общественно-политическая лексика: структура и динамика : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.
4. *Manik S.* Evaluation Component within the Semantic Structure of Socio-Political Words // Multi-disciplinary Lexicography: Traditions and Challenges of the XXIst Century / Ed. by O. Karpova, F. Kartashkova. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 231–244.

М. Р. Ненарокова

Институт Мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва, Россия

СЕЛАМ Д. П. ОЗНОБИШИНА КАК ОСОБЫЙ ВИД СЛОВАРЯ XIX В.

Язык цветов, относящийся «почти исключительно к области любви и дружбы» (Leneveux, 1855, 9), является одним из малоизученных, но интересных и ярких явлений европейской, в частности, русской культуры конца XVIII–XIX вв. Он представлял собой систему, где роль слов играли растения. Списки этих растений по функции напоминают словари и часто так и называются, например, *Dictionnaire des Plantes avec leurs emblèmes pour traduire un billet ou un sélam* (Словарь растений с их символами для того, чтобы перевести записку или селам) (De La Tour, 1882, 144), *The Vocabulary* (Словарь) (Ingram, 1869, 347).

У языка цветов было несколько источников. Одним из них были *Турецкие письма* леди Мэри Уортли Монтагю, жены британского посла в Турции, опубликованные в 1763 г. (Seaton, 1995, 62). В одном из писем из Константинополя она привела запись игры, называвшейся *селам*, то есть «приветствие». Игра состояла в том, что определенным растениям, пряностям, фруктам, жемчугу соответствовали законченные предложения, выражавшие те или иные чувства, причем названия используемых в игре растений и прочих предметов рифмовались с последними словами соответствующих им предложений. Композиции из таких растений можно было читать наподобие посланий. Это сообщение и позволило части европейских, в основном, немецких и французских, авторов называть язык цветов *селамом*.

В 1830 г. Д. П. Ознобишин, поэт и переводчик с нескольких языков, в том числе, и восточных, издал книгу под названием *Селам, или Язык цветов*, одной из частей которой был словарь, содержащий значения различных растений. Несмотря на свое название, словарь Д. П. Ознобишина не имел никакого отношения к Востоку. В основу его была положена небольшая книга на немецком языке.

Ознобишинский *Селам* состоит из словарных статей, расположенных по алфавиту. Его можно назвать толковым словарем, так как в нем сообщаются значения определяемых слов. Словарная статья состоит из трех частей: определяемое слово, то есть название растения, дефиниция и постраничное примечание, в котором приводятся все известные переводчику названия этого же растения на русском, французском, немецком, иногда на английском языках, а также на латыни. Всего в словаре Ознобишина рассматривается 392 растения.

Определяемым словом в Ознобишинском *Селаме* может быть и слово, и словосочетание. Многие названия растений выражены именами существительными, причем это могут быть и общеупотребительные названия, и народные. Чаще народные названия выражены словосочетаниями. Названия некоторых растений заимствованы из других языков, либо являются кальками.

Около трети статей переведено с немецкого достаточно точно, но так, чтобы перевод был литературным. Например, *Aster. Verstehest Du auch treu zu lieben?* (Die Blumensprache, 1823, 8) – *Астра. Умеешь ли ты любить постоянно?* (Ознобишин, 1830, 59).

Поскольку в основе языка цветов лежит игра, во время которой задают вопросы и получают ответы, среди дефиниций довольно много вопросов: простые и короткие, например: *Lindenblüthe. Verstehst Du mich?* (Die Blumensprache, 1823, 20) – *Липовый цвет. Понимаешь ли ты меня?* (Ознобишин, 1830, 83).

Другую группу дефиниций составляют предложения в повелительном наклонении: *Kastanienblüthe. Bitte um Entschuldigung* (Die Blumensprache, 1823, 17) – *Каштановое дерево, цвет. Проси прощение* (Ознобишин, 1830, 77). Есть и обращения: *Federnelke. O Du holdes einfaches Mädchen!* (Die Blumensprache, 1823, 12) – *Гвоздика (перистая). О милая, скромная девушка!* (Ознобишин, 1830, 66). Есть и утверждения, например: *Farrenkraut. Nur der Verein der Herzen schafft dauerhafte Lust* (Die Blumensprache, 1823, 12) – *Папоротник. Только сердечный союз может доставить продолжительное удовольствие* (Ознобишин, 1830, 91).

Как уже говорилось выше, и в турецком языке цветов, и в барочных сборниках эмблем были приняты значения, записанные в стихотворной форме. В немецком оригинале 18 словарных статей содержат стихотворные тексты – от двух до четырех строк, например, полустрофа *Lilie (blaue). Vergiss mein auch in der Ferne nicht,/ von wo ich mich zu Dir hinüber träume* (Die Blumensprache, 1823, 20) – *Лилия африканская. Не забывай меня в чужой стране,/ Откуда я к тебе стремлюсь мечтою* [пер. МН], две зарифмованные строки *Schneeglöckchen. O, dass sie ewig grünend bliebe/, die schone Zeit der jungen Liebe* (Die Blumensprache, 1823, 27) – *Подснежник. О если б юность длилась вечно, любовь цвела бы бесконечно* [пер.МН], четверостишие: *Heidekraut. Über Wald und Thal/ über Felsen und Höhn,/ wirst erst Dein Liebchen/ Du wiederseh'n* (Die Blumensprache, 1823, 15) – *Вереск. За горою лес,/ За утесами надь,/ Выйдет тебя днесь/ Дева встречать* [пер. МН]. При том, что Ознобишинский *Селам* задуман как составная часть художественного произведения, он принадлежит русской

лексикографической традиции, черты которой не только легко различимы, но и усилены поэтом. Словарь языка цветов не только приводит значения рассматриваемых значений, но и сообщает добавочную информацию, играющую роль соединительного звена между литературой и наукой.

Список использованной литературы

1. *Ознобишин Д. П.* Селам, или Язык Цветов. СПб, 1830.
2. *Die Blumensprache, oder Bedeutung der Blumen nach orientalischer Art. Ein Toilettengeschenk. Achte vehrmerte Auflage.* Berlin, 1823.
3. *de La Tour Ch., Mme.* Le Langage des Fleurs. Paris, 1882 (1-ое изд. – 1818).
4. *Ingram J.* Flora Symbolica; or, The Language and Sentiment of Flowers. L. : F. W. Warne, 1869.
5. *Leneveux L., Mme.* Les Fleurs Emblematiques ou leur Histoire, leur Symbole, leur langage. Paris : Roret, 1855. 346 p.
6. *Martin A.* Le Langage des Fleurs. Bruxelles : Société belge de librairie, 1830. 291 p.
7. *Phillips H.* Floral Emblems. L. : Saunders and Otley, 1825. 352 p.
8. *Seaton B.* The Language of Flowers. A History. Charlottesville : University of Virginia Press, 1995. 234 p.
9. *Der Selam des Orients oder Die Sprache der Blumen.* Berlin : E. S. Mittler, 1841. 264 p.
10. *Tyas R.* The Language of Flowers, or Floral Emblems of Thoughts, Feelings and Sentiments. L. : George Routledge and Sons, 1860.

В. Д. Табанакова

Тюменский государственный университет, Россия

АВТОРСКИЙ ТЕРМИН: ЗНАЮ, ПОНИМАЮ, ПЕРЕВОЖУ

В основу исследования процесса *понимания* научного термина легли два предположения:

1. Метафорическая и логическая природа термина позволяет смоделировать определённый уровень понимания научного

термина для слушателя, или читателя, имеющего разное профессиональное образование.

2. Понимание иностранного термина в научном дискурсе в первую очередь обеспечивается лингвистическим знанием – знанием семантики термина и умением пользоваться словарями. Другими словами, понимание термина в иноязычном тексте оформляется его переводом.

Логика, имплицированная в названии монографии *Авторский термин: знаю, понимаю, перевожу* основывается на том, что перевод термина мы рассматриваем как достаточно сложный ментальный процесс, который начинается с лингвистического знания. Используя терминологию А. Греймаса, мы можем сказать, что базовая модальность *желания* «перевести» базируется на модальности *знание* (Греймас, 2004).

Понятие *авторский термин* расширяется до авторского концепта, до авторского отношения, авторской предикации, авторской интерпретации специального понятия в тексте и дискурсе. Это не значит, что все термины в тексте будут авторскими. Авторским станет центральное специальное понятие, несущее основную идею, концепцию, смысловую нагрузку в тексте. Это всегда новый ракурс, новый аспект, новый, свой собственный индивидуальный подход к предмету исследования. Он выстраивает свою логико-понятийную систему.

Выражение *авторский термин* в чём-то перекликается с понятием *авторский замысел*, но не в литературоведческом и не в стилистическом смысле, а в семиотическом плане. Авторский замысел в этом смысле является *замыслом речи* по выражению Н. И. Жинкина. Он рассматривает замысел речи как психолингвистическое понятие, которое теоретически вытекает из понятий о структуре языка, интеллекта, значения текста (Жинкин, 1998, 168). Проецируя идею замысла речи автора на процесс вычленения авторского термина, мы можем ограничить понятие *авторский термин* результатом контекстуального семантического и логико-понятийного анализа языковых форм декодирования в специальном тексте.

Мы можем обнаружить авторский термин в заголовках научных статей и монографий. Особенно ярко эти термины проявляются в тексте заголовка, который имеет проблемный, неоднозначный, тезисный характер. Например, в названии книги А. И. Варшавской *Языковые единицы и отношения совместности* словосочетание *отношения совместности* является собственно авторским понятием. Добавим сюда ещё ряд названий с ярко выраженной предикацией автора: *Слово как действие* (Дж. Л. Остин), *Мысль и язык* (А. А. Потебня), *Языки мозга* (К. Прибрам), *Ментальные перформативы в научном тексте* (Н. К. Рябцева), *Философские тетради* (В. И. Ленин), *Лингвистические гештальты* (Дж. Лакофф), *Деятельность и сознание* (А. Н. Леонтьев).

Моделирование процесса *понимания* авторского термина обусловило обращение к исследованиям в органически связанных с лингвистикой областях знаний – психологии, философии, формальной и содержательной логике, лингвокультурологии, герменевтике, логической семантике, нейролингвистике, методике преподавания языков, переводоведению. Такой интегрированный подход помог переосмыслить ситуацию *перевода термина в тексте*, сделать её многоплановой и многоуровневой для переводчика. Переводчиком в данной ситуации может быть человек с разным уровнем владения языком, с разным уровнем и характером образования. В модель перевода авторского термина может вписаться как студент, так и преподаватель, как практикующий переводчик, так и переводчик-любитель, переводчик «сам себе», как профессионал, владеющий какой-либо терминологией, так и пользующийся преимущественно общелитературным языком. Данная модель – *знаю, понимаю, перевожу* может оказаться полезной именно потому, что в ней заложены те лингвистические знания о термине-слове, термине-знаке, термине-системе, которые обеспечат его адекватный перевод в специальном тексте.

В результате исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Авторский термин отличается в плане содержания своей концептуальной нагрузкой, многозначностью и предикативно-

стью, а в плане выражения – морфологической, лексической, категориальной мотивированностью.

2. Процесс понимания авторского термина осуществляется на трех уровнях: *образное мышление, категоризация, концептуализация*. Семантизация авторского термина рассматривается на трех этапах: *восприятие, интерпретация, перевод*.

3. На этапе восприятия мы прочитываем авторский термин, фиксируя прямое лексическое значение морфем и лексем его составляющих. Анализ лексико-грамматической формы термина-знака позволяет вскрыть его лексическую, категориальную и понятийную мотивированность.

4. На этапе интерпретации мы обращаемся к контекстуальному значению, которое ограничивает объем и содержание специального понятия.

5. Перевод авторского термина как поиск лингвистической формы для специального понятия в другом языке становится обобщающим, завершающим и определяющим шагом в процессе понимания термина, поскольку поиск переводных соответствий и проведение переводческих трансформаций происходит на всех уровнях языка и речи: морфологическом, лексическом, синтагматическом, парадигматическом и прагматическом.

Список использованной литературы

1. *Греймас А.* Структурная семантика. Поиск метода. М. : Академический проект, 2004. 368 с.
2. *Жинкин Н. И.* (Избранные труды) Язык – речь – творчество. Исследования по семиотике, психолингвистике, по этике. М. : Лабиринт, 1998. 364 с.

Т. А. Таганова

Ивановский государственный университет, Россия

ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЕ НОВЫХ РЕАЛИЙ КУЛЬТУРЫ

Неологизмы появляются в современном английском языке с необычным постоянством. Связано это, в первую очередь, с возникновением новых реалий. Целесообразно проследить, какие сферы жизни являются самыми активными донорами новой лексики, а также какие неологизмы попадают в словари национального языка. Интересен также вопрос о том, поменялись ли роль и функции как составителя справочного издания, так и пользователя.

Анализ ряда приложений к современным словарям английского языка, где содержатся новейшие лексемы, позволяет назвать наиболее активно подверженные появлению неологизмов сферы жизни. Лексику, появляющуюся сегодня в английском языке, возможно сгруппировать по следующей тематике: **работа (часто слова, означающие стресс, нехватку личного времени):** *al desko, blamestorming, dumb up, dooce, leisure sickness*; **спорт, красота и здоровье:** *bariatric, biogun, bird flu, body lift, dental spa, healthspan*; **эмоции (чаще негативные):** *bouncebackability, orthorexia, miswant*; **информационные и интернет технологии:** *gripesite, infomania, nouse*; **СМИ:** *greenwash, irritation*; **люди и их привычки:** *grief tourist, flexitarian*; **политика:** *ABB syndrome (anybody but Bush syndrome), BRIC, appointocracy*; **реклама и бизнес:** *ambush marketing, fat tax, marzipan layer, zombie company, TCO* (см. Maxwell, 2005; Collins Word Exchange, 2005; New Words, 2007).

Процесс появления новых слов тесно связан с изменениями в обществе, с тем, что принято называть *культурным пространством*. Такие тенденции как стремительное увеличение темпа жизни, усиление роли СМИ и интернета, виртуального общения, интерес к бизнесу и политике – все это не могло не отразиться на лексическом составе современного английского языка. Цитируя Дж. Эйтто, который писал: «Глядя на те сферы челове-

ской жизни, которые дают наибольшее количество новых лексем за определенный период, мы можем сформировать довольно точное представление о главных направлениях развития общества и о границах этого развития в определенный момент времени» (Ауто, 2006, 2), добавим, что пути пополнения словарного состава языка сегодня могут стать интересным предметом исследования как лингвистики, так и ряда других гуманитарных наук.

Современная лексикография использует передовые технологии для составления справочных изданий, в первую очередь возможности сети Интернет, а также электронных корпусов, на которых основано большинство словарей английского языка. Лексикографы при этом получают возможность оперативно реагировать на изменения в языке и отражать их в словарных работах. Сегодня лексикографическое описание лексемы появляется значительно быстрее, чем раньше. Однако не все неологизмы становятся частью национального литературного языка. Именно поэтому большое распространение получают словарные работы, являющиеся переходным «проверочным» этапом в определении лексем в разряд словарных. Такие вышеупомянутые приложения, озаглавленные чаще всего *New Words*, *New Addition to the Dictionary*, *Word of the Year*, кажутся весьма удачным, передовым и необходимым на данном этапе развития языка лексикографическим решением.

Удачным новшеством, находкой и достижением современной лексикографии можно назвать появление интерактивной функции *New Word*, *Open Dictionary* или *Blog* на сайтах ведущих издательских домов, таких как *Macmillan*, *Cambridge*, *Merriam-Webster*, а также распространение интерактивных, сгенерированных пользователями словарей (*Urbandictionary* или *Wiktionary*, например). Широко используемый принцип привлечения волонтеров (*volunteer work*) в лексикографической работе может оказаться весьма продуктивным (Карпова, 2013, 263).

Активный пользователь словарных изданий получает возможность во многом определять облик и содержание словаря, а, значит, в определенной степени и решать судьбу литературного языка.

Диалог издательства и пользователей может стать плодотворной основой появления новых справочных изданий. Как одну из тенденций необходимо отметить стремление лексикографов к наибольшей объективизации словарных произведений различного жанра, как результат усиления роли современного пользователя.

Список использованной литературы

1. *Ayto J.* Movers and Shakers. A Chronology of Words that Shaped our Age. Oxford : Oxford University Press, 2006. 250 p.
2. Cambridge Dictionary Blog.
URL: <http://dictionaryblog.cambridge.org> (дата обращения: 30.05.2013).
3. Collins Word Exchange // Collins English Dictionary. Pocket. Glasgow : HarperCollins Publishers, 2005. P. i–xix.
4. *Karpova O. M.* A New Type of a Cultural Dictionary with Special Reference to Florence // Multi-disciplinary Lexicography: Traditions and Challenges of the XXIst Century / Ed. by O. Karpova, F. Kartashkova. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2012. P. 256–267.
5. *Maxwell K.* Macmillan Word of the Year. Oxford : Macmillan Publishers Limited, 2005.
6. Macmillan Open Dictionary.
URL: <http://www.macmillandictionary.com/open-dictionary/latestEntries.htm> (дата обращения: 11.01.2013).
7. Merriam-Webster Open Dictionary. URL: <http://www3.merriam-webster.com/opendictionary> (дата обращения: 02.02.2013).
8. New Words // Cambridge Learner's Dictionary. Third Edition. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. P. xviii–xx.
9. Urban Dictionary. URL: <http://www.urbandictionary.com> (дата обращения: 20.02.2012).
10. Wiktionary. A Wiki-based Open Content Dictionary. URL: <http://www.wiktionary.org> (дата обращения: 02.02.2013).

Н. В. Уфимцева

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

АССОЦИАТИВНЫЙ СЛОВАРЬ КАК МОДЕЛЬ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА *

Отечественная психолингвистика, а точнее московская психолингвистическая школа уже в течение почти сорока лет занимается изучением обыденного (профанного) языкового сознания носителей русского языка и его моделированием.

Введенное для этих целей понятие *языковое сознание* (см. Тарасов, 1996, 2004), синонимичное психологическому понятию *образ мира*, позволило впервые построить реальную модель языковой картины мира носителя языка, отвечающую системно-целостному принципу, и исследовать содержание языкового сознания носителей разных языков и культур. Под такой моделью я имею в виду ассоциативно-вербальную сеть (т.е. неполно связанный, ориентированный граф со взвешенной частотой), построенную по результатам массовых ассоциативных экспериментов для носителей разных языков (русского, английского, французского, испанского, украинского, белорусского, польского, немецкого). Для русского языка этот граф имеет 103 000 тысячи разных вершин, т.е. разных слов, которые входят в эту сеть. Количество испытуемых (респондентов), которые «поделились» с нами фрагментами своего языкового сознания, составляет 6 600 человек – это студенты разных специальностей с родным языком русским в возрасте от 17 до 25 лет, проживающие в разных регионах Российской Федерации, эксперимент проводился в конце XX в. (см. сайт в Интернете: <http://trytoimagine.org:3001>, на котором можно ознакомиться с электронной версией Русского ассоциативного словаря (Караулов и др., 2002) и возможностями его анализа). Для *Русского ассоциативного словаря 2*, экспериментальный материал для которого мы начали собирать в 2008 г., данные

© Уфимцева Н. В., 2013

* Исследование выполнено при поддержке грантов: НШ-3661.2012.6; РГНФ № 12-04-12059В

получены уже от 15 000 испытуемых – носителей русского языка примерно того же возраста и той же социальной группы.

Почему полученную таким способом ассоциативно-вербальную сеть можно рассматривать в качестве модели языковой картины мира носителя того или иного языка/культуры?

Во-первых, это модель описывает опыт носителя языка как создателя и потребителя текстов и отражает структуру *разумно-человеческого общения* (А. Ф. Лосев). Эта модель отражает предречевую готовность носителя языка, и, тем самым, она отражает и весь предыдущий речевой и неречевой опыт носителя языка.

Во-вторых, эта модель имеет системно-целостный характер, общий с языковой картиной мира носителя языка, поскольку организована с точки зрения значимости/ценности тех или иных элементов в общей их иерархии. Для анализа этого аспекта модели вводится понятие ядра языкового сознания, в котором выделяется центр ядра и указывается ранг каждого входящего в него элемента.

В-третьих, ассоциативно-вербальная сеть строится на материале любого языка при наличии достаточно большого количества данных, полученных в ассоциативных экспериментах.

В-четвертых, ассоциативно-вербальная сеть не строится искусственно, она просто «выводится» из материала, в котором имплицитно содержится, а значит, отражает структуру, объективно присущую языковой картине мира наивного носителя языка, культуре как системе сознания, поскольку мир презентирован отдельному человеку через систему предметных значений, как бы «наложенных» на восприятие этого мира. И каждой культуре свойственна своя система организации элементов опыта, которые сами по себе не всегда являются уникальными и повторяются во множестве культур. Уникальной же является именно система организации элементов опыта.

Организующим для такой модели в целом и для каждого ее отдельного фрагмента является принцип значимости (*valeur* в терминологии Ф. Де Соссюра). Каждый элемент ассоциативно-вербальной сети имеет и значение и значимость одновременно. Именно это и свидетельствует, что он входит в систему, и его ценность определяется исходя именно из системы как целого.

Список использованной литературы

1. Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский ассоциативный словарь. Т. 1, 2. М. : АСТ-Астрель, 2002. 782 с., 991 с.
2. Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания / Под ред. Н. В. Уфимцевой. М. : Институт языкознания РАН, 1996. С. 7–22.
3. Тарасов Е. Ф. Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004. № 2. С. 34–47.

Л. Л. Шестакова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия

СЛОВАРЬ ЯЗЫКА РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА: ОСОБЕННОСТИ МАКРО- И МИКРОСТРУКТУРЫ

Словарь языка русской поэзии XX века (СЯРП) – это многолетний проект, работа над которым ведется в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Идея *Словаря* принадлежит выдающемуся отечественному филологу В. П. Григорьеву, к настоящему времени опубликованы I–IV тома, содержащие в общей сложности более 22 тысяч словарных статей на буквы А–М.

СЯРП – один из немногих примеров авторского словаря, нацеленного на описание художественного языка конкретной эпохи. Это словарь филологический, алфавитный, совмещающий в себе черты регистрирующего и объяснительного справочников; коротко говоря, это конкорданс комментирующего типа. Главная задача *СЯРП* – показать систему поэтического языка XX столетия (в наибольшей степени его первой трети) в динамике, в многообразных формах выражения – напрямую соотносится с особенностями его макро- и микроструктуры.

Основанный на материалах творчества 10 выдающихся русских поэтов (от Анненского до Цветаевой), сводный *СЯРП* характеризуется исчерпывающей полнотой словника, что является одним из необходимых условий решения указанной задачи *Словаря*. При этом из разных вариантов подачи имен собственных в авторских справочниках выбран тот, который предполагает общий словник для единиц разных классов. Именно такой вариант позволяет как оценить долю онимов в общем лексическом корпусе и в его отдельных фрагментах, так и ясно увидеть их системные связи, словопроизводный потенциал, характер взаимодействия, пересечения с апеллятивами и т. д. (см. такие единицы словника, как *кара* – возмездие, *Кара* – река; *Моцарт*, *моцартов*, *моцарть*).

Существенной чертой словника *СЯРП* является то, что в качестве отдельных его единиц предстают (и описываются в соответствующих словарных статьях) причастия и деепричастия, полные и краткие прилагательные, компаративы, субстантивы и некоторые другие формы. Такой принцип широко используется в монографических – «одноавторских» словарях, но особенно целесообразен в сводных – «многоавторских» справочниках с их значительными по объему лексическими массивами. В *СЯРП* его применение не только подчеркивает подчас более самостоятельный характер словоформ по сравнению с исходными формами, но и придает наглядность, обозримость материалам, группирующимся, прежде всего, вокруг высокочастотных прилагательных и глаголов. Например, в большой статье к прилагательному *вечный* при обычной подаче «потерялись бы» контексты к формам *вечен*, *вечнее*, к субстантиву *вечное*.

Характерной особенностью структуры словарной статьи *СЯРП* является наличие в ней обязательных и факультативных зон. С одной стороны, это основные («конкордансные») зоны заголовочного слова, контекстов и шифров, с другой – дополнительные зоны значения и комментариев; подробнее см. (*СЯРП*, 2001, 12–15). Основу словарной статьи и *Словаря* в целом составляют, в отличие от общеязыковых справочников, именно контексты – множество поэтических строк из сочинений выбранных авторов. Контексты носят законченный по форме и смыслу характер (в от-

личие уже от традиционных конкордансов), они организованы по хронологии, что и позволяет выстраивать историю употребления слова в поэтическом языке эпохи, сравнивать приемы использования его в разных идиостилиях.

Важную информационную часть *СЯРП* составляют комментарии разного типа и наполнения. Они относятся и к самим заголовочным словам (это объяснения значений архаизмов, диалектизмов и др. трудных для понимания читателем лексем, уточнение стилистической окраски слов, указания на их грамматические особенности и т. д.), и непосредственно к контекстам (это пометы интертекстуального свойства – *Цит.*, *Аллюз.*, пометы, фиксирующие употребление заголовочного слова в сильной текстовой позиции, – *Загл.*, *Подзаг.*, указания на рифмы и т. д.). Таким образом, информация, содержащаяся в разных зонах словарной статьи, формирует в совокупности поэтический «портрет» каждого описываемого слова. Приведем в заключение примеры словарных статей, демонстрирующих разное воплощение основных принципов *СЯРП* (статья к слову *знамя* дана в сокращении):

БАРХАТИСТЫЙ И анютиных глазок стая Б. хранит силуэт – Это бабочки, улета, Им оставили свой портрет. *Ахм961 (363.2)*.

ВОИТЕЛЬ [*устар.*; воин] Ты – вольный вихрь, восточных врат в., Воловий взор, луны овал, Искандер! *Куз908 (138)*; Он возникнул, как утес, Но прилет петли змеиной Смерть воителю принес. *РП Хл913 (88)*; Темно ты, чрево, И крест высок. Вот гор в. Ощупал мглу. Христа рачитель *Ес917 (II,8.2)*.

ЗНАМЯ [з. и З.; флаг; руководящая идея; знамена АБ902] Победы з. развилось, – *АБ900 (I,451.3)*; Я, изнуренный и премудрый, Восстав от тягостного сна, Перед Тобою, Злагокудрой, Склоняю долу знамена. *АБ902 (I,244)*; И пылок был, и грозен День, И в з. верил голубое, *Анн903 (67.3)*; Что если б з. мне доверил полк, И вдруг бы ты предстал перед глазами – С другим в руке – окаменев как столб, Моя рука бы выпустила знамя... [посв. Н.Н. Вышеславцеву] *Цв920 (I,532.1)*; Вдруг крик какой-то девочки в чулане. Дверь вдребезги, движенье, слезы, звон, И двор в дыму подавленных желаний, В босых ступнях несущ-

щихся знамен. *П925-31 (I,365)*; Я обведу еще глазами площадь всей
Этой площади с ее знамен лесами. *ОМ937 (240.2)*.

КОЛЕБЛЯСЬ Дрожа, к. или тая, За тенью исчезает тень,
Анн901 (75.1); А воздух Звонким альтом К. побежал: *Куз920 (228)*; И
брежно – как будто слезою к. Над барыней дребезг: – Проснись, моя
ревность! *Цв922 (III,327)*.

ЛИЛИЧКА [*ласк. к* Лили (Лили Юрьевна Брик)] **ЛИЛИЧКА!**
Загл. М916 (53)

Список использованной литературы

СЯРП – Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I–IV – / Сост.
В. П. Григорьев (отв. ред.), Л. Л. Шестакова (отв. ред.), Л. И. Ко-
лодяжная (ред.), А. С. Кулева (ред.), В. В. Бакеркина, А. В. Гик,
Т. Е. Реутт, Н. А. Фатеева. М. : Языки славянской культуры,
Знак, 2001–2010–.

СЕКЦИОННЫЕ ДОКЛАДЫ (SECTION PRESENTATIONS)

Историческая и писательская лексикография

Л. И. Ахметсагирова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ НЕМЕЦКО-РУССКИХ И РУССКО-НЕМЕЦКИХ СЛОВАРЕЙ В ГЕРМАНИИ XIX В.

За многовековой период своего существования двуязычная немецко-русская и русско-немецкая лексикография накопила большой опыт в составлении словарей, который до сих пор не стал предметом специального изучения, систематизации и обобщения. Отсутствует также полный перечень всех когда-либо существовавших и существующих двуязычных немецко-русских и русско-немецких словарей. Данная публикация имеет целью представить наиболее полную картину созданных в Германии в XIX в. немецко-русских словарей и внести тем самым вклад в дело разработки соответствующей библиографии.

Благоприятные предпосылки для создания немецко-русских и русско-немецких словарей в Германии возникли лишь в начале XIX в., в то время как в России первый двуязычный немецко-русский словарь появился уже в 1765 г.¹ Относительно широкий интерес к русскому языку в Германии начал проявляться на фоне наполеоновских войн и побед российской армии. Контакты, возникшие между российскими войсками, расквартированными в Германии, и местным населением и властями, потребовали овладение русской разговорной речью (ср. Шеликс, 1979; Baumann, 1977). Данные исторические реалии предопределили направление раз-

© Ахметсагирова Л. И., 2013

¹ *Гельтергоф Ф.* Немецкой Целлариус, или Полезной лексикон, из которого без великого труда, и наискорье нужнейших немецкаго языка слов научитья можно. М., 1765.

вития немецко-русской и русско-немецкой лексикографии в этот период: создавались преимущественно тематические словари. Небольшие по объему, они предоставляли самую необходимую для практики устной речи лексику и могли удовлетворить потребностям устной коммуникации. В период с 1813 по 1815 гг. появилось несколько таких словарей, например, *Kleines deutsch-russisches Wörterbuch: eine Sammlung der am häufigsten vorkommenden Wörter, Zahlen, Redensarten und Gesprächen, wie solche nach der deutschen Mundart ausgesprochen werden* (1813).

В 20-х и 30-х гг. XIX в. в Германии в преподавании и изучении русского языка произошли изменения: общим являлся «отход от односторонней ориентации на овладение простейшими разговорными фразами» (Шеликс, 1979, 66). В результате чего появились разные по объему и типу алфавитные (алфавитно-гнездовые и др.) словари.

В 1810-х гг. начал свою плодотворную словарную деятельность лектор русского и новогреческого языков Лейпцигского университета И. А. Э. Шмидт. В 1814–1815 гг. он издал карманный русско-немецкий и немецко-русских словарь, который был очень востребован и много раз переиздавался в течение XIX в. (в [1841]², 1842, 1865, 1870, 1871, 1874, 1876, 1879, 1881, 1885, 1890 гг.). Данный словарь послужил основой Фр. А. Потоцкому при создании собственного *Краткого словаря руссаго и немецкаго языка по карманному словарю И. А. Э. Шмидта* (1876; 1881; 1897). Словарь Шмидта был полностью переработан в 1896 г. С. Манделькерном, который выпустил самостоятельный труд *Шмидт. Русско-немецкий и немецко-русский словарь* (1896).

В 1810-х гг. Шмидт выпустил *Ручный словарь российско-немецкий и немецко-российский*, дальнейшие переиздания которого осуществлялись в [1823–30]; 1839; 1840 гг. Кроме того, он также создал *Полный русско-немецкий и немецко-русский словарь*, первое издание которого приходилось, вероятно, на 1826 г. Данный словарь, в свою очередь, также многократно переиздавался в

² В некоторых словарях XIX в. год издания не указывался; примерную дату издания словаря принято указывать в квадратных скобках.

течение века: до [1844], после [1844], 1866, 1868, 1871, 1880, 1884, 1889, 1890, 1896 гг. (переиздания продолжались до 1922 г!).

Популярным в третьей четверти XIX столетия был *Ручной словарь русско-немецкий и немецко-русский* Ф. В. Бооха-Аркосси, А. Л. Фрея и Ф. Мессера. Он вышел в 1871–1875 гг. и переиздавался приблизительно до 1910 г. (10-е изд.).

В 1887–1888 гг. появился *Новый русско-немецкий и немецко-русский карманный словарь* учителя русского языка Королевской баварской военной академии З. Койранского. Данный словарь был также востребован, о чем свидетельствуют его переиздания в 1893, 1900 гг. (вплоть до 1922 г!).

Приблизительно в 1888 г. в Берлине выходит в свет *Новейший карманный словарь русского и немецкого языков* И. Соловейчика, который выпускался вплоть до 1940-х гг.

В 1891 г. С. Л. Верблунски издал *Новый подробный ручной словарь немецкого и русского языка* (Берлин, 1891).

В конце столетия вышло два специальных – а именно военных – двуязычных немецко-русских и русско-немецких словаря. Уже упомянутый З. Койранский выпустил в 1892 г. *Русско-немецкий военный словарь* (Берлин, 1892), а в 1898 г. в Лейпциге был опубликован *Немецко-русский военный словарь Г. Фона Ламбсдорффа*, который с 1904–1905 гг. выступал уполномоченным Вильгельма II по военным делам в России.

Все перечисленные словари отражают определенные особенности в своей макро- и микрокомпозиции, поскольку каждый лексикограф стремился по-своему соответствовать таким требованиям, как полнота словника, приемлемость цены словаря и, конечно же, полезность и удобство словарного пособия для читателя. Научный интерес представляет вопрос о том, каким лексикографическим традициям следовали авторы, и какие «инновации» они, в свою очередь, вводили в словарное дело.

В заключении можно сделать вывод о том, что разнообразие словарей и их многочисленные переиздания свидетельствуют об определенном интересе к русскому языку и соответственно востребованности немецко-русских и русско-немецких словарей в Германии на протяжении XIX в.

Список использованной литературы

1. *Шеликс К.-М.* Русский язык в Германии (XIX– начало XX вв.) // Русский язык за рубежом. 1977. № 4. С. 64–67.
2. *Baumann H.* Lehrmittel des Russischen für Deutsche im 19. Jahrhundert // Zeitschrift für Slawistik. 1977. XXII. S. 244–249.

О. Н. Бабушкина

Челябинский государственный университет, Россия

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ В СЛОВАРЕ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

При составлении *Словаря английских и русских фразеологизмов, отражающих оценку профессиональной деятельности* (далее *Словарь*) предпринята попытка систематизированного описания русских и английских фразеологизмов профессиональной семантики в аспекте соотношения языка, познания и культуры. Целью создания упомянутого выше *Словаря* является описание механизмов оценочной категоризации профессиональной деятельности средствами английской и русской фразеологии, систематизация и сопоставление оттенков оценочного смысла в английской и русской лингвокультурах.

Включенный в словарную статью историко-этимологический комментарий раскрывает процесс взаимодействия образного содержания фразеологической единицы (далее ФЕ) с теми или иными пластами культуры, реалиями обыденной и профессиональной деятельности русских и англичан, способствует уточнению оттенков оценочного смысла рассматриваемых ФЕ.

Некоторые ФЕ, включенные в *Словарь*, возможно, не требуют комплексного интерпретационного комментария из-за универсального или ясного исходного образа. Однако мы солидарны с В. М. Мокиенко в том, что «фразеология является активным акку-

мулятором культурологической информации. Такая информация, с одной стороны, делает фразеологизмы национально маркированными языковыми единицами, с другой – как это ни парадоксально – обеспечивает и активную интернационализацию фразеологических систем разных языков. Эти две противоположных тенденции необходимо учитывать при историко-этимологической интерпретации фразеологизмов: опасность принять интернациональное за национально специфичное (или наоборот) при такой интерпретации чрезвычайно велика» (Мокиенко, 1995, 81–83).

Поэтому при составлении *Словаря* использовались авторитетные источники этимологических версий интернациональных ФЕ, которые в большинстве случаев относятся к базовому уровню оценочной категоризации профессиональной деятельности, при их образовании привлекалось обыденное знание субъекта оценки.

Например, ФЕ *by/in the sweat of one's brow* и *в поте лица (своего) трудиться/работать* этимологически восходят к Библии: “In the sweat of thy face shalt thou eat bread, till thou return unto the ground; for out of it wast thou taken: for dust ...” (Genesis III, 19). ФЕ *not lift a finger* и *пальцем не шевельнуть (не пошевелить)* отражают универсальную и древнюю трудовую символику руки и ее частей (Мелерович, Мокиенко, 2001, 483). Выражения основаны на образе шевеления пальцами, руками для создания необходимого движения при выполнении работы (рука как символ орудия труда).

В спектре особого внимания составителей *Словаря* – национальная фразеология, в которой зафиксированы культурологические и языковые реликты различных сфер профессиональной деятельности человека. Данные ФЕ относятся к субординатному уровню оценочной категоризации профессиональной деятельности, который предполагает использование субъектом оценки не только обыденного знания в процессе косвенно-производной номинации, но также специального, профессионального знания.

Внутренняя форма ФЕ, возникших в профессиональной среде, репрезентирует не только салиентные в рамках национально-культурной системы ценностей оценочные категории (в ходе исследования определено 11 оценочных категорий), но и «доминантную когнитивную модель номинации, ... отражающую

особенности определенного этапа развития человеческого общества» (когниотип) (Голованова, 2008, 53). По приведенным в *Словаре* историко-этимологическим комментариям можно воссоздать этапы формирования оценочного смысла, определить дискурсивную среду, в которой возникло данное устойчивое выражение, выявить ведущие типы деятельности, способы ее организации, установить тип мышления и языковые средства, которые стали концептуальным основанием для оценочной категоризации.

Смена когниотипа происходит в ходе исторического развития сфер профессиональной деятельности. «Поскольку сознание является продуктом опыта, предметно-практической деятельности человека, существенное изменение содержания деятельности, способов ее организации влечет за собой переориентацию структур сознания, а, следовательно, и языковых форм его объективации» (Голованова, 2008, 55). Проследим смену когниотипа на примере ФЕ русского языка, взятых из *Словаря*: 1) этап ремесленного производства (VI–XIV вв.): *бить баклуши, через пень-колоду валить*; 2) этап мануфактурной организации (XVI–XVIII вв.): *топорная работа, точить лясы/балясы, тянуть (разводить) канитель*; 3) этап крупной машинной индустрии (конец XVIII–XIX вв.): *брать (взять) на буксир, стоять на вахте, пороху не хватает, ехать на долгих, (дело) на мази, вставлять палки в колеса, делать (работать) как заведенный*; 4) постиндустриальный этап информационного общества (нач. 60–70 гг. XX в.): *быть на передовой, перейти в наступление* и др.

Этимологический анализ ФЕ позволяет также выявить факкультативные признаки (оттенки оценочного смысла) в рамках той или иной оценочной категории, что в последствии способствует повышению эффективности переводческой деятельности и межкультурной коммуникации.

Список использованной литературы

1. Голованова Е. И. Категория профессионального деятеля : Формирование. Развитие. Статус в языке. М. : ООО «Изд-во «Эл-пис», 2008. 304 с.

2. *Мокиенко В. М.* Культурологические комментарии в историко-этимологическом словаре фразеологии // Словарь и культура. К столетию с начала публикации «Словаря болгарского языка» Н. Герова : материалы междунар. науч. конф / РАН. Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1995. С. 81–83.
3. *Мелерович А. М., Мокиенко В. М.* Фразеологизмы в русской речи. Словарь: Около 1000 единиц. М. : Русские словари, Астрель, 2001. 856 с.

М. В. Бурлакова

Шуйский филиал Ивановского государственного университета,
Россия

К ВОПРОСУ ОПИСАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В РАННИХ СЛОВАРЯХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Первые средневековые словари-гlossарии имели целью объяснить на английском языке, а затем перевести трудные латинские слова рукописей или библейских книг. Составление glossариев рассматривается в настоящее время как один из этапов становления тенденций описания культуры в рамках словаря, поскольку данный жанр предполагал выделение элементов из различных видов культурно значимых текстов (Колесникова, 2004). Так, в glossарии Г. Грамматика *Promptorium Parvulorum* (1440) подвергается описанию не только язык, но и жизнь Англии. В нем, например, понятие обеденного стола толкуется следующим образом:

Table: mete boord that ys borne a-wey when mete ys doone (доска для разделки мяса, которую уносят прочь, когда мясо разделано).

Подобное толкование дает современному пользователю представление о том, что обеденные столы в то время представляли собой просто доски, опиравшиеся на козлы, а соответственно, создает представление о бытовой культуре Англии времен Ренессанса.

В 1552 г. в Лондоне была опубликована книга Р. Хьюлета *Abecedarium Anglico-Latinum* (Англо-латинский букварь). Каждое английское слово в нем имело не только латинское, но и английское толкование, таким образом, был совершен шаг к одноязычности английских словарей. В данном издании также содержится значительное количество культурно значимой информации: топонимов, имен людей, описаний событий. В словник вошли названия городов (*Bath, Chester, Durham, Exeter, Oxford, York*), небольших поселений (*Barwick, Ilchester, Crockernwell*), территорий (*Cornwall, Wales, Scotland, Ireland*). Религиозный вопрос борьбы христианства с его врагами – анабаптистами и турками, – также составляет значительную часть словника данного издания. Как отмечают исследователи, в ранние латино-английские словари часто включались толкования библейских личностей и событий, однако Р. Хьюлет концентрируется на родной стране, что необычно для его времени (Stein, 2005).

Вплоть до XVII в. английские одноязычные словари как таковые не составлялись, так как английский язык выступал лишь как помощник в изучении латыни. Тем не менее, уже период XVI–XVII вв. отличает повышенный интерес к истории национальной культуры, который почти не наблюдался в Англии в течение Средневековья, что не могло не сказаться на появлении новых типов словарей, например, Н. Бейли *The Universal Etymological English Dictionary* (1721) и Б. Мартина *Lingua Britannica Reformata* (1749). В словник словаря Н. Бейли включено значительное количество толкований имен собственных мужчин, женщин и знаменательных мест в Великобритании, а также самых распространенных пословиц, что придает несомненную культурологическую значимость данному изданию.

В XVI–XVIII вв. акцент в британской лексикографии сместился на толкование так называемых *трудных слов*: заимствований из латыни, греческого, западноевропейских языков, устаревших англосаксонских слов, как, например, в словаре Дж. Буллокара *An English Expositor* (1616). Справочники данного времени также можно рассматривать как средство восполнения лакун при отражении аспектов взаимодействия языка и культуры, поскольку извест-

но, что при заимствовании наряду с языковыми номинациями заимствуются и соответствующие концепты и реалии.

В середине XVIII в. в британской лексикографии доминировала идея о дегенерации английского языка, и приоритетной стала задача создания прескриптивного словаря, который предписывал бы норму употребления слов. Результатом данной идеи стал словарь С. Джонсона *A Dictionary of the English Language* (1755), в котором ясно выражено пуристское отношение к языковым фактам, их оценка производится с точки зрения правильности или неправильности употребления. Как результат, культурологический аспект в одноязычной английской лексикографии потерял на некоторое время свою значимость.

С первой четверти XIX в. происходит переход от нормативно-предписывающей точки зрения к сравнительно-исторической, что связывается со становлением сравнительно-исторического метода в языкознании. Под влиянием этих идей появляются справочники, культурологическая значимость которых неоспорима: этимологические словари, словари древнеанглийской и англосаксонской поэзии, исторические словари: *A Dictionary of the Anglo-Saxon Language* (Bosworth, 1838); *Catholicon Anglicum* (1882); *An Etymological Dictionary of the English Language* (Skeat, 1879–1882).

Данные тенденции знаменовали новое усиление интереса к истории и культуре английской нации. В этот же период в британскую лексикографию приходит понимание того, что словарь должен стать описанием всего того, что есть в языке, а задачей лексикографа является сбор и описание всех слов языка таким, какой он есть в реальной действительности, вне зависимости от субъективного мнения лексикографа. Данный *региструющийся* принцип в полной мере получил свое воплощение в издании *Большого Оксфордского Словаря* (Oxford English Dictionary. Oxford, 1933). Впоследствии именно эта точка зрения на необходимость беспристрастной, полной, всеобщей регистрации языковых фактов завоевала прочные позиции в английской лексикографии, что открыло широкие перспективы регистрации культурологической информации в справочниках различных типов.

Список использованной литературы

1. *Колесникова М. С.* Лексикографический аспект лингвострановедения : дис. ... д-ра. филол. наук. М., 2004.
2. *Stein G.* Richard Huloet as a Recorder of the English Lexicon. URL: <http://www.lingref.com/cpp/hel-lex/2005/paper1343.pdf> (дата обращения 14.05.2013).

Г. Р. Гаммермайстер

Вологодский государственный педагогический университет,
Россия

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ НЕМЕЦКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

История немецкой лексикографии насчитывает многовековой период развития европейской лингвистики. Написание истории любой национальной лексикографии, без сомнения, требует анализа лексикографической теории и практики создания разнообразных словарей данного языка.

Во второй половине XX в. в отечественной и зарубежной лингвистике усиливается интерес к проблемам лексикографии. Этот интерес к лексикографии еще более усиливается в XXI в. В начале XXI в. появились фундаментальные работы по истории, теории и практике современных национальных лексикографий: русской (Сороколетов, 2001), английской (Considine, 2008), немецкой (Девкин, 2005) и других языков. Фундаментальной работой проф. Л. П. Ступина (Ступин, 1979) создана база для завершения истории английской лексикографии. Что касается истории немецкой лексикографии, то в Германии и нашей стране было написано несколько диссертационных исследований по отдельным периодам истории немецкой лексикографии. Однако, проблема создания истории немецкой лексикографии, как и других национальных лексикографий, сохраняет актуальность в лингвистике по сей день.

История немецкой лексикографии, по всей видимости, начинается с появления первого немецко-иноязычного словаря. Издание нескольких латинско-немецких словарей до выхода первого немецко-латинского словаря, по нашему убеждению, следует отнести к истории двуязычной лексикографии. Вопрос о первом немецко-латинском словаре не имеет однозначного ответа в германистике, ибо в наше время сохранился лишь словарь Г. Шуерена (1467). Если же будет найден более ранний немецко-иноязычный словарь, то едва ли это будет важным открытием в истории немецкой лексикографии. Историю немецкой лексикографии, насчитывающую несколько сот словарей различных типов, нельзя осмыслить описанием всех словарей. Только самые важные словари, сыгравшие существенную роль в последующем развитии немецкой лексикографии, стали объектом нашего исследования. Ограничения необходимы и в плане описания словарей, построенных на не алфавитной основе (тематических, обратных, словообразовательных, частотных и других типов). Описание и анализ данных словарей должно стать объектом отдельного исследования не только немецкой лексикографии, но и других национальных лексикографий.

На материале истории немецких словарей с алфавитным способом описания лексики немецкого языка уже на ранней стадии предпринимаются попытки систематизации лексики немецкого языка и выделения словарных групп на этимологической, тематической, синонимической, частотной, словообразовательной основе. История этих словарей, к сожалению, пока не создана, кроме попыток описания идеографических словарей некоторых языков.

Большинство словарей немецкого языка являются алфавитными, поэтому они и стали материалом для создания истории немецкой лексикографии с XV в. до нашего времени. По традиции историю научных исследований чаще всего рассматривают по определенным временным отрезкам, как правило, по десятилетиям и столетиям. С этой позиции историю немецкой лексикографии логично представить в следующей структуре:

1. Немецкая лексикография XV–XVI вв.
2. Немецкая лексикография XVII в.

3. Немецкая лексикография XVIII в.
4. Немецкая лексикография XIX в.
5. Немецкая лексикография XX в.
6. Немецкая лексикография начала XXI в.

Такой путь описания лексики языка приемлем для любой национальной лексикографии. За многовековую историю становления немецкой одноязычной лексикографии основной проблемой стала полнота отражения словарного состава. То, как эта проблема решалась в больших толковых словарях немецкого языка и как она решается в современной немецкой лексикографии, стало основным положением при осмыслении истории немецкой лексикографии.

С точки зрения содержательного анализа больших одноязычных словарей немецкого языка можно выделить следующие этапы в истории немецкой лексикографии:

- 1) от словаря Г. Шуерена (Schueren, 1467) до издания словаря Е. Малера (Maaler, 1561);
- 2) от словаря Е. Малера до словаря К. Штилера (Stieler, 1691);
- 3) от словаря К. Штилера до словаря И. Аделунга (Adelung, 1784);
- 4) от словаря И. Аделунга до словаря братьев Гримм (Grimm, Grimm, 1854);
- 5) история словаря братьев Гримм (1838–1971);
- 6) немецкая лексикография в двух немецких государствах ГДР и ФРГ (Steinitz, Klappenbach, 1961; Duden, 1977–1999);
- 7) немецкая лексикография объединенной Германии: с 1990 г. до выпуска цифрового словаря немецкого языка (Digitales Wörterbuch, 2004). Оба подхода при анализе словарей немецкого языка основаны на анализе огромного объема материала и являются, на наш взгляд, доказательной основой при написании не только истории немецкой лексикографии. Видимо, истории других национальных лексикографий будут созданы на этих (или близких к этим) подходах с некоторыми национальными особенностями.

Список использованной литературы

1. *Девкин В. Д.* Немецкая лексикография. М : Высшая школа, 2005. 670 с.
2. *Сороколетов Ф. П.* История русской лексикографии. М. : Наука, 2001. 614 с.
3. *Ступин Л. П.* Проблема нормативности в истории английской лексикографии. XV–XX вв. Л. : Издательство Ленинградского университета, 1979. 164 с.
4. *Adelung J. Ch.* Versuch eines vollständigen grammatisch kritischen Wörterbuches der Hochdeutschen Mundarten, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten besonders der Oberdeutschen. Theil 1–5. Leipzig : Breitkopf, 1774–86.
5. *Considine J.* Dictionaries in Early Modern Europe: Lexicography and the Making of Heritage. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. 393 p.
6. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 6 Bänden. Mannheim : Duden-Verlag, 1977–1981.
7. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 8 Bänden. Zweite Auflage. Mannheim : Duden-Verlag, 1993–1995.
8. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 10 Bänden. Dritte Auflage. Mannheim : Duden-Verlag, 1999.
9. Das digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin : Braunschweigische Akademie der Wissenschaften, 2004.
10. *Grimm J., Grimm W.* Deutsches Wörterbuch. Leipzig : Hirzel Verlag, 1854–1967.
11. *Maaler J.* Die Teutsch Sprach. Alle Wörter, Namen und Arten zu reden in Hochteütscher Sprach, dem ABC nach ordentlich gestellt und mit gutem Latein gantz fleißig und eigentlich vertolmetscht, dergleichen bishär nie gesähen. Zürich, 1561.
12. *Stieler C. von.* Der Teutschen Sprache Stammbaum und Fortwachs (oder Teutsche Sparschatz), worinnen alle und iede teutsche Wurzel oder Stammwörter (so viel deren annoch bekannt und iezo im Gebrauch seyn, von dem Spaten). Nürnberg : Verlegung Johann Hofmanns, 1691.
13. *Steinitz W., Klappenbach R.* Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Bd. 1–6. Berlin : Akademie-Verlag, 1961–77.

Н. Ю. Гвоздецкая

Ивановский государственный университет, Россия

**ЛАТИНСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ
МУЗЫКАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА
В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ ЦЕРКОВНОЙ
ИСТОРИИ НАРОДА АНГЛОВ БЕДЫ ДОСТОЧТИМОГО**

Труд Беды, нортумбрийского монаха VIII в., донес до нас предание о неграмотном пастухе Кэдмоне, который, будучи вначале обделен музыкально-поэтическими способностями, позже получил дар от Бога слагать великолепные стихи на библейские темы. *Церковная история народа англов* была переведена с латыни на древнеанглийский язык в конце IX в. в ученом кружке уэссекского короля Альфреда Великого (Клейнер, 2011). Сравнение с оригиналом позволяет лучше понять, какими словарными ресурсами располагал англосаксонский переводчик, а также глубже проникнуть в характер восприятия англосаксами музыкально-поэтического творчества.

Сочинение и исполнение стихов в бесписьменной народной среде было неотделимо от пения, поэтому в тексте Беды неоднократно встречаются латинские глаголы *cano* и *canto*, передаваемые в переводе глаголом *singan* «петь». Любопытно, однако, что в переводе музыка упоминается в два раза чаще, чем в латинском оригинале. Так, музыкальное сопровождение под арфу (дангл. *harp*, лат. *cithara*) в оригинале встречается один раз, в переводе – дважды. Четыре раза переводчик вводит понятие пения там, где его нет в оригинале. У Беды ученые мужи, которым поручено оценить дар Кэдмона, просят его «произнести» свои стихи (*dicere carmen*), в переводе – «спеть» (*leod singan*). В оригинале Кэдмон «рассказал» (*reddidit*, букв. «вернул») поэму своим учителям, в переводе – «спел и отдал» (*asong and ageaf*). Дважды расширяется древнеанглийское наименование поэмы за счет однокорневого образования от *singan*: вместо *leod* – *leodsong*.

Наибольший интерес вызывают наименования продукта музыкально-поэтического творчества Кэдмона, в оригинале представленные четырьмя лексемами – *carmen*, *poema*, *versus*, *verbum*. Наиболее подходит для обозначения устной напевной импровизации (типа сочинения, которым пользовался Кэдмон) лексема *carmen*, сохранившая в своей семантике представление о нерасчлененности поэзии и музыки: «песня, напев; стихотворение, стихи, поэма». В переводе ей обычно соответствует лексема *leod*, которая, однако, иногда заменяется на *song* или *leodsong*. Возникает естественный вопрос – почему?

Думается, в этом можно увидеть следы существования разных видов древнегерманского словесного творчества, которое оказалось замаскированным в эпоху христианизации – анонимной героико-эпической традиции, подчеркивающей правдивость содержания рассказываемого, и более «авторской» поэзии, первоначально связанной с языческой магией (заклинания и т.п.). Так, латинское выражение *carmina/poemata facere* «сочинять (букв. делать, изготавливать) стихи» устойчиво передается через *leod wyrpan* букв. «песни срабатывать», где даже усилено авторское начало. Вероятно, в Древней Англии еще сохранялись представления о близости поэзии и ремесла, отразившиеся в скандинавской мифологии в имени верховного аса Одина *ljóðasmiðr* «кузнец песен», включающем родственную лексему. На связь дисл. *ljóð* с авторской властью над словом указывает О. А. Смирницкая (Смирницкая, 2008, 141). Характерна передача *carmen* через *ljóð* в тех контекстах, где подчеркивается воздействие поэзии Кэдмона на слушателей. Там же, где речь идет о «достойной Бога песни» (*Deo digni carminis*), появляется иная лексема (*Gode wyrpes songes*).

Разумеется, разграничение *leod* и *song* нельзя считать абсолютным – в эпоху крещения Англии их синонимизация зашла достаточно далеко. Так, в *Беовульфе* *leod* появляется в контексте, описывающем исполнение героико-эпической песни о битве при Финнсбурге. Интересно, однако, что это единственное употребление в поэме; четыре других связаны с композитами (*fyrð-*, *gryre-*, *gud-*, *sorh-leod*), чьи контексты подразумевают личностный компонент.

Лат. *versus* появляется в эпизоде о Кэдмоне один раз и передается через синонимический повтор заимствованного и исконного слова – *þa fers ond þa word* («те стихи и те слова»), где второе, очевидно, поясняет еще не вполне адаптированное иностранное имя. Возможно, однако, рассматривать это дополнение и как попытку передать не терминологический, а более буквальный смысл латинского имени – «поворот», отсюда «оборот (речи)», т.е. слова. Подобное пояснение представляется естественным, поскольку в древнеанглийской аллитерационной поэзии метрика как система еще не отчленена от конкретных оборотов поэтической речи (Смирницкая, 1994, 71). В этом архаическом типе стихосложения «размер» был эквивалентен его словесному наполнению, отсюда представление о слове как единице поэтической речи было столь важным для англосаксонского переводчика.

Более того, в переводе *Церковной истории* Беды можно найти и попытку обозначить древнеанглийскую поэтическую речь как разновидность языка, характерного именно для англосаксонских поэтов. Так, желание Кэдмона изложить Св. Писание стихами обозначается в оригинале через словосочетание *verbis poeticis* «словами поэтическими», а в переводе – через выражение *in scopgereorde* букв. «на языке скопа», сопоставимое с употребленным в том же контексте выражением *in Englisc gereorde* (полатыни *in sua, id est Anglorum, lingua*). Имя *scop* фигурирует в *Беовульфе* как обозначение эпического поэта, хотя этимологически содержит намек на более «активные» формы словесного творчества – первоначально, по-видимому «насмешник» (Смирницкая, 2004, 224). Переводчик подчеркивает, что поэзия Кэдмона создавалась не просто на родном языке, а на особой его разновидности, близкой и понятной его аудитории.

Список использованной литературы

1. Клейнер Ю. А. *Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum*. IV. 24. Текст, грамматика, словарь, перевод, параллели : учеб. пособие. СПб., 2011.
2. Смирницкая О. А. *Язык и стих древнегерманской поэзии*. М., 1994.

3. *Смирницкая О. А.* Неопознанные субъекты. Две заметки по исторической поэтике // Слово в перспективе литературной эволюции : к 100-летию М. И. Стеблин-Каменского / Отв. ред. О. А. Смирницкая ; сост. О. А. Смирницкая, Ф. Б. Успенский. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 203–228.
4. *Смирницкая О. А.* Nomina Dicendi в названиях эддических песней // Избранные статьи по германской филологии / О. А. Смирницкая. М. : МАКС Пресс, 2008.

К. А. Горбачев

Ивановский государственный университет, Россия

СПЕЦИФИКА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Термины являются намного более сложным явлением в языке, чем обычно принято полагать. С одной стороны, они могут быть достаточно точными, но с другой – неопределёнными по причине многообразия и противоречивости. Если в лексикографии давно существует понятие единицы описания, то в терминографии такой точности пока не достигнуто. В свою очередь, это приводит к неадекватному описанию терминов. К. Я. Авербух объясняет это обстоятельство тем, что «...у создателей терминологических словарей нет ответа на фундаментальный для любой описательной дисциплины вопрос, что является единицей описания, т. е. до сих пор не ясно, что такое термин как объект описания» (Авербух, 2004, 201). Поэтому данный вопрос до сих пор является дискуссионным.

Перспективно важным считается отношения термина и его дефиниции, так как в ней фиксируются необходимые признаки содержания. В свою очередь, все эти категории зависят от социальных процессов, которые происходят в определённый период времени. Это отношение может определяться взглядом либо отдельно взятого индивида, либо какой-то социальной группы,

потому что зарождение термина – это процесс познания человеком окружающего мира, попытка дать точное определение явлению или объекту. Безусловно, стоит обратить внимание на слова А. С. Герда о сущности термина: «Одной из форм представления научного знания является термин, а одна из функций термина – фиксация специального знания» (Герд, 2005, 52). Также это иллюстрируется тем, что дефиниция одного и того же термина в разных словарях иногда варьируется. Поэтому многое зависит от интерпретации, которая определяет дефинированность термина и его место в терминосистеме.

Термины бывают односложными и многосоставными, представляя собой целые словосочетания. Односложные термины встречаются довольно редко, потому что представляют собой высокий уровень абстракции в рамках своей отрасли. А подобный уровень требует точности содержания, что подразумевает под собой «четкость, ограниченность значения терминов» (Гринев-Гриневич, 2008, 27). Особенно острым можно считать вопрос наличия у термина синонимов. У С. В. Гринева-Гриневича к значению термина предъявляется чёткое требование отсутствия синонимов (Гринев-Гриневич, 2008, 32), а у В. М. Лейчика встречается диаметрально противоположная точка зрения: «синонимия (семантическая вариантность) постоянно возникает в сфере терминологии в связи с одновременным использованием национальных, заимствованных, в том числе интернациональных терминов» (Лейчик, http://www.library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0113944.pdf). Это доказывает существование серьезной неопределённости в этом вопросе на данный момент.

Специфичность исторических терминов заключается в том, что они могут возникать и развиваться с ходом времени. Термины могут исчезать из оборота в силу привязанности к определённому временному периоду или процессам в обществе. В другом случае термины могут остаться в языке, а потом либо сохранить своё значение, либо обрести новую интерпретацию. Поэтому в словарной статье должны отражаться многие важные элементы, составляющие целостное понимание отдельно взятого термина. Сюда включается диахронический анализ термина, частотность употребления

и трансляция в другие языки. Немаловажным считаются культурные особенности отдельно взятого термина, которые могли прямо или косвенно повлиять на его непосредственное развитие. Далее, стоит обратить внимание на дискурсивные условия употребления, требующие функционального подхода. Многие исследователи подчёркивают существенную разницу значения термина в словаре и в речи. Все вышеописанные моменты и составляют специфику описания терминов, в том числе и исторических.

Список использованной литературы

1. *Авербух К. Я.* Общая теория термина. Иваново : Иван. гос. Ун-т, 2004. 252 с.
2. *Герд А. С.* Прикладная лингвистика. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. 268 с.
3. *Гринев-Гриневич С. В.* Терминоведение. М. : Изд. центр «Академия», 2008. 304 с.
4. *Лейчик В. М.* Культура термина. URL: http://www.library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0113944.pdf

Л. И. Иванова, В. А. Михайлова

Ивановский государственный университет, Россия

СЛОВАРЬ ИСКУССТВЕННОГО ЯЗЫКА *НОВОЯЗ*

ДЖ. ОРУЭЛЛА (на материале романа 1984)

Классическим воплощением эксперимента по созданию искусственного языка является *новояз* в романе Дж. Оруэлла *1984*. *Новояз* – язык тоталитарного общества Океании, искусственно созданный Дж. Оруэллом, который, в отличие от *старояза* (традиционного английского языка) не является результатом эволюционного развития, а представляет собой итог целенаправленной языковой политики Партии, направленной на сужение возможностей языка выражать неортодоксальную мысль. Таким образом, *новояз* регулирует общественные отношения и выступает в каче-

стве средства уничтожения инакомыслия и воздействия на личность, что достигается различными способами: изобретением новых слов, устранением многозначности существующих словарных единиц и упрощением грамматического строя языка.

Базовым принципом построения языка *новояз* является разделение лексики на три словаря: *словарь повседневной жизни* (The A vocabulary), *словарь политических терминов* (The B vocabulary) и *словарь научных терминов* (The C vocabulary).

Первый словарь включает в себя большое количество слов *старояза*, лишенных каких-либо смысловых оттенков и обозначающих материальные объекты и физические действия. К ним относятся такие слова, как, например: *run, dog, tree, house*. Все они предназначены для выражения простейших мыслей, касающихся четких и однозначных понятий и действий.

Словарь политических терминов состоит из специально сконструированных политических слов, задачей которых служит не просто выражение идей ангсоца, но и навязывание их человеку, употребляющему данные слова в своей речи. Все элементы этого словаря являются составными, то есть образуются путем сложения основ двух или более слов. При этом число слогов сокращается и сводится до минимума в целях краткости, благозвучия и искоренения возможных ассоциаций, вызываемых словом. Слова данной группы создаются без какого-либо этимологического плана и могут состоять из любых частей речи, соединенных в любом порядке. Стоит отметить, что в этом словаре отсутствуют идеологически нейтральные слова, что делает его основой принципов ангсоца. К данной группе относятся слова *minipax* «министерство мира»*, *minitruie* «министерство правды», *ficdep* «отдел литературы», *duckspeak* «речекряк» и др.

Словарь научных терминов состоит исключительно из технических и научных понятий, лишенных нежелательных значений. Лишь немногие из этих слов включены в два других списка и могут использоваться не только научными работниками.

Кроме того, все словарные единицы *новояз* могут быть классифицированы по нескольким параметрам, например, согласно тематике.

* Здесь и далее перевод дается по (2).

К первой группе относятся слова, обозначающие *реалии англоца*, такие как, например, *joysamp* «лагерь радости», *speakwrite* «речепис», *hate week* «неделя ненависти», *versificator* «версификатор» и другие. Данная группа содержит большое количество элементов, что связано с несколькими причинами.

Во-первых, в условия тоталитарного режима в стране возникла потребность в новых реалиях и элементах системы, способных контролировать сознание и поведение людей. К ним относятся *telescreen* «телекран», своего рода аналог телевизора, который невозможно выключить и с помощью которого правительство следит за гражданами; *versificator* «версификатор», специальный прибор, создававший низкопробные газеты для пролетариата.

Во-вторых, для поддержания постоянного контроля над личностью, необходимо было также дать новые названия уже существовавшим ранее, но частично или полностью изменившим свое значение вследствие смены политического строя понятиям. Например, в связи с серьезными языковыми изменениями, английский стал называться *староязом* (*oldspeak*), то есть запрещенным устаревшим языком, который планировали полностью искоренить к 2050 г.

К следующей группе слов относятся *номинации индивидов по признаку отношения к англоцу*. К примеру, *prole* «прол» – представитель пролетариата, низшего класса людей в Океании, *unperson* «нелицо» – завуалированное название для человека, который совершил преступление, был сурово наказан и все упоминания о нем были стерты. К этой группе также относится пара *oldthinker* «приверженец старомысла» и *goodthinker* – наоборот, добросовестный и всецело поддерживающий принципы англоца гражданин.

Третья группа слов включает различные виды *преступных действий*. К ним относится *facecrime* «лицепреступление» – странное поведение, тревога на лице или привычка бормотать, в которых можно усмотреть попытку что-либо скрыть; *crimethink* «мыслепреступление» – любое преступное деяние, даже сама мысль о том, чтобы совершить что-либо против принципов англоца.

К четвертой группе относятся названия *учреждений*: институтов, министерств и доктрин. Данная группа, пожалуй, является самой обширной, поскольку для регулирования и поддержания порядка на всех уровнях государству требовалось большое количество учреждений, каждое из которых заведует лишь одной небольшой сферой жизни. К ним относятся *minirax* «министерство мира», которое на деле отвечало за военные вопросы; *minitruie* «министерство правды», удаляющее и исправляющее нежелательную для англсоца информацию и многие другие.

Список использованной литературы

1. *Оруэлл Дж.* 1984. Скотный двор. Т.1. М. : Капик, 1992.
2. Джордж Оруэлл: «1984» и эссе разных лет. М. : Изд. «Прогресс», 1989.
3. Orwell George, 1984. URL: <http://www.george-orwell.org/1984>.

Е. Н. Клёмина

Ивановская государственная медицинская академия, Россия

СЕМАНТИКА НАИМЕНОВАНИЙ ЗЕМЛИ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭМЕ *ЕЛЕНА*

Аллитерационная поэма *Елена* является один из самых замечательных древнеанглийских поэтических памятников начала IX в. Поэма посвящена важному событию в истории христианской Церкви – обретению Креста Господня святой царицей Еленой в Иерусалиме, причем по языку, стилю и образности поэма соответствует устному героико-эпическому поэтическому творчеству. Гармоничное слияние в поэме двух культурных традиций – старой героико-эпической германской и новой латино-христианской – нашло отражение, в частности, и на лексико-семантическом уровне. Интересными в этом плане являются наименования земли.

На основе глоссария П. Грейдона к поэме *Елена* (Cynewulf's *Elene*, 1996) нами были выделены десять лексем, относящихся к наименованиям земли: *eorðe*, *ēðel*, *folde*, *grund*, *hel*, *hrūse*, *land*, *middangeard*, *molde* и *woruld*.

Обращение к глоссарию поэмы *Елена* позволяет лишь приблизительно ознакомиться со значениями данных существительных. Например, большинство слов в глоссарии передаются посредством современного английского слова "earth" (*eorðe*, *folde*, *hrūse*, *molde*), другие – при помощи таких английских существительных, как "land" (*land*), "native land" (*ēðel*), "ground, abyss" (*grund*), "hell" (*hel*) и "world" (*grund*, *middangeard*, *woruld*).

Детальное контекстуальное описание семантики наименований земли позволило изучить контекстуальную многозначность отобранных существительных. В ходе анализа были выделены денотативно-сигнификативные значения и ассоциативно-коннотативные (в том числе символические) смыслы слов, определены прямые и переносные значения, отмечена различная частотность появления значений в поэме; выявлены наиболее яркие и актуальные для конкретного контекста семы (компоненты); установлена связь семантики с христианской или героико-эпической концептосферами; обозначена связь лексем с мотивами поэмы и художественно-функциональная специфика.

С целью сравнения и уточнения значений анализируемых слов привлекались: 1) семантические дефиниции, этимологии, иллюстративный материал других словарей и глоссариев древнеанглийского языка (словарь Босворта-Толлера, глоссарий Ф. Клэбера и др.); 2) параллельные места из *Библии* и древнеанглийского эпоса *Беовульф*; 3) культурно-исторические сведения.

Расширенный метод контекстуального анализа наименований земли в поэме *Елена* проводился с учетом всех лингвопоэтических уровней текста: 1) жанрово-композиционной организации текста или его частей (в связи с эстетико-прагматической установкой создателя памятника и его аудитории); 2) семантико-синтаксической организации высказывания (в связи со смысловым устройством поэтической строки, долгой или краткой); 3) фонеморфологической организации поэтической строки (с учетом акцентных

вершин поэтических строк и аллитерации) (Гвоздецкая, 2003, 39). Перечислим наиболее важные выводы проведенного исследования.

В *Елене* наименования земли в основном выражают концепты христианской пространственной картины мира и получают самые различные значения и смыслы: 1) «наш земной, материальный мир» как сотворенный Богом и наполненный Его славой (*eorðe*), отличающийся огромной территорией (*grund*), и тот же мир как место рождения, жизни, благой деятельности или смерти людей (*middangeard*, *woruld*), также как место Боговоплощения и сакральное пространство христианского царства (*middangeard*), или даже как мир бренный (*woruld*, *land*); 2) «страна» как Святая Земля (*land*), как «родина» (*ēðel*); 3) «мир как вечность» (*woruld*); 4) «человечество» как спасенное Христом (*middangeard*, *woruld*); 5) «почва, грунт» как голгофская преступная и могильная земля, в том числе как «земля-препятствие» (*eorðe*, *folde*, *hrūse*), или как плодородная земля, произрастившая Древо Креста (*eorðe*); 6) «поверхность земли» (*eorðe*); 7) «пыль» как «батальная» земля (*molde*); 8) «недра земли, ад» (*grund*, *hel*).

Связь наименований земли с христианской концептосферой в отдельных случаях осложняется вследствие мифопоэтических ассоциаций, возникающих в связи с героическим мотивом битвы (*molde*) или на уровне словообразовательной модели слова (*middangeard* «срединный мир»). Некоторые лексемы отличаются привязанностью к определенным композиционным мотивам поэмы: путешествия (*land*), обретения святого Креста (*folde*). В семантике слов акцентируется не только «материально-пространственный» компонент, но и компоненты «антропологический» (*middangeard*, *woruld*), «духовно-пространственный» (*grund*, *hel*), «вечность» (в выражении *in woruld weorulda* «во веки веков»).

У большинства слов преобладают положительные коннотации (*eorðe*, *ēðel*, *land*, *middangeard*, *woruld*); отрицательные коннотации присутствуют у лексем, связанных либо с могильной землей (*folde*, *grund*, *hrūse*), либо с адом (*grund*, *hel*); у слова *middangeard* прослеживаются устойчивые ассоциации со Христом.

Итак, как показало проведенное нами исследование, только комплексный подход и разнообразные современные лингвистиче-

ские методы, разработанные с учетом специфики древнеанглийской поэтической лексики, позволяют максимально приблизиться к пониманию семантики древнеанглийского поэтического слова. Данные настоящего исследования семантики наименований земли могут быть использованы при усовершенствовании глоссария к поэме *Елена*, а также других словарей и глоссариев древнеанглийского языка.

Список использованной литературы

1. *Гвоздецкая Н. Ю.* Прологомены к текстоцентрическому описанию семантики древнеанглийского поэтического слова // *Philologica Scandinavica* : сб. к 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского / Под ред. Б. С. Жарова. СПб : СПбГУП, 2003. С. 28–42.
2. *Cynewulf's Elene* / Ed. by P. O. E. Gradon. L., 1958 ; revised edn. Exeter : University of Exeter Press, 1996. 118 p.

А. А. Кузнецова

Ивановский государственный университет, Россия

НАИМЕНОВАНИЯ ОРУЖИЯ В СЛОВАРЕ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ БИБЛЕЙСКИХ ПАРАФРАЗ (на материале поэмы *Исход*)

В культуре раннего средневековья оружие занимало важное и своеобразное место, о чем свидетельствуют как данные археологии, так и памятники письменности. Обращение к последним значительно расширяет возможности реконструкции символики оружия в древнегерманских сообществах, а также позволяет проследить взаимовлияние уходящего в прошлое языческого и приходящего ему на смену христианского мировосприятия.

Для семантического исследования важны три аспекта значения слова: денотативный, сигнификативный и коннотативный. Денотат включает в себя наиболее существенные признаки, поз-

воляющие отграничить данный объект от других. Сигнификат включает в себя все признаки данного объекта, совокупность представлений о денотате. Коннотации являются дополнительными оттенками по отношению к содержанию понятия, а также могут пониматься как дополнительные смысловые ассоциации (Пастухова, 2003, 37–38).

Коннотативные особенности семантики древнеанглийского поэтического слова формируются в тексте на базе стереотипных структур, отображая связь семантики поэтического слова с эпическими темами и мотивами, а через них – и с культурной практикой данного общества (Гвоздецкая, 2003, 32).

Предмет нашего исследования – семантика наименований оружия в древнеанглийской поэзии, объектом являются вербальные структуры текста, через которые выражаются эпические темы и мотивы в памятниках письменности. Можно выделить три вида подобных структур:

1. Формульные выражения, под которыми понимается воспроизводимая лексико-грамматическая сочетаемость слова, способная к повторению и варьированию.

2. Аллитерационные коллокации – звуко-смысловые сопряжения слов в тексте, не обязательно связанные грамматически.

3. Эпическая вариация – совокупность синонимических формульных выражений, относящихся к одному объекту в пределах сверхфразового единства.

Материалом для нашего исследования послужили наименования оружия, встречающиеся в древнеанглийской поэме *Исход* (*The Old English Exodus*, 1953): *оружие*, *меч*, *копье*, *щит*, *кольчуга* и *шлем*. Каждое из них, сохраняя свое традиционное героическое значение, заново переосмысливается в контексте христианского повествования, приобретая новые коннотации. При этом отмечается и обратный процесс: структура поэтического текста влияет на предмет повествования, привнося в него темы и мотивы, характерные для героико-эпической картины мира.

Следующие лексемы имеют значение «оружие»: *beadosearo* (букв. «снаряжение битвы»), *gearwe*, *searo*, *wæpen*. Благодаря коннотациям опасности и агрессии, а также готовности к битве,

противопоставляются сторонники и противники Бога. Несмотря на явно выраженную тему служения своему вождю-конунгу (христианскому Богу), которая придает повествованию героический оттенок, в нем можно отметить и иные акценты. Агрессию в поэме проявляют исключительно враждебные христианам племена, в то время как идущий за Моисеем народ, пусть и готовый к битве, не торопится пускать в ход оружие, что скорее соответствует христианским ценностям.

Лексемы *bill*, *ecg* («лезвие»), *laf* («наследие»), *mece*, *sweord* имеют значение «меч». Рассмотрев контексты в совокупности, мы сделали вывод, что у данных наименований коннотацию долга можно считать основной: египтяне при помощи мечей намеревались отомстить за погибших соплеменников, Авраам готов был убить им своего сына, когда Бог приказал ему, а океан (называемый *garsecg*, букв. «муж с копьем») поразил своим мечом неугодных Богу-конунгу язычников-египтян.

Копье в поэме имеет следующие названия: *gar*, *garbeam* и *garwudu* («копейное древко»), *oferholt* («лес копий»), *sceaft* («древко»). В соответствующих контекстах прослеживается связь с героическими представлениями о воинской (земной) славе – о силе воина и его следовании своему долгу, однако в отличие от лексем со значением «меч» в данных словоупотреблениях не удается обнаружить связь с христианскими представлениями, что делает копье характерным атрибутом героической эпохи.

Лексемы со значением «щит» (*bord*, *lind*, *rand*, *scyld*) обычно употребляются в сочетании со словами, связанными с семантическим полем «блеска». Щит оказывается и сокровищем, и знаком готовности к битве, и символом силы и славы воинов. Источником подобной символики, на наш взгляд, является присущая языковому концепту «щит» коннотация надежности, которая в тексте поэмы связывается с заступничеством Бога.

Наименования кольчуги (*breostnet* «грудная сеть», *hlence*, *wæhlence* «боевая кольчуга») и шлема (*grimhelm*) сходным образом передают готовность к битве, однако здесь присутствует явная коннотация агрессии. Особое внимание уделяется земной, человеческой силе и утверждается ценность битвы как таковой –

важнейшей составляющей жизни в традиционном героическом мире англосаксов.

Таким образом, исследуя поведение слова в нарративных структурах текста, можно не только обогатить знания о его семантике, но и получить сведения о соответствующей культуре и ее влиянии на язык и его развитие.

Список использованной литературы

1. *Гвоздецкая Н. Ю.* Прологомены к текстоцентрическому описанию семантики древнеанглийского поэтического слова // *Philologica Scandinavica* : сб. к 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского / Под ред. Б. С. Жарова. СПб : СПбГУП, 2003. С. 28–42.
2. *Пастухова Е. Н.* Семантика наименований артефактов в древнеанглийской героической поэзии : дисс. ... канд. филол. наук. Иваново, 2003.
3. *The Old English Exodus* / Ed. By E. V. Irving. New Haven : Yale University Press, 1953. 134 p.

А. С. Кулева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия

МОСКВА И ПЕТЕРБУРГ В ИМЕНАХ И НАЗВАНИЯХ (по материалам *Словаря языка русской поэзии XX века*)

Словарь языка русской поэзии XX века (СЯРП) – это сводный словарь поэтического языка конкретной эпохи, совмещающий в себе черты конкорданса и объяснительного справочника (Шестакова, 2011). Статьи *Словаря* содержат стихотворные строки из произведений десяти виднейших русских поэтов Серебряного века. К настоящему времени опубликованы четыре тома *Словаря*, пятый находится в печати, идет редактирование шестого (доклад подготовлен на материале 4 и 5 тт. – буквы Л, М, Н, О, П). Созданный на

основе *СЯРП Словарь имен собственных* (<http://lexrus.ru>) является продолжением книги (Григорьев и др., 2005) и включает в себя личные имена, географические названия и т. п.

Вопрос о подаче имен собственных в авторских словарях весьма важен. В ряде словарей (в том числе в известных и авторитетных изданиях) они не включаются в общий словник или даются в особом разделе. Включение этого раздела лексики в *СЯРП* позволяет исследователю рассматривать имена и названия не только в историко-культурном, но и в собственно лингвистическом аспекте (системные отношения в лексике, особенности словообразования, создание неологизмов).

Функционирование в языке поэзии географических названий изучено меньше, чем употребление личных имен. Встречающиеся в *Словаре* географические названия предсказуемо показывают, что мир Серебряного века был в значительной степени европоцентричным (50 раз встречается *Париж*, но только однажды *Байкал*), хотя наиболее пристальное внимание поэтов было обращено все же к родной стране.

Так, различных географических названий, относящихся к Российской империи (СССР), в рассматриваемом материале 162, к Европе – 65, к библейской и античной географии – 26 и 6 неологизмов соответственно, весь остальной мир представлен 37 названиями (*Марокко, Патагония, Ляоян, Медина, Нагасаки, Нью-Йорк, Пекин* и др.). Различается и степень подробности отражения мира: если Азия и Америка представлены в основном названиями крупных географических объектов (страны, реки, столицы), то в Европе и России поэты видят и более мелкие объекты (города, пригороды, деревни, улицы, известные здания): *Ламани, Лувр, Неми* (озеро), *Ницца, Палатин, Пикадилли, Прага* (предместье Варшавы); *Летний* (сад), *Мурманск, Малахов* (курган), *Нерчинск, Павдинский* (камень), *Первоконстантиновка*.

Особый интерес представляет лексикографический «портрет» российских столиц. Так, в рассматриваемом материале по количеству словоупотреблений столицы представлены почти одинаково (примерно по 200 названий), однако образ Петербурга (поэты используют разные варианты названия города: *Петербург*,

Петроград, Петрополь, Питер, Ленинград) существенно отличается от представления о Москве. Если в Москве поэтами описан преимущественно центр (*Лубянка, Никитская, Охотный* (ряд), *Петровка, Поварская*), то география Петербурга шире и пространственнее, и исторически: *Лиговка, Лосий* (=Васильевский о-в), *Марсово* (поле), *Нарвская* (застава), *Петропавловка, Приморский* (парк).

С образом города тесно связаны названия окружающих населенных пунктов, причем названия московских и петербургских пригородов имеют принципиально разные коннотации (ср.: *Лигово, Павловск, Петергоф, Пулково* и *Люберцы, Переделкино, Подольск*), и сфера притяжения Петербурга значительно шире (*Ладога, Луга, Мста, Нарва*). Столицы по-разному соотносятся со своими водоемами (*Москва, Москва-река* – 12 словоупотреблений, *Неглинка* отсутствует; *Нева, Нева-река* – 79, *Невский* – 21, *Охта* – 1, *Приморский* (парк) – 1, *Приневский* – 1). Образ обоих городов включает в себя и личные имена, как общеизвестные (*Медный* (всадник), *Меншиков, Некрасов*) так и современные поэтам: *Мин* – командир Семеновского полка, подавлявший восстание 1905 г.; *Ноев* – владелец цветочного магазина в Москве, *Прохоров* – владелец Трехгорной мануфактуры.

Интересно и пересечение названий (что составляет особую лексикографическую трудность): *Моховая* (ул. в Москве и ул. в Петербурге), *Николаевский* (вокзал в Москве, мост в Петербурге).

Различен и историко-культурный фон, стоящий за каждой из столиц: с Петербургом связаны такие имена, как Петр I, Пушкин, с Москвой – Минин, боярыня Морозова, Пантелеймон, Пугачев.

Заслуживает особого внимания (а также является одним из аргументов в пользу включения имен собственных в словарь поэтического языка) образование слов от имен и названий. Иногда трудно провести границу между собственным и нарицательным именовани-ем; ср.: *Москвошвей, Петросовет, плотник* (*Саардамский плотник* – о Петре I), *по-маяковски, пресненцы*. Возможность сопоставить контексты для собственных и нарицательных имен, приведенных в соседних словарных статьях, позволяет увидеть и пути развития лексики, и приращение смыслов в поэти-

ческом языке. Ср.: *Ленинград* и *ленинградка* (о Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича); *Мясницкая* (ул. в Москве) и *общемясницкий*; *Нескучный* (сад) и *нескучный, нескучен*; *Перекоп* и *перекапываться*. Особенно важно лексикографическое отражение новых слов: *овладивосточить*, *Перунепр*, *Петропавловск-Цусима*.

Отражение в словаре поэтического языка имен и названий позволяет увидеть мир в преломлении поэзии Серебряного века, в частности, по-новому взглянуть на образ российских столиц. Более подробно об этом будет рассказано в докладе.

Список использованной литературы

1. Григорьев В. П., Колодяжная Л. И., Шестакова Л. Л. Собственное имя в русской поэзии XX века: Словарь личных имен. М. : Издательский центр «Азбуковник», 2005.
2. СЯРП – Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I–IV–. М., 2001–2010–.
3. Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность. М. : Языки славянских культур, 2011. 464 с.

О. А. Мелентьева

Ивановский государственный университет, Россия

ПРИМЕНЕНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ В ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКА ПИСАТЕЛЯ (на примере *Middle English Glossarial Database*)

В настоящее время глобальная сеть предлагает пользователям богатую палитру виртуальных писательских справочников различных типов, которые создаются как к произведениям классиков, так и современных авторов (Уткина, 2012; Карпова, 2011).

Среди основных преимуществ Интернет-справочников перед печатными словарями языка писателей могут быть названы их до-

ступность для широкой аудитории пользователей; быстрота получения необходимой справки и оптимизированный информационный поиск (Карпова, 2010); привлекательность для молодого поколения читателей, которые все больше отдаляются от классических бумажных носителей информации и делают свой выбор в пользу современных технических новинок (Уткина, 2012, 33).

В рамках настоящего доклада предлагается рассмотреть принципы построения Интернет-словарей, созданных к творчеству Чосера, с целью демонстрации возможностей их использования в процессе исследования особенностей языка писателя.

Чосеровские Интернет-справочники формируют одну из самых больших групп словарей в репертуаре лексикографических произведений к творчеству художника слова и насчитывают 10 лексикографических ресурсов.

Все существующие электронные словари языка Чосера могут быть классифицированы по следующим параметрам:

- по степени охвата творчества писателя: созданные ко всему творчеству (Benson, 2008); к отдельным произведениям Чосера (Benson, 2013);

- по составителю: разработанные профессиональными лексикографами (*Middle English Glossarial Database*, 2013); пользователями (преподавателями истории английского языка, студентами) (Tzelgov, 2013; *eChaucer. Chaucer in the Twenty-first Century*, 2007);

- по лексикографической форме: глоссарии (Benson, 2013; Duncan, 1997) и конкордансы (Benson, 2013; Matsuoka, 2003).

В качестве материала исследования был выбран один из наиболее авторитетных Интернет-словарей Чосера – конкорданс *Middle English Glossarial Database* (2013), составленный профессиональными лексикографами из Гарвардского университета ко всему творчеству Чосера.

Он является частью Интернет-проекта *Harvard Chaucer Page* (<http://www.courses.fas.harvard.edu/~chaucer/>), который призван обобщить полезные образовательные ресурсы, связанные с жизнью и творчеством Чосера, состоянием английского языка его эпохи, культурой и бытом его времени. Обратившись к серии тематических уроков (*Teach yourself Chaucer*) пользователь может

получить представление об особенностях грамматической и лексической структур языка Чосера, прослушать аудиозаписи чтения фрагментов из его произведений преподавателями истории английского языка из ведущих американских университетов и самостоятельно применить полученные знания на практике.

Стартовая страница конкорданса (**мегаструктура**) разделена на три основные секции, каждая из которых предлагает специфицировать критерии поиска входной единицы: пользователь может ограничить поиск частью речи и определенным набором произведений (частью сочинения) Чосера. При осуществлении поиска двух и более заглавных слов пользователь имеет возможность выбрать варианты их расположения в тексте писателя (рядом, в рамках одной строки, двух строк и т. д.).

Как таковая **макроструктура** у рассматриваемого справочника отсутствует. Для получения справки о необходимой лексической единице пользователю нужно ввести в строку поиска любой из её орфографических вариантов, представленных в произведениях Чосера, и активировать кнопку *Perform Search*.

Например, если пользователя интересует лексическая единица *busy*, для которой в языке Чосера характерна фонографическая вариативность (чередование гласных в корне в зависимости от диалектного ареала), он может ввести в строку поиска любой из её существующих диалектных вариантов, а конкорданс выберет в качестве заглавного самую частотную форму из сочинений Чосера – *bisi* (маркер северо-восточного диалекта). В микроструктуре же будут приведены контексты для всех форм данного слова (*besy* – маркер кентского диалекта; *busy* – маркер юго-западного диалекта):

Search results for "bisi: adjective	Total Hits 39
General Prologue	
321 Nowher so bisy a man as he ther nas,	
Anelida and Arcite	
266 And was so besy yow to delyte --	
89 Fulfylde of thought and busy hevynesse; ...	

Подобная структура словарной статьи может помочь раскрыть характер диалекта Чосера и, в некоторых случаях, причины вариативности его языка.

Как видно из примера выше, **микроструктура** справочника включает заглавное слово в исходной форме, все варианты его употребления и частотную помету (*Total Hits*). Авторы словаря снабжают входную единицу не только отдельной цитатой из произведений Чосера, но и обеспечивают пользователя возможностью обратиться к более широкому контексту её употребления при помощи активации соответствующей гиперссылки, что способствует наилучшему пониманию функционирования слова в сочинении мастера слова.

В свете всего сказанного выше можно сделать вывод, что писательские Интернет-словари могут эффективно применяться при анализе особенностей языка Чосера на семинарских занятиях по истории английского языка и могут стать хорошей альтернативой печатным чосеровским справочникам, которые достаточно часто недоступны для исследования.

Список использованной литературы

1. *Карпова О. М.* Английская лексикография : учеб. пособие. М. : Изд. центр «Академия», 2010. 176 с.
2. *Уткина Н. С.* Современная картина английской авторской лексикографии (на материале справочников тематики фэнтези) : дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2012. 190 с.
3. *Benson L. D.* A Glossary to the Works of Geoffrey Chaucer (in the Riverside Edition), 2008.
URL: <http://www.courses.fas.harvard.edu/~chaucer/glossar.htm>.
4. *Benson L. D.* A Glossarial Database of Middle English. Canterbury Tales. 2013. URL: <http://quod.lib.umich.edu/g/gloss/>.
5. *Duncan E.* A Basic Chaucer Glossary (Towson University). 1997.
URL: <http://www.towson.edu/~duncan/glossary.html> 1997
6. eChaucer. Chaucer in the Twenty-first Century. 2007. URL: <http://machias.edu/faculty/necastro/chaucer/>
7. Harvard Chaucer Page.
URL: (<http://www.courses.fas.harvard.edu/~chaucer/>).

8. *Karpova O.* English Author Dictionaries (the XVIth–the XXist cc.). Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2011. 270 p.
9. *Matsuoka M.* Hyper-Concordance to Geoffrey Chaucer (The Victorian Literary Studies Archive). 2007. URL: <http://victorian.lang.nagoya-u.ac.jp/concordance/>.
10. Middle English Glossarial Database (The Harvard University Chaucer Page). 2013. URL: <http://www.courses.fas.harvard.edu/~pitf05/tools/>.
11. *Tzelgov E.* Chaucer's Middle English Glossary. 2013. URL: <http://www.babylon.com/free-dictionaries/arts-humanities/authors/Chaucer's-Middle-English-Glossary/44401.html>.

Ю. М. Прогунова

Ивановский государственный университет, Россия

ЦЕРКОВНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ БЕДЫ ДОСТОЧТИМОГО: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕРМИНА *COEPISCOPUS*

Сочинение англосаксонского монаха Беда Досточтимого *Церковная история народа англов* по праву считается одним из наиболее оригинальных примеров варварских историй. В центре внимания автора оказался сложный и длительный процесс христианизации англосаксонских королевств, начавшийся в конце VI в., а также становление церковной организации среди новообразованных народов. Беда Досточтимый, как один из наиболее образованных людей своей эпохи, при написании *Церковной истории* обращался к письменной традиции античности и к ранней христианской историографии. Знакомство с сочинениями латинских христианских авторов во многом определило использованную Бедой церковную терминологию. Особый интерес представляет интерпретация термина *coepiscopus*.

В тексте *Церковной истории народа англов* термин *coepiscopus* встречается шесть раз: три в цитируемых Бедой письмах папы Григория Великого в составе формульного обращения к епископам Этерию, Вергилию и Августину (*reuerentissimo et sanctissimo fratri Augustino coepiscopo Gregorius seruius seruorum*

Dei) и еще три раза в случае упоминания автором в повествовании сообщества епископов.

Обращение к словарю позволяет нам трактовать *coepiscopus* как “fellow-bishop”, “suffragan bishop” (Niermeyer, 1976, 195), то есть «викарий, викарный епископ». Но в переводе *Церковной истории* В. В. Эрлихмана термину *coepiscopus* соответствуют: 1. «епископ»; 2. «брат епископ»; 3. «соепископ». Причем перевод «епископ» используется только в тексте самого Беды, тогда как два других – в письмах папы Григория.

Чтобы уточнить возможные переводы анализируемого термина, необходимо обратиться к памятникам латинской эпистографии, из которой он был заимствован Бедой Досточтимым. Сравнение употребления *coepiscopus* в *Церковной истории народа англо*в (в том числе в составе писем папы Григория Великого) с более ранними источниками позволяет выявить диффузный характер его семантики, которая указывает не только на церковный сан, но может осмысляться в рамках христианской этики.

Действительно, чаще всего лексемы с префиксом *co(n)-*, обозначающие церковный сан (*coepiscopus*, *conpresbyter*, *condiaconus*), встречаются именно в приветственной части письма, и лишь в отдельных случаях – в текстах решений церковных Соборов, теологических трактатах и т.д. (Holder, 1997, 100).

Возможно, раннехристианские латинские авторы, употребляя в своих письмах подобные обращения, воспринимали своих адресатов как сотоварищей в исполнении церковных обязанностей, что обеспечивало скорее их интимные коннотации, чем формальные и бюрократические. Данную семантику гораздо лучше отражают французские и итальянские переводчики, придающие *coepiscopus* значение “colleague in the episcopate” то есть «товарищ по епископату», «соепископ».

Тем не менее, употребление *coepiscopus* в письмах папы Григория Великого может подразумевать и другие коннотации. Вероятно, данный термин в папских посланиях имеет значение «викарный епископ» и призван акцентировать представление свт. Григория о старшинстве римского епископа по отношению к остальным.

Подводя итоги проведенного исследования, следует заключить, что интерпретация термина *soepiscopus* в сочинении Беды Досточтимого *Церковная история народа англов* должна проводиться с учетом не только внутренней семантики лексемы, но и исторического контекста создания литературного памятника.

Таким образом, исходя из контекста, *soepiscopus* в сочинении Беды Досточтимого следует интерпретировать двояко: как «викария» в случае цитирования писем папы Григория и как «соепископ» при упоминании сообщества епископов.

Список использованной литературы

1. Beda Venerabilis. *Historia ecclesiastica gentis Anglorum* / Ed. By B. Colgrave, R. A. B. Mynors. Oxford : Clarendon Press, 1969.
2. *Holder A. G. Styles of Clerical Address in the Letters of Augustine // Studia Patristica vol. XXXIII: Augustine and his Opponents, Jerome, other Latin Fathers after Nicaea, Orientalia* / Ed. by E. A. Livingstone. Leuven : Peters Publishers, 1997. P. 100–104.
3. *Mediae Latinitatis Lexicon Minus / Composit J. F. Niermeyer. Leiden : Brill Archive, 1976.*

Е. А. Рябцева

Ивановский государственный университет, Россия

НАИМЕНОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭМЕ *БЕОВУЛЬФ* (лингвокультурологический аспект)

Традиционно выделяются три научные парадигмы изучения языка: сравнительно-историческая, системно-структурная и антропоцентрическая. Сравнительно-историческая парадигма была первой научной парадигмой в лингвистике (XIX в.), сравнительно-исторический метод был первым специальным методом исследования языка. Системно-структурная парадигма была ориентирована на предмет и его имя, поэтому в центре внимания находи-

лось слово. Антропоцентрическая парадигма переключила интерес исследователей с объектов познания на субъекты, на самого человека как носителя языковой картины мира (Маслова, 2001).

Человек не мыслится вне культуры, поэтому сейчас в центре оказывается лингвокультурологический подход к языку. Отдельный интерес представляют древние культуры, особенно культура англосаксов VI–XI вв., на базе которой начала складываться английская нация. Эта культура не дана нам непосредственно, но дошла в сохранившихся текстах; значительную часть их составляют тексты поэтические, язык которых позволяет выявить специфическое восприятие окружающего мира и самих себя людьми того времени.

Наименования человека – наиболее многочисленный пласт древнеанглийской поэтической лексики. В поэме *Беовульф* встречаются наименования разных слоев англосаксонского общества, известные по документальным источникам (Глебов, 2007, 121–134). Широко представлены также слова, отражающие разделение по возрасту, родству, полу. Дифференциация по полу присутствует как в социальных терминах, например: *cyning* «конунг, король»/*cwen* «королева», так и в терминах родства: *fæder* «отец»/*modor* «мать», *sunu* «сын»/*dohtor* «дочь». Интересно, однако, что термин *sweostor* «сестра», в отличие от *brodor* «брат», в поэме не встречается, что, по всей видимости, связано с меньшей социальной значимостью этого концепта в героико-эпическом мировосприятии (брат – это также соратник, сестра – нет) (Гвоздецкая, 2012, 33–35).

Вместе с тем, следует учесть, что в поэтическом языке могло происходить расширение значения некоторых социальных терминов, что можно лишь отчасти связать с диффузным характером древнеанглийской лексической семантики (Феоктистова, 1984). Скорее, это вызвано потребностями развития поэтической синонимии. Так, термин *eorl* «эрл» за пределами поэтической речи обозначал представителя знати в отличие от простолюдина, ср. юридическую формулу – *ge ceorle ge eorle* «простые люди и знатные» (Глебов, 2007, 123). В глоссарии Ф. Клэбера к поэме *Беовульф* данное слово определяется прежде всего как *nobleman*, то есть представитель родоплеменной верхушки, знати по происхождению. Однако далее в той же словарной статье предлагаются и следующие определения – *man, warrior, hero*, что свидетельствует

о расширении значения слова в определенных контекстах древнеанглийской поэмы. Необходимо отметить, что автор глоссария не дает в определении современную, этимологически родственную лексему *earl*, поскольку сейчас эта лексема обозначает графа или дворянина – титулы, появившиеся гораздо позже времени сочинения и даже записи поэмы.

Другой интересный пример в словаре *Беовульфа* – это слово *þegn*, толкуемое в глоссарии через *thane* «(ист.) тэн». Тэны, в отличие от эрлов, представляли слой военно-служивой знати, за свою службу они обеспечивались королем земельными владениями, что превращало их в предшественников рыцарей феодальной Англии. Ясно, однако, что в *Беовульфе*, который отсылает к более ранним реалиям, значение этого слова шире. Это зафиксировано в словарной статье глоссария через ряд переводных эквивалентов, указывающих на смысл «дружинник»: *follower, attendant, retainer*. Завершает же этот ряд слово *warrior*, отмечающее превращение *þegn* в синоним воина-героя.

В словаре *Беовульфа* присутствует также наименование *man/mon*, которое сохранилось в современном английском языке. Это общегерманское слово, имеющее параллели во всех германских языках (ср. нем. *Mann*, древнесканд. *maðr*), первоначально обозначало мифического первопредка людей.

Однако анализ употребления этого слова в *Беовульфе* показывает, что семантика его значительно богаче, чем просто «человек». Так, в составе композитов *mon-dream* и *mon-dryhten* оно, по видимому, синонимизируется с другими наименованиями воина-героя. *Dream* и *dryhten* в поэме – это не некие абстрактные понятия, какими они представлены в глоссарии – “joy among people”, “leader of men” (Klaeber, 1950, 348), а культурные концепты, обозначающие дружинный образ жизни, а именно радостную атмосферу пира в присутствии вождя. Также денотат слова *mon-cynn*, которое в поэме служит обозначением человеческого рода в целом, понимается именно как дружинное, военное сообщество, что ясно видно в его синониме *gum-cynn*, поскольку *guma*, наряду с *wer* – это один из наиболее характерных наименований «воина-героя» (Пименова, 2004).

Список использованной литературы

1. *Гвоздецкая Н. Ю.* Семантика терминов родства в художественном пространстве древнеанглийского поэтического текста (на материале поэмы «Беовульф») / Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней : сб. науч. ст. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2012. Вып. 7. С. 32–38.
2. *Гвоздецкая Н. Ю.* Язык и стиль древнеанглийской поэзии (Проблемы поэтической номинации) : учеб. пособие. Иваново : Иван. гос. ун-т, 1995. 151 с.
3. *Глебов А. Г.* Англия в раннее Средневековье. СПб. : Евразия, 2007. 288 с.
4. *Маслова В. А.* Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Изд. центр «Академия», 2001. 208 с.
5. *Пименова Н. Б.* Два древнегерманских «поэтических архаизма» (предметность и стилистичность слова в историко-типологической перспективе // Слово в перспективе литературной эволюции : к 100-летию М. И. Стеблин-Каменского / Отв. ред. О. А. Смирницкая ; сост. О. А. Смирницкая, Ф. Б. Успенский. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 408–423.
6. *Феоктистова Н. В.* Формирование семантической структуры отвлеченного имени (на материале древнеанглийского языка). Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1984.
7. *Klaeber F.* Glossary // *Beowulf & the Fight at Finnsburg* / Ed. by F. Klaeber, with introduction, bibliography, notes, glossary and appendices. 3d edn. Boston : Heath, 1950. 412 p.

М. А. Филиппова

Ивановский государственный университет, Россия

ЭТНОНИМЫ КАК КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННЫЕ ЕДИНИЦЫ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Древнеанглийская поэзия включает в себя памятники, весьма разнообразные по тематике и впитавшие в себя неоднородные

словесные традиции – как устную германскую, героическую, так и более позднюю книжную, христианскую. Эти произведения, преимущественно эпического жанра, содержат представления англосаксов об окружающем мире, возникшие в разные исторические периоды и сформировавшиеся под влиянием различных систем мировоззрения. К ним принадлежат и представления о племенах и народах – как тех, с которыми англосаксы контактировали непосредственно (например, даны, гауты), так и тех, которые стали им известны из книжных источников (евреи, египтяне). Поскольку племена и народы играют важную роль в эпических сюжетах, то их наименования (этнонимы) получают особые смысловые акценты в структуре поэтического текста.

В древнеанглийском поэтическом словаре можно выделить два типа этнонимов. Первый – это собственно этнические наименования, нередко встречающиеся также за пределами поэтического корпуса (ср. *Seaxe* «саксы», *Geatas* «геаты/гауты», *Ebreas* «евреи»). Ко второй разновидности принадлежат сугубо поэтические наименования, включающие композиты с так называемыми субстантивными, украшающими эпитетами (*Gar-Dene*, *Guð-Geatas*, *Hreð-Gotan*), а также разнокорневые наименования, называющие данный этнос по какому-то специфическому признаку, например, по имени основателя королевской династии (ср. *Hreðlingas* «Хредлинги, букв. из рода Хределя, т.е. Геаты»).

Денотативное значение древнеанглийского этнонима, фиксируемое в глоссариях, отсылает к соответствующему народу/племени (реальному или воображаемому). Однако контекстуальный анализ показывает, что в поэтическом языке этнонимы приобретали также коннотативные смыслы, которые реализовались через включенность этнонимов в структуры поэтического текста.

Древнеанглийский поэтический язык представляет собой особую форму языка, отличающуюся от обиходной речи и сложившуюся в процессе формирования архаического аллитерационного стиха, в котором метрика как таковая еще не отчленена от ее конкретного языкового наполнения. В процессе стихосложения поэт оперирует традиционными единицами поэтической речи. Используя поэтический язык, он невольно вкладывает в слова от-

тенки смысла и культурные ассоциации, продиктованные ему поэтической традицией и опытом его народа.

Этноним, как и любое слово в древнеанглийской поэзии, становится частью поэтического языка и речи, функционирует как часть сложившейся системы словоупотреблений. Можно выделить несколько лингвистических механизмов актуализации оттенков значения этнонимов в поэтическом тексте. В первую очередь следует обратить внимание на поэтические композиты. Субстантивные эпитеты в их составе вносят дополнительный смысл в значение определяемого этнонима, дают характеристику именуемому народу. Так, композит *Gar-Dene*, букв. «копье+даны» означает в *Беовульфе* «доблестные, воинственные даны» (*Beowulf*, строка 1).

Далее, большую роль играет поэтическая синонимия, где различие оттенков смысла достигается нередко за счет внутренней семантической формы слов. Так, этноним *Dene* называет весь народ данов по этническому признаку, в то время как наименование *Scyldingas* «Скильдинги» (букв. из рода Скильда) определяет датских воинов как наследников определенной королевской династии. При этом оба наименования в тексте *Беовульфа* являются контекстуальными синонимами.

Особую важность в актуализации коннотативного значения этнонимов приобретает формульная фразеология. Устойчивая лексико-грамматическая сочетаемость слов в рамках формульных выражений отражает устойчивую связь самих реалий в сознании поэта и его аудитории. Таким образом, формульность поэтической речи позволяет выявить характеристики «идеального» эпического племени. С другой стороны, словосочетания с отдельным этнонимом, однократно употребляемые в повествовании, показывают место этнонима и его денотата в конкретном сюжете.

Наконец, важным механизмом актуализации словесных коннотаций, в том числе коннотаций этнонимов, выступают аллитерационные коллокации. Согласно О. А. Смирницкой, «начально-корневая аллитерация, будучи сращена с языковым ритмом, искони обладает мотивирующей силой, представляя связь звучаний как прямое выражение семантической принадлежности слов» (Смирницкая 1994, 68), что находит отражение в гер-

манской этнонимике и генеалогических перечнях на самой ранней стадии развития германских языков.

В древнеанглийской поэтической речи некоторые однократно используемые аллитерации можно назвать ситуативными, поскольку они служат сопряжению понятий и объектов лишь в составе определенного сюжета, ср.: *Sæweall astah, // uplang gestod / wið Israhelum* «Морской вал восстал, // ввысь поднялся / напротив израильтян» (*The Old English Exodus*, строки 302–303). Большинство аллитераций, однако, продиктованы традицией; в них актуализуются устойчивые оттенки значения этнонимов, складывающиеся в образ называемого народа.

Список использованной литературы

1. *Смирницкая О. А.* Стих и язык древнегерманской поэзии. М., 1994.
2. *Beowulf and The Fight at Finnsburg* / Ed. by Fr. Klaeber. Boston : Heath, 1968. 412 p.
3. *The Old English Exodus* / Ed. By E. B. Irving. New Haven : Yale University Press, 1953. 134 p.

Anna Burmistrova

Russian State Social University, Moscow, Russia

CHRONOLOGY AND HISTORY AS IMPORTANT TOOLS OF AN ETYMOLOGIST OF ENGLISH WORDS

It was shrewdly remarked in *Folk-Etymology* written by A. S. Palmer that “Man is an etymologising animal” (Palmer, 2013, 6). The statement is far less paradoxical than it might at first seem to be, for the tendency to etymologize, to discover the origins of words and phrases and sayings forms merely one aspect and one branch of that curiosity with which we are all born. In many of the annals and chronicals of primeval history we find evidence of an embryonic etymology.

© Burmistrova A., 2013

Etymology in general has, by *The Shorter Oxford English Dictionary*, been defined as the process of expounding the elements of a word with their modifications of form and sense, and etymology in particular has, by *Webster's New Dictionary*, been defined as the history of a word, showing its sources and its development in form and meaning.

Both *The Oxford English Dictionary* and *Webster's New International* occasionally refer the consulter to another word and, although rarely, indicate a nexus; *Webster* the more frequently and consistently of the two. When they do this, they do it extremely well.

But nobody, however, consults a general dictionary for etymologies when all they want is an etymology: they go to an etymologicon for there they will find precisely what they seek and they find it in the most instructive and readable form, the entries being geared to their requirements and perhaps to their desires. Yet an etymological dictionary conveys a modicum of commentary or explanations – just sufficient to put the word “on the map” (Partridge, 1963, 85).

In the attempt to settle this question of distribution of words in English according to the languages they are derived from, great help is received from chronology and history, hence the following canons for etymology are of primary importance. Before attempting an etymology, ascertain the earliest form and use of the word, and observe chronology. If the word is of native origin, its history in cognate languages should be traced, if the word is borrowed, geography and the history of events must be observed, remembering that borrowings are due to actual contact. Taking English to represent the native speech of the Low-German conquerors of England, the earliest accessions to the language, after A. D. 450, were due to borrowings from the Celtic inhabitants of the island. Latin occupies the curious position of a language which has lent words at many different dates, from a period preceeding historical record down to modern times. Many Scandinavian words were introduced at an early date, chiefly before the Norman Conquest in 1066; although most of them cannot be traced much further back than 1200, or even somewhat later. Owing to an almost constant trade or contact with

Holland, Dutch words have been borrowed directly at various periods. A considerable number of words have been borrowed from Greek, many of which belong purely to science or literature, mostly referring to ecclesiastical affairs or the art of medicine. The Norman conquest opened the way for the introduction of French words into English, but this introduction was at first very sparing, so that the number of them in English writings before the year 1300 is by no means large. After that date, the influx of them was immense, especially during the XIVth c.; so much so that by the end of that century the composite character of the English language was completely established.

In considering the various sources from which the vocabulary on modern English has been drawn, the most important help for an etymologist is chronology. A strict attention to chronology will often decide a question which might otherwise be somewhat obscure. A single example may suffice to show this. *Johnson's Dictionary*, in treating of the word *surloin*, under the spelling *sirloin*, refers us to the 5th sense of *sir*, under which we find, accordingly, that *sirloin* is "a title given to the loin of beef, with one of English kings knighted in a good humour". This is one of those famous and abundant falsehoods which the general public, who usually have no special linguistic experience, applaud to the echo and believe greedily; but any student who has had but a moderate experience of the history of the language cannot but feel some doubts, and will at once ask the very pertinent question, who was the king? Turning to *Richardson's Dictionary*, we are told that *sirloin* is "the loin of beef, so entitled by King James the First". Not the slightest evidence is offered of this historical event, nor is any hint given as to the author who is responsible for such a statement.

In fact, *loin* is merely borrowed from the French *longe* (formerly also spelt *logne*), and *sirloin* from the French *surlonge*. In *Littre's French Dictionary* is a quotation showing that *surlonge* was already in use in the XIVth c., which carries the word's history still further back. Hence we learn the very necessary lesson, that etymology requires scientific treatment, and does not consist in giving indolent credence to silly guesses; and one at once can establish the value of chronology as a helpful guide to the truth (Skeat, 1891, 8).

It was a German scholar and classical lexicographer F. Passow, who embodied the historical method in XIXth-c. dictionary making. While language academies had tended to stress the need for dictionary-makers to study language usage, he emphasized the ways in which the study of language through time could create a new form of lexicographical narrative. Chronologically ordered quotations featuring the word in question offered the potential for words to tell their own story. Evidence rather than opinion (or authoritarian edict) was in turn seen as forming the proper basis for definition, and for exploring how words were really used.

Philology in the XIXth c. presented a radical rethinking of what dictionaries might be said to do. In what is often described as a philological revolution, descriptivism – the duty of the dictionary-maker to describe language as it is – here displaced the fallibilities of attempted prescriptive rule (Mugglestone, 2011, 35).

References

1. *Mugglestone L.* Dictionaries. A Very Short Introduction. Oxford : Oxford University Press, 2011. 152 p.
2. *Palmer A. S.* Folk-Etymology; A Dictionary of Verbal Corruptions or Words Perverted in Form or Meaning, by False Derivation or Mistaken Analogy. Stockbridge : Hard Press Publishing, 2013. 718 p.
3. *Partridge E.* The Gentle Art of Lexicography : as Pursued and Experienced by an Addict. L. : Andre Deutsch, 1963. 119 p.
4. *Skeat W. W.* Principles of English Etymology. Oxford : Clarendon Press, 1891. 547 p.

Языки для специальных целей и терминологическая лексикография

А. А. Абызов

Текстильный институт ИвГПУ, Иваново, Россия

ОТРАЖЕНИЕ КАНАДСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В АНГЛОКАНАДСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Особо актуальным на современном этапе оказалось изучение национальной вариативности английского языка, обусловленное в первую очередь его интенсивным и экстенсивным распространением в мире, и, как следствие, усиление языковых контактов, заметно активизировавшихся в связи с глобализацией. При этом, если совсем недавно в качестве вариантов рассматривались лишь британский и американский английский, то в последнее время в поле зрения ученых-лингвистов все чаще стали попадать и «иные английские языки», среди которых особо стоит выделить канадский вариант.

Canadian English (CnE) долгое время существовал в тени *American English (AmE)*, диалектом которого он незаслуженно считался по ряду причин как объективного, так и субъективного характера. Среди объективных причин следует назвать прежде всего приоритет в изучении так называемых «основных» вариантов английского языка – британского и американского, а также слишком позднее начало подлинно научного изучения *CnE*, датируемое пятидесятыми годами прошлого столетия. Объективные причины тесно связаны с «субъективными установками» самих канадцев, демонстрирующих полное отсутствие интереса к собственной разновидности английского языка (большинство англоговорящих граждан Канады воспринимают свой язык просто как английский, не маркируя его ни национально, ни территориально).

История лексикографии в Канаде насчитывает более четырехсот лет и восходит к первым глоссариям – сначала

франкоязычным (гlossарий французского путешественника Ж. Картье 1534 г., насчитывавший 54 лексических единицы языка индейцев-ирокезов Канады с толкованиями на французском языке), а затем и англоязычным (самый известный гlossарий Дж. Картрайта 1792 г. содержал 134 локально маркированных лексических единицы). Гlossарий Дж. Картрайта заложил основы англоканадской лексикографии.

Гlossарии были призваны объяснить значения непонятных для англичан слов (явления окружающей среды, местной флоры и фауны, топонимы и др.), которые они могли слышать от коренного населения Канады (индейцев, эскимосов и др.), а также от французских поселенцев. Сначала данные лексические единицы помечались как *американизмы* с целью подчеркнуть их локально маркированный характер. В дальнейшем произошла дифференциация указанных лексических единиц на *американизмы*, *канадизмы* и *североамериканизмы* (общая лексика для Канады и США). К первоначальному корпусу канадизмов постепенно добавлялись обозначения специфических понятий, возникшие у англичан-поселенцев в условиях колонизации новых территорий Британской Северной Америки. Корпус канадизмов также пополнялся диалектной лексикой все вновь прибывавших поселенцев из разных регионов Британских островов и заимствованиями из языков многочисленных иммигрантов из других стран (прежде всего европейских).

На протяжении XIX в. и вплоть до первой половины XX в. канадизмы sporadически появлялись в британских и в американских лексикографических источниках, отражая в основном орфографическую вариативность *CnE*. В первой половине XX в. выходит ряд словарей в Канаде, из которых в первую очередь следует отметить билингвальный словарь писательницы и переводчицы С. Клэпин *Nugent's Up-To-Date English-French and French-English Dictionary* (1905), ставший во многом переработкой более ранней версии. Американизмы приводились в этом словаре в качестве входных единиц в англо-французском разделе (например, *sidewalk* вместо *pavement*), и в качестве толкований французских лексических единиц. Здесь впервые указывалось на сходство *CnE* и *AmE*. Однако первым подлинно канадским словарем на материале *CnE* следует считать толковый словарь-справочник Дж. Сэнди-

ленда *The Western Canadian Dictionary and Phrase Book* (1912/1913). Все вышеуказанные словари представляли собой краткие версии и носили по преимуществу описательный характер.

Ситуация кардинально меняется в 1954 г., когда была основана *Канадская лингвистическая ассоциация* (Canadian Linguistic Association), на первом заседании которой обсуждалась возможность подготовки целого ряда словарей (учебных, толковых, билингвальных, на исторических принципах и др.); вместе с этим возможность кодификации *CnE*. В последующие годы издательством *Gage Ltd.* выпускается целая серия разнообразных словарей *CnE* под общей редакцией выдающегося канадского лексикографа У. Эвиса. Среди этих словарей особо стоит отметить *A Dictionary of Canadianisms on Historical Principles* (1967), в котором впервые приводилась дефиниция единицы дивергентной (вариативной) лексики *CnE*; данный словарь также содержал богатый этнолингвистический материал по *CnE* (10 439 локально-маркированных лексических единиц). С 2006 г. рядом авторов ведется активная подготовка ко второму изданию указанного словаря с учетом произошедших с 1967 г. изменений и вновь появившихся канадизмов (*loonie, toonie, double-double* и др.). Особо также стоит выделить *Dictionary of Canadian English: The Senior Dictionary* (1973), *Canadian Senior Dictionary* (1979), на основе которых был в дальнейшем выпущен *Gage Canadian Dictionary* (1983), выдержавший ряд изданий и остающийся одним из самых авторитетных в настоящее время словарей канадского английского языка. В 1998 г. выпуском канадских словарей занялось авторитетное британское издательство *Oxford University Press*. За пять лет в свет вышло два издания *The Oxford Canadian Dictionary* (1998) и *The Canadian Oxford Dictionary* (2004) под общим руководством лексикографа К. Барбер, не считая сборника канадизмов того же автора и являющегося дополнением к вышеуказанным словарям, а также руководств по стилю и орфографии *CnE*. Важно отметить, что лексикографическая работа по кодификации *CnE* не прекращается до сих пор, поскольку еще существует много белых пятен на лингвистической карте Канады.

Список использованных словарей

1. *Avis W. S.* A Dictionary of Canadianisms on Historical Principles. Toronto : W. J. Gage, ltd., 1967. 926 p.
2. *Avis W. S.* Dictionary of Canadian English: The Senior Dictionary. Toronto : W. J. Gage, 1973. 1 284 p.
3. *Barber K.* The Canadian Oxford Dictionary. Oxford : Oxford University Press, 2004. 1 888 p.
4. *Barber K.* The Oxford Canadian Dictionary. Oxford : Oxford University Press, 1998. 1 240 p.
5. Canadian Senior Dictionary / Ed. by W. S. Avis, P. D. Drysdale, R. J. Gregg, M. H. Scargill. Toronto : Gage Publishing, 1979.
6. *Clapin S.* Nugent's Up-To-Date English-French and French-English Dictionary. Montreal : Beauchemin, 1905. 680 p.
7. Gage Canadian Dictionary / Ed. by W. S. Avis, P. D. Drysdale, R. J. Gregg, V. E. Neufeldt, M. H. Scargill. Toronto : Gage Publishing, 1983.
8. *Sandilands J.* The Western Canadian Dictionary and Phrase Book. Winnipeg : Telegram Job Printers Limited, 1912/1913. 52 p.

О. А. Германова

МБОУ ДОД ЦДОД «Центр развития детской одаренности»,
Иваново, Россия

ИЛЛЮСТРАЦИЯ КАК СПОСОБ ТОЛКОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ В УЧЕБНЫХ СЛОВАРЯХ

В настоящее время учебные пособия по английскому языку для детей, начинающих изучать иностранный язык, содержат большое количество лексики, отражающей культуру, природу, религию, традиции и жизнь страны изучаемого языка. Это может быть страноведческая лексика, зоонимы, топонимы, клички, прозвища, названия торговых марок и т. д.

Материалом исследования послужили учебники для изучения английского языка в начальной школе (1–4 кл.) следующих авторов: М. З. Биболетова, И. Н. Верещагина, Н. И. Быкова, К. Кауф-

© Германова О. А., 2013

ман и М. Кауфман и др. Всего было проанализировано 10 книг. При помощи метода сплошной выборки нам удалось выявить более 300 лексем, связанных с национальными особенностями таких англоговорящих стран как Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Австралия. Например: *fish and chips, baseball, a hotdog, a double-decker, Big Ben, Buckingham Palace, a kangaroo* и т.д.

В связи с этим возникает вопрос «Как грамотно подать ученику данную информацию?». Авторы учебных пособий, о которых говорилось выше, считают достаточным включить эти слова в словарь, расположенный в конце книги. Единственными лексикографическими сведениями о них являются орфоэпическая помета (транскрипция) и перевод. Отметим, что многие лексические единицы не удостоиваются даже такой чести и просто остаются без внимания.

Безусловно, перевод не выполняет функции толкования лексической единицы и не является достаточным, чтобы в полной мере создать у пользователя представление о том или ином слове.

Остановимся подробнее на ключевом компоненте словарной статьи, а именно, *толковании входной единицы*. Разработка метаязыка словаря (языка словарного описания) является важнейшей лексикографической проблемой.

Выделяют несколько видов словарной вербальной дефиниции:

- классическое толкование (*classical definition*) – аналитический набор признаков и характеристик, по которому можно определить слово;
- придаточное предложение (*single-clause “when”-definition*) – дефиниция, начинающаяся со слов *if* или *when*;
- контекстуальное толкование (*contextual (full-sentence, COBUILD-type) definition*) – полноценное предложение для выявления значения слова;
- синонимическое толкование (*synonym*) (Fabiszewski-Jaworski, Grochocka, 2010, 90–91).

Словарная дефиниция должна быть не только удобной, экономичной и исчерпывающей, но и призвана «показать место слова в лексической системе, его связи с близкими по значению лексическими единицами» (Козырев, Черняк, 2004, 43).

К сожалению, возраст, начальный уровень владения языком и лексикографическая неосведомленность не позволяют учащимся начальной школы пользоваться английскими толковыми словарями для получения полной информации.

Толкованию понятий, представление о которых школьник не может составить на основании собственного жизненного опыта в силу отсутствия соприкосновения с иностранной культурой, должно быть уделено особое внимание.

Не секрет, что в юном возрасте внимание человека привлекают цветные и яркие иллюстрации (Whalley, Chester, 1988). Результаты опроса, проведенного в 2011 г. среди учащихся 2–4 классов школ города Иваново, показали, что 83,4% информантов хотели бы пользоваться иллюстрированным словарем при изучении английского языка (Германова, 2011). По их мнению, иллюстративное оформление упрощает восприятие новой лексики, вызывает интерес и любопытство, помогает разделять словарную информацию.

Использование иллюстрации в качестве толкования будет способствовать:

- быстрому усвоению и восприятию сведений;
- упрощению работы с новой лексикой;
- повышению качества запоминания новых слов;
- систематизации знаний;
- работе зрительной памяти и ассоциативного мышления, что существенно помогает при заучивании слов и словосочетаний;
- компактному представлению информации в виде схем, таблиц и т.д.;
- возникновению устойчивой связи между лексической единицей и визуальным образом предмета или явления.

В настоящее время на книжном рынке в изобилии представлены различные учебные пособия для младших школьников, однако проблема толкования культурной и страноведческой лексики в них остается открытой. В связи с этим представляется возможным и обоснованным создание иллюстрированного учебного словаря культурологической направленности, ориентированного на данную группу пользователей. Потребность в познании любого

иностранного языка и культуры остается актуальной в настоящее время, а словари новых типов будут популярны и востребованы.

Список использованной литературы

1. *Германова О. А.* Иллюстрированные и иллюстративные словари: формирование, развитие и современное состояние : дисс. ... канд. филол. наук. Иваново, 2011.
2. *Козырев В. А., Черняк В. Д.* Русская лексикография : пособие для вузов. М. : Дрофа, 2004. 286 с.
3. *Fabiszewski-Jaworski M., Grochocka M.* Folk Defining Strategies vs. Comprehension of Dictionary Definitions: An Empirical Study // *English Learners' Dictionaries at the DSNA 2009 / Ed. by I. Kernerman, P. Bogaards.* Tel Aviv : K Dictionaries, 2010. P. 89–105.
4. *Whalley J. I., Chester T. R.* A History of Children's Book Illustration. L. : John Murray with Victoria and Albert Museum, 1988.

К. М. Денисов

Ивановский государственный университет, Россия

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СПРАВОЧНИКОВ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ КАК ОСНОВА СОЗДАНИЯ СЛОВАРЯ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Фонетическая терминология находит отражение частично в общих толковых словарях, а также в специализированных словарях LSP, количество которых постоянно увеличивается. Критический анализ существующих специальных словарей является важным звеном изучения *перспективы пользователя* и проводится с помощью методики, разработанной О. М. Карповой и получившей дальнейшее развитие в трудах представителей Ивановской лексикографической школы. Понятие *перспектива пользователя* расширяет свои границы в отношении как к процессу создания новых и совершенствования уже существующих словарей, так и к

процессу их утилитарного оборота. Должен развиваться сам словарь. Его архитектура вынуждена становиться более и более инновационной, привлекательной, комфортной, доступной, понятной и перспективной для читателя.

Историческое развитие фонетики и ее терминологической системы постепенно приводит к осознанию необходимости специализированного терминологического справочника, специализированного не в смысле номинального перечисления собственно фонетических терминов и их дефиниций, а требующего структуры, адекватной уровню ее развития.

Словари фонетической терминологии становятся все более специализированными. Так, если словарь Д. Кристала носит название *Словарь лингвистики и фонетики* (тем самым в названии подчеркивается автономность и взаимосвязь двух самостоятельных дисциплин), то словарь Р. Л. Траска назван *Словарем фонетики и фонологии*, что, на наш взгляд, точнее определяет логико-концептуальную сферу фонетики. Можно привести иные названия словарей фонетической терминологии (либо частей этой терминосистемы) различной функциональной и потребительской направленности (см. список словарей). Тем не менее, ни один из них не является словарем фонетической терминологии, в полной мере отражающим все сферы данной предметной области. Среди общих недостатков, свойственных всем рассматриваемым справочникам, необходимо выделить:

- применение только черного и белого цветов при графическом отражении помет;
- отсутствие звукового сопровождения;
- отсутствие электронной версии словаря.

Макроструктура нового словаря фонетических терминов предлагает следующие подходы к вертикальной аранжировке центральной части словника. Она должна содержать самостоятельные разделы в соответствии с видами фонетики, как автономными аспектами терминологического поля. Это позволит избежать перегруженности элементов микроструктуры, каждой отдельной горизонтальной терминологической статьи информацией об ас-

пектной атрибуции термина. Построение словника каждого раздела следует произвести в алфавитном порядке.

Мегаструктура включает в себя обобщающую информацию о словаре, авторах, соавторах и источниках его создания. Вводная часть должна содержать детальное, ясное и, в то же время, компактное вербальное и графическое представление логико-понятийной системы описываемой терминологической области фонетики, демонстрирующее взаимодействие ее автономных частей и связи со смежными научными дисциплинами. Смысл подобного включения состоит, с одной стороны, в определении места фонетики и ее терминологической системы в структуре гуманитарного знания, а с другой – в пояснении аспектуального построения макроструктуры словаря.

Лексикографическое описание предметной области фонетики в деталях наряду с логико-концептуальным моделированием ее понятийной сферы облегчает установление базовых системных связей в отражающей ее терминологии. Словарь фонетических терминов нового поколения должен быть более энциклопедически-информативным, специализированным и ориентированным на пользователя. При безусловном сохранении бумажных носителей, его компоненты следует снабдить видеозвуковыми демонстрационными и иллюстративными версиями.

Список использованной литературы

1. *Авербух К. Я., Карпова О. М.* Лексические и фразеологические аспекты перевода : учеб. пособие. М. : Изд. центр «Академия», 2009. 176 с.
2. *Бодуэн де Куртене И. А.* Избранные труды по общему языкознанию (Т. 2). М. : Высшая школа, 1963. 391 с.
3. *Герд А. С.* Прикладная лингвистика. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. 267 с.
4. *Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. М. : Иностранная литература, 1960. 352 с.
5. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука, 1974. 428 с.
6. *Kotarova Z., Zhukova E.* Modelling of Branch Typology of Psychology Dictionaries // The 18th European Symposium on LSP

“Special Language and Innovation in Multilingual World”. Perm State University 22–26 August 2011 : Book of Abstracts / Ed. by L. Alekseeva. Perm : Perm State University Press, 2011. P. 37.

Список использованных словарей

1. *Бернштейн С. И.* Словарь фонетических терминов. М. : Восточная литература, 1996. 175 с.
2. *Иванов А. В.* Словарь фонетико-метрической терминологии. М. : Изд. центр «Академия», 2005. 1184 с.
3. *Немченко В. Н.* Основные понятия фонетики в терминах. Н. Новгород : Изд-во НГУ, 1993. 250 с.
4. *Трахтеров А. Л.* Английская фонетическая терминология. М. : Изд-во лит-ры на иностранных языках, 1962. 349 с.
5. *Crystal D.* A Dictionary of Linguistics and Phonetics. 5th ed. Oxford : Blackwell publishing, 2003. 508 p.
6. *Trask R. L.* A Dictionary of Phonetics and Phonology. L. ; N. Y. : Routledge, 1996. 424 p.

А. А. Егорова

Ивановский государственный энергетический университет
им. В. И. Ленина, Россия

НЕКОТОРЫЕ СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ ТЕРМИНОВ ОБЛАСТИ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ

Изучение английской технической терминологии области электроэнергетики заслуживает особого внимания. Это связано прежде всего с тем, что потребность в изучении английского языка в сфере электроэнергетики растет. Исследования данной терминосистемы являются важными для специалистов, работающих на производстве, и для технических студентов, серьезно изучающих терминологию данного профиля на родном и иностранном языках.

Наше исследование посвящено структурному анализу терминологических словосочетаний подъязыка электроэнергетики.

© Егорова А. А., 2013

Была сделана выборка из англоязычных научных статей по электроэнергетике. Предметом исследования стали 245 терминов.

Согласно исследованиям последних лет, термины-словосочетания, в зависимости от количества компонентов и характера отношений между ними, делятся на двухкомпонентные и многокомпонентные (Анисимова, 2010, 21). Количество компонентов в анализируемых словосочетаниях варьируется от двух до пяти. Доля бинарных терминов оказалась самой большой – 62%, 30% составляют термины из трех компонентов, 6% – из четырех, 2% – из пяти. Например:

frequency avalanche – лавина частоты в энергосистеме; *safety isolating transformer* – безопасный разделительный трансформатор; *minimum mechanical switching device* – минимальный расцепитель; *extremely inverse time current relay* – максимально токовое реле с очень большой зависимостью времени срабатывания от тока.

Рассматривая структурные характеристики терминологических словосочетаний, следует выделить простые и сложные. Под простыми подразумеваются сочетания определяемого слова с одним определением в препозиции или постпозиции. Под сложными – сочетания определяемого слова с двумя и более (препозитивными или постпозитивными) определениями.

Результаты анализа терминологических сочетаний показали, что в анализируемых научных текстах встречаются различные типы связей компонентов. В группе анализируемых бинарных терминологических словосочетаний отмечается преобладание атрибутивных связей между компонентами. Ниже приведены наиболее распространенные структурные модели, по которым построены исследуемые терминологические единицы, и процент их встречаемости по отношению к остальным структурным типам:

N+N (52%) – *installation power* (мощность установки); *load ability* (нагрузочная способность трансформатора); *touch voltage* (напряжение прикосновения);

Adj+N (40%) – *polyphase circuit* (многофазная цепь); *restorable item* (восстанавливаемый объект);

PI+N (6%) – *indicating relay* (реле указательное); *starting relay* (пусковое реле); *compensating reactor* (компенсирующий реактор);

PII+N (2%) – *closed circuit* (замкнутая цепь); *insulated neutral* (изолированная нейтраль).

Наиболее распространённой моделью трехкомпонентных словосочетаний является Adj+N+N:

complete transformer substation (комплектная трансформаторная подстанция); *short circuit (earth) fault* (короткое замыкание на землю в электроустановке); *operational availability function* (коэффициент оперативной готовности).

Также можно выделить такие структурные типы, как:

N+N+N: *voltage transformer ratio factor* (коэффициент трансформации трансформатора напряжения);

Adj.+Adj.+N: *dustproof electrical device* (пылезащищенное электротехническое изделие);

PII+N+N: *assigned operating time* (назначенный ресурс).

Четырехкомпонентные терминологические сочетания могут иметь такую структуру:

PII+N+N+N: *split core type contact* (разборное контактное соединение);

N+N+N+N: *pulse voltage current alteration* (размах пульсации напряжения тока).

Особого рассмотрения заслуживает фонетический аспект изучения технической терминологии, а именно звуковое и акцентное оформление терминологических единиц и, в частности, терминов подязыка релейной защиты. Опыт преподавания английского языка в техническом вузе показывает, что довольно большой процент студентов совершают ошибки в произношении технических терминов.

Трудности в произношении у русскоязычных билингвов могут быть также обусловлены недостатком фонетического материала в учебных пособиях по изучаемому языку и специализированных словарях. Существует множество словарей технических терминов, в которых достаточно полно представлена терминология по электрическим машинам и аппаратам, по электрооборудованию, автоматике, электроснабжению и другим отраслям электроэнергетики. Но лингвисты и пользователи специализированных словарей неоднократно отмечали нехватку в них фонетической транскрипции слов.

Изучение акцентного варьирования единиц рассматриваемой терминосистемы является актуальным для решения проблем фонетической интерференции при обучении английскому языку в русскоязычной аудитории.

Список использованной литературы

Анисимова А. Методология перевода англоязычных терминов гуманитарных и общественно-политических наук : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 49 с.

Ю. В. Кокунова

Ивановский государственный университет, Россия

ТЕРМИНОЛОГИЯ СФЕРЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ИНТЕРНЕТ-СЛОВАРЯХ (на материале английского языка)

Современное переводоведение является сравнительно молодой дисциплиной. Ее статус был официально признан в 1972 г., когда Д. С. Холмс употребил выражение *translation studies* (Holmes, 1972), которое в русскоязычной традиции соответствует *переводоведению*. Новый термин был предложен для наименования области аналитических и описательных исследований, выхо-

дивших за рамки сугубо лингвистических. А. Лефевр предложил применить название *translation studies* к дисциплине, которая займется изучением проблем, связанных с процессом перевода как деятельности и с описанием перевода как результата (Lefevre, 1978).

Переводоведение сформировалось в процессе симбиоза многих дисциплин и на стыке многих наук, не только гуманитарных. Многие ученые отмечают междисциплинарный характер переводоведения (Snell-Hornby et al., 1994), который проявился в заимствовании не только методологий, но и терминологии из смежных наук: сравнительного литературоведения, лингвистики, философии, истории, семиотики, информатики и т.д. Высокая степень наложения терминосистемы переводоведения на терминосистемы других дисциплин и наук дало основание ученым определить ее как *нечёткое множество* (a fuzzy set) (Овсянникова, 2004).

Переводоведение как дисциплина объединяет в себе теоретические и практические аспекты перевода. Наравне с заимствованными понятиями (*word meaning, concept, equivalent, norm, symbol and sign, context, variant* и др.) теория перевода оперирует множеством узкоспециальных терминов (*invisibility, translatability, translatorship, domestication/foreignization, naturalization, scopos, polysystem, transeme, architranseme* etc.). В практической сфере собственно переводческие термины используются в классификациях видов переводов, переводческих стратегий, приемов, трансформаций.

В последние десятилетия все больше акцентируется внимание на обучении переводу как профессиональной деятельности, которая также пересекается с рядом других профессиональных сфер деятельности и их терминосистемами: корректура и редакция (*proofreading, censorship, readership, rechecking, accuracy*), издание (*editing, product, layout*), экономика, юриспруденция. Вместе с тем язык этой профессиональной сферы включает в себя множество специальных слов и терминов и потому может определяться и изучаться как язык для специальной цели.

Язык профессиональной коммуникации в любой сфере должен быть предметом описания в специальных словарях. Словари, представленные в режиме онлайн, позволяют наиболее

быстро отыскать термин или определение. В рамках данного исследования проведен сравнительно-сопоставительный и описательный анализ четырех словарей, представленных в Интернете в свободном доступе и заявленных как глоссарии переводческих терминов: *The Trans-k Glossary of Translation and Interpreting Terminology* (<http://www.trans-k.co.uk/glossary.html>); *Translation Glossary of most Commonly Used Phrases in the Profession* (http://www.barinas.com/Translation_Glossary.htm); *Global Connects. Language-Translation-Interpreting. Glossary* (<http://www.globalconnects.com/glossary/>); *STAR TS Translation Services. Glossary of Translation Terms* (<http://www.star-ts.com/glossary-translation-terms.shtml#l-translation-terms>).

Каждый из справочников является довольно интересным. В ходе анализа выявлены общие принципы их организации. Подбор входных единиц ограничен понятиями и терминами сфер практического (виды и формы перевода), прикладного (оборудование и инструментарий переводчика) и профессионального применения перевода (машинный перевод, форматирование текстов, редакция и корректура и т.д.). Однако словарные единицы в макроструктуре распределены не по тематическому принципу, а по алфавитному. В качестве входных единиц зарегистрированы слова, выражения и аббревиатуры, снабженные расшифровками.

Микроструктура не содержит добавочную семантико-функциональную характеристику, иллюстративные примеры. В словарной статье представлена лишь дефиниция. Последние нередко включают в себя дополнительную информацию и гиперссылки на другие источники в Интернете и приобретают объем и характер энциклопедической статьи.

Наряду с собственно переводческими терминами (*Back Translation, Word-for-word translation*) в корпус ключены и понятия смежных дисциплин (*ASP- Active Server Pages, American English, Native speaker, Braille, Time Zone*), связь которых с переводом настолько опосредована, что невозможно определить как основание для включения подобных единиц в специальный глоссарий, так и критерии отбора входных единиц в целом.

Список использованной литературы

1. *Овсянникова Е. В.* Терминологические проблемы переводоведения. 2004.
URL: http://voats.ucoz.ru/publ/metajazyk_perevodovedeniya/e_v_ovsjannikova_terminologicheskie_problemy_perevodovedeniya/13-1-0-63. Дата обращения 6.06.2013.
2. *Holmes J. S.* The Name and Nature of Translation Studies // Selected Papers from the Third International Congress of Applied Linguistics, Copenhagen, 21–26 August 1972. Copenhagen, 1972.
3. *Lefevere A.* Translation: The Focus of the Growth of Literary Knowledge // Literature and Translation (the Collected Papers of the Conference) / Ed. By J. S. Holmes et al. Leuven : Acco, 1978. P. 7–28.
4. *Snell-Hornby M., Pöchhacker F., Kaindl K.* Translation Studies: an Interdiscipline. Selected Papers from the Translation Studies Congress, Vienna, 9–12 September 1992. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 1994. 438 p.

С. Л. Кравченко

Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В АМХАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Терминология является той областью, где наиболее четко видны современные тенденции морфологической и лексической инноваций словарного состава амхарского языка. Именно здесь ощущается нехватка слов, так как с какими-то областями науки или с ее отдельными понятиями эфиопы были раньше не знакомы. Источником для создания новых терминологических единиц являются заимствования, а также используются внутренние ресурсы амхарского языка. К настоящему времени имеется уже ряд терминологических словарей, созданных в рамках научно-иссле-

довательских проектов и являющихся результатом деятельности Академии эфиопских языков.

Стремление избежать сложных синтаксических конструкций и создать краткие функционально адекватные термины побудило Академию эфиопских языков использовать различные способы пополнения научно-технической терминологии. Например, попытка перевода интернациональных терминов на латино-греческой основе оказалась удачной. В большинстве случаев ученые смогли отыскать эквивалентные амхарские единицы для отдельных морфем сложного иностранного слова и унифицировать их употребление. Так, это относится, к названиям современных наук, к терминам, в состав которых входит, в частности, основа *logos* «учение». Первым элементом этих сложных слов в амхарском языке стало слово *sən* «благосклонность, сила», заимствованное из арабского языка в значении «мастерство, искусство, ремесло». В современном амхарском языке это слово самостоятельно не употребляется. Суффиксоиду *logos* стал соответствовать амхарский префиксоид *sənä* «учение, наука». Если раньше эта лексема употреблялась довольно редко, в настоящее время она стала очень продуктивной, например: *sənä qärs* «морфология» (*qärs* – «форма, фигура, очертание»), *sənä ayüär* «метеорология» (*ayüär* – «воздух, погода, климат»), *sənä häywot* «биология» (*häywot* – «жизнь»).

В настоящее время в образовании научно-технических терминов довольно часто используются форманты, которые потеряли свое конкретное лексическое значение и осознаются как цельноформленные лексемы в единстве с последующей или предшествующей основой. Среди наиболее продуктивных формантов следует выделить: а) формант *qädmä* «до, пред», который имеет значение «относящийся ко времени, предшествующему явлению, периоду, выраженному существительным или прилагательным»: *qädmä bäqqläät* «превосходный», *qädmä amsay* «предварительный образец»; б) формант, выражающий противоположное значение *dährä* «по, после»: *dährä lädat* «послеродовой» (*lädat* – «рождение»); *dährä af* «зев, глотка» (*af* – «рот»); в) формант *šärä* имеет значение «анти, противо-»: *šärä aräm* «гербицид» (*aräm* – «сорняк»); г) формант *ačča* образует термины с приставкой «изо-»: *ačča muq*

«изотерма» (*ačča* - «ровня», *tiq* «жаркий»); д) формант *ge* (заимствован из греческого языка *ge, geo* «земля, территория») можно рассматривать как суффикс. В современном амхарском языке *ge* самостоятельно не употребляется. Он только участвует в образовании новых слов, поясняя стержневое слово. *Ge* пишется слитно со словом, к которому оно присоединяется. В настоящее время значительно увеличилось количество слов, в которых используется формант *ge*, характеризующий значение предшествующего имени существительного или прилагательного: *māretge* «полевая доска (плуга)» (*māret* – «земля»), *sarge* «жила (в горной породе)» (*sar* – «корень, дно»), *lāmge* «оазис» (*lām* – «благородный, цветущий»), *sanbage* «пульмональный, легочный» (*sanba* – «легкое»).

Одним из источников формирования терминологической лексики являются заимствования из других языков. При этом некоторые слова берутся вместе с обозначаемым им понятием, например: *kilaf* «несогласное напластование» (геолог.) заимствовано из языка сомали; *gwangul* «морская ракушка» – из тигринья; *dālši* «диафрагма» (анатом.) – из оромо. При заимствовании из классического эфиопского языка (гыыз) часто изменяется семантика лексических единиц, многие слова приобретают новые расширенные значения: *māsk* «луг, пастбище» → «поле деятельности»; *mādən* «поручитель, залог» → «страхование»; *musanna* «разрушение, уничтожение» → «коррупция».

Таким образом, перевод интернациональных терминов на латинской основе и заимствования из других языков являются наиболее продуктивными способами пополнения научно-технической терминологии в амхарском языке.

Н. Н. Кряжевских

Вятский государственный гуманитарный университет, Киров,
Россия

**О ВОЗМОЖНОСТИ МАРКИРОВАНИЯ ПРИЗНАКА
ОДУШЕВЛЕННОСТИ/ НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ
В СЛОВАРНОЙ СТАТЬЕ
(СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ *GHOST*)**

Данное исследование посвящено вопросу о возможности и необходимости маркирования признака одушевленности/неодушевленности в словарной статье.

В качестве объекта исследования было выбрано английское многозначное существительное *GHOST*.

Цель данной работы показать, что для существительных типа *GHOST* разграничение ЛСВ по типу одушевленные значения/неодушевленные значения может быть способом более четкого представления принципов использования слова в языке, т.е. в контексте, в словаре (life beyond dictionaries).

Одушевленность/ неодушевленность рассматривается не как автономная грамматическая характеристика, а элемент целостного значения слова, выполняющий смысловозначительную функцию в системе полисемии.

Отсутствие разграничения ЛСВ по признаку одушевленности/неодушевленности приводит к двум основным недостаткам. Во-первых, происходит необоснованное деление значения слова на варианты – в этом случае связь между ЛСВ в структуре словарной статьи также не маркирована:

1) the disembodied spirit of a dead person, supposed to haunt the living, 2) a faint trace, *the ghost of a smile on his face*, 3) a faint secondary image in an optical instrument or on a television screen (Collins: English Dictionary, 2011).

Во-вторых, очень трудно установить роль слова в контексте, которая варьируется в зависимости от присутствия/отсутствия признака одушевленности/неодушевленности. В предыдущей словарной статье, очевидно, что дефиниция 1 принципиально отличается, т. к. она указывает на принципиально иной по сравнению с дефиницией 2 и 3 тип контекста, природу которого невозможно выявить из дефиниции или из примера (который отсутствует) (Кряжевских, 2013, 303).

Маркирование признака одушевленности/неодушевленности помогает для каждого ЛСВ слова *GHOST* выделить соответствующие типы контекстов, по типам фреймовых ситуаций. Все виды контекстов, в которых реализуется одушевленный/неодушевленный вариант слова, представлены как несколько аналогичных типов ситуаций. Такое разделение сразу позволяет увидеть принципиальную разницу между содержанием контекстов, например: *he saw the ghost of a dead girl* и *he saw the ghost of a smile/frown*. Между данными типами контекста существует метонимическая обусловленность. В первом варианте контекста реализуется одушевленный вариант слова *GHOST*, а во втором – неодушевленный.

В ходе анализа выделены девять типов контекстов, указывающих на одушевленный субъект, и один тип контекста, указывающий на неодушевленный объект. Например, в первом ЛСВ представлена одна из 9 структурных схем для одушевленного субъекта: (+ pre-positive attribute) subject (= *GHOST*) + глагол активного действия. Второй ЛСВ представлен типичной для неодушевленного контекста структурной схемой: *GHOST* (+ определение) + OF + существительное, обозначающее объект неживой природы.

Распределение контекстов помогает более точно и более компактно описать всю иерархическую систему существующих лексико-семантических вариантов: варианты, где реализован весь лексико-семантический потенциал (одушевленный субъект); и варианты, которые являются производными по метонимии к основным (неодушевленный объект). Чем более жестко они детерминированы, т.е., чем более узко специализировано их значение, тем более иерархически подчиненными они являются к основным ва-

риантам, которые характеризуются большей вариативностью контекстуального употребления (Кряжевских, 2013, 304).

В ходе исследования маркирования признака одушевленности/неодушевленности в словарной статье было выявлено, что, количественно, типы контекста для одушевленного субъекта преобладают по сравнению с типами контекста для неодушевленного объекта, что, в свою очередь, доказывает, что одушевленный *GHOST* является основным вариантом по отношению к неодушевленному *GHOST*, т.к. именно он имеет возможность реализовать весь свой семантический потенциал, и характеризуется вариативностью контекстуального употребления. Тогда неодушевленный *GHOST* будет производным по метонимии по отношению к одушевленному *GHOST* в силу ограниченности своего контекстуального употребления.

В ходе практического исследования был составлен свой вариант словарной статьи с маркированием признака одушевленности/неодушевленности, в качестве примеров были выделены соответствующие типы контекстов по типам фреймовых ситуаций для каждого ЛСВ. Все типы контекстов были проверены по нескольким электронным лингвистическим корпусам.

Маркирование признака одушевленность/неодушевленность в словарной статье позволило бы лексикографам более полно и более четко представить употребление слова в языке в словаре.

Список использованной литературы

Кряжевских Н. Н. Анализ вариативности признака одушевленности неодушевленности в пределах значения существительного на базе электронных корпусов как средство систематизации описания полисемии в словарях // Судьбы национальных культур в условиях глобализации : сб. материалов II Международной науч. конф. Челябинск, 4–5 апреля 2013 г. / Под ред. В. Г. Будыкиной. Т. 2. Челябинск : Энциклопедия, 2013. С. 302–305.

Н. Г. Лаврентьева

Ивановский государственный университет, Россия

О ПЕРСПЕКТИВАХ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ LSP (ФОНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ)

По наблюдениям Г. И. Литвиненко и А. Н. Дядечко, «...терминологическая лексика является наиболее развивающейся частью словарного состава языка по сравнению с его другими частями, и именно на материале терминологической лексики наиболее ясно проявляется действие законов языка...» (Литвиненко, Дядечко, 2007, 142). Таким образом, представляется актуальным изучить особенности акцентного оформления терминологических сочетаний, а также терминов, образованных по моделям словосложения и аффиксации для понимания тенденций развития фонетических законов поведения словосочетания и слова в связной речи.

Большинство исследователей прочно склоняются к мысли о том, что наиболее продуктивным способом словообразования в LSP является синтаксический с преобладанием двухкомпонентных субстантивно-атрибутивных терминологических словосочетаний (ТС). Так, согласно результатам исследования базовой экономической лексики подобные терминологические словосочетания составляют 85% (Худинша, 2011, 17), в языке медицины эта группа составляет около 70% (Васина, 2004, 62).

К наиболее продуктивным моделям образования двухкомпонентных терминологических словосочетаний относятся следующие: N+N (*semiconductor nanostructures, market price*), Adj.+N (*functional proteins, diastolic pressure*). Около 40% терминологических словосочетаний образуется по указанным моделям (Васина, 2004, 85; Худинша, 2011, 19). Среди двухкомпонентных ТС также можно выделить термины, в состав которых входят причастия: PP+N (*advanced bioanalysis, limited company*), PI+N (*processing techniques, borrowing costs*).

Наиболее распространёнными моделями трехкомпонентных словосочетаний являются N+N+N (*heat capacity ratio*), Adj.+N+N (*current market value*), PI+N+N (*resulting etch structure*). Исследова-

тели также особо выделяют термины, образованные по моделям Compound+Adj.+N (*two-colour photoacoustic method*), Compound+N+N (*double-walled carbon nanotube*). Теоретически количество компонентов в ТС может быть неограниченным. Однако, как отмечает К. Я. Авербух, «набор синтаксических моделей, по которым строится ТС, невелик, чаще всего это 12–15 моделей специфичных вообще для LSP и лишь незначительно варьирующихся для какого-либо конкретного подязыка» (Авербух, 2006, 157).

Вторым по продуктивности способом словообразования в LSP является морфологический, а именно словосложение и аффиксация.

Словосложение традиционно считается мощным средством словообразования на протяжении всего развития языка, так как этот способ образования новых слов, как никакой другой, отвечает закону экономии языковых средств. Приведем примеры словообразовательных моделей сложных терминов на примере подязыка экономики: N+N: *loan-society*; Adj+N: *long-range*; Num+N: *second-grade*; Adv+N (в качестве первого компонента выступает наречие *well*: *well-assorted*; N+Adj: *brand-even*; N+prep.+N: *loss-of-profits*; Adv.+particle “to” + V: *hard-to-sell*; P I+Prep +N: *paying-in-slip*; N+V+ Prep: *tax-write-off*.

Количество аффиксов в LSP действительно велико, так как английский язык активно усваивает слова и словоэлементы, заимствованные из других языков. Как отмечают исследователи научно-технической терминологии и терминологии LSP О. Б. Иванова (Иванова, 2010, 36) и М. А. Мартемьянова (Мартемьянова, 2011, 97), продуктивными в интересующей нас группе лексики являются как исконно английские суффиксы: *-ing* (*pumping, crediting*), *-er/or* (*nanosensor*), *-y* (*anisotropy*), *-ness* (*distinctiveness*); так и заимствованные: *-ment* (*complement*), *-ance* (*insurance*), *-(i)ty* (*diversity*), *-tion/ation* (*nanofabrication*), *-ics* (*nanofluidics*), *-ology* (*nanometrology*), *-sis* (*pyrolysis*).

На современном этапе развития языка наиболее продуктивными являются префиксы греческого и романского происхождения. Приведём некоторые примеры продуктивных префиксов, характерных для подязыков естественнонаучных дисциплин: *ab-* (*ablation*), *ad-* (*adhesion*), *ambi-* (*ambigel*), *de-* (*delamination*), *di-* (*dielectric*), *il-*, *im-*, *in-* (*immobilization*), *inter-* (*intercalation*), *co-*

(*coagulation*), *re-* (*recombination*), *sub-* (*subroughness*), *super-* (*supercapacitor*), *supra-* (*supramolecular*), *trans-* (*transmission*), *ultra-* (*ultradisperse*), *ex-* (*exfoliation*), *hyper-* (*hyperthermia*), *dia-* (*diamagnetism*), *para-* (*paramagnetism*), *endo-* (*endocytosis*).

Рассмотренные выше продуктивные модели терминообразования представляют несомненный интерес для изучения особенностей акцентуации как связанных словосочетаний и сложных слов, так и слов, в состав которых входят продуктивные на современном этапе развития языка аффиксы. Выделение наиболее частотных акцентно-ритмических структур, показывающих дистрибуцию главного и второстепенного ударения, а также изучение проявления редукции при произнесении терминов, образованных аффиксальным способом, являются перспективными и имеют прикладное значение с точки зрения составителей словарей и при обучении устной речи на профессиональные темы в условиях искусственного билингвизма.

Список использованной литературы

1. *Авербух К. Я.* Общая теория термина. М. : МГОУ, 2006.
2. *Васина М. В.* Акцентное оформление терминологических словосочетаний в английском медицинском дискурсе (к проблеме русской интерференции) : дисс. ... канд. филол. наук. Иваново, 2004.
3. *Иванова О. Б.* Динамика становления терминологии новой предметной области (на материале терминосферы нанотехнологии в английском и русском языках) : дисс. ... канд. фил. наук. Москва, 2010.
4. *Литвиненко Г. И., Дядечко А. Н.* Способы словообразования как фактор системности в терминологии (на материале терминов химического машиностроения) // Вісник СумДУ. Серія Філологія. 2007. № 1. Том 1. С. 142–150.
5. *Мартельянова М. А.* Особенности формирования современных научных технических терминологических систем (на примере терминов нанотехнологий) : дисс. ... канд. фил. наук. Ижевск, 2011.
6. *Худиница Е. А.* Особенности становления и развитие английских базовых терминов в подъязыке экономики : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2011.

С. В. Левичева

Российский государственный социальный университет, Москва,
Россия

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНЫХ ТЕРМИНОВ ЛЕКСИКИ ФИНАНСОВ

Проблема отсутствия термина-эквивалента не означает принципиальной непереводаемости термина и может быть решена посредством использования в переводе других языковых средств. Переходный этап занимают «временно безэквивалентные» термины (Нелюбин, 2003). Они косвенно указывают на причину безэквивалентности (временное отставание одного из языков в развитии системы понятий в той или иной области) и на экстралингвистические предпосылки ее устранения.

К безэквивалентной терминологии относятся две разновидности английских терминов: 1) термины, именующие явления (понятия), отсутствующие в российской экономической действительности: *custodian*; *temporary difference*; *valuation allowance* и другие; 2) термины, именующие явления, возникшие в российской действительности, но до сих пор не сформировавшие отдельную категорию в понятийном аппарате соответствующей профессиональной сферы: *dilutive securities* – «ценные бумаги, разводняющие капитал»; *mortgage backed liability* – «обязательства, обеспеченные залогом недвижимости».

При переводе безэквивалентных однословных терминов применяются следующие приемы: 1) подбор русского термина или общеупотребительного слова (реже – словосочетания) с близким значением; 2) транскрипция, транслитерация; 3) описательный (разъяснительный) перевод (Бреус, 2001; Суперанская, 2005).

С помощью близкого по семантике термина, например, можно перевести следующие термины: *provision* – «резерв»; *discontinuity* – «прекращение деятельности»; *benchmark* – показатель, на который ориентируется руководство компании при

формировании любой стратегии (маркетинговой, финансовой, производственной).

Прием транскрипции (транслитерации) при переводе может использоваться ограниченно. Например, транскрипция уместна при переводе термина *outsourcing* (аутсорсинг), обозначающего передачу выполнения хозяйственной операции другой организации (с целью уменьшения расходов и концентрации на основных видах деятельности). Подбор близкого по значению русского слова в данном случае невозможен; описательный же перевод представляется слишком громоздким.

При переводе безэквивалентных составных терминов ИЯ следует обращать особое внимание на их структуру. Рассмотрим безэквивалентные составные термины ИЯ, возникшие на основе одного ключевого термина и обозначающие противопоставляемые друг другу понятия, не дифференцируемые в ПЯ: *basic earnings per share* – «базовый доход на одну акцию (без учета дробления акций)» и *diluted earnings per share* – «уменьшенный в результате дробления акций/разводненный доход на одну акцию»; *basic net profit per share* – «чистая базовая прибыль на одну акцию (без учета дробления, разводнения)» и *diluted net profit per share* – «разводненная чистая прибыль на одну акцию (уменьшенная в результате дробления акций)»; термин *dilutive securities* – «ценные бумаги, разводняющие капитал».

В данном случае сложность представляет передача компонентов *basic, diluted, dilutive*: в русской терминологии не произошло выделения категории *разводняющих* ценных бумаг и соответствующей дифференциации понятий для обозначения доходов до разводнения капитала и в результате разводнения. Предлагаемый перевод-калька с использованием определений *базовый, разводненный* и *разводняющий* (последние формируются на основе термина *разводнение капитала*) может закрепиться в русском языке, хотя и нуждается в комментарии.

При переводе антонимичных терминов – *listed company* – «компания, акции которой продаются на фондовой бирже» и *publicly traded company* – «компания, акции которой продаются на внебиржевом рынке», используется описательный перевод, так

как в результате калькирования была бы образована лексико-грамматическая структура, не отвечающая нормам русского языка (*свободно продаваемая компания* или *компания, выставленная на внебиржевой рынок*) и не позволяющая адекватно передать значения терминов.

При анализе приемов перевода безэквивалентных составных терминов выявляются следующие закономерности:

1. При переводе безэквивалентной терминологии может быть использован разъяснительный (описательный) перевод с ИЯ на ПЯ: *holding gain* – «доход от увеличения стоимости активов»; *listed company* – «компания, акции которой продаются на фондовой бирже».

Описательный перевод позволяет передать значение термина достаточно точно, но многокомпонентное словосочетание усложняет синтаксическую структуру соответствующего предложения текста ПЯ.

2. При переводе подавляющего большинства безэквивалентных терминов может быть применен прием калькирования: *temporary difference* – «временная разница»; *identifiable assets* – «идентифицируемые активы» и т. п.

3. При калькировании могут использоваться грамматические и лексические трансформации: *dilutive effect* – «эффект разводнения» (замена части речи: имя прилагательное – имя существительное); *translation risk* – «трансляционный риск» (замена части речи: имя существительное – имя прилагательное); *valuation allowance* – «оценочный резерв» (замена части речи и лексическая замена) и т. п.

4. При калькировании безэквивалентных составных терминов ИЯ могут использоваться и лексико-грамматические трансформации – в частности, экспликация связующих компонентов или декомпрессия одного из терминоэлементов: *customer acceptance* – «приемлемость товара для покупателя»; *sale-leaseback transaction* – «сделка по продаже имущества на возвратного лизинга».

Список использованной литературы

1. Англо-русский словарь по бухгалтерскому учету, аудиту и финансам: 35.000 терминов / Сост. Д. Ю. Терехов. М. : Аскери, 2004. 512 с.
2. Бреус Е. В. Теория и практика перевода с английского языка на русский: учеб. пособие. М. : УРАО. Ч. I., 2001. 101 с.
3. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд. перераб. М. : Флинта. Наука, 2003. 320 с.
4. Пивовар А. Г. Большой финансово-экономический словарь. М. : Экзамен, 2005. 960 с.
5. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология. Терминологическая деятельность. М. : УРСС, 2005. 288 с.

Е. И. Путятина

Сургутский государственный педагогический университет,
Россия

ТЕРМИНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В СОСТАВЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

Развитие научно-технической коммуникации способствует дальнейшему развитию научно-технического перевода, тесно связанного с терминографией, и сопоставительной семасиологии, поскольку помогает раскрыть национальные и культурологические особенности переводимых с одного языка на другой лексических единиц. Коллективный опыт профессиональных переводчиков находит свое отражение в многочисленных терминологических словарях и словниках, которые в совокупности образуют особую группу словарей. По мнению Ю. Н. Марчука, терминологические словари отражают основные признаки, которые служат основанием для классификации нетерминологических словарей и

особым образом соотносятся с концептами, лежащими в основе терминологии. Они организуют эти концепты и одновременно отражают их в языке. Функционирование терминов в речи и текстах тесно связано с особенностями современного языкового общения (Марчук, 1992, 14).

Терминологические словари позволяют фиксировать элементы научного знания, без которого невозможны научные и технические исследования. Одним из таких исследований в области семантики является изучение семантических свойств английских и русских числительных, а также связанных с ними лексем с семой числа. В качестве материала исследования нами использовались специальные словники по различным отраслям научно-технических знаний и аутентичные толковые словари. В задачу исследования входило сопоставление английских и русских лексем с семой числа, предполагая, что эти лексемы будут идентичны друг другу. В поле нашего внимания оказались числительные от нуля до десяти и сема *много*. Например, в электротехнике мы находим: *primary winding* = первичная обмотка; *secondary winding* = вторичная обмотка; но: ***single-layer winding*** = однослойная обмотка; ***two-layer-winding*** = двухслойная обмотка.

В случае с лексемами *single-layer* и *two-layer* возникает вопрос, почему числительному 2 (*two*) противопоставлено прилагательное *single*, а не числительное *one*.

Обращение к данным словникам других технических областей дает аналогичную картину: *single-pole switch* = однополюсный выключатель; *single-phase-motor* = однофазный электродвигатель (Славгородская и др., 1991); *single-core cable* = одножильный кабель; *single sexual encounter* = однократный половой контакт.

В то же время в текстах, связанных с областью медицины, мы находим сложные английские лексемы с числительным *mono* – один: *monoclonal* = моноклональный; *monogamous* = моногамный; *monogamous sex partners* = моногамные половые партнеры. (Жишкина, 1994).

С другой стороны, в ряде случаев русскоязычное числительное в составе сложных слов не содержит соответствующей семы числа в английской аналогичной лексеме, например: ***Disposable***

syringe (to dispose = устранять , ликвидировать) = **одноразовый шприц** (Там же).

Или сема числа выражена другими числительными, например: *Kelvin bridge* = двойной мост, шестиплечий мост, мост **Томсона** (Славгородская и др., 1991).

В большинстве работ по терминологии авторы продолжают утверждать о недопустимости переводов с помощью синонимов. Однако словарные статьи опровергают это утверждение, например: *двойная амплитуда* = double-amplitude = peak-to-peak amplitude (Там же).

Эти примеры свидетельствуют о разном влиянии культуры и развития техники на терминологию, на появление и закрепление отраслевой терминологии.

Также приведенные примеры терминологических словосочетаний с числительными позволяет утверждать, что и сами числительные, и лексемы с семой числа требуют дополнительных исследований их функционирования в специальных текстах.

Список использованной литературы

1. *Акулинина Т. В., Панков А. П.* Англо-русский словарь сокращений по информатике / Под ред. Л. Б. Ткачева. М. : Информсервис, 1991. 36 с.
2. *Жижкина Т.А.* Англо-русский словарь терминов. AIDS – СПИД / Под ред. Л. Б. Ткачева. Омск : ОМТЕРМ, 1994. 50 с.
3. *Марчук Ю. Н.* Основы терминографии. М. : ЦИИ МГУ, 1992. 76 с.
4. *Славгородская Т. М., Гопкало Н. А., Кривой Г. С.* Англо-русский словарь терминов по электротехнике / Под ред. Л. Б. Ткачева. М. : Информсервис, 1991. 62 с.

М. А. Степанова

Московский педагогический государственный университет,
Россия

ТЕКСТОВЫЕ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Все возрастающая степень междисциплинарности содержания современного публичного политического дискурса (ППД) требует от оратора использования как слов общего языка, так и специальной кодифицированной и некодифицированной лексики, характерной для соответствующей тематике выступления области. В связи с разнообразным характером и общим повышением степени терминологической насыщенности ППД, его всестороннее изучение предполагает не только обращение к методам дискурсивного, но и – лексикографического анализа, все чаще осуществляющимся в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы и лингвокультурологического подхода (Карпова, 2010, 16, 63). Такое совмещение подходов позволяет учесть интердискурсивность, прагматическую направленность и национально-обусловленную вариативность ППД, а также рассмотреть термины языка и речи как репрезентанты понятий, формирующих ядро концептосферы той или иной области знания (Манерко, 2000).

В настоящее время особое внимание уделяется проблеме выработки экологически-ориентированной эффективной энергетической политики. Странами, занимающими ведущую роль в становлении экологии как науки и определении курса мировой экологической политики, являются США и Великобритания (Ковязина, 2006, 36). Для современного президентского ППД данных стран общим опорным концептом является *energy security*, функционирующий в нем в рамках диалектического единства целей, «защита окружающей среды – удовлетворение растущих потребностей населения в энергопотреблении», и определяемый как надежное обеспечение экологически чистой энергии по разумной

цене (Bradshaw, 2009). Основу данного концепта составляет концептуальная оппозиция *environmentally-friendly energy policy* и *energy efficiency/reliable energy supply*. При более детальном рассмотрении в каждом из ее элементов, можно выделить определенный набор субконцептов, акцентуация и вербальная реализация которого во многом детерминирована наличием в рассматриваемых лингвокультурах социокультурно и ценностно обусловленной стратегии энергетической политики. В ее основе лежат такие категории как: исполнители, масштаб распространения, цели, способы их достижения.

Поскольку для лингвокультуры США характерна общая ориентация на экономическое благополучие, безопасность и доминирование в мире, в речи Б. Обамы акцент ставится на активные коллективные действия внутри страны, направленные на осуществление целей лидерства США как экспортера альтернативной энергии, снижения уровня безработицы и создания надежной энергетической инфраструктуры в стране за счет инвестирования в новые технологии и модернизацию производства. Вербальная актуализация названных субконцептов характеризуется частотным применением терминов и терминологических сочетаний, смежных с областями технологии производства, строительства (*double our capacity to generate renewable electricity, modernize the electric grid*), экономики (*create private-sector jobs*) и законодательства (*Recovery Act investment*), а также клише (*our dependence on oil*) и метафор (*heirs to a legacy of innovation*) (ABBY Lingvo; McGraw-Hill, 2004; Bailey, 2004; Obama, 2009). Это позволяет говорить об ориентированности дискурса президента США на эмоциональную и рациональную идентификацию с населением страны и о приоритетной роли концептов *energy efficiency* и *reliable energy supply*.

При рассмотрении энергетической политики Великобритании нельзя забывать о включенности государства в Евросоюз и доминировании ценностей приоритета национального интереса, здоровья и благополучия населения. В дискурсе действующего британского премьер-министра отмечается важность международного сотрудничества, первостепенность «экологизации» политического

курса страны и заботы о будущих поколениях, в связи, с чем подчеркивается необходимость принятия мер по снижению цен на альтернативную энергию и развитию международной торговли в данной сфере. В речи указанные тенденции объективируются посредством акцента на экологическую лексику общей семантики (*the greenest government, green energy*), либо смежную со сферой экономики (*international trade in renewables*) и использование стилистически нейтральных единиц общего языка (*cheaper energy, protect our planet for our children*) (ABBY Lingvo, McGraw-Hill, 2004; Cameron, 2012), что отражает внешнегосударственную адресованность дискурса Д. Кэмерона, а также доминирование целей, связанных с концептом *environmentally-friendly energy policy*.

Проведенный анализ позволяет говорить о противоположности современного президентского дискурса экологической тематики в рамках акцентуации элементов концептуальной оппозиции, лежащей в основе общего опорного концепта, и о важности установления языкового статуса единиц, их вербализующих для определения особенности языкового отражения энергетической политики США и Великобритании.

Список использованной литературы

1. Карпова О. М., Кулагина М. А. Словари для иммигрантов: новый тип словаря. М. : Издательство МГОУ, 2010. 232 с.
2. Ковязина М. А. Функциональная модель двуязычного экологического словаря-тезауруса : дисс. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2006.
3. Манерко Л. А. Язык современной техники: ядро и периферия : монография. Рязань : РГПУ им. С.А. Есенина, 2000. 138 с.
4. ABBYY Lingvo. URL: <http://www.lingvo.ru/lingvo>.
5. The Facts on File Dictionary of Ecology and the Environment / Ed. by J. Bailey. Aylesbury, UK : Market House Books Ltd, 2004. 248 p.
6. The McGraw-Hill Dictionary of Engineering. N. Y. : McGraw-Hill, 2004. 643 p.
7. Obama B. Challenging Americans to Lead the Global Economy in Clean Energy. October 23, 2009.
URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-challenging-americans-lead-global-economy-clean-energy>.

8. Professor Michael Bradshaw Answers Questions on Global Energy Security // Royal Geographical Society. March 19, 2009. URL: <http://www.rgs.org/OurWork/Schools/Geography+in+the+News/Ask+the+experts/Global+energy+security>.
9. Prime Minister's Remarks at Clean Energy Meeting. April 26, 2001. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/prime-ministers-remarks-at-clean-energy-meeting>.

С. Л. Фокина

Ивановский государственный университет, Россия

ОБЛАСТЬ НАНОТЕХНОЛОГИЙ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ РАКУРСЕ

Усиление интереса к проблемам лексикографии на рубеже второго и третьего тысячелетий рассматривается как вполне естественный процесс в условиях активизации межъязыковых и межкультурных контактов (Троссель, 2011). Последнее, как полагают, связано с автоматизацией работы по составлению словарей, выходом в глобальную сеть, а также с постановкой новых задач пользования словарем, соответствующих требованиям сегодняшнего дня.

Насущной задачей современной лингвистической науки стала систематизация и семантизация терминологической лексики, поэтому терминография динамично развивается. Существует справедливое мнение о том, что английский язык в современном мире – это язык междисциплинарного профессионального общения, а, следовательно, задача терминографов во многом сводится к созданию различных типов двуязычных англо-иностранных словарей (Авербух, Карпова, 2009). Положительным является тот факт, что терминологическим словарям в современном мире высоких технологий отводится особая роль: «в них фиксируются материализованные компоненты научного знания» (Зорина, 2011, 13). Необходимость создания словарей области нанотехнологий возникла в связи с непосредственными потребностями профессионального об-

щения. В задачи создания такого рода изданий входит фиксация, систематизация и перевод специальных наименований.

Сфера нанотехнологий находится в настоящее время в стадии становления, и формирование ее терминосистемы еще не завершено. Этим, по-видимому, объясняется достаточно ограниченное количество лексикографических источников данной научной области. Так, на последних страницах некоторых монографий, как правило, приводятся собственные глоссарии авторов изданий.

Однако следует констатировать тот факт, что количество лексикографических справочников области нанотехнологий заметно возрастает. На сегодняшний день известны такие справочники, как *Англо-русский словарь по нанотехнологиям* Н. Н. Новичкова, изданный в 2010 г. в Москве, *Толково-переводной словарь по микро- и наносистемной технике* П. П. Мальцева (2008), *Dictionary of Nanotechnology* (составитель Т. Джордж) (2006), а также *Словарь нанотехнологических и связанных с нанотехнологиями терминов*, разработанный ОАО «Роснано» (<http://www.thesaurus.rusnano.com>).

Важно отметить, что словари по нанотехнологиям необходимы не только преподавателям, студентам и аспирантам высших учебных заведений, в структуре которых образованы кафедры нанотехнологического профиля, но также ученым и специалистам различного профиля, работающим в области высоких технологий и переводчикам, имеющим дело с информационными источниками на английском языке (Новичков, 2010, 7). Безусловно, успешная профессиональная коммуникация в сфере нанотехнологий затруднена в связи с тем, что среди специалистов существуют расхождения в трактовке некоторых терминов, обозначающих понятия данной научной отрасли. Трудность связана также с тем, что та или иная совокупность терминов в рамках определенного подязыка остается открытой системой, способной к изменению и увеличению, а, следовательно, фиксация терминов в терминологических словарях обнаруживает недостаточный характер вследствие динамических процессов, происходящих в науке и отражающихся в текстах (Бурмистрова, 2001, 77). Кроме того, в современных лексикографических источниках нет указаний на акцентуацию терминологии.

гических словосочетаний области нанотехнологий (равно как и в справочных изданиях некоторых других областей ESP).

Таким образом, исследования, касающиеся вопросов нанотехнологической терминологии, просодических особенностей звучащей речи, а также создание новых лексикографических справочников и словарей будут способствовать повышению эффективности устной профессиональной коммуникации среди специалистов на международном уровне, где английский язык выступает в качестве основного языка профессионального общения в эпоху глобализации.

Список использованной литературы

1. *Авербух К. Я., Карпова О. М.* Лексические и фразеологические аспекты перевода : учеб. пособие. М. : Академия, 2009. 176 с.
2. *Бурмистрова А. В.* Лингвостатистический анализ английской терминологии фондового рынка : дисс. ... канд. филол. наук. Иваново, 2001.
3. *Зорина Ю. В.* Англоязычная терминология безопасности жизнедеятельности в лингвокогнитивном освещении : дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2011.
4. *Мальцев П. П.* Англо-русский терминологический словарь по микро- и наносистемной технике. М. : Техносфера, 2008. 432 с.
5. *Новичков Н. Н.* Англо-русский словарь по нанотехнологиям. М. : Информационное агентство АРМС-ТАСС, 2010. 1100 с.
6. Словарь нанотехнологических и связанных с нанотехнологиями терминов. URL: <http://www.thesaurus.rusnano.com> (дата обращения 20.06.2012).
7. *Троссель М. В.* Лексикографическое описание лексики лесопильной промышленности // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 60: Филология и искусствоведение. 2011. №33. С. 207–208.
8. *George T.* Dictionary of Nanotechnology. New Delhi : Anmol Publications PVT. LTD, 2006. 288 p.

И. А. Цыбова

МГИМО, Москва, Россия

ОБ ОТОБРАЖЕНИИ КОНЦЕПТА ЛЮБОВЬ/MILOŚĆ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ И ПОЛЯКОВ

Современный **антропоцентрический подход** к языковым явлениям предполагает обращение к такому сложному феномену как языковое сознание человека. Сложность эта заключается в соотношении идеального (сознание) и материального (звуки речи).

Языковое сознание понимается «как совокупность образов формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» (Тарасов).

Московская психолингвистическая школа считает главной причиной непонимания при **межкультурном общении** различие национальных сознаний коммуникантов. «Для построения ассоциативного словаря существенно, что получаемые в эксперименте ассоциации в ответах испытуемых обозначаются **с л о в о м**» (Уфимцева). **Ассоциативный словарь** – результат анализа и обобщения материалов свободного ассоциативного эксперимента, содержащий данные о прямых (от стимула к реакции) и обратных (от реакции к стимулу) связях между словами. О силе таких связей позволяют судить сопровождающие эти данные количественные показатели.

В представленном сообщении сопоставляются слова *любовь/milość*, выражающие соответствующий концепт в русском и польском языках. Материалом послужили русские и польский ассоциативные словари.

Большинство стимулов (32) у русских и поляков совпадают. В целом можно сказать, что такой общечеловеческий концепт, как *любовь/milość*, находит близкое к адекватному выражение, как по реакциям, так и по стимулам, у русских и у поляков. Различие касается в основном единичных реакций и стимулов, отражающих иногда национальную специфику, например, реакция *kościół* у поляков при **отсутствии соответствия (церковь, храм) у русских.**

Н. М. Черепкова

Воронежский государственный университет, Россия

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ЛЕКСИКИ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Образование – это значимая часть национальной культуры. Оно постоянно привлекает к себе повышенное внимание со стороны государства и общества, специалистов разных профессиональных сфер деятельности: юристов, преподавателей, руководителей органов системы образования, в том числе и лингвистов.

Последних в данном вопросе интересует лексика, в которой проявляется менталитет, самосознание, нравственные заветы народа, стиль поведения (Богатова, 2008, 261).

Материалом нашего исследования послужили документы нормативной базы по образованию; источники средств массовой информации: газеты, телевизионные программы каналов (Первого, Россия 1, Культуры), посвященные обсуждению изменений происходящих в образовании.

Обратимся к словарным дефинициям и толкованиям ЛЕ *школа*, которое зафиксировано в русском (великорусском) языке в XVI–XVII вв.:

Школа, -ы, ж. – 1) «учебное заведение (преимущ. О низшем и среднем), где учащиеся получают общее или специальное образование»... Слово *школа* в русском (великорусском) языке употр. лишь с XVI–XVII (в нем не было особой нужды при наличии слова *училище* и др.). ... Первоисточник – греч. – «школа» (первоначально «досуг», «свободное время», «праздность», «медлительность», далее «ученая беседа», «диспут») (Черных, 1999, 416).

ШКОЛА

Греч. **schole** «школа», от **sholi** «досуг». Следовательно, обучение молодого поколения греки считали одной из разновидностей досуга, но никак не принудительным общением ученика с учителем. А для эллина досуг заключался в ощущении радости бытия, но не в безделье, а в отсут-

ствии жесткой необходимости зарабатывать себе на жизнь. Поэтому они в качестве досуга регулярно посещали Олимпийские и прочие атлетические праздники, приходили в храмы беседовать с богами, спорили до изнеможения на философских диспутах и учились мудрости у знающих больше их самих педагогов и учителей. Именно это для свободного эллина составляло важную часть его активной жизни (Ильяхов, 2010, 483).

ШКОЛА (лат. *schola*, от греч. *schole*), 1) учебно-воспитательное учреждение. Сложились различные точки зрения на определение понятия «Ш». Одни теоретики педагогики акцентируют внимание на развитии в Ш. личности, а саму Ш. рассматривают как «подготовку к взрослой жизни», другие специалисты подчеркивают образовательные функции Ш., ряд педагогов считают основными в Ш. воспитательные аспекты. В реальности Ш. объединяет в себе множество функций, включая и те, на которых сосредоточивают свое внимание приведенные точки зрения (Педагогический словарь, 2002, 319).

ШКОЛА, -ы, ж. [от греч. *schole*]. 1. Учебное заведение, которое осуществляет общее образование и воспитание молодого поколения (Толковый словарь, 2004, 1500).

Как видим из приведенных примеров в слове *школа*, с одной стороны, сохранилась суть заимствования – *учебное заведение, которое осуществляет общее образование*; с другой стороны, утрачено – *не принудительное общение ученика с учителем, ощущения радости, но не безделья. Не принудительное общение ученика с учителем* впоследствии привело к всеобщему обязательному образованию, которое далеко не всегда способствовало сохранению греческого смысла *schole*.

Не придается в наши дни должного внимания и к исконно русским словам, связанным с учением, обучением. Приходится все чаще слышать глагол *натаскать*, а не *учить*, тогда как **учить**, учу – «передать кому-л. свои знания, умения, навыки»; «наставлять кого-л.», «внушать что-л. кому-л.». *Возвр. ф. учиться. Сущ. учение, учеба, ученый, учитель, ученик. ... Др.-рус. (с X – XI в.) учити ...* (Черных, 1999, 297). Замена слова *учить* на *натаскать*, особенно при подготовке в школе к ЕГЭ, уже привело к зна-

чительному снижению уровня подготовленности молодых людей к обучению в вузах.

Предварительный анализ показывает, что изучение истории образовательной лексики позволяет нам оценить процессы, происходящие в сегодняшнем образовании, дать им соответствующую оценку и указать путь следования, направленного на сохранение высокой гражданской позиции в обучении подрастающего поколения, проверенной временем и закреплённой в письменных памятниках, каковыми являются этимологические и исторические словари.

Список использованной литературы

1. *Богатова Г. А.* История слова как объект русской исторической лексикографии / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. Изд. 2-е, доп. М. : Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : «Норинт», 2004. 1536 с.
3. *Ильяхов А. Г.* Этимологический словарь. Античные корни в русском языке: ок. 1500 слов. М. : АСТ : Астрель, 2010. 670, [2] с.
4. Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б. М. Бим-Бад; Редкол.: М. М. Безруких, В. А. Болотов, Л. С. Глебова и др. М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. 528 с.: ил.
5. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 3-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1999. Т. 2: А Панцирь – Яшур. 560 с.

Е. Р. Юринок

Тюменский государственный университет, Россия

**КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОВ
В СЛОВАРЕ НАНОТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ И СВЯЗАННЫХ С
НАНОТЕХНОЛОГИЯМИ ТЕРМИНОВ**

Данное исследование посвящено категориальному анализу терминов в электронной версии *Словаря нанотехнологических и связанных с нанотехнологиями терминов*, который является первым словарем в этой области на русском языке. На данный момент нет единого определения понятия *нанотехнологии*. Одни авторы определяют данную сферу деятельности как междисциплинарную область науки (Алимурадов и др., 2011, 54; Еленин, 2002, 123), другие – как совокупность методов и приемов, которые применяются при изучении, проектировании, производстве и использовании материалов, устройств и систем (Арсланов, 2009, 186; *Словарь нанотехнологических и связанных с нанотехнологиями терминов*). Гипотетически мы можем предположить, что терминология, представленная в словаре, будет преимущественно описывать данную область как технологическую.

Необходимо отметить, что для данной области характерна двойственность в трактовке базовых понятий и, прежде всего, самого термина *нанотехнологии*. Это обусловлено тем, что терминосистема нанотехнологий находится на этапе формирования. Поскольку язык является отражением всего, что происходит в мире, то выявление некоторых особенностей языка нанотехнологий может позволить охарактеризовать те процессы, которые сейчас происходят в данной области знания. В связи с этим мы можем определить объект и предмет нашего исследования. *Объектом* изучения послужила терминология нанотехнологий, *предметом* – система базовых категориальных понятий. *Цель* настоящей работы состояла в выявлении базовой терминологии и установлении научного или технологического категориального статуса данной терминологии. Из поставленной цели вытекают следующие *задачи* ис-

следования: 1) провести отбор терминов из *Словаря нанотехнологических и связанных с нанотехнологиями терминов*; 2) установить родовидовые отношения между понятиями и определить родовые понятия; 3) выделить базовые категориальные понятия.

Данное исследование включало три этапа. На первом этапе методом сплошной выборки произведен отбор терминов из словаря вместе с дефинициями. Под *термином* мы понимаем слово или словосочетание, употребляемое узким кругом специалистов для обозначения научного понятия, отражающего существенные признаки предмета, процесса или явления. Общее число входных единиц в данном словаре составляет 588, из которых 42 входные единицы соотносятся не с понятием, а с объектом (имена собственные и номены). Таким образом, общее количество «понятийных» терминов составляет 546 единиц. Количество собственно нанотехнологических терминов, образованных при помощи добавления к термину приставки *нано-*, составляет 54 единицы. Большая же часть терминов (492 единицы) включает термины из других областей знания, смежных с нанотехнологиями, а именно: физики, химии, медицины, биологии и др.

Второй этап исследования включал родовидовой анализ дефиниций. На данном этапе мы выделили родовые понятия из дефиниций терминов. Приведем пример (родовое понятие подчеркнуто, остальная часть дефиниции представляет собой родовый признак): Композит – материал, состоящий из двух или более фаз с четкой межфазной границей.

Таким же образом мы проанализировали все дефиниции и получили 100 родовых понятий: *метод, прибор, инструмент, устройство, машина, транспорт, реактор, источник, изображение, способ, технология, методика, кристалл, информация, система, единица живого организма, структура, часть, фрагмент, компонент, квант, зона, оболочка, промежуток, элемент, слой, частица, молекула, атом, полимер, соединение, среда, раствор, примесь, вещество, пигмент, фаза, материал, добавка, продукт, модель, форма, модификация, объект, изменение, процесс, обработка, реакция, образование, формирование, разрушение, получение, механизм, окисление, поглощение, слипание, уменьшение,*

ускорение, увеличение, повышение, операция, параметр, размер, последовательность, концентрация, величина, сила, зависимость, твердость, состояние, поведение, излучение, свечение, взаимодействие, притяжение, рассеяние, возбуждение, барьер, характеристика, свойство, способность, область, пространство, дефект, явление, эффект, рельеф, состав, соотношение, операция, вихрь, распределение, связь, возникновение, появление, оседание, проявление, осциляция, смещение, конфигурация, напряжение.

На третьем этапе мы сгруппировали все выделенные родовые понятия и обобщили их до категориальных понятий. В результате были сформированы четыре группы базовых понятий: *метод, структура, процесс и свойство.*

Таким образом, в результате категориального анализа словарных дефиниций нанотехнологических терминов, мы выявили 100 базовых родовых понятий, которые распределили по четырем понятийным категориям: 1) метод (включает 12 родовых понятий); 2) структура (включает 32 родовых понятия); 3) процесс (включает 17 родовых понятий); 4) свойство (включает 39 родовых понятий). Мы установили, что все категориальные понятия носят технологический и технический характер, что позволяет определить нанотехнологии как технологии, а не как науку.

Полученные в ходе данного исследования результаты могут послужить базой для категориального терминологического корпуса, и, следовательно, могут быть использованы при моделировании терминологии области нанотехнологий. Выявленные базовые категориальные понятия впоследствии составят основу словаря базовой терминологии нанотехнологий.

Список использованной литературы

1. *Алимуратов О. А., Лату М. Н., Раздубев А. В.* Особенности структуры и функционирования отраслевых терминосистем (на примере терминосистемы нанотехнологий) : монография. Пятигорск : СНЕГ, 2011. 112 с.
2. *Арсланов В. В.* Толковый англо-русский словарь по нанотехнологии. М. : ИФХТ РАН, 2009. 261 с.

3. *Еленин Г. Г.* Нанотехнологии, наноматериалы, наноустройства // Новое в синергетике: взгляд в третье тысячелетие. М. : Наука, 2002. С. 123–159.
4. Словарь нанотехнологических и связанных с нанотехнологиями терминов (электронная версия).
URL: <http://thesaurus.rusnano.com/>.

Ekaterina Grigoryeva

Ivanovo State University, Russia

AUSTRALIANISMS IN DICTIONARIES

Australianisms are lexical units reflecting the typical traits of Australian culture. Traditions of Australian lexicography date back to the XIX century (Skybina, 2010, 101).

The first authoritative dictionaries of Australian English are *Colonial English: a Glossary of Australian, Anglo-Indian, Pidgin English, West Indian and South African Words* by K. Lentzner (1891) and *Australian English: a Dictionary of Australian Words, Phrases...* by E. E. Morris (1898) (Butler, Angelo, 1998, 11–14).

Nowadays *The Australian National Dictionary: A Dictionary of Australianisms on Historical Principles* by W. S. Ramson (1988) is one of the most important dictionaries of Australian English.

The interest in Australian English can also be observed in Russian lexicography (the culture English-Russian dictionary of Australia and New Zealand edited under the supervision of V. V. Oshchepkova and A. S. Petrikovskaya). It reflects about 5,000 realia of Australian and New Zealand English.

The Australian National Dictionary: A Dictionary of Australianisms on Historical Principles by W. S. Ramson is a vivid example of modern Australian lexicography providing a historically-based record of Australian English.

Dictionary macrostructure includes 6,000 words and idioms. All the lexical units are presented in alphabetical order. The addressee of this dictionary includes mainly Australian users.

The dictionary covers lexical units from various thematic groups: **geographical notions** that can be divided into several subgroups: **cities**: *Sydney*, **colonies**: *Botany*, **districts**: *Illawarra*; **holidays**: *Anniversary Day*; **animals**: *bay whale*; **birds**: *bellbird*; **fish**: *catfish*; **plants and trees**: *baobab*; **sport**: *backman, Socceroo*.

The dictionary by V. V. Oshchepkova also includes a lot of words that belong to different thematic groups. But the general quantity of the lexical units is less in comparison with the dictionary by W. Ramson. This can be explained by the fact the addressee of V. V. Oshchepkova's dictionary includes Russian learners of English who need to know only general information concerning this or that notion but not very deep data that can be important for Australians and those studying Australianisms as a part of some research. So that is the reason why many notions from the dictionary by W. Ramson are not presented in the English-Russian dictionary. Still such thematic groups as **geographical names** (*Canberra*), **political life notions** (*Senate*), **plants** (*wattle*), **animals** (*kangaroo*) are presented in this dictionary.

Here are examples of dictionary articles from both dictionaries. In every case the former example is taken from W. Ramson's dictionary, the latter one is taken from V. V. Oshchepkova's dictionary:

Australia Day a. a name given to the day, 26 January, on which the anniversary of the beginning of British settlement, at Sydney Cove in **1788**, is celebrated. Formerly (in some States) Anniversary Day.

b. *Hist.* A name given in the Roman Catholic community to the day, 24 May.... c. *Hist.* The name given to a day, 30 July, so proclaimed in connection with an Australian Red Cross Society fund-raising campaign (see *quots.* 1915). Also *attrib.*

1911 *Sydney Morning Herald* 19 Jan. 5/7 And that, as a help to the cultivation of the patriotic spirit

Australia Day /phonetic symbols/ День Австралии (*национальный праздник; отмечается ежегодно 26 января или в первый понедельник после него; официальный выходной день; провозглашен в честь 26 января 1788 – дня официального объявления восточной части материка и о-ва Тасмании*).

The first dictionary article includes 3 explanations under the letters *a*, *b* and *c*. The explanation of the meaning under the letter *a*

coincides with that from the dictionary by V. V. Oshchepkova. But the explanation in the English-Russian dictionary is more detailed than in the dictionary by W. S. Ramson as the addressee is a Russian user who does not know much of Australian history. The realia **Australia Day** also denotes two other important events and the explanation of both of them are presented in the dictionary by W. S. Ramson. There are illustrative examples in the form of quotations to this lexical unit taken from Australian books or magazines with the indication of the publication year.

Some words belonging to general lexis acquire a special meaning in Australian English:

Killer, an animal, esp. a bullock or sheep, selected and killed for immediate consumption.

1897 I. Scott How I stole over 10,000 Sheep in Aust. & N.Z... (Dictionary by W. Ramson).

killer /phonetic symbols/ *австр. разг.* бычок или овца, предназначенные для того, чтобы быть зарезанными для еды на ферме.

Both definitions reflect the same notion. The only difference is in the number of labels and exemplifications.

The analysis of both dictionaries gives the following results. As the addressee of these dictionaries is different, the users' needs and demands are different. The former dictionary is mainly aimed at Australian users. Its compilation contributes to the development of the English lexicography reflecting unique lexical units. It includes such labels as spelling, grammatical label (part of speech), etymology.

The dictionary edited by V. V. Oshchepkova is aimed at Russian learners of English, professors and interpreters. All the definitions are detailed and present useful data about this or that lexical unit. This dictionary is unique in the history of Russian lexicography devoted to Australian English realia as it is the first one that registers Australian-English paraphernalia.

References

1. Avstralia i Novaya Zelandia. Lingvostranovedcheskiy slovar' (Dictionary of Australia and New Zealand) / Ed. by V. V. Oshchepkova, A. S. Petrikovskaya. Moscow : Russkiy yazik, 2001. 216 p.
2. *Butler S., Angelo D.* Australian Phrasebook. Australia: Lonely Planet, 1998. 254 p.
3. *Ramson W. S.* The Australian National Dictionary: A Dictionary of Australianisms on Historical Principles.
URL: <http://australiannationaldictionary.com.au/index.php>.
4. *Skybina V.* Australian Lexicography: A History and Typology // New Trends in Lexicography: Ways of Registrating and Describing Lexis / Ed. by O. Karpova, F. Kartashkova. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2010. P. 100–119.

Galina Vishnevskaya

Ivanovo State University, Russia

VARIETIES OF ENGLISH AS REFLECTED IN PRONUNCIATION DICTIONARIES

As the world is in transition, so the English language is taking new forms. English has changed substantially in the 1,500 years or so of its use, reflecting contacts with other languages and the changing communication needs of people. New modes of writing and speaking are appearing thanks to the many varieties of English in the globalised world of to-day. *Variability* or *variation* of speech (pronunciation in particular) is determined by a number of intralinguistic and extralinguistic factors. In the teaching of English to non-native speakers the choice of the pronunciation norm in view of the enormous variety of the pronunciation types in the target language may be quite a dilemma for a teacher and a student. Now that English has become a *global language* and by this standing as a *lingua franca*

has given rise to a number of *Englishes* (Crystal, 1997), and a great variety of accents.

Accent is a term widely used in describing pronunciation deviations from the codified acceptable pattern and referring to pronunciation only: "...the cumulative auditory effect of those features of pronunciation which identify where a person is from, regionally or socially... The popular label 'broad' accent refers to those accents that are markedly different from RP" (Crystal, 1995, 2). Received Pronunciation, or RP, is generally recognized and described as a typically British accent, often termed as *BBC English*, *Oxford English*, *Queen's English*. It should be noted though that even *BBC English* can no longer be restricted to one type of accent. The regional accents of English speakers show great variation across the areas where English is spoken as a first language. Other accents are represented by the world varieties of English including, beside British English, American English, Australian English, New Zealand English, the *Englishes* of South and South-East Asia, Southern Africa, and the Caribbean, among others.

The pronunciation features of the many varieties of English are described in detail by J. Wells, the well-known British phonetician in his renowned three-volume work *Accents of English* (1982). Present-day English pronunciation is best represented in modern authoritative pronunciation dictionaries (*EPD*, *LPD*, *ODP*). Both segmental and suprasegmental characteristics of English speech are described in pronouncing dictionaries with the help of International Phonetic Alphabet (IPA), a phonetic notation system that uses a set of symbols to represent each distinct sound that exists in human spoken language and encompasses all languages spoken on earth. The IPA is an academic standard that was devised by the International Phonetic Association (1886). The IPA is used by foreign language students and teachers, linguists, speech-language pathologists, singers, actors, lexicographers, constructed language creators, and translators. The way in which the new trends in modern English pronunciation, the differences in variants, dialects and accents of English are reflected in pronunciation dictionaries, and are in the focus of many research projects. However, the actual pronunciation of words in continuous

speech varies widely and tends to reveal some of the features that are not yet accurately described in lexicographic sources, especially the ones with no phonetically-oriented approaches (the ones that are not “pronouncing dictionaries”). A pronunciation dictionary is a specialized type of dictionary that does not contain definitions or example sentences. It only contains *phonetic transcriptions* and *recordings* which tell you how to pronounce words correctly.

A pronunciation dictionary has several advantages over a general dictionary: it contains more words and word-forms; it has more pronunciation variants and more precise transcriptions. Besides, it is often supplied with audio materials. Phonetic lexicography of late has become an important study domain for lexicographers since there is a great demand for authoritative pronunciation dictionaries in the situation of language globalization and the unprecedented spread of oral English. The number of non-native speakers of English in the world is constantly growing and they want to understand the language they hear and to be understood when they speak it in their daily or professional communication. The modern approach to the pronunciation norms has become less rigid and is oriented towards the many social and territorial varieties of pronunciation, often supported by the orthographic norms of the language. Also, it should be noted that the actual pronunciation of words in continuous speech varies widely and tends to differ quite markedly from the citation forms of words (Gahl, 2012).

There is a problem of phonetic inconsistency in many English dictionaries aimed at the learners of EFL and ESL, for both general and professional purposes. And there is a vital need for pronouncing dictionaries. Both *lexicographic phonetics* and *phonetic lexicography* can greatly contribute into the theory and practice of dictionary making (Sobkowiak, 2005). Specialized lexicography research projects should be targeted at a more detailed and systematic description of the many varieties of English with a focus on the phonetic aspect of represented lexical entries.

References

1. *Crystal D.* English as a Global Language. Cambridge : Cambridge University Press, 1997. 212 p.
2. *Crystal D.* A Dictionary of Linguistics and Phonetics. 4th edn. Cambridge, MA : Blackwell, 1995. 426 p.
3. *Gahl S.* Why So Short? Competeing Explanations for Variation // Proceedings of the 29th West Coast Conference / Ed. by J. Choi et al. Sommerville, MA : Cascadilla Proceedings Project, 2012. P. 1–10.
4. *Sabkowiak W.* Lexicographic Phonetics or Phonetic Lexicography? // Symposium on Lexicography XI : Proceedings of the Eleventh International Symposium on Lexicography, 2–4 May, 2002 at the University of Copenhagen / Ed. By H. Gottlieb, J. E. Mogensen, A. Zettersten. Tübingen : Max Neimeyer Verlag, 2005. P. 511–520.
5. *Wells J.* Accents of English. Cambridge : Cambridge University Press, 1982. 673 p.

Электронные справочные ресурсы и проекты новых словарей

М. Л. Алексеева

Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия

СПЕЦИФИКА ПОСТРОЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ДИАХРОНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДНОГО СЛОВАРЯ-СПРАВОЧНИКА

Диахронический переводной словарь-справочник (ДПС) – это специальный двуязычный словарь исторического типа, включающий несколько разновременных вариантов перевода лексических единиц, не зафиксированных в традиционных двуязычных словарях. Переводные эквиваленты отбираются из разных по времени выполнения параллельных переводов одного и того же текста. Словарь дает справку о значении входной единицы по толковым словарям исходного языка и включает все внетекстовые переводческие пояснения (в постраничных сносках или в затекстовых комментариях). Это позволяет читателю оценить тенденции передачи безэквивалентной единицы за определенный достаточно продолжительный период времени (более ста лет).

Проблема выбора источников для ДПС обсуждалась на IX Международной школе-семинаре *Лексикографические ракурсы: традиции и вызовы XXI века* (Иваново, 8–10 сентября 2011 г.). Предмет исследования настоящей работы составляет электронный ДПС – автономный несетевой программный продукт. Мы рассмотрим вопросы, касающиеся специфики программного продукта, принципов построения электронной картотеки, гипертекстовой основы, форм интерфейса навигатора на примере электронного ДПС *Русские реалии в зеркале немецкого языка 2008*.

Электронный диахронический переводной словарь-справочник реалий представляет собой программный продукт, созданный с использованием передовых языков программирования C++, Java Scripts и уникального языка на основе ядра VDB, обеспечивающих возможность оперировать изображением и текстовой информацией.

Он имеет трехчастную структуру: предкорпусная часть, корпус, послекорпусная часть.

Предкорпусная часть включает окружающий текст, включающий шесть блоков (1. Предисловие. 2. Правила пользования. 3. Список лексикографических источников. 4. Список условных сокращений. 5. Словарные русские реалии. 6. Сводная таблица вариантов перевода реалий), которые могут быть активизированы в любой очередности в зависимости от желания пользователя.

Работа с основным корпусом осуществляется с помощью кнопки «поиск» по следующим параметрам: заданной части слова или целому слову, возможному варианту перевода или его части, названию текста, году или автору перевода.

Послекорпусную часть образуют три навигатора, размещенные за кнопками «справочники». Они предоставляют дополнительные возможности: позволяют просматривать, удалять, добавлять и редактировать информацию. Справочник *Реалии* включает список реалий, выстраиваемый в начально- и конечно-алфавитном порядке, толковый словарь русских реалий, иллюстрации. В справочнике *Контексты* представлены минимальные контексты, равные одному предложению, немецкий перевод и обратный перевод автора. Справочник *Романы* содержит полную информацию по выходным данным оригинального издания и его соответствующих параллельных переводов.

С помощью гиперссылок пользователи диахронического русско-немецкого словаря могут осуществить поиск в любой последовательности нужной единицы по нескольким параметрам, быстро перейти к ее толкованию, цветным иллюстрациям, русским контекстам, в которых она встречается, и немецким вариантам перевода, редактировать их, просмотреть обратный перевод, при наличии переводческие комментарии на немецком языке, по-

лучить справку о времени, месте, авторе перевода, об освоенности данной русской реалии современным немецким языком, добавить реалии, другие контексты, новые переводы, выполненные профессиональными переводчиками или собственные переводческие решения, сохранив их в базе данных, удалить ненужную информацию и, при необходимости, распечатать материал.

Электронная картотека ДПС построена на основе базы данных (БД) ACCESS, работающей в среде Windows. Подготовленный для печатного словаря-справочника (Алексеева, 2007) словарный материал вводится в БД и образует исходную базу данных создаваемого программного продукта. Последующее редактирование происходит не в текстовых файлах, а непосредственно в базе данных электронного словаря. Поля записи БД преобразуются в зоны словарной статьи в автоматическом режиме. Словарные статьи также сортируются в алфавитном порядке автоматически, затем обрабатывается система отсылок.

Электронный ДПС создан на гипертекстовой основе, предполагающей специально разработанную систему ссылок и позволяющей в автоматическом режиме формировать словарные статьи, хранить и обрабатывать материал. Использовалась технология организации гипертекста жесткой структуры с фиксированными отношениями между его элементами, как иерархического (древовидного), так и сетевого строения. Гипертекстовые технологии позволяют представить словарные статьи ДПС нелинейно и сочетать разнородную информацию: текст, иллюстрации, таблицы, схемы.

В основе гипертекста лежит принцип навигации – возможность поиска и переходов по гиперссылкам, внедренным в слова и рисунки, позволяющий получить ускоренный доступ к нужной информации.

Электронный диахронический переводной словарь-справочник позволяет автоматизировать процесс поиска переводных эквивалентов и представить словарные статьи нелинейно.

Данная лексикографическая разработка является многоуровневым лексикографическим произведением, раскрывающим вариативность перевода в синхронии и диахронии.

Список использованной литературы

1. *Алексеева М. Л.* Русские реалии в разновременных немецких переводах романов Ф. М. Достоевского. Словарь-справочник. Екатеринбург : АМБ, 2007.
2. *Алексеева М. Л.* Русские реалии в зеркале немецкого языка. Электронный словарь-справочник. Екатеринбург : УРГПУ, 2008. 25 МГб.

М. В. Баламакова

Ивановский государственный университет, Россия

О ПРИНЦИПАХ ОТБОРА ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ СПРАВОЧНЫХ РЕСУРСОВ ДЛЯ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ

Процесс подготовки будущих профессионалов в сфере английской филологии достаточно сложен; его эффективность может быть обеспечена, в том числе, обоснованным применением новых информационных технологий по следующим направлениям: собственно лингвистика, лингводидактика и перевод, поскольку именно эти области – как показывает практика – привлекают наших выпускников.

Современные сетевые ресурсы предлагают множество видов деятельности по обучению английскому языку и овладению профессиональными навыками в указанных сферах. Опыт преподавания практического английского языка и перевода, а также руководства студенческими научными работами доказывает, что студентам требуются точные и четкие указания на те характеристики электронных ресурсов, которые могли бы помочь им в профессиональном становлении, поскольку результат самостоятельного поиска таких ресурсов иногда бывает случайным, а применение полученных данных – некорректным.

В ходе изучения курса *Новые информационные технологии* студенты отделения английского языка и литературы знакомятся с большим количеством профессионально-ориентированных элек-

тронных ресурсов и учатся отбирать их для собственной учебной, научной и прочей деятельности с применением аналитического подхода.

Так, использование любимой многими студентами электронной энциклопедии *Википедия* не всегда поощряется преподавателями, поскольку пишется она «всем миром», а значит, за качество предоставляемой информации никто не отвечает. Между тем, в качестве источника первичной информации данный ресурс может быть незаменим. Другое дело, что необходимо получить и второе мнение, то есть перепроверить информацию по иным источникам, обеспечив тем самым ее *достоверность и надежность*.

В рамках данной работы не планируется подробно затрагивать принципы отбора словарей пользователями – на это есть специалисты-лексикографы; отметим, что данная тема достаточно подробно разработана в отечественной и зарубежной лексикографии.

Другой принцип отбора специализированных сетевых ресурсов сводится к обеспечению их соответствия *конечным задачам пользователя*. Не секрет, что программы машинного перевода привлекают студентов легкостью использования: многие из подобных программных продуктов доступны и бесплатны. На семинаре, посвященном проблемам машинного перевода, студенты тестируют различные переводческие системы на примере специально подобранных преподавателем художественных, научных и научно-популярных текстов.

В ходе такого тестирования выявляются сильные и слабые стороны соответствующих программных продуктов по следующим *параметрам*: 1) насколько полученный перевод каждого текста адекватен и эквивалентен; 2) как поступает система с лексическими единицами, не включенными в ее базу данных (оставляет в исходном виде, т. е. на языке оригинала, либо транслитерирует, выделяет цветом в случае неполного соответствия и проч.); 3) какие виды текста наилучшим образом поддаются машинному переводу; 4) какие переводческие системы обеспечивают максимальную адекватность и эквивалентность; 5) какие лексические единицы сложнее всего в переводе и т. п. По результатам работы на семинаре студентам предлагается сформулировать те виды их деятельности, в которых применение систем машинного перевода является *оправданным*.

В идеале студенты приходят к следующим выводам: применение большинства систем машинного перевода оправдано в следующих случаях: 1) научно-исследовательская деятельность (изучение проблем, связанных с переводом); 2) работа с текстом на незнакомом иностранном языке для получения информации первичного характера о содержании конкретного текста.

Еще один вид программных продуктов/сетевых ресурсов, с которыми знакомятся студенты в ходе изучения данного курса, – это обучающие программы и сетевые ресурсы, предлагаемые множеством отечественных и зарубежных разработчиков на платной, условно-бесплатной или бесплатной основе. Самостоятельный поиск ресурсов указанного типа приводит студентов к выводу о том, что все их просмотреть невозможно, а значит, следует уточнять формулировку запроса по следующим *параметрам*: 1) уровень владения языком; 2) предпочитаемая языковая норма; 3) вид речевой деятельности; 4) доминирующий канал восприятия информации; 5) возможность настройки интерфейса для максимального комфорта пользователя; 6) наличие обратной связи и т. д.

Наряду с программными продуктами «классического» типа, т. е. предполагающими исключительно учебную деятельность, студенты обнаруживают множественные обучающие ресурсы в виде форумов, блогов, чатов и т. п. с участием носителей языка; такие ресурсы обладают особой привлекательностью в глазах студентов, поскольку предполагают непосредственное общение с представителями иных культур и, безусловно, могут служить дополнительным средством изучения иностранного языка.

Главной задачей курса *Новые информационные технологии* наряду со знакомством студентов с огромным разнообразием профессионально-ориентированных сетевых ресурсов автор видит *преодоление «рецептурного» подхода* к выбору таких ресурсов со стороны студентов, который они изначально предпочитают всем иным, поскольку понятно, что получить готовое и рекомендованное всегда наименее затратно по времени и усилиям. Альтернативой такому подходу видится *выработка* студентами *собственных принципов отбора* соответствующих ресурсов на основе личного опыта их практического применения и критического анализа полученных результатов.

И. А. Воронцова

Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского, Россия

МЕДИАСЛОВАРЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АВТОРА И ЧИТАТЕЛЯ

Развитие практической лексикографии на современном этапе не мыслится без использования новых технологий, прежде всего, сетевых. Интернет-формат лексикографической продукции, который является наиболее репрезентативным примером формата сетевого словаря, предоставляет своему пользователю необозримые справочные, исследовательские и рекреационные возможности. Наряду с очевидными преимуществами, которые имеют все компьютерные словари – высокая скорость обработки информации, портативность носителей информации, возможность переключения направления перевода, полнотекстовый поиск, распознавание и синтез звука и др., сетевые или онлайн-словари имеют гораздо большую представленность и общедоступность, располагают параллельными ссылками на другие онлайн-лексикографические источники, постоянно пополняются и обновляются, обеспечивая пользователей актуальной лингвистической и экстралингвистической информацией.

Неизменное увеличение темпа жизни предъявляет к современному человеку требование осуществлять скоростной поиск и вычленение релевантной информации, что не может не сказываться на организации и содержании справочных ресурсов, объединяющих в себе различные лексикографические и текстовые жанры.

К таким многофункциональным интерактивным продуктам можно применить термин *медиасловарь*, который определяется как полифункциональный лексикографический продукт, основанный на идее конвергенции жанров и выполненный в сетевом формате. Благодаря сетевым технологиям, применяющимся для создания словаря такого типа, справочная информация организуется

в виде медиатекста с привлечением графических (в том числе видео- и анимационных) и аудиоматериалов.

Авторитетные зарубежные издательства имеют сетевые версии практически всех своих известных печатных изданий: *Oxford Dictionary Online* (<http://www.oxforddictionaries.com>), *Merriam-Webster Online* (<http://www.merriam-webster.com>), *Longman Dictionary of Contemporary English Online* (<http://www.ldoceonline.com>) и др. Наиболее популярными независимыми медиасловарями сегодня являются энциклопедический проект *Wikipedia* и ее субпродукт *Wiktionary*, *The Free Dictionary*, *Urban Dictionary*, *Pseudodictionary*, *Double-Tongued Dictionary* и др.

Компоненты мегаструктуры медиасловаря *Введение* и *Как пользоваться словарем* чаще всего представлены в видеоформате или в виде PowerPoint-презентации (*Oxford Dictionary Online*, *Cambridge Dictionaries Online*, *Macmillan Dictionaries Online*, *Merriam-Webster Online* и др.). В дополнение к названным разделам мегаструктура словарей располагает интерактивными упражнениями, направленными на формирование лексикографической компетенции пользователя.

Корпус медиасловаря имеет, как минимум, два входа: алфавитный и понятийный, сочетая в себе толковый словарь и тезаурус. Некоторые словари предлагают пользователям визуальные тезаурусы, выполненные в объемной графике: каждое лексико-семантическое поле представлено в виде подвижной кристаллической решетки, узлы которой способны перемещаться в центр, становясь ядром поля и приобретая новые семантические связи. Цветовые обозначения узлов отвечают за маркировку лексико-грамматических классов, на боковой части панели даны определения ключевых слов (<http://www.visualthesaurus.com>).

В состав некоторых медиасловарей включены терминологические словари (например, словарь медицинских терминов в *Merriam-Webster Online*), а также энциклопедии или ссылки на авторитетные энциклопедические ресурсы (раздел *Encyclopedia* словаря *Merriam-Webster Online* содержит ссылку на сетевую версию энциклопедии *Britannica*, если заимствует словарные статьи из данного ресурса). К некоторым словарям (*Oxford Dictionary*

Online) подключены учебные словари и словари языковых вариантов (*US English Dictionary*).

Микроструктура медиасловаря сосредоточивает в себе все лучшие достижения современной практической лексикографии и содержит разнообразные информационные зоны: зону толкования, зону иллюстративных примеров, грамматическую, словообразовательную, этимологическую, фразеологическую зоны и т.д. Интерактивный характер входным единицам медиасловарей сообщают многочисленные аудио- и видеоприложения: запись звучания искомых слов, фотографии, рисунки, схемы (особенно для статей толково-энциклопедического характера), рубричные видеосюжеты, записанные составителями словаря или профильными специалистами и т.д. Особую образовательную ценность имеют интерактивные задания тренировочного, тестового и познавательного характера, основной задачей которых является письменная или устная отработка словоупотребления и расширение фоновых знаний пользователя. Это упражнения и тесты лексического, грамматического, орфографического, стилистического плана, задания на перевод, кроссворды, головоломки, викторины, игры и др. Интерес представляют научные и научно-популярные статьи по истории языка, корпусной лингвистике, лексикографии и т.д. (например, в *Oxford Dictionary Online*). Серьезное практическое значение имеют интерактивные приложения по деловому языку (инструкции по составлению и образцы резюме, деловых писем, программ собеседования и т.д.), подготовке к международным экзаменам, методические материалы для преподавателей и др.

Развитие сетевых и медийных технологий определило направления движения абсолютно всех сфер интеллектуальной и социальной деятельности человека. Лексикография как глубоко социолингвистическая дисциплина одной из первых отреагировала на появившиеся технологические возможности, и сегодня уже с полной уверенностью можно говорить о стойком формировании медиалексикографии, имеющей широчайшие перспективы развития.

Н. Б. Егошина

Ивановский филиал Российского государственного торгово-экономического университета, Россия

ИНТЕРНЕТ-СЛОВАРИ АНГЛИЙСКОГО СЛЕНГА НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Англо-английские словари в Интернете условно можно разделить на три группы. Первая – онлайн-версии словарей авторитетных издательств, таких как *Oxford University Press*, *HarperCollins Publishers* и др., целью которых является, в том числе, привлечение потребителей для своих бумажных и электронных версий. В онлайн-версиях таких словарей часть информации может находиться в закрытом доступе. Вторая – это изначально онлайн-словари, сделанные специально для Интернета. Особенность многих из них состоит в том, что они собирают данные по многочисленным сетевым ресурсам и энциклопедиям и предоставляют большой объём информации для пользователей. Третья группа – это узкоспециализированные словари.

Словари сленга в глобальной сети, и их достаточно много, безусловно, относятся к третьей группе онлайн-словарей, но их также можно отнести и ко второй группе, поскольку они созданы специально для Интернета, многие из них базируются и имеют ссылки на другие Интернет-ресурсы.

Интернет-словари сленга отличаются, прежде всего, объёмом и охватом лексики. Они представляют собой или огромные Интернет-ресурсы, включающие в себя не только словники, но и большое количество ссылок на другие веб-ресурсы, статьи, книги, путеводители по различным аспектам сленга и даже интерактивные игры. Например: *English Slang and Colloquialisms used in the United Kingdom* (<http://www.peevish.co.uk/slang/links.htm>), *Slang City* (<http://www.slangcity.com>), *Slang Site* (<http://www.slangsite.com>), *Urban Dictionary* (<http://www.urbandictionary.com>). Главная особенность таких словарей состоит в том, что они постоянно обновляются не только авторами, но и за счёт поступления сленговых единиц от

пользователей (*Urban Dictionary*, один из самых популярных в Интернете, создан и пополняется под руководством редактора исключительно пользователями). К ним также относятся небольшие справочники, такие как *Many Things* (<http://www.manythings.org/slang>), представляющий собой список из 280 определений американских сленгизмов, а также словари сленга, представленные как страница на определённом сайте (многие компании размещают у себя на сайте как страницу небольшой по объёму глоссарий или справочник по сленгу, связанный обычно по тематике с их видом деятельности), например: *Dave's ESL Café* (<http://www.eslcafe.com/>).

По содержанию словари сленга в Интернете представляют большое жанровое многообразие. Кроме британских и американских словарей и веб-ресурсов можно найти немало других словарей регионального сленга, например: *Aussie Slang* (<http://www.ozatwar.com/ozatwar/aussieslang.htm>), *Everyday English and Slang in Ireland* (<http://www.irishslang.co.za>), *New Zealand Slang* (<http://www.newzealandslang.com>), *South African Slang* (<http://www.newfusion.co.za>) и много других.

Достаточно широко представлены в сети сленговые словари, посвящённые определённой тематике и социальным группам людей: *Online Slang* (<http://www.onlineslangdictionary.com>) – словарь Интернет-сленгизмов и акронимов, *Internet Slang Dictionary & Translator* (<http://www.noslang.com>) – словарь Интернет-сленга с интерактивной функцией перевода, *Money Slang – English Slang* (<http://www.learnenglish.de/slang/moneyslang.htm>) – словарь сленговых слов и выражений для обозначения денежных единиц, *Guide to Truckers Slang* (<http://www.thetruckersreport.com>) – справочник сленга водителей грузовых автомобилей, *Glossary of Drug-Related Slang (Street Language)* (<http://www.uta.fi/FAST/GC/drugslan.html>) – глоссарий сленга наркоманов, *The Infinite Teen Slang Dictionary* (<http://www.thesurrealist.co.uk/slang>) – словарь-каталог молодёжного сленга, *The Gay Slang Dictionary* (<http://www.datehookup.com/content-the-gay-slang-dictionary.htm>) – словарь сленга гомосексуалистов, *The Online Dictionary of Playground Slang* (<http://www.odps.org>) – словарь сленга игровых площадок от детского и школьного сленга до сленга гомосексуалистов, *Prison Slang* (<http://www.streetgangslang.com/>)

prisonslang.html) – словарь тюремного сленга и т.д. Фактически, эти словари представляют лексику основных источников, из которых появляется сленг. Что касается сленга, связанного с определёнными профессиями и сферами деятельности, то он в Интернете практически не представлен.

Двуязычные англо-русские и русско-английские Интернет-словари сленга размещены в основном на русскоязычных сайтах компаний, занимающихся всевозможными формами изучения английского языка. Основной тип – глоссарий сленга с небольшим количеством входных единиц и неразработанной словарной статьёй, где основными компонентами являются ключевое слово и его толкование. Размещены такие глоссарии обычно на интерфейсе, где много рекламы и другой (в основном не нужной пользователю) информации, поиск единиц осуществляется через алфавитное меню или специальное окно поиска. Авторами таких лексикографических произведений являются не профессионалы. Например: *Английский сленг, Американский сленг* (<http://www.correctenglish.ru/reference/slang/>), *Англо-русский словарь сленга и идиом* (<http://www.audio-class.ru/slang/>), *Краткий англо-русский словарь популярного сленга* (<http://www.mrenglish.ru/>) и т. д.

Список использованных словарей

1. Английский сленг, Американский сленг.
URL: <http://www.correctenglish.ru/reference/slang/>.
2. Англо-русский словарь сленга и идиом. URL: <http://www.audio-class.ru/slang/>.
3. Краткий англо-русский словарь популярного сленга. URL: <http://www.mrenglish.ru/>.
4. Aussie Slang.
URL: <http://www.ozatwar.com/ozatwar/aussieslang.htm>.
5. Dave's ESL Café. URL: <http://www.eslcafe.com/>.
6. English Slang and Colloquialisms used in the United Kingdom.
URL: <http://www.peevish.co.uk/slang/links.htm>.
7. Everyday English and Slang in Ireland.
URL: <http://www.irishslang.co.za>.

8. The Gay Slang Dictionary. URL: <http://www.datehookup.com/content-the-gay-slang-dictionary.htm>.
9. Glossary of Drug-Related Slang (Street Language). URL: <http://www.uta.fi/FAST/GC/drugslang.html>.
10. Guide to Truckers Slang. URL: <http://www.thetruckersreport.com>.
11. The Infinite Teen Slang Dictionary. URL: <http://www.thesurrealist.co.uk/slang>.
12. Internet Slang Dictionary & Translator. URL: <http://www.noslang.com>.
13. Many Things. URL: <http://www.manythings.org/slang>.
14. Money Slang – English Slang. URL: <http://www.learnenglish.de/slang/moneyslang.htm>.
15. New Zealand Slang. URL: <http://www.newzealandslang.com>.
16. Online Slang. URL: <http://www.onlineslangdictionary.com>.
17. The Online Dictionary of Playground Slang. URL: <http://www.odps.org>.
18. Prison Slang. URL: <http://www.streetgangslang.com/prisonslang.html>.
19. Slang City. URL: <http://www.slangcity.com>.
20. Slang Site. URL: <http://www.slangsite.com>.
21. South African Slang. URL: <http://www.newfusion.co.za>.
22. Urban Dictionary. URL: <http://www.urbandictionary.com>.

М. В. Зимина, Е. А. Якимова

Ивановский государственный университет, Россия

ОТРАЖЕНИЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В ЭЛЕКТРОННЫХ СЛОВАРЯХ

В последнее время большой популярностью среди людей, изучающих иностранные языки, пользуются электронные словари, поскольку они имеют ряд очевидных и существенных преимуществ по сравнению с бумажными словарями. Современные электронные словари не только значительно превосходят по объему книжные, но и находят искомое слово или словосочетание значительно быстрее. Учёные лексикографы выделяют две принципиально важные характеристики компьютерных словарей, в частно-

сти, – это возможность полнотекстового поиска и потенциально неограниченный объем (Селегей, 2003).

При этом представляется важным, проанализировать в полном ли объёме отражается в данных словарях семантика языковых единиц, в особенности неполнозначных слов, а также находят ли отражение их грамматические особенности и принадлежность к определённой части речи. Анализ проводится на материале семи многоязычных онлайн-словарей: *Мультитран* (<http://www.multitrans.ru>), *ABBYY Lingvo Online* (<http://www.lingvo-online.ru>), *Prompt Ver-Dict 2.0 Online* (<http://www.ver-dict.ru/online/>), *Lingvo-Soft* (<http://www.perevodslow.ru/lingvosoft.html>), а также словари поисковых систем *Яндекс* (<http://slovari.yandex.ru>), *mail.ru* (<http://lingvo.mail.ru/>), *Google* (<http://www.google.ru>). В качестве предмета исследования берутся немецкие неполнозначные слова с семантикой отрицания. Данная группа является неоднородной, поскольку включает в себя отрицательные частицы, отрицательные местоимения, кванторы отрицания, союзы и предлоги со значением отрицания, а также непосредственно отрицательные слова.

Наиболее частотным средством выражения отрицания в немецком языке являются отрицательные частицы *nicht* и *kein*. Рассмотрим каким образом частица *nicht* отражается в вышеуказанных словарях. Во всех рассмотренных словарях, кроме словаря в поисковой системе *Google*, данная языковая единица относится к классу частиц. При этом в словарях поисковых систем *Яндекс* и *mail.ru*, а также в *ABBYY Lingvo Online* отдельно выделяются усиительное значение и значение в вопросительных предложениях. Во всех словарях, кроме *Prompt Ver-Dict 2.0 Online*, предлагаются три варианта перевода данного слова: *ne*, *ni*, *net*. В *Prompt Ver-Dict 2.0 Online* отсутствует вариант перевода с помощью слова *net*. Только в словарях поисковых систем *Яндекс* и *mail.ru* имеются примеры описывающие употребление *nicht* в разных значениях и в разных контекстах. Во всех словарях отсутствует указание на возможность функционирования отрицания *nicht* в качестве модальной частицы, хотя имеет место один пример отражающий данное значение: *du kommst doch, nicht (wahr)?* — ты ведь придёшь, (правда)? (*Яндекс*, <http://slovari.yandex.ru>; *mail.ru*, <http://lingvo.mail.ru/>). Как

отдельное значение выделяется функционирование слова *nicht* в составе сложных союзов *nicht..., sondern, nicht nur ..., sondern auch, nicht ..., noch* в словарях поисковых систем *Яндекс* и *mail.ru*, а также в *ABBYY Lingvo Online* и *Prompt Ver-Dict 2.0 Online*. В качестве перевода предлагаются варианты: *не ..., а, не только..., но и, ни..., ни*.

В словарях поисковой системы *Яндекс*, а также в *ABBYY Lingvo Online* и в *Мультитран* даются переводы слова *nicht*, функционирующего в качестве существительного: *отказ, отрицание, нет*.

Отрицательное слово *kein* является менее частотным, хотя и достаточно употребимо в немецком языке.

Во всех исследуемых словарях данное слово трактуется как неопределённое местоимение. И только в *Prompt Ver-Dict 2.0 Online* выделяется два употребления этого слова в роли существительного и в роли прилагательного. Как логическая частица *kein* не толкуется ни в одном из рассмотренных словарей, хотя в словарях поисковых систем *Яндекс* и *mail.ru*, а также в *ABBYY Lingvo Online* приводятся примеры, в которых *kein* функционирует в качестве частицы и соответственно переводится частицей *не*. В качестве неопределённого местоимения слово *kein* во всех словарях переводится следующим образом: *ни один, никто, никакой*. Словари поисковых систем *Яндекс* и *mail.ru* предлагают ещё один вариант перевода данного слова, а именно *нет*.

Таким образом, отрицательные частицы *nicht* и *kein* по-разному трактуются в электронных словарях. На русский язык они переводятся с помощью различных языковых единиц, выражающих отрицание, наиболее полное отражение их семантики имеет место в словарях поисковых систем *Яндекс* и *mail.ru*.

Список использованной литературы

1. Поисковая система Яндекс. URL: <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения 07.06.2013).
2. Поисковая система mail.ru. URL: <http://lingvo.mail.ru/> (дата обращения 07.06.2013).
3. Поисковая система Google. URL: <http://www.google.ru> (дата обращения 07.06.2013).

4. *Селегей В.* Электронные словари и компьютерная лексикография.// Ассоциация лексикографов *Lingvo*. 2003. URL: http://www.lingvoda.ru/transforum/articles/selegey_a1.asp. (дата обращения 07.06.2013).
5. Словарь *Мультитран*. URL: <http://www.multitrans.ru> (дата обращения 07.06.2013).
6. Словарь *ABBYY Lingvo Online*. URL: <http://www.lingvo-online.ru> (дата обращения 07.06.2013).
7. Словарь *Prompt Ver-Dict 2.0 Online*. URL: <http://www.verdict.ru/online/> (дата обращения 07.06.2013).
8. Словарь *Lingvo-Soft*. URL: <http://www.perevodslow.ru/lingvosoft.html> (дата обращения 07.06.2013).

Л. А. Кривенко, М. А. Стернина
Воронежский государственный университет, Россия

ОПЫТ СОЗДАНИЯ СЛОВАРЯ КОММУНИКАТИВНОЙ РЕЛЕВАНТНОСТИ СЕМЕМ

Под коммуникативной релевантностью семемы мы понимаем ее востребованность на современном этапе развития языка, проявляющуюся в частотности ее употребления. Созданный нами словарь коммуникативной релевантности семем наиболее частотных русских и английских субстантивных лексем является первой попыткой создания словаря подобного рода. Представляется, что необходимость создания такого словаря назрела давно – существующие словари частотности фиксируют лишь частотность лексем, данные о частотности семем в их семантемах не приводятся. Однако такие данные важны и необычайно востребованы как в практике преподавания соответствующих языков, так и при изучении национальной специфики лексем, поскольку они объективно свидетельствуют о востребованности того или иного значения слова.

Отметим, что определение частотности отдельных семем в семантеме – дело более чем трудоемкое, сама возможность осу-

ществления которого до недавнего времени даже не дискуссировалась. Данная возможность стала реальностью исключительно благодаря появлению в арсенале современной лингвистики методов корпусного анализа.

Так, для определения частотности семем, включенных в словарь лексем из *Национального корпуса русского языка*, и *Британского Национального Корпуса* нами было отобрано по 1 000 примеров употребления каждой лексемы, затем каждый из этих примеров был соотнесен с конкретной семемой, входящей в соответствующую семантему. Перечень семем в семантемах определялся исходя из дефиниций, зарегистрированных в словарных статьях авторитетных толковых словарей русского и английского языков с учетом незафиксированных в словарях значений, встретившихся в корпусе исследованных примеров.

Для объективной характеристики частотности значений в семантеме слова мы использовали *индекс коммуникативной релевантности семемы* – введенный нами в рамках разрабатываемого в Воронежском университете сопоставительно-параметрического метода формализованный параметр, определяемый через отношение количества зафиксированных употреблений данной семемы к общему количеству исследованных употреблений лексемы (Баранова (Кривенко), 2009).

В словарь включено сто английских и сто русских наиболее частотных субстантивных лексем по данным *Частотного словаря русского языка С. А. Шарова* и списка частотных существительных *Британского Национального Корпуса*.

Особенностью данного словаря является то, что он построен не по алфавитному принципу, лексемы в нем расположены в соответствии с частотностью их употребления, то есть с их местом в списках частотности субстантивных лексем русского и английского языков. Семемы в словарной статье также расположены в порядке убывания их коммуникативной релевантности. Отдельно отмечены коммуникативно нерелевантные семемы, то есть те, которые не встретились в изученных нами контекстах.

В словарь включены данные о коммуникативной релевантности семем, демонстрирующих как лексическую, так и лек-

сико-грамматическую полисемию, т. е. полисемию на уровне частей речи. Отметим, что лексико-грамматическая полисемия выступает в двух видах – *собственно лексико-грамматическая полисемия* и *лексико-грамматическая вариантность*. В случае лексико-грамматической вариантности одному набору лексических сем соответствуют две или более лексико-грамматические семы, которые реализуются в зависимости от контекста. При лексико-грамматической полисемии каждому новому набору лексических сем соответствует отдельная лексико-грамматическая сема (Стернина, 1999, 25).

Данные об индексе коммуникативной релевантности (ИКР) приводятся жирным шрифтом в скобках после примера употребления соответствующей семемы или соответствующего лексико-грамматического варианта.

Словарь предназначен для преподавателей, студентов, переводчиков, специалистов, интересующихся проблемами лексикологии русского и английского языков.

Представляется, что описанный опыт создания словаря коммуникативной релевантности семем наиболее частотных субстантивных лексем русского и английского языков будет полезным при создании аналогичных словарей лексем различной частеречной отнесенности в разных языках.

Список использованной литературы

1. Баранова (Кривенко) Л. А. Опыт выявления частотности семем // Культура речи и ее формирование. Воронеж : Истоки, 2009. Вып. 21. С. 50–52.
2. Британский национальный корпус.
URL : <http://www.natcorp.ox.ac.uk>
3. Национальный корпус русского языка.
URL : <http://www.ruscorpora.ru>.
4. Стернина М. А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. Воронеж : Истоки, 1999. 160 с.
5. Частотный словарь С. А. Шарова.
URL : <http://www.artint.ru/projects/frqlist.asp>.

М. А. Кулагина

АНО ИвБШ ЛИНК, Открытый университет Великобритании,
Иваново, Россия

ЭЛЕКТРОННЫЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

В свете интенсивного распространения английского языка в мире, его преподавание приобретает глобальный масштаб. Статус английского как учебной дисциплины значительно возрастает, что ведет к переосмыслению и радикальному обновлению содержания обучения языку. Возникло принципиально новое понимание смысла дидактики и методики изучения иностранного языка. Постановка новых целей и задач обучения, отвечающих необходимости развития способности использовать язык как инструмент общения в контексте диалога культур, в наибольшей степени соответствует требованиям развития общества на современном этапе (Ловцевич, 2010; Карпова, 2008; Карпова, Германова, 2012; Матухин, 2010; Тер-Минасова, 2009; Ужова, 2011).

Одним из наиболее актуальных направлений современной лексикографии является создание учебных словарей, что обусловлено практическими нуждами процесса обучения, который направлен на формирование и совершенствование умений активного владения иностранным языком.

Развитие качественно новой среды обучения приводит к росту электронных дисциплин, таких как электронная педагогика, лингводидактика и лексикография. Дидактические и методические возможности современных средств обучения расширяются наряду с совершенствованием смежных электронных отраслей знаний. Динамичное развитие сетевого пространства и образование мультязыковой среды приводит к необходимости создания новых лексикографических продуктов, призванных отвечать растущим требованиям современных пользователей. На рынке современных услуг появляются качественно новые справочники,

предоставляющие не только привычный пользователю перевод, дефиницию, синонимический ряд, орфоэпическую помету, дающую возможность прослушать слово, но и контекстуальные реализации входной единицы (Гарцов, 2010). К подобным ресурсам относятся следующие словари: *Cambridge Learner's Dictionary Online*; *Heinle's Newbury House Dictionary of American Language*; *Longman Dictionary of Contemporary English Online*; *Oxford Advanced Learner's Dictionary Online*.

Интенсивное развитие компьютерных технологий за последние несколько лет и их активное использование в учебном процессе привели к определенным изменениям в системе образования, затронувшим ее структуру, методологию и технологию процесса обучения. Сегодня актуализируется разработка подходов к использованию дидактического потенциала современных информационных источников в развитии личности обучаемого, раскрытии его креативности, формировании у него способностей к альтернативному мышлению, повышении качества обучения.

Согласно исследованиям специалистов по компьютерной лингводидактике, отмечается большой дидактический потенциал справочно-информационных систем, которые рассматриваются наряду с экспертными системами в качестве наиболее перспективных компьютерных средств обучения, возможности которых еще не полностью реализованы применительно к процессу обучения языкам.

На современном этапе развития лексикографические продукты решают задачи как словаря, так и учебника, содержащего все необходимые лексические, грамматические и культурологические сведения и отвечающего нуждам учащихся. Данные справочники способствуют эффективному усвоению материала и развитию необходимых учебных компетенций.

Несомненно, современные информационные технологии, применяемые при создании лексикографических продуктов нового поколения, повысят эффективность формирования лингвистической и межкультурной компетентности обучающегося.

Список использованной литературы

1. *Гарцов А. Д.* Формирование электронных дисциплин – новые приоритеты педагогики электронного века // Современные исследования социальных проблем. 2010. № 3 (03). С. 11–16.
2. *Карпова О. М.* О роли словарей в преподавании иностранных языков // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». 2008. Вып. 3: Филология. История. Философия. С. 28–31.
3. *Карпова О. М., Германова О. А.* Современная английская учебная лексикография : методич. рекоменд. к спецкурсу по направлению 032.700 “Филология”. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2012. 63 с.
4. *Ловцевич Г. Н.* Кросскультурный терминологический словарь как словарь нового типа (на материале английских и русских терминов лингводидактики) : дис. ... д-ра филол. наук. Владивосток, 2010.
5. *Матухин Д. Л.* Обучение взрослых устному иноязычному общению на основе культуротворческой среды. Томск : Изд-во Томского политехнического ун-та, 2010. 212 с.
6. *Тер-Минасова С. Г.* Война и мир языков и культур. Вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации. М. : Слово/Slovo, 2008. 344 с.
7. *Ужова О. А.* Лексикографическое отражение английской культуры в словарях английского языка. Историко-типологическое исследование: дис. ... д-ра филол. наук. Иваново, 2011.

Список использованных словарей

1. Cambridge Learner’s Dictionary Online.
URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/learner-english/>.
2. Heinle’s Newbury House Dictionary of American Language. URL: <http://nhd.heinle.com>.
3. Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: <http://www.ldoceonline.com/>.
4. Oxford Advanced Learner’s Dictionary. 8th Edition Online.
URL: <http://oald8.oxfordlearnersdictionaries.com/>.

М. В. Лутцева

Ивановский государственный университет, Россия

ИЗ ОПЫТА СОЗДАНИЯ АНГЛО-РУССКОГО СЛОВАРЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

В условиях интенсификации международного общения и роста необходимости профессиональной коммуникации специалистов из разных стран, ведущие научные школы проводят масштабные исследования, призванные оптимизировать процесс изучения иностранных языков. Изменение потребностей людей в лучшем понимании реалий страны изучаемого языка влечет за собой появление новых изданий на рынке лексикографической продукции. Тенденция к созданию на основе аутентичных источников специальных справочников, ориентированных на пользователей разных уровней языковой компетенции, обуславливает важность разработки методов фиксации и описания данных терминологических единиц в лексикографических источниках.

Одним из главных вопросов, встающим перед лексикографом при составлении специального англо-русского словаря юридических терминов, является проблема включения в справочник по возможности всех терминов, принадлежащих к описываемой отрасли специальных знаний. В решении данного вопроса большую роль играет логико-понятийное моделирование. Результатом подобного моделирования является составление логико-понятийной схемы (ЛПС), которая понимается как «совокупность взаимосвязанных понятий определенной отрасли знания, соотнесенная с системой объектов данной отрасли» (Герд, 1981, 29).

Основными источниками терминологических словарей являются статьи и монографии, относящиеся к определенной отрасли знания, авторитетные учебники вузов, так как в них содержатся наиболее ясные и четкие определения понятий и терминов науки. При условии использования логико-понятийного анализа в словник терминологического справочника включаются все термины, представляющие собой план выражения того или иного звена логико-понятийной схемы.

Определению границ предметной отрасли *юриспруденция*, на наш взгляд, способствует моделирование внутренней логико-понятийной схемы. Внутренняя логико-понятийная классификация представляется в виде схемы, на которой разделы, входящие в состав данной области, расположены по типу родовидовых отношений. Моделирование внутренней ЛПС специальности позволяет подробно структурировать понятийную структуру рассматриваемой предметной области, а также выявить терминологические особенности ее компонентов.

В основу внутренней логико-понятийной схемы данной работы положена взаимосвязь отраслевых наук в системе предметной области *юриспруденция*. Анализ монографий позволяет выделить в рассматриваемой отрасли знаний следующие подотрасли: *International law, Constitutional law, Administrative law, Criminal law, Tort law, Property law, Procedural law, Inheritance law, Family law, Company law*. Исходя из определений отдельных отраслей права и сфер их функционирования, каждая подотрасль обслуживается определенной системой терминов. Таким образом, при составлении специального словаря юридических терминов, лексикограф не решает вопрос о том, термин перед ним в тексте или не термин, а о том, может ли быть соотнесен данный сегмент текста с заранее смоделированной логико-понятийной схемой.

Это делает моделирование логико-понятийной схемы предметной области одним из наиболее важных этапов в изучении терминологии юриспруденции и, в дальнейшем, неотъемлемой частью работы над терминологическим словарем данной предметной области.

Следующий вопрос, возникающий при отборе специальной лексики в справочник – это соответствие грамматической структуры лексикографируемого термина одной из наиболее продуктивных моделей, по которым строятся единицы исследуемой отрасли специальных знаний.

Для того чтобы абстрагироваться от содержания и привести к единообразному виду идентичные в плане выражения термины, прибегают к процедуре моделирования. В результате представляется возможным вычленение устойчиво воспроизводимых терминов, построенных по разным моделям, поскольку «за каждым составным термином стоит устойчивая стандартно воспроизводимая структура сложного профессионального понятия» (Головин,

1983, 61). Моделирование терминов состоит в представлении их структуры в виде комбинации буквенных символов, которые соответствуют частям речи, показывающим каждый терминологический элемент: N (noun) – сущ., Pr N (preposition + noun) – сущ. с предлогом, Adj (adjective) – прил., V (verb) – глагол, PI (participle I) – причастие I, и т. д.

В результате анализа многокомпонентных юридических терминов, нами был получен ряд моделей, характерных для данной отрасли специальных знаний. Всего было зарегистрировано 30 моделей:

1. N – *alibi, allegation, cross-examination, shoplifting.*
2. V – *appeal, charge, convict, witness, smuggle, coerce.*
3. N (adj) ← N – *arrest warrant, child abuse, death certificate.*
4. Adj ← N – *actual damage, capital murder, civil suit.*
5. V → N – *enforce law, file complaint, commit murder.*

Подобное моделирование способствует установлению основных принципов образования терминов, а также позволяет определить стержневое слово, что обеспечивает более точное расположение термина в словаре и облегчает работу лексикографа на подготовительном этапе.

Таким образом, лингвостатистический анализ юридических терминов по компонентным и частеречным показателям, наряду с составлением ЛПС, – это один из неотъемлемых этапов составления модели англо-русского словаря представленной области специальных знаний, поскольку позволяет не только определить количественные характеристики юридических терминов, но и определить оптимальную длину термина, подлежащего включению в планируемый справочник.

Список использованной литературы

1. Герд А. С. Специальные словари и их источники // Современная русская лексикография. Л. : ЛГУ, 1981. С. 106–112.
2. Головин Б. Н. Введение в языковедение : учеб. пособие для студентов филологических спец. педвузов. М. : Высшая школа, 1983. 230 с.

Н. И. Малыгина, М. А. Стернина

Воронежский государственный университет, Россия

СЛОВАРЬ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ ПОЛИСЕМИИ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ЛЕКСЕМ: ОПЫТ СОЗДАНИЯ

Доклад посвящен проблемам разработки словаря лексико-грамматической полисемии наиболее частотных английских глагольных лексем.

Авторы придерживаются мнения, что в семантемах данных глаголов наблюдается не только лексическая, но и лексико-грамматическая полисемия в обоих ее видах – в виде собственно лексико-грамматической полисемии и лексико-грамматической вариантности, которая, рассматривается как частный, более простой случай лексико-грамматической полисемии слова. При собственно лексико-грамматической полисемии семемы, находясь между собой в отношениях семантической производности, различаются как частеречными семами, так и по набору лексических сем, при лексико-грамматической вариантности набор лексических сем одинаков, семемы различаются лишь своими частеречными (лексико-грамматическими) семами (Стернина, 1999).

Словарь лексико-грамматической полисемии наиболее частотных английских глагольных лексем в основном является двуязычным переводным словарем обычного типа, но вместе с тем, отличается от других аналогичных словарей некоторыми особенностями.

К числу особенностей данного словаря относится, прежде всего, то, что в нем в большей мере, чем обычно делается в подобных словарях, уделено внимание полисемии глагольных лексем английского языка на уровне отдельных лексико-грамматических классов слов: перечень семем дается в соответствии с их частеречной отнесенностью. В предлагаемых словарных статьях сначала приводятся глагольные семемы, затем семемы, демонстрирующие лексико-грамматическую вариантность на уровне глагола и других частей речи, далее – семемы другой частереч-

ной отнесенности: субстантивные, адъективные, адвербиальные, междометные и предложные.

Материалом для создания словаря послужили 200 наиболее частотных английских глагольных лексем по данным списка частотности *Британского Национального Корпуса* (<http://ucrel.lancs.ac.uk/bncfreq/flists.html>).

Однако следует отметить, что в словарь включены лишь 120 единиц из исследованных 200 английских глаголов – только те, которые развивают в своих семантемах как лексическую, так и лексико-грамматическую полисемию. В словарь не вошли 80 наиболее частотных английских глагольных лексем, демонстрирующих только лексическую полисемию и не имеющих семем другой, кроме глагольной, частеречной отнесенности.

Еще одной существенной особенностью словаря лексико-грамматической полисемии является тот факт, что в нем приведены данные о частотности отдельных семем включенных в него глагольных лексем, в том числе и семем различной частеречной отнесенности.

Для определения частотности семем исследованных лексем было проанализировано по тысяче примеров употребления каждой лексемы из *Британского Национального Корпуса* (<http://bncweb.lancs.ac.uk>), каждый из примеров был соотнесен с конкретной семемой, входящей в соответствующую семантему. На основании проанализированных примеров употребления указанных лексем с помощью введенного Л. А. Барановой индекса коммуникативной релевантности (ИКР) семемы, под которым понимается отношение количества зафиксированных употреблений семемы к общему количеству исследованных употреблений лексемы (Баранова, 2009, 50–52), была определена коммуникативная востребованность отдельных семем и их лексико-грамматических вариантов.

Индекс коммуникативной релевантности каждой семемы указывается напротив нее в отдельной графе.

Словарь построен по алфавитному принципу. Специальные термины, когда это необходимо, снабжаются условными сокраще-

ниями (*тех.*, *воен.* и т.п.). Разговорные выражения и региональные варианты также имеют условные сокращения (*разг.*, *амер.* и т.п.).

Иллюстративные примеры в словаре почерпнуты из *Британского Национального Корпуса*, который содержит тексты разных жанров и стилей. В случае, когда то или иное значение характеризуется нулевой коммуникативной релевантностью, свидетельством которой является отсутствие в выборке примеров его употребления, оно иллюстрируется примером, почерпнутым из использованных лексикографических источников. В таких примерах глагольная лексема подчеркнута.

Предлагаемый словарь является первой попыткой создания словаря лексико-грамматической полисемии английских лексем и предназначен для преподавателей, студентов, переводчиков, специалистов в области лексикологии английского языка. Словарь будет также полезен широкому кругу интересующихся английским языком лиц в их поисках сведений об определенном классе слов, отдельном слове и коммуникативной востребованности его значений.

Список использованной литературы

1. Баранова (Кривенко) Л. А. Опыт выявления частотности семем // Культура общения и ее формирование. Воронеж : Истоки, 2009. Вып. 21. С. 50–52.
2. Данные Британского Национального Корпуса. URL: <http://bncweb.lancs.ac.uk>.
3. Стернина М. А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка. Воронеж : Истоки, 1999. 159 с.
4. Список частотности Британского Национального Корпуса. URL: <http://ucrel.lancs.ac.uk/bncfreq/flists.html>

М. В. Ополовникова

Ивановский государственный университет, Россия

СЕМАНТИКА ЧАСТИЦ В ЭЛЕКТРОННЫХ КОНТЕКСТНЫХ МНОГОЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ

Электронные контекстные словари – явление относительно новое в лексикографической практике, ставшее возможным благодаря стремительному развитию вычислительной техники и сети Интернет. Специфика словарей такого типа заключается в том, что они не просто раскрывают значение слова и иллюстрируют его несколькими примерами, но приводят широкий перечень контекстов употребления лексических единиц, наглядно демонстрирующих, как они действительно функционируют в речи, а также варианты перевода этих контекстов, позволяющие определить, как перевести слово в каждом конкретном случае. Наиболее популярные словари такого типа – это *Linguatools* и *Linguee*.

Словарь *Linguatools* (<http://www.linguatools.de/>) работает с довольно широкой палитрой языков (для исходного немецкого это 10 европейских языков перевода), предлагая для каждой языковой пары от 1 до 6 миллионов примеров. В качестве исходной единицы может служить как слово, так и словосочетание, фразеологизм, или даже целое предложение. Перевод примеров выполнен профессиональными переводчиками. В качестве источников служат тексты разнообразной тематики и жанровой принадлежности: пресса, официальные документы, специальная литература, философия, религия, литература, *Википедия* и др.

Словарная статья состоит из нескольких разделов: 1) варианты перевода лексемы, 2) примеры контекстов с искомым словом на двух языках с указанием жанра текста, откуда был взят пример (более 10 примеров на каждый вариант перевода), 3) устойчивые сочетания с искомым словом и их перевод, 4) прочие примеры (с переводом и указанием жанра текста), 5) грамматическая информация о слове.

Словарь *Linguee* (<http://www.linguee.de/>) представляет собой комбинацию традиционного двуязычного словаря и поисковика, в базе которого содержится свыше 100 миллионов текстов и их переводов. Поисковая система работает с дву- и многоязычными Интернет-страницами (сайтами фирм, организаций, университетов), а также другими источниками (документами Евросоюза, патентными описаниями и др.), отсортировывая их по степени профессиональности имеющегося перевода. Набор исходных языков, с которыми работает словарь *Linguee*, пока невелик (английский, немецкий, французский, испанский, португальский). Для исходного немецкого имеется 9 европейских языков перевода. В 2013 г. ожидается появление словарей для китайского, японского, русского и арабского языков.

Словарная статья включает в себя две части: в левой части приводится информация традиционного словаря (указывается грамматическая характеристика слова, даются варианты его перевода и их частотность, а также список устойчивых сочетаний с переводом); в правой части приводятся примеры контекстов на двух языках, содержащие искомое слово. Ссылка на источник ведет к полному тексту документа, откуда был взят пример.

Формат электронного контекстного словаря позволяет новому взглянуть на проблему лексикографического описания функциональных слов, в частности, частиц, полное и адекватное отражение значения которых как в толковых, так и в переводных словарях зачастую не представлялось возможным в силу абстрактности и значительной контекстообусловленности семантики служебных слов. Несомненными достоинствами электронных контекстных словарей являются:

- 1) наличие традиционного (достаточно сжатого) описания семантики слова, дающего общее представление о значении и вариантах перевода частицы;

- 2) группировка примерных контекстов употребления частицы по вариантам перевода, что дает возможность работать с каждым из них в отдельности;

3) большое количество примеров на каждый вариант перевода частицы, позволяющее установить особенности контекстного окружения для того или иного варианта;

4) достаточно широкий контекст, необходимый для адекватного определения прагматических функций частицы, ее ядра и коррелята;

5) «проблемные» контексты, в которых частица «не переводится», а переводчик прибегает к различным трансформациям, позволяющим более или менее полно передать ее семантику;

6) постоянное расширение и обновление базы контекстов;

7) разнообразная жанровая и тематическая палитра контекстов;

8) отражение частотности того или иного варианта.

К недостаткам можно отнести нечеткую грамматическую характеристику функциональных слов (неразграничение союзов, предлогов, частиц и т.п.), а также недостаточное внимание, уделяемое синтаксическим типам предложений с частицами. Существенным минусом является малое количество в базе источников диалогических контекстов, поскольку подавляющее большинство частиц (особенно модальных) характерно именно для разговорной речи.

Таким образом, использование в электронных словарях *Linguatools* и *Linguee* широкого спектра текстовых примеров для иллюстрации значения функциональных слов позволяет в определенной мере снять сложности, вызванные тесной связью семантики служебных слов с контекстом их употребления, что предоставляет новые возможности как переводчикам, так и исследователям языка.

Список использованных словарей

1. Linguatools. URL: <http://www.linguatools.de/>.
2. Linguee. URL: <http://www.linguee.de/>.

Е. А. Полякова

Ивановский государственный университет, Россия

РЕАЛИИ В СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК: ПРОЕКТ ПЕРЕВОДНОГО СЛОВАРЯ

Реалии – это явления и предметы, свойственные исключительно данной культуре. В книге болгарских ученых С. Влахова и С. Флорина *Непереводимое в переводе* реалии определяются как «слова, называющие элементы быта и культуры, исторической эпохи и социального строя, государственного устройства и фольклора, т. е. специфические особенности данного народа, страны, чуждые другим народам и странам» (Влахов, Флорин, 1980, 6). Согласно предложенной этими учеными классификации реалии делятся на большие группы: географические, этнографические и общественно-политические. Внутри этой классификации они подразделяются на более мелкие: быт, труд, искусство и культура, меры и деньги, топонимы, антропонимы, названия компаний, спортивных команд, музыкальных групп. В работах последнего времени эта классификация была дополнена такими тематическими группами как топонимы, антропонимы, названия компаний, музеев, театров, памятников архитектуры, периодических изданий, спортивных команд, музыкальных групп, имена литературных героев, различного рода аллюзии и т.д. (Виноградов, 2004).

Естественно, что перевод названий реалий вызывает у переводчиков особые трудности, обусловленные недостаточностью или отсутствием у читателя произведения на языке перевода определенных фоновых знаний. Самыми распространенными способами перевода названий реалий выступают транскрипция и транслитерация, с одной стороны, и перевод – с другой. В настоящее время Ивановский государственный университет участвует в совместном российско-британском проекте *Современная британская литература в российских вузах*, созданном по инициативе Фонда Оксфорд – Россия в 2005 г. на базе Пермского государ-

ственного университета. В рамках этого проекта студенты знакомятся с такими романами, как *A Week in December* (S. Faulks), *The Taxi Driver's Daughter* (J. Darling), *About a Boy* (N. Hornby) и многими другими. Студенты получают возможность познакомиться с наиболее читаемыми в Великобритании современными авторами и обсудить их романы, опираясь на комментарии к ним, составленные совместными усилиями английских и российских преподавателей. Комментарии необходимы студентам, потому что на страницах произведений встречаются незнакомые реалии, слова и выражения, адекватно объяснить которые может только представитель британской культуры.

Помимо объяснений реалий в комментариях на английском языке, неизбежно встает вопрос адекватного перевода названий реалий в данных романах на русский язык. В Ивановском государственном университете на факультете романо-германской филологии ведется разработка этого вопроса на занятиях по домашнему чтению и в рамках студенческих курсовых и дипломных работ.

Так, при переводе названий реалий в романе Дж. Дарлинг *The Taxi Driver's Daughter* предлагаются следующие переводческие решения: 1) транскрипция/транслитерация (*Ford Mondeo* – Форд Мондео, *Grey Street* – Грэй Стрит); 2) транскрипция/транслитерация + грамматическая трансформация (перестановка) (*Fenwick's Department Store* – Универмаг Фэнвика, *Filler's Snack Bar* – закусочная Филлера); 3) описательный перевод (*GCSE* – сертификат об окончании средней школы). При переводе названий реалий в романе Н. Хорнби *About a Boy* можно выделить такие группы реалий как этнографические (пища: *pepperoni*, *pizza*, *polenta*), общественно-политические (*Labour*), названия фильмов (*Home Alone 1*; *Honey*, *I Shrank the Kids*), названия популярных телесериалов (*Eastenders*), персонажи видеоигр и телепередач (*Sub-zero* и *Frosty the Snowman*) и другие. В переводе предлагалось использовать либо транскрипцию/транслитерацию для известных читателю реалий (например, названия блюд: *пицца*, *пепперони*, *полента*), либо совмещение транскрипции/транслитерации и объяснения (например, *a Pinky and Perky record* – музыка из мультсериала про поросят Пинки и Перки; *the Gameboy* – игровая приставка Геймбой);

можно также использовать освоение (*to vote Labour* – голосовать за лейбористов), трансформационный перевод, а именно генерализацию (*Eastenders* – мыльная опера, *Coco Pops* – шоколадные хлопья, *Mothercare* – магазин детских товаров), в редких случаях опущение.

Таким образом, осуществление адекватного перевода названий реалий является очень важным, потому что помогает читателю преодолеть не только языковой, но и культурный барьер, неизбежно возникающий при чтении произведений, созданных в рамках иной культуры. Поэтому целесообразным видится составление переводного словаря названий реалий, встречающихся в современной британской литературе.

Список использованной литературы

1. Влахов С., Флорин С. Непере译имое в переводе. М. : Международные отношения, 1980. 343 с.
2. Виноградов В. С. Перевод: общие и лексические вопросы. М. : КДУ, 2004. 235 с.
3. Международный семинар *Современная британская литература в российских вузах*. URL: <http://www.psu.ru/news/5747> (дата обращения 15.05.2013).

Е. П. Поцыбина

МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия

ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОГО СЛОВАРЯ-ГЛОССАРИЯ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ СПЕЦИАЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ПОЛИТОЛОГОВ

Язык специальности является неотъемлемой частью общенационального языка. Описанию языка для специальных целей (ESP) были посвящены работы выдающихся лингвистов прошлого века и современности (Назарова, 1996; 2006; Akhmanova, Idzelis, 1978 и т.д.). Существующие лингвистические исследования

ния создают прочный фундамент для развития методики обучения языку специальности.

Для интенсификации процесса обучения языку специальности студентов-политологов в настоящее время создается англоязычный глоссарий, целью которого является развитие словарного запаса изучающих политологию, совершенствование навыков использования языковых средств политического дискурса – терминов, с учетом их стилистических особенностей, а также создание навыков адекватного употребления политической лексики в речи, для эффективного освоения учащимися понятийно-терминологического аппарата политической науки.

Формирование словника глоссария осуществляется на основе базисных принципов лексикографии. Глоссарий содержит наиболее часто встречающиеся в научных контекстах слова (уровень частотности определяется при помощи сведений специализированных словарей частотности или контент – анализа значительного массива литературы по специальности). В словарную статью глоссария наряду с толкованием значения слов на английском языке входят характерные для данного слова синтаксические словосочетания и наиболее распространенные лексико-фразеологические единицы. Такой способ презентации лексики дает возможность учащимся усваивать слова в типичном для них языковом окружении, развивает языковую интуицию.

Разрабатываемый глоссарий политической лексики создается по тематическому принципу, на основе английских аутентичных текстов, которые отражают проблематику современной политической науки, современной политики и международных отношений. В первую часть глоссария были включена лексика к текстам по введению в политологию: *Political studies and practical politics, The nature of politics, Sources of political conflict, Political power, Distribution of power, Classification of Governments, Political culture, Political socialization.*

К каждому из разделов пособия предлагается список слов и терминов, предназначенных для активного усвоения. В глоссарии к первой главе пособия *Political Studies and Practical Politics* дается объяснение ключевых слов: *politics, policy, politician, political*

scientist, research, investigation, analysis, study и т.д. Все словарные статьи глоссария имеют однотипную структуру. В качестве иллюстрации рассмотрим некоторые из них. Так, словарная статья слова *politics* содержит определение и некоторые грамматические и лексико-семантические комментарии, демонстрирующие использование этого слова в речи:

POLITICS: 1.(U+ pl.v BrE) ideas and activities relating to gaining and using power in a country, city or over a particular area of the world; e.g. Politics have always interested the deputy; He has remained active in British Politics. Collocations: extreme politics, right (left) wing politics, radical politics, to enter (to go) into politics, to abandon politics, to retire from politics, to dabble into/to meddle in politics etc. 2. (plural) the ideas and activities used by people within a particular group to try to get power; e.g. What are his politics? – I assume his politics must be fairly conservative. Now that I am self-employed I don't have to worry about office politics. Collocations: party politics, parliamentary politics, electoral politics etc. 3. (U) the study of political power and systems of government (political science) e.g. Comparative politics is a method of political science. Global politics is becoming a key issue. Collocations: to do politics, to read politics, to study politics, to lecture in politics. Derivatives:
a) politic-adj. (of actions) well-judged; prudent Collocations: to follow a politic course of action; to make a politic retreat.
b) political- adj.- relating to politics e.g. political stability, for political reasons, political prisoner, political economy, study of political problems, etc.

В следующей словарной статье первой главы студентам предлагается информация о термине *policy*. Эта очень актуально, так термины *politics* и *policy* часто неправильно используются учащимися в речи.

POLICY – (plural policies):

1. (U/C) a way of doing something that has been officially agreed and chosen by a political party, business, or other organization. E.g. What is the party's policy on immigration. Collocations: national/ domestic/ foreign policy; to pursue / to implement/ to review/to abandon/ to reject/ to approve policy etc.
2. (C/U) a principal or a set of ideas that you think is sensible or wise and that influences the way you behave: Honesty is the best policy.

Способ семантизации активной лексики путем англоязычного толкования понятий, выражаемыми этими словами, в психологии преподавания иностранных языков признан наиболее продуктивным для усвоения и правильного употребления слов в речи. Такой способ презентации лексики дает наибольший показатель правильности употребления слов (97,4%) (Беляев, 1964, 91).

Формирование навыков мышления на иностранном языке является главной предпосылкой свободного владения иноязычной речью и основной целью процесса обучения иностранному языку. Глоссарий по политологии предназначен для совершенствования знаний учащихся политического дискурса и для приобретения ими свободы общения на иностранном языке в профессиональной сфере.

Список использованной литературы

1. *Беляев Б. В.* Зависимость правильности употребления иноязычных слов от способов осознания их смысловой стороны // Вопросы психологии. 1964. № 5. С. 83–93.
2. *Назарова Т. Б.* Словарный состав современного английского языка на продвинутом этапе обучения. М. : АСТ. Астрель Транзиткнига, 2006. 350 с.
3. *Akhmanova O. S., Idzelis R. F.* What is the English We Use? A Course in Practical Stylistics. Moscow : Moscow University Press, 1978. 254 p.

А. В. Рудакова

Воронежский государственный университет, Россия

ПРОЕКТ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА *

Цель создания словаря нового типа состоит в адекватном языковому сознанию носителей языка описании семантики русских общеупотребительных лексических единиц, а также их эмоционально-оценочной, стилистической и других характеристик. В некоторой степени психолингвистический словарь – это аналог обычного толкового словаря русского языка, однако есть ряд существенных различий:

- в толковом словаре представлен лексикографический конструкт (лексикографическое значение слова, которое составлено по личному опыту лексикографа и соответствует речевому употреблению, обычно письменному, литературно-художественному), психолингвистический словарь будет содержать психологически реальное значение данного слова (психологически реальное, или психолингвистическое, значение – упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка (Стернин, 2011, 97);

- существующие на данный момент толковые словари представляют ограниченный по какому-либо критерию словник и семемы лексем (обычно нормированные лексические единицы и их семемы), в психолингвистическом словаре данное ограничение будет устранено – лексемы будут описаны с теми семемами, которые являются актуальными для носителей русского языка, в словаре будут помещены также индивидуальные и «ложные» (с точки зрения лингвиста) семемы;

© Рудакова А. В., 2013

* Данная работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 12-04-00128а «Теоретические проблемы разработки и создания "Психолингвистического толкового словаря современного русского языка"», НИЧ 12059.

- психолингвистическое толкование слова будет дополнено энциклопедическими и функциональными семами, объективированными носителями языка и др.

Психолингвистический словарь описывает обыденное языковое сознание, реально сложившееся употребление слов в современном русском языке, выявляя состояние, проблемы и тенденции развития семантики коммуникативно активной части лексики русского языка.

Этапы создания психолингвистического толкового словаря современного русского языка: составление словника; проведение свободного ассоциативного эксперимента, обработка результатов свободного ассоциативного эксперимента, семантическая интерпретация результатов эксперимента, разработка базовой схемы словарной статьи словаря, редактирование словарных статей психолингвистического словаря.

При отборе единиц психолингвистического словаря исходили из следующего: единица словаря, прежде всего, должна быть представлена отдельной лексемой, иметь актуальность для носителей языка. Составителей словаря также интересовали слова, имеющие размытую семантику (*штука, вещь, дело, причиндалы* и др.), разнооценочные единицы (*амбициозный, агрессивный* и др.), разговорно-сниженная лексика (*урод, гнида, жлоб, дебил* и др.), переосмысленные слова (*большевик, либерал, элита* и др.), слова, имеющие стереотипную символическую составляющую (*учитель, бюджетник, хачик, интеллигент, немец* и др.). Всего было отобрано 1080 лексических единиц.

Базой для формулирования психолингвистического значения стали результаты свободного ассоциативного эксперимента.

В 2010–2011 гг. был проведен свободный ассоциативный эксперимент. На каждый стимул были получены реакции от 100 и более испытуемых. Результаты эксперимента представлены в *Ассоциативном словаре употребительной русской лексики* (Воронеж, 2011).

В 2011–2012 гг. разрабатывалась схема представления словарных единиц в словаре нового типа. В результате на данный момент словарная статья имеет следующий вид:

- слово-номинант;
- ассоциативное поле слова-стимула;
- психолингвистическое значение слова (с перечислением всех сформулированных семем): каждая семема имеет краткое толкование, связанное развернутое толкование (с указанием частотности сем и ассоциатов), энциклопедические семы, функциональные семы, совокупный индекс яркости семемы, пример употребления.

Данный словарь может быть предназначен как для специалистов (в расширенном виде), так и для носителей языка и изучающих русский язык (в адаптированном виде).

В докладе будут представлены образцы словарных статей психолингвистического словаря современного русского языка.

Список использованной литературы

1. Ассоциативный словарь употребительной русской лексики / Науч. ред. И. А. Стернин, А. В. Рудакова. Воронеж : Истоки, 2011.
2. *Стернин И. А., Рудакова А. В.* Психолингвистическое значение и его описание: Теоретические проблемы : монография. LAP LAMBERT, 2011.

И. В. Ставцева

Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИЙ СЛОВАРЬ КАК ОСНОВА ЭЛЕКТРОННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КОРПУСА

В результате развития информационных технологий и постепенной смены наименований всемирной паутины от Web 1.0 к Web 2.0 и Web 3.0, мощное распространение получили справочные порталы коллективного авторства. Вики, блоги, социальные сети явились воплощением идеи о том, что, сотрудничая, можно добиться большей эффективности наполнения сайта информацией.

Термин Web 2.0 был введен Т. Орейли (Т. О'Reilly) для обозначения сайтов с применением таких сервисов и технологий, которые делают возможной особую, коллективную форму взаимодействия пользователей в Интернет среде. Термин приобрел широкую популярность, вслед за которой появилась необходимость обозначить состояние Интернета до и после Web 2.0. С одной стороны, Web 1.0 позволил описать период популярности сайтов индивидуального авторства (в своем роде переходный этап от бумажных ресурсов, книг к электронному представлению информации, к сайтам). С другой стороны, Web 3.0 в настоящее время становится синонимом следующей ступени развития Интернета, периодом семантической организации данных и качественного *веб контента*.

Однако Web 3.0 пока остается концепцией: технологические предпосылки лишь постепенно ведут к социальным переменам. Большинство пользователей сети уже превратились в активных создателей своих цифровых продуктов, но качественный сдвиг еще впереди.

В настоящее время в Интернете существует множество информационных порталов, совместно пополняемых всеми желающими, и отвергать тенденцию коллективного авторства не представляется возможным из-за ее массового характера. Именно поэтому мы убеждены, что сейчас актуальной является разработка технологий обучения студентов не только умениям отличать и использовать существующие профессиональные лексикографические ресурсы, но и создавать собственные справочные материалы для сети Интернет.

С этой целью мы разработали модель формирования умений ведения учебного пользовательского словаря, которая позволяет подготовить студентов к жизни в современном информационном обществе, где важно не только быть пользователем Интернета и принимать любые новые технологии, но и уметь брать на себя ответственность за те данные, которые попадают в сеть.

Термин *учебный пользовательский словарь* (Ставцева, 2013) был сформулирован нами на основе типологической классификации словарей по лексикографическим канонам (Карпова, 2010) и

с учетом разнообразия существующих форм подачи языкового материала в справочниках – как бумажных, так и электронных.

Учебный словарь непосредственно связан с образовательным процессом, и его основная цель заключается в предоставлении справочной информации для определенной категории учащихся. Однако поскольку мы рассматриваем учебный словарь не в его традиционном понимании, то потребовалось уточнение определения вторичного лингвистического продукта, над которым работают наши ученики. Точность была достигнута благодаря определению *пользовательский*. Пользовательские словари стали популярными в электронной лексикографии, когда на основе объемного специализированного словарного продукта предоставляется программная поддержка для индивидуальной выборки слов конкретным пользователем. Поскольку в нашем случае важно именно создание и ведение словаря студентами, то на выходе получается как раз учебный пользовательский словарь, не претендующий на звание специализированного справочника, не предназначенный для выхода в печать, но конструируемый самостоятельно студентами в процессе их читательской деятельности для конкретных учебных целей.

В рамках предлагаемой модели организован комплекс педагогических задач: обучение оценке веб источников и Интернет поиску оригинальных текстов; обучение поиску ключевых слов, составлению концептуальной карты по прочитанному тексту и описанию семантического поля слова через его схему-тезаурус; обучение корректному выделению слова из его контекста; обучение использованию корпусов текстов; обучение типологии и использованию профессиональных лексикографических продуктов; обучение чтению различных словарных статей. Все умения, развиваемые в результате, необходимы при выполнении двух разработанных нами алгоритмов: по созданию и по ведению словаря. При этом если в первом алгоритме основной является работа с текстом и выбор языковых единиц, то второй направлен на эффективное поддержание словаря и включает критерии для решения о внесении новых данных в уже существующую структуру и содержание.

Таким образом, организованная работа над учебным пользовательским словарем формирует те умения, которые необходимы цифровому пользователю, обладателю клипового мышления, бессистемно познающего новые технологические продукты: способности к взаимодействию (Гейхман, 2003), информационная грамотность, читательская компетентность.

В свою очередь, поддерживаемый учебный пользовательский словарь становится основой создания электронного образовательного корпуса, ценность которого определяется потребностями как группы студентов, работающих над ним в данный момент, так и последующих групп. При этом создание и пополнение данного корпуса происходит не как следствие стихийного добавления информации на сайт, но как результат глубокого понимания сути данной деятельности и умения вести словарь, нужный для определенных образовательных целей.

Список использованной литературы

1. *Гейхман Л. К.* Интерактивное обучение общению (общепедагогический подход) : дис. ... д-ра пед. наук. Екатеринбург, 2003.
2. *Карпова О. М.* Английская лексикография : учеб. пособие. М. : Изд. центр «Академия», 2010. 176 с.
3. *Ставцева И. В.* Создание пользовательского терминологического словаря как подготовка к межкультурному взаимодействию // Педагогическое образование в России. 2013. №1. С. 141–145.

А. А. Степанова, Д. В. Маховиков
Институт языкознания РАН, Москва, Россия

НОВЫЙ СЛОВАРЬ АНТРОПОНИМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА (проект)¹

В докладе мы планируем представить проект словаря антропонимов нового типа. Антропонимы в таком словаре рассматриваются не только как единицы номинации, но и как психолингвистические единицы. Потребность в словаре антропонимов, в котором реализовано понимание антропонима как репрезентанта образа языкового сознания, содержанием которого являются разного рода знания – отработанные культурой/социумом и индивидуальные, – очевидна. Традиционный подход к исследованию этнокультурных особенностей русского антропонимикона не позволяет схватывать *актуальные* (современные) для данной культуры знания, которыми оперируют в процессе речевого общения представители этой культуры, носители *обыденного* сознания, и которые во многом определяют специфику функционирования антропонимов в речи.

Необходимость выработки нового подхода к исследованию антропонимов и фиксации результатов исследования в виде словаря привела нас к пересмотру традиционно используемых методов анализа антропонимов. Арсенал лингвистических методов был расширен за счет привлечения психолингвистических методов исследования – свободного ассоциативного и психосемантического экспериментов.

Свободный ассоциативный эксперимент в нашей работе решает задачу выявления актуальных знаний, которые ассоциированы с именами собственными у наивных носителей русского языка. Методика его проведения такова: испытуемым предлагается анкета со списком слов (в нашем случае анкеты были сформиро-

© Степанова А. А., Маховиков Д. В., 2013

¹ Исследование выполнено при поддержке грантов Президента РФ № НШ-366.1.2012.6 и МК-3661.2013.6, а также гранта РГНФ № 12-04-12059В.

ваны из 50 антропонимов в каждой) и дается инструкция написать первую пришедшую в голову реакцию на каждое из этих слов-стимулов. По результатам эксперимента формируется ассоциативное поле антропонима. Предполагается, что часть словарной статьи (о структуре статьи в словаре см. ниже), основанная на данных ассоциативного эксперимента, будет строиться по образцу словарных статей *Русского ассоциативного словаря* под редакцией Ю. Н. Караулова (2002).

Сначала будет дано заголовочное слово-стимул, выделенное полужирным шрифтом, за ним последуют слова-ассоциаты, слова-реакции на этот стимул, расположенные по мере убывания их частоты, которая будет указана после слова-реакции, если лишь оно имеет такую частоту встречаемости в ответах испытуемых (например, **ВАНЯ**²: дурачок **18**; дурак **7**... и т. п.), или указывается в конце группы слов-ассоциатов с одинаковой частотой, причем внутри этой группы реакции-ответы расположены в алфавитном порядке (например, **ВАНЯ**: имя, Маня **4**; баня, Петя **3**... и т. п.). Частоты реакций будут выделены полужирным шрифтом и отделены от последующих ассоциаций точкой с запятой. В конце словарной статьи будут приведены количественные показатели, напечатанные полужирным курсивом: **ВАНЯ**... ***111+65+6+52***. Первая цифра будет указывать на общее число реакций на слово-стимул, вторая – на число разных реакций, третья – на число отказов испытуемых и четвертая – на число единичных реакций, то есть на число ответов с частотой 1. Таким образом, словарная статья будет носить следующий вид:

ВАНЯ: дурачок **18**; дурак **7**; имя, Маня **4**; баня, Петя **3**; деревня, друг, дядя, Жуков, Иван, мальчик, русский **2**; Анташевский, Баранов, бежит, белорус, брат, был как Саня, валенки, Ванька, ванька-встанька, Вася, в бане, высоко, герой сказки, Гриша, деревенский парень, дурень, душа, Дядя Ваня, дятел, жарко, знакомый, из деревни, имя мальчика, какой-то, Катя, клоп, козел, колхозник; Коля, Петя; крестьянин, малыш,

² Примеры и образец словарной статьи даются по *Русскому ассоциативному словарю* (2002, т. 1, 76), поскольку сбор данных для нашего словаря еще не завершен.

Марья, мой друг, невосполним, нету; не ходил бы ты, Ванек, во солдаты; печки-лавочки, простофиля, рашпиль, Саня, селедка, сильный, смелый, тормоз, тракторист, умница, ученик, ушел, Федя, человек, Чонкин, die Bremse (тормоз) 1; III+65+6+52

Психосемантический эксперимент необходим, чтобы вскрыть глубинные эмоционально-оценочные компоненты значения имени собственного, которые частично обнаруживают себя и в ассоциативном эксперименте, но далеко не полностью. Результатом фиксации данных эксперимента, которые найдут отражение в словаре, станут психосемантические поля и дендрограммы.

Проблема отбора словника решалась нами следующим образом. Список антропонимов, подлежащих включению в словарь, был сформирован в результате анализа Интернет-источников, где представлены данные ЗАГС о частотности имен, и женских форумов, на которых обсуждаются вопросы выбора имени для будущего ребенка. Подобный способ отбора имен позволит нам включить в словарь наиболее актуальные антропонимы.

Планируется, что словарная статья будет состоять из трех частей. В первой части будут представлены формы имени и его этимология, во второй – дано ассоциативное поле антропонима, в третьей – в форме психосемантических полей и дендрограмм отражены результаты психосемантического эксперимента. Тексту словаря будет предпослано введение, в котором будут сформулированы теоретические основания для составления словаря, описаны методы сбора данных и ход экспериментальных процедур, представлена структура словарной статьи, эксплицированы познавательные возможности, которые словарь предоставляет как для исследователя, так и для рядового пользователя.

Н. В. Фомичева

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Россия

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ЭЛЕКТРОННЫЕ СЛОВАРИ В ДИДАКТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

Реальность современного образовательного процесса – активное использование учащимися ресурсов Интернета, в частности электронных словарей (ЭС).

Под ЭС подразумеваются электронные версии авторских печатных словарей и собственно электронные on-line словари. Предпочтение, отдаваемое ЭС, объясняется доступностью, быстротой и простотой поиска информации. По данным анкетирования, проведенного среди старшеклассников, наиболее популярными русскоязычными словарями являются словари на сайте *Яндекс* (slovari.yandex.ru), *Академика* (dic.academic.ru) и многоязычный открытый словарь-энциклопедия *Викисловарь* (ru.wikionary.org). При этом большинство опрошенных учитывает «относительность» информации, представленной в Свободных энциклопедиях (например, *Википедии*, *Викисловаре* и др.), допускающих возможность редактирования словарных статей каждым пользователем и характеризующихся частой сменой версий, что актуализирует проблему доверия к ЭС как источникам языковой информации. Доверием пользуются *Академика* и справочно-информационный портал *Русский язык* (gramota.ru/slovari) именно потому, что их лексикографическую базу составляют известные авторские словари, представленные в новой авторской редакции. Например, *Большой толковый словарь русского языка* под редакцией С. А. Кузнецова публикуется в дополненной версии 2009 г. и включает лексику последних десятилетий.

Возможности обновления словника, словарных статей ЭС, оперативного отражения лексических процессов, происходящих в языке, создают преимущества ЭС перед бумажными словарями. В

дидактическом аспекте преимущество ЭС – в сочетании информативного содержания бумажного словаря с гипертекстовыми технологиями: система гиперссылок позволяет расширить границы словарной статьи, оптимизировать поиск, открывает доступ к широкому выбору информации, поиск через другое слово или другой сайт. Единая лексикографическая база, созданная в Интернете, дает возможность определять слово по корпусу словарных статей.

Так, на *Словари.ру* (slovari.ru) Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, одной из немногих разработок академического уровня представления информации, поиск ведется сразу по двадцати электронным лингвистическим словарям, среди которых *Словарь русского языка* С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, *Экспериментальный синтаксический словарь* под редакцией Л. Г. Бабенко, *Русская заветная идиоматика* под редакцией А. Баранова, Д. Добровольского, *Популярный словарь иностранных слов* Т. Г. Музруковой, И. В. Нечаевой. Портал предлагает уникальную возможность на запрос в современном написании получить результат словарной статьи в её оригинальном написании (по толковому словарю В. И. Даля под редакцией И. А. Бодуэна де Куртенэ), отобразить результат в графическом режиме (опция указывается в форме поиска) и др.

Указанные характеристики электронных ресурсов дают широкие возможности для учебно-исследовательской и проектной деятельности учащихся по русскому языку, что особенно значимо на старшей ступени школьного образования. Полноценное использование учащимися возможностей ЭС требует лексикографических умений, знания специфики электронной среды, умения справляться с проблемами, возникающими при взаимодействии с электронными ресурсами.

Первый круг проблем связан с поиском словарной информации и требует умения формировать информационный (лексикографический) запрос с учетом специфики электронного ресурса, в т.ч. с использованием масок (метасимволов), транслитерации; умения использовать навигационные средства словаря; реализовать возможность доступа «к субъективной фрагментации информации, из

всего корпуса словаря по своему желанию выбрать интересующий сегмент словарного макротекста» (Иванова, 2010, 45).

Второй круг проблем возникает на этапе работы с результатом поиска и связан с выбором из нескольких десятков предложенных вариантов, потому что, по мнению В. П. Селегея, «словарь не дает максимальной локализации релевантной информации» (Селегей, 2004, 2). Значит, пользователь должен быть готов к выбору. Более того, на запрос определенного слова может выйти ряд статей, посвященных совсем другим словам, только потому, что в их иллюстративной части было искомое слово.

Третий круг проблем связан со спецификой лексикографического произведения как справочного издания, в котором о знаках сообщаются сведения, являющиеся важными с точки зрения их интерпретации и/или употребления и/или замены (Кудашев, 2007). Это требует знания макро-, микроструктуры словаря, системы помет, назначения иллюстративной зоны и т. д.

Таким образом, формирование умений работать с ЭС должно быть специально организованным процессом, основанном на понимании значения словаря для современного образовательного процесса, о котором пишет Е. П. Иванова: «Словарь за время своего существования превратился из произведения элитарного как по своему замыслу, так и по степени распространенности, в необходимый инструмент информационного (лексикографического) поиска» (Иванова, 2010, 48).

Список использованной литературы

1. *Иванова Е. П.* Мультимедийные и электронные словари французского языка в их отношении к традиционной печатной лексикографии. URL: <http://www.lib.csu.ru/vch/079/006.pdf>
2. *Кудашев И. С.* Проектирование переводческих словарей специальной лексики. Хельсинки : Издательство Хельсинского университета, 2007. 443 с.
3. *Селегей В. П.* Электронные словари и компьютерная лексикография / Ассоциация лексикографов Lingvo. 2004. URL: <http://www.lingvoda.ru/>.

Н. Ю. Хорецкая

Ивановский государственный университет, Россия

**БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА
В РОМАНЕ М. БУЛГАКОВА *МАСТЕР И МАРГАРИТА*
В НЕМЕЦКОМ ВАРИАНТЕ ПЕРЕВОДА
(к проекту создания *Переводного глоссария* к произведению)**

Слово – полномочный представитель своей страны, ее истории и ее современности. Именно бурное появление новых слов свидетельствует о переломных моментах в жизни общества.

Для того, чтобы успешно передать значение таких слов на язык другой культуры, любой переводчик должен обладать определенным фондом знаний, связанных как с нормами речевого поведения, так и с экстралингвистическими знаниями различного характера: энциклопедическими, фоновыми. Часто для того, чтобы донести до читателя – пользователя другого языка смысл словреалий, употребляемых в художественных произведениях, прибегают к составлению так называемых переводных глоссариев к произведениям.

Глоссарий – это древнейший тип одноязычного словаря. Можно сказать, что глоссарий – это список трудных для понимания слов какого-либо текста с комментариями и объяснениями.

Понятием *глоссарий* часто определяют просто словарь, который объясняет малоизвестные слова и выражения в какой-либо области знания или в каком-либо сочинении. К такого рода малоизвестным или совсем неизвестным словам можно с уверенностью отнести и ту область лексики, которая отражает не только реалии одной страны, но и носит национальную окраску, является маркером культуры, традиций и истории одного народа и которая поэтому получила название безэквивалентной лексики.

Проблема безэквивалентной лексики довольно широко освещается в научной литературе по теории перевода, а также лингвострановедению.

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров предложили заслуживающую внимания классификацию слов-реалий русского языка (Верещагин, Костомаров, 1990, 45–51). Они выделяют несколько обширных групп слов, наделенных национально-культурной семантикой:

- 1) советизмы и тесно примыкающие к ним слова нового быта;
- 2) наименования предметов и явлений традиционного быта;
- 3) историзмы;
- 4) лексика фразеологических единиц и слова из фольклора;
- 5) слова нерусского происхождения, так называемые тюркизмы, украинизмы и т.д.

Большинство из приведённых групп безэквивалентной лексики содержится в романе М. Булгакова *Мастер и Маргарита*, что представляет определённые трудности для переводчика данного романа на немецкий язык. При передаче этих слов переводчик прибегает к разным методам перевода – подбор близкого понятия в немецкоязычной культуре, транслитерация, калькирование. Но, к сожалению, не всегда эти попытки бывают удачными, поскольку истинный смысл безэквивалентной лексемы остаётся за пределами переводящей лексемы. В этой связи видится необходимым снабдить немецкий вариант перевода романа своего рода глоссарием, который бы давал толкования чуждых понятий. Этот глоссарий мог бы в дальнейшем использоваться в качестве комментариев и к другим произведениям М.Булгакова, где также воссоздаётся эпоха советской Москвы.

Выше уже подчёркивалась мысль о том, что некоторые слова-реалии романа *Мастер и Маргарита* передаются в русском варианте перевода не совсем адекватно. В частности это относится к таким лексемам, как, например, *МАССОЛИТ*.

В немецком варианте перевода слово передаётся посредством транслитерации как *MASSOLIT*. Однако для носителя немецкоязычной культуры это слово ни о чем не говорит. *МАССОЛИТ* – вымышленное литературное объединение из романа. Эту аббревиатуру можно расшифровать как *Московская ассоциация литераторов*,

Массовая литература и в качестве комментария глоссария дать следующее объяснение – *der Moskauer Literaturverband*.

Аналогичным образом обстоит дело и с понятием *финзрелищный сектор* – *Finanzabteilung* (переведено калькированием). В данном случае перевод полностью неверный, так как само название *Finanzabteilung* переводится как «финансовый отдел», и не отражает понятия «финзрелищный», что даёт иностранному читателю неверную информацию. В данном случае можно было бы прокомментировать это словосочетание как *Abteilung für Schauspiele und Unterhaltungsveranstaltungen*.

Объяснений требует и слово *червонцы*, часто встречающееся на страницах романа. В немецком переводе слово передаётся как *Zehnerscheine*. Однако само название *червонцы* происходит от *червонного золота*, которое является одним из видов золота, имеющего червонный, то есть красный оттенок. В немецком варианте *Zehnerscheine* – это просто монета номиналом в 10 рублей, хотя в русском языке название *червонцы* имеет специфический оттенок. В данном случае не передана стилистическая окраска слова, что следует восполнить, поместив соответствующую информацию в глоссарии к произведению.

Таким образом, создание глоссария к роману М. Булгакова *Мастер и Маргарита* позволил бы обеспечить правильное понимание национальной и исторической специфики произведения, что имеет важное значение для межкультурной коммуникации.

Список использованной литературы

Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд. М. : Русский язык, 1990.

В. К. Щербин

Центр системного анализа и стратегических исследований
Национальной академии наук Белоруссии, Минск, Белоруссия

СПЕЦИАЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ ОДНОГО КОНЦЕПТА

Результаты проведенного нами контент-анализа нескольких сотен отечественных и зарубежных научных, учебных и справочных работ, связанных с рассмотрением различных видов капитала, позволили выявить около четырехсот различных концепт-переменных базового концепта *Капитал*. Для наглядности приведем в качестве примера перечень таких концепт-переменных, терминологические обозначения которых начинаются на букву **и**: *изношенный основной капитал, имобилизованный капитал, инвестированный капитал, инвестиционный капитал, инвестиционный капитал предприятия, индивидуальный капитал, инкорпорированный научный капитал, инкрементальный капитал, инновационный капитал, инновационный капитал региона, иностраный капитал, иностранный инвестиционный капитал, институциональный капитал, институциональный капитал предприятия, интеллектуальный капитал, интеллектуальный капитал компании, интеллектуальный капитал наукоемких предприятий, интеллектуальный капитал организации, интеллектуальный капитал Республики Беларусь, интеллектуальный человеческий капитал, информационный капитал, инфраструктурный капитал, ипотечный жилищный капитал, исламский капитал, используемый капитал.*

Столь же большим может быть число таких концепт-переменных и для иных базовых экономических концептов. Так, для концепта *Экономика* нами выявлено более 500 его концепт-переменных, для концепта *Инфраструктура* – более 100 концепт-переменных и т.д. По сути дела, чтобы надлежащим образом описать понятийное содержание всех концепт-переменных базового концепта *Экономика*, или базового концепта *Капитал*, или концепта *Инфраструктура* и т.д. необходимо создавать так называемый одноконцептный словарь. По вполне понятным причинам

в таком объеме и с такой степенью детализации понятийная классификация семантики отдельных терминов, посредством которых вербализуются базовые научные концепты, не может быть сформирована в рамках традиционной терминографии. Поэтому создание таких понятийных классификаций является, на наш взгляд, первоочередной задачей специальной концептографии.

Однако в рамках современной специальной концептографии к настоящему времени созданы только «сводные» словари научных концептов, т.е. такие специальные концептуарии, в которых излагается понятийное содержание целой группы научных концептов. Причем реестры таких специальных концептуариев могут включать от нескольких научных концептов (Замятин, 2011) до нескольких десятков (Котлер, 2010) и даже сотен таких концептов (Charlesworth, 2007). В результате на описание понятийного содержания каждого реестрового концепта в таких «сводных» словарях научных концептов отводится в лучшем случае несколько десятков страниц. На наш взгляд, такого объема словарной статьи будет явно недостаточно для описания понятийного содержания базовых экономических концептов (*Экономика, Капитал, Инфраструктура* и т.п.), поскольку каждый из них выполняет функцию пакетного понятия. Специфика последнего заключается в том, что один и тот же термин, по существу, обозначает целое семейство, или пакет, в каком-то отношении сходных понятий, разграничить которые по чисто формальным, структурным характеристикам, как правило, невозможно» (Ракитов, 1982, 28). В силу указанных особенностей базового научного концепта (пакетного понятия) раскрыть его структурно-семантические особенности можно только в случае детального описания понятийного содержания многих сотен концепт-переменных, объединяемых в его рамках.

Достигнуть указанной цели можно быстрее, если посвятить описанию понятийного содержания базового научного концепта специальный словарь-концептуарий. В качестве реестровых единиц такого одноконцептного словаря (к примеру, базового экономического концепта *Капитал*) могут выступать многочисленные концепт-переменные данного концепта: *Авансированный капитал, Административный капитал, Академический капитал, Аккумуляированный частный капитал, Активный капитал, Ацио-*

нерный капитал, Амортизационный капитал, Антисоциальный капитал и др.

Микроструктура словарной статьи каждой концепт-переменной в таком одноконцептном словаре будет обладать высокой степенью унифицированности, поскольку в ее состав будет входить стереотипный набор словарных компонентов:

1) реестровая единица (терминологическое обозначение концепт-переменной);

2) краткое логическое определение реестровой единицы;

3) объемная цитата из научного экономического текста или экономического справочника, посредством использования которой эксплицируется понятийное содержание данной реестровой единицы (концепт-переменной);

4) библиография научных и справочных работ, в которых можно почерпнуть дополнительную информацию о понятийном содержании реестровой единицы (концепт-переменной).

В свою очередь, макроструктуру такого специального словаря одного концепта составят вводные разделы (Предисловие; О структуре словаря; О правилах его использования); систематизированный в алфавитном или тематическом порядке массив словарных статей (основной корпус словаря) и заключительные разделы (Индекс реестровых единиц; Логическая схема группировки концепт-переменных).

Список использованной литературы

1. *Замятин Д. Н.* Метагеографический словарь // Замятин Д. Н. В сердце воздуха. К поискам сокровенных пространств : эссе. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. С. 156–185.
2. *Котлер Ф.* Маркетинг от А до Я: 80 концептов, которые должен знать каждый менеджер. М. : Альбина Паблишерз, 2010. 216 с.
3. *Ракитов А. И.* Историческое познание. Системно-гносеологический подход. М. : Политиздат, 1982. 303 с.
4. *Charlesworth A.* Key Concepts in e-Commerce. Houndmills ; N. Y. : Palgrave Macmillan, 2007. 240 p.

Н. Г. Юзефович

Дальневосточный государственный гуманитарный университет,
Хабаровск, Россия

**ДВУЯЗЫЧНЫЙ СЛОВАРЬ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛЕКСИКОНА
В ИНТЕРЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЕ**

Коммуникативные потребности глобального мира выдвигают новые требования к словарю, который должен максимально учитывать потребности пользователя.

Следуя когнитивно-дискурсивной парадигме словарь нового типа разрабатывается в парадигме формата знаний. Формат знаний – это особая структура, которая «обнаруживает отличия не только содержательного характера, но и собственную специфику в своей структурной организации, т.е. собственную содержательную и структурную типологии» (Болдырев, 2008, 21–22).

Словарь отражает системный подход и междисциплинарные связи, что способствует его четкой структурной организации, теоретическое осмысление которой потребовало изучения методологии не только лексикографии и терминоведения, но и когнитивной лингвистики, корпусной лингвистики и т. п.

Политический тезаурус в анализируемой модели представлен в интерлингвокультурной парадигме, включающей определенное соединение стратегии создания толкового и лингво-культурного словаря: когнитивно-дискурсивное описание концепта российского политического дискурса содержит толкование политического концепта, репрезентируемого вербальным знаком, что способствует актуализации модификации оценочности и возможные реализации в англоязычном дискурсе. Иллюстративные примеры из разных по идеологической направленности источников позволяют пользователю не только осмыслить репрезентируемый концепт, но и выбрать адекватные средства вербализации его при переводе.

Такая модель соответствует реализации задач современной лексикографии, которые, как подчеркивает О. М. Карпова, определяют сочетание толкового и лингвокультурологического словарей, чтобы в большей степени удовлетворить потребностям пользователя XXI в., «требующего сведений о мире во всем их многообразии» (Карпова, 2010, 30).

Первый этап разрабатываемого словаря – печатная модель, апробация которой проводится на протяжении семи лет, что позволяет идентифицировать пробелы, проблемы и внести соответствующие изменения.

Второй этап – проводится в настоящее время – оформление электронного словаря в автономном режиме, цифровой формат которого увеличивает значительно объем и информационный потенциал. Этап включает несколько стадий, первая из которых представляет собой создание электронной базы данных, включающей иллюстративные примеры и корпус текстов. Данный этап не требует участия программистов и реализуется силами лингвистов.

Наибольшую техническую сложность представляет третий этап – формат сетевого программного продукта для использования в глобальной сети, что требует совместной деятельности со специалистами сферы информационной технологии.

Преимущества электронного словаря в формате сетевого программного продукта очевидны: его гипертекстовая структура делает информационное поле практически неограниченным, что возможно только в контексте глобальной сети.

Наибольшую трудность создания словаря представляет толкование заглавного слова, наиболее наукоемкая и трудоемкая задача. Словарь нового типа требует такой дефиниции слова, которая обеспечивает его отождествление в тексте и дискурсе. Именно такую дефиницию обеспечивает методология когнитивного анализа, позволяющего представить относительно «полный набор сведений об объекте, обозначенном в рассматриваемом слове (в содержательном отношении) и отразить знания, необходимые для понимания объекта говорящими с разными уровнями образования» (Кубрякова, 2008, 8).

Электронный словарь состоит из программной оболочки, к которому подключаются базы данных. Делая запрос через оболочку в базу данных, пользователь получает карточку слова (со всей информацией, гиперссылками и пр.).

Базы данных содержат корпуса иллюстративного материала, сгруппированные

1) по источнику – научные издания – тексты для специалистов, пресса, публицистика, художественная проза;

2) по автору – носители английского языка, носители других языков и носители русского языка – билингвы;

3) медиа-источники – аудио-, видео-, например, фрагменты публичных политических выступлений, дебатов.

Словарная зона содержит указатели (гиперссылки) на следующие данные:

1) заглавное слово и его англоязычный коррелят;

2) транскрипция и звуковое сопровождение (англ./амер.);

3) этимология;

4) дефиниция, основанная на выборке из толковых словарей, специализированных, терминологических и энциклопедических изданий, включая глоссарии;

5) пометы: грамматические, лексические, прагматические;

6) интерлингвокультурный комментарий;

7) контексты функционирования слова.

Разрабатываемая модель словаря способствует системному описанию политической картины мира российского лингво-культурного социума через призму английского языка. Понятийно-концептуальное толкование слова, сопоставление идеологически разных концептуальных сфер, прагматическая информация позволят пользователю «проникнуть» вглубь слова, что, несомненно, предопределяет эффективность межкультурного общения в глобальном мире.

Список использованной литературы

1. *Болдырев Н. Н.* Принципы и методы когнитивных исследований языка // Принципы и методы когнитивных исследований языка :

- сб. науч. трудов. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 11–29.
2. *Картова О. М.* Английская лексикография: учеб. пособие. М. : Издательский центр «Академия», 2010. 176 с.
 3. *Кубрякова Е. С.* К определению понятия имиджа // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 1. С. 5–11.

Tamara Khomutova, Armenui Kashkhchyan

South Ural State University (National Research University),
Chelyabinsk, Russia

SOUTH URALS IN THE LIFE AND WORK OF WORLD FAMOUS PEOPLE: A MULTIMEDIA ENCYCLOPEDIA DICTIONARY

Encyclopedias have a great meaning for human culture. A famous Italian philosopher and writer U. Eco considered the list, including encyclopedias and dictionaries, to be the origin of culture which wants to make infinity comprehensible (Eco, 2009).

Nowadays, in the era of globalization and increase of IT opportunities, multimedia encyclopedic dictionaries are getting more and more spread in the Internet obtaining a capacity to influence and form public opinion. Being in public conscience an unquestionable and incontestable source of information, which people apply to when they need to get important data, encyclopedias give their authors and creators a powerful instrument of persuasion, control and manipulation of public conscience. This capacity of encyclopedias can be applied in different spheres, one of which is to help form positive images of different cities and regions.

An innovative approach developed to foster intercultural dialogue is presented by *Fondazione Romualdo Del Bianco® – Life Beyond Tourism® Non Profit Cultural Portal and Community*. The *Life Beyond Tourism®* philosophy is to contribute to the interpretation and presentation of the cultural heritage of the world's various regions

and cities (Bianco, 2013, 8) with the help of different means including such encyclopedias and dictionaries.

Our native region, the South Urals, whose reputation has been recently undermined in mass media, is in urgent need of a new encyclopedic dictionary. As the basis for such a dictionary we have chosen the encyclopedic dictionary *Florence in the Works of European Writers and Artists: Encyclopedic Dictionary for Guides and Tourists: Project of a Dictionary* (Karpova, 2009) which proved to be a success in supporting ideas of cross-cultural dialogue and promoting Florence's image among European and Russian students. The mission of this dictionary is to describe Florentine influence on the life and work of world famous writers, poets, painters, musicians, politicians, and other outstanding personalities. Unlike this dictionary, an encyclopedia about the South Urals will include entries not only about foreigners who visited our region, but also about South Urals citizens who greatly influenced world culture and history. Such a structure will help describe the cultural heritage of the South Urals more thoroughly and reflect its role in the life and work of famous people.

The type of this dictionary can be defined in terms of lexicography. According to the way/object of describing it is encyclopedic, according to the language – multilingual (Russian, English, Spanish), according to the volume – small, according to the addressee – a specific dictionary for guides and tourists, according to the format – an electronic multimedia dictionary.

The sources for dictionary entries about the South Urals are presented by biographic descriptions of life and works of famous personalities connected with the South Urals, as well as by their creative work itself – prose, poetry, painting, music, architecture, public and scientific works.

The structure of the dictionary can be described in terms of its mega-, macro-, and microstructure.

The dictionary **megastructure** includes:

- *Introduction*, containing the description of the word-list, the structure of entries, and the rules for dictionary use;
- *Word-list (or the dictionary itself)*, consisting of two sections – *Famous South Urals citizens*, *Famous South Urals visitors*, which registrate personal names (essentially, anthroponyms);

- *Appendix*, including:
 - *Author's Associations* about the South Urals and famous people connected with this region;
 - *List of citations* about the South Urals;
 - *List of works of art* (books, poems, paintings, musical compositions about the South Urals).

The dictionary **macrostructure** (the word-list) consists of two sections – *Famous South Urals citizens* (e.g., the writer P. Bazhov, the fabulist I. Krylov, the lawyer F. Plevako and others) and *Famous South Urals visitors* (eg., the emperor Nikolay II, the poet B. Pasternak, the composer S. Prokofiev, the Czech writer J. Hašek, the French writer and poet L. Aragon, the Swedish composer V. Garteveld and others).

The dictionary **microstructure** consists of three sections: *Biography and Creative Works*, *South Urals Influence* (for South Urals visitors) or *World Influence* (for South Urals citizens), and *Learn More*. The multimedia platform of the dictionary allows to include into the entry such non-verbal information as portraits, pictures, videos, maps, extracts from interviews, etc. Such a vivid way of presentation will attract more readers and help describe the South Urals influence from different angles.

Dictionary compiling is a difficult process connected with a range of problems which can be solved with the help of various linguistic research methods: comparative-contrastive, descriptive, analytical, associative, field investigation and opinion poll.

The dictionary *South Urals in the Life and Work of World Famous People* will be compiled in three languages – Russian, English, Spanish. This requires different approaches to creating a dictionary for the three different groups of target users. It is evident that representatives of these three culture groups perceive information differently. This difference implies making a comparative-contrastive analysis of the three cultures in order to design mega-, macro- and microstructures of the dictionary about the South Urals. It will help make the dictionary effective for each group of target users and thus foster intercultural dialogue.

References

1. *Bianco P. De.* Life Beyond Tourism Non Profit Cultural Portal and Community // World Historical Cities. The League of Historical Cities Bulletin. 2013. March. № 4. P. 8.
2. *Karpova O.* Florence in the Works of European Writers and Artists: Encyclopedic Dictionary for Guides and Tourists: Project of a Dictionary. Ivanovo : Ivanovo State University, 2009. 32 p.
3. *Eco U.* We Like Lists because we don't Want to Die. Interviewed by Susanne Beyer and Lothar Gorris // Spiegel Online. 2009. Nov 11. URL: <http://www.spiegel.de/international/zeitgeist/spiegel-interview-with-umberto-eco-we-like-lists-because-we-don-t-want-to-die-a-659577.html>.

Sergey Potemkin, Galina Kedrova

Lomonosov Moscow State University, Russia

SEMANTIC METRICS AND WORDNET

The paper deals with comparison between *WordNet* and *Russian-English Lexical Database* with superimposed semantic metrics. *Lexical database* (LDB) of about 1.5 mln. records contains English-Russian equivalents with grammar notes and source indication. This LDB is used for definition of the fundamental relation over the arbitrary language words – the distance (Budanitsky, Hirst, 2006).

The problem of metrics superimposition over a lexicon of arbitrary language represents great theoretical and practical interest (Yarowsky, 1992). Its resolution would allow defining concepts of synonyms, homographs and polyseme more precisely, and in practice – to clear out a number of problems in information retrieval, knowledge mining, unification of the texts expressing identical sense, machine translation. Unfortunately, no strict definition of (semantic) distance between words, (semantic) affinity is available, classes of equivalence are not selected, technique for linking names with their denotats is not clear.

The proposed *LDB* is based on the collection of English-Russian and Russian-English dictionaries, available in electronic form. Each *LDB* record includes the following fields: English word (word collocation); Russian word (word collocation); Grammar of Russian word (according to A. A. Zalizniak); Lexical notes; List of the source dictionaries.

LDB in the *DBF* format enables different sorting, indexing of records, introduction new fields for derivative data, and programming processing of data. The distance between two English words, E_a and E_b , could be defined as $1/n$, where n is the number of the Russian equivalents attributed simultaneously to both E_a and E_b . Also the distance could be defined in some other ways, e.g. as $1/N$, where N – total number of the dictionaries containing the above-stated equivalents, or as normalized projection of one English word on the other one in the space of Russian equivalents.

This distance determines metrics over each of not crossed sets of English words connected by Russian equivalents subject to some additional restrictions. The most important restriction is elimination of homographs in Russian and English part of the dictionary. When the metrics is imposed it becomes possible to conduct various kinds of the quantitative analysis of *LDB*, including:

1. Expansion of information retrieval, both in local databases, and in Internet. The searching machines find the documents containing the words of the request. Instead, sometimes it would be useful to retrieve concepts in the vicinity of this word, containing words semantically close (or identical) to the given one.

2. Improvement of machine translation (MT) programs. The automatic MT programs do not give, and in the foreseeable future will not give adequate results. Instead, the Translation memory approach is applied successfully. The MT memory stores translation of sentences made by the human translator. These sentences are extracted from the memory when the new text is submitted for translation. This approach gives good results in case of complete concurrence of the source-language sentences. If one could define the semantic vicinity of the source sentence, this vicinity will contain a number of the sentences of similar sense to choose from (Kedrova, Potemkin, 2007).

3. Clustering and determination of the hierarchical relations between the words, in particular for construction of the advanced *Russian Thesaurus* (Azarova et al., 2003) and its coherence with the elaborated *WordNet* (Fellbaum, 1998) database.

The methods of the quantitative analysis are based on the fundamental concept of distance between objects. The application of these methods for researches in the field of semantics is possible only after the superimposition of metrics relation over the set of lexical items. The offered approach represents one of the possible methods for solving this problem. The linguistic database is a basis for definition of distance between the words.

References

1. *Azarova I. V., Mitrofanova O. A., Sinopal'nikova A. A.* Komp'yuterniy tezaurus russkogo yazika tipa WordNet (Computer Thesaurus of the Russian Language of a WordNet Type) // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nie tekhnologii (Computer Linguistics and Intellectual Technologies): Proceedings of the International Conference "Dialogue'2003" (Protvino, June 11–16, 2003). Moscow, 2003. P. 43–50.
2. *Budanitsky A., Hirst G.* Evaluating WordNet-based Measures of Semantic Distance // *Computational Linguistics*. 2006. № 32 (1). P. 13–47.
3. *Fellbaum C.* WordNet An Electronic Lexical Database. Cambridge, MA : Massachusetts Institute of Technology Press, 1998. 423 p.
4. *Kedrova G. E., Potemkin S. B.* Viravnivanie nerazmechennogo korpusa parallel'nikh tekstov (Alignment of Unannotated Parallel Corpora) // Slovo i slovar' = Vocabulum et vocabularium (Word and Dictionary = Vocabulum et vocabularium): Collection of Papers on Lexicography. Grodno : Grodno State University, 2007. P. 34–39.
5. *Yarowsky D.* Word-sense Disambiguation Using Statistical Models of Roget's Categories Trained on Large Corpora // Proceedings of the 14th International Conference on Computational Linguistics (COLING-92). Nantes, France, 1992. P. 454–460.

Yulia Sergaeva

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg,
Russia

**E-LEXICOGRAPHY: NEOLOGICAL RESOURCES
AND A CREATIVE LINGUISTIC PERSONALITY
IN THE DIGITAL AGE**

The language flows and changes, hence there have always been dictionaries of new words or new word lists added to regular dictionaries. However, in these traditional dictionaries (their print or electronic versions) “editors have had ultimate control over the selection, meaning, and illustration of words and extensive collaboration with contributors has been limited” (Damaso, Cotter, 2007, 19). What has changed in the Digital Age?

The first change can be seen in the way the modern electronic neological resources collect and process new words, interact with their users and contributors. Interaction and collaboration, provided by next generation tools, boosted creative involvement of PC-users in filling blank spaces in vocabulary and enriching the language. The neological online resources of a new type (such as *Urban Dictionary*, *Unword Dictionary*, *Wordoid*, *Pseudodictionary*, *PreDictionary: A Lexicon of Neologisms*, the online create-a-word contest *Verbotomy* and the like) do not just *register* new additions to the English language but encourage PC-users to *create novel words* of their own, to define them in a dictionary or to submit a definition of something still missing in a language so that the others could suggest a name for it. Modern technology enables the process of word creation to become even more entertaining, interactive and rewarding due to the fact that a coinage submitted by any individual will be known to the whole on-line community in a split second and can be even included in printed versions of new word compilations and dictionaries (*Unword Dictionary* and *Urban Dictionary* are among recent examples of *electronic-go-print* editions). Moreover, the participants get credit for creativity as their submissions are commented on, assessed, voted for

or against and ranked by peer reviewers, which further develops the emerging field of collaborative e-lexicography.

Other changes concern the nature of new words and the way linguistic personalities verbalize the reality. From linguistic, cultural and didactic perspectives, word creation becomes a valuable source of information reflecting the modern speaker's perception of the surrounding reality. The study of novel words and/or submitted definitions helps to reveal new objects and phenomena which require their verbalization. Moreover, the definitions devised (often in a humorous manner) by the members of the on-line community are an effective means for developing intercultural awareness – better understanding of cultural similarities and differences.

For instance, with regard to new concepts to be verbalized, the analysis of definitions proposed as public tenders for potential word creators showed, among other tendencies, the following (see the web site *Verbotomy.com*):

- Modern time realia and situations are obviously connected with technology (cell phones, social networking, computers), ecology, medicine, business, entertainment, interpersonal relations, etc. However, the peculiarity of online neology is that word creators try to nominate their feelings, emotions and habits associated with above-mentioned areas, rather than new artifacts (e.g. – “The uneasy comfort that comes from knowing that your family, friends, the police, the taxman, and every marketer in the world, are using the newest technology to track your every move”. *Suggested coinages – tracknowledgy, techsposed*).

- Being an important part of culture in its broad meaning, emotions and habits tell a lot about a target society. Moreover, this domain often shows cultural similarities rather than differences even when feelings and situations are complex and ambiguous, thus bridging the gap between cultures. The study shows that a blend of emotions and attitudes is one of the main voids to verbalize (e.g. – “(about pets) To be dumb, fat, lazy, arrogant, and totally, completely, irresistibly cute.” *Suggested coinage – abdorable*).

- Critical intercultural communication requires contrasting and comparing techniques which, if applied to the definitions proposed by

PC-users, reveal fears of a target society, predominantly negative attitude to some modern inventions, annoying habits, etc. (e.g. – “A person who immediately answers all cell phone calls, then chats on and on, leaving the people they're with, hanging.” *Suggested coinage – cellcentered.*)

An issue of defining a status of such coinages should also be raised. Any new word created and submitted by a PC user to be included in a dictionary can be described with M. Epstein’s term *a protologism* (from Greek *protos* “first” + *logos* “word”). It can later turn *a neologism*, only in case of its acceptance by users other than its inventor (Epstein, 2006).

A great amount of new words emerge on the Internet almost every day as just a regular brain exercise or in real need to fill a vocabulary gap. The question of their chances to enter the mainstream vocabulary has been raised in several publications on success criteria and lexicon enrichment trends (Metcalf, 2002; Popcorn, Hanft, 2001 and others). Why some coinages stay in language, while others are rejected is, as D. Crystal puts it, “one of the great mysteries, which has always been the case in the history of language” (<http://david-crystal.blogspot.co.uk/2013/05/26-iatefl-correspondents-ask.html>).

However, regardless of whether a new word coined today will stay or varnish from a language tomorrow, the study of web-based neological resources and of the way the Internet communities interact in word-creating projects is beneficial for a new field of electronic lexicography (Electronic Lexicography, 2012). The research in this special field helps to explore cognitive, lexical and pragmatic aspects of categorizing reality, to reflect on how the language is collaboratively shaped and enriched while leading the way towards its fulfilling potential in the Digital Age.

References

1. *Crystal D.* Questions about language with David Crystal // DC Blog. 2013. URL: <http://david-crystal.blogspot.co.uk/2013/05/26-iatefl-correspondents-ask.html>.
2. *Damaso J., Cotter C.* UrbanDictionary.com // English Today. 2007. № 23. P. 19–26.

3. *Electronic Lexicography* / Ed. by S. Granger, M. Paquot. Oxford : Oxford University Press, 2012. 517 p.
4. *Epstein M. N.* Tipi novikh slov: opit klassifikatsii (Types of New Words: Experience of Classification) // *Topos. Electronic Journal*. 2006. URL: <http://www.topos.ru/article/5174#1>.
5. *Metcalf A.* Predicting New Words: The Secrets of Their Success. Boston, N. Y. : Houghton Mifflin Company, 2002. 206 p.
6. *Popcorn F., Hanft A.* Dictionary of the Future. The Words, Terms and Trends that Define the Way We'll Live, Work and Talk. N. Y. : Hyperion, 2001. 432 p.

Коммуникативные и гендерные аспекты лексикографии

Е. А. Вансяцкая

Ивановский государственный университет, Россия

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ТАКТИЛЬНЫХ НОМИНАЦИЙ (на материале электронной версии словаря *Macmillan English Dictionary*)

Невербальные компоненты коммуникации (НВК) имеют определённые преимущества перед вербальными, т.к. они развились как средства общения раньше, чем словесные. НВК воспринимаются непосредственно и обладают большей склонностью к воздействию. Кроме того, они могут передавать информацию, которую трудно или по каким-то причинам невозможно передать словами.

Одним из наименее изученных типов невербальных компонентов являются тактильные НВК. Физический контакт в виде прикосновений, поглаживаний, похлопываний является важным источником взаимодействия личности с окружающим миром. Прикосновение – весьма неоднозначная форма поведения, поэтому трактовка того или иного прикосновения зависит от контекста ситуации, характера взаимоотношений собеседников и манеры исполнения, а не от самой по себе конфигурации прикосновения (Нэпп, Холл, 2004, 16; Пиз, 203).

Г. Е. Крейдлин различает культурные и бытовые виды касаний. У последнего вида касаний выделяются несколько функций в акте коммуникации: выражение дружбы и заботы; отражение интимного отношения к адресату; привлечение внимания, установление контакта между жестикулирующим и адресатом; отра-

жение доминантного контакта положения человека на некой социальной шкале (Крейдлин, 2004, 316).

Г. Е. Крейдлин считает возможным выделить жестовые касания, главной целью которых является коммуникативная функция. Они используются для привлечения внимания другого человека, установления с ним коммуникативной связи, облегчения последующего воздействия на него. С помощью жестовых касаний человек выражает свои чувства и отношение к людям (Там же, 431).

В процессе коммуникации на значение и интерпретацию жестовых касаний влияют различные факторы, среди которых исследователи отмечают продолжительность жеста; тип контекста, в рамках которого происходит жестовое касание; характер взаимодействия между партнёрами и т.д. (Крейдлин, 2004; Лабунская, 2009).

При обработке фактического материала нас интересует способы языкового отражения эмоций, то есть те языковые корреляты (ЯК), которые используются в текстах. По мнению психологов в речи коммуникантов-мальчиков и девочек встречаются НВК тактильного вида. Обратимся к изучению способов его репрезентации. Интересно проследить, каким образом эти ЯК находят свое отражение в словарях английского языка. Для анализа нами была выбрана электронная версия учебного словаря *Macmillan English Dictionary* (<http://www.macmillandictionary.com>).

Основой глагольных сочетаний являются глаголы, описывающие касание. Говорящий при этом испытывает эмоциональные реакции (ЭР) положительной или отрицательной направленности. При передаче положительных ЭР используются такие номинации, как *to pat, to stroke, to kiss, to hug* и др. При передаче отрицательных ЭР превалируют следующие негативно коннотированные глаголы: *to slam, to grab, to punch, to bump*.

Посмотрим, как представлена словарная статья глагольной номинации в электронной версии словаря *Macmillan English Dictionary* с учетом его миссии и задачи:

pat – definition

VERB [TRANSITIVE] Pronunciation /pæt/

to touch someone gently several times with a flat hand to show that you care about them or want to make them feel better

Stella patted his knee reassuringly.

He patted the girl on the shoulder in an attempt to comfort her.

T Thesaurus entry for this meaning of pat

a. if you pat your hair or skin you touch it gently to make it smooth, tidy, or dry

He patted his already immaculate hair.

After washing, pat your face dry with a soft towel.

T Thesaurus entry for this meaning of pat

b. to touch something gently with a flat hand to draw attention to it, or to check that something is where you placed it

'I'm hungry,' he said, patting his stomach.

'Come and sit here,' she said, patting the seat beside her.

He patted his trouser pocket to see if his keys were there.

T Thesaurus entry for this meaning of pat

c. if you pat an animal such as a dog or a horse, you touch it gently several times with a flat hand in a friendly way

T Thesaurus entry for this meaning of pat

В данной словарной статье присутствует входная единица и дефиниция, представленная в простой и доступной форме. При рассмотрении основного значения глагола *pat* авторами словаря приводятся иллюстративные примеры на каждое значение слова. Они помогают понять, как используется данная единица в повседневном языке, а также показывают её комбинаторику. Это позволяет изучающему английский язык избежать типичных ошибок в употреблении. Так как словарь является учебным, его цель – научить пользователя правильно использовать данный глагол в ситуациях реальной коммуникации. Таким образом, под буквами a, b, c представлены подробные определения и ситуации употребления данной единицы. Несомненным удобством для пользовате-

ля является ссылка на тезаурус. Для того чтобы найти данные тезауруса, пользователь словаря должен навести курсор и прочитать дополнительную информацию.

К основному значению глагола представлена следующая информация:

to touch someone gently several times with a flat hand to show that you care about them or want to make them feel better

Synonyms or related words for this sense of pat

Expressing affection physically: *kiss, hug, pat, caress, cuddle, hold, embrace, nuzzle, ruffle...* more

Таким образом, если пользователь испытывает затруднения относительно одного или нескольких слов из списка тезауруса, то он может последовательно обратиться к каждой словарной статье. При обращении к тезаурусу, становится очевидным, что представлены слова со смежным значением, которые, тем не менее, значительно отличаются друг от друга. Иллюстративные примеры позволяют чётко разграничить сферы употребления глагольных номинаций.

В результате анализа словарной дефиниции можно отметить, что глагол *pat* не является семантически нейтральным, он положительно окрашен. Следовательно, для передачи положительной ЭР в тексте художественного произведения он употребляется изолированно, т.к. его семантика достаточна, чтобы понять характер испытываемой коммуникантом эмоции.

Данное строение словарной статьи крайне удобно для пользователя, так как снабжает его не только основной информацией, но и добавочными семантико-функциональными характеристиками, которые позволяют достаточно быстро определить ту эмоцию, которую испытывает говорящий. Кроме этого, для учебных целей представлены формы глагола в настоящем времени (*word forms*), а также фразы и фразовые глаголы – *pat someone on the back* и *to pat down* (*phrases*).

Перспективой дальнейшего исследования было бы проведение сплошной выборки ЯК тактильно типа из учебного словаря и

соотнесение их с описанием соответствующих невербальных действий в коммуникативных актах.

Список использованной литературы

1. *Крейдлин Г. Е.* Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. М. : Новое лит. обозрение, 2004. 592 с.
2. *Лабунская В. А.* Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности. Ростов-на-Дону : Феникс, 2009. 352 с.
3. *Нэпп М., Холл Дж.* Невербальное общение : 6-е межд. изд. СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК ; М. : Олма-Пресс, 2004. 256 с.
4. *Пиз А.* Язык телодвижений: как читать мысли других людей по их жестам. М. : Эксмо, 2003. 265 с.
5. Macmillan Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com> (дата обращения 28.05.2013).

К. А. Врыганова

Ивановский государственный химико-технологический университет,
Россия

К СОЗДАНИЮ СЛОВАРЯ НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В СИТУАЦИИ МАСКИРОВКИ ЭМОЦИЙ (на материале британской лингвокультуры)

Изучение невербального поведения человека в последние годы стало весьма актуальным в отечественной лингвистике, хотя первоначально, данное явление интересовало в большей степени психологов и антропологов. Так, к трем главным типам *правил выражения* – личных, ситуационных и культурных норм, которые регулируют степень и форму лицевой экспрессии, относили явления *симуляции*, *подавления* и *маскировки* (Переверзева, 1987).

В нашей работе мы фокусируем свое внимание на маскировке как гиперониме вышеуказанных понятий *подавление* и *симуляция*.

Для изучения проблемы маскировки в невербальном поведении исследователи П. Экман и У. В. Фризен избрали модель неискренней коммуникации, в которой испытуемые могли словами выражать что-то отличное от того, что они в действительности чувствуют или переживают (Ekman, Friesen, 1969). Гипотеза ученых заключалась в том, что части тела, обладающие меньшей емкостью каналов, дают больше информации о неискренности. Дальнейшие результаты подтвердили представление о том, что при обмане обычно более информативные источники (например, выражение лица) являются менее полезными показателями, чем менее информативные источники (например, движения рук, ног или ступней) (Ганина, Песьякова, 2008).

Одной из групп языковых единиц, выполняющих функцию перевода невербального семантического кода на функциональный язык, являются фразеологические словосочетания, традиционно рассматриваемые в лингвистике как фразеологические единицы, в состав которых входят соматизмы, или названия частей тела. Впоследствии Г. Е. Крейдлиным был введен термин *жестовые фразеологизмы*, эксплицирующий взаимосвязь невербального и вербального кодов (Крейдлин, 2002). Предложено описание функционирования в тексте *жестовых* фразеологических единиц, сопровождающих вербальную часть коммуникативных актов и в представлении их лексикографической разработки с целью создания модели словаря жестовых ФЕ английского языка (Маякина, 2006).

Так как одним из способов хранения страноведческой информации, безусловно, является словарь (Карпова, 2009, 27), то, по нашему мнению, при изучении британской лингвокультуры и ее особенностей, на занятиях по прагматике и интерпретации текста, возникает необходимость в ситуациях маскировки эмоций правильно «считывать» невербальное поведение человека.

Нами ставится перспективная задача создания словаря невербального поведения человека в ситуации маскировки эмоций (на материале британской лингвокультуры). Он предназначен, прежде всего, тем, кто изучает английский язык, а также все тем, кто интересуется лингвистикой, прагматикой и проблемами текста. Для словаря были отобраны из британских художественных

текстов языковые единицы, описывающие невербальное поведение человека в ситуации маскировки эмоций.

За основу предполагаемого словаря нами выбран словарь *Мимика и жесты в русской речи*, первое издание которого было выпущено в 1991 г. (Акишина, 1991). В 2010 г. вышло в свет уже 3-е издание словаря. Интерес к данному учебному словарю не только не угасает, а является достаточно высоким, что подчеркивает актуальность создания подобных словарей в будущем.

Список использованной литературы

1. *Акишина А. А., Кано Х., Акишина Т. Е.* Мимика и жесты в русской речи. М. : Русский язык, 1991. 145 с.
2. *Ганина В. В., Песьякова А. А.* Маскировка эмоций человека с помощью невербального поведения (на материале англоязычных детективных романов). Иваново, 2008.
URL: <http://main.isuct.ru/files/publ/vgf/2008/176.pdf>.
3. *Картова О. М.* Английская лексикография : учеб. пособие. М. : Изд. центр «Академия», 2009. 176 с.
4. *Крейдли Г. Е.* Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М. : НЛЮ, 2002. 581 с.
5. *Маякина М. А.* Фразеологические словосочетания, описывающие невербальное поведение человека: коммуникативно-прагматический и лексикографический аспекты: на материале англоязычных художественных текстов : дис... канд. филол.наук. Иваново, 2006.
6. *Ekman P., Friesen W. V.* The Repertoire of Nonverbal Behaviour: Categories, Origins, Usage and Coding // *Semiotica*. 1969. Vol. 1. № 1. P. 49–98.

Е. А. Филатова

Ивановский государственный университет, Россия

ОТРАЖЕНИЕ КОСВЕННЫХ НОМИНАЦИЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Особенностью языка политики на аргументативном уровне является его доступность для понимания практически всеми членами языкового сообщества. Этот факт связан, с одной стороны, с подробным освещением политических терминов в отечественной и зарубежной лексикографии (Баранов, Караулов, 2009; Карпова, Маник, 2002; Plano, Greenberg, 1993; Sperber, Trittshuh, 1986; Safire, 1999 и др.). С другой стороны, это является следствием наметившейся в последние годы деспециализации политических терминов в целом.

Современная общественно-политическая лексика представляет собой «совокупность лексических единиц, обозначающих понятия и реалии общественно-политической жизни в которых репрезентируются особенности социального устройства, присущие разным общественно-экономическим формациям, поэтому они являются культурно и идеологически значимыми и могут неодинаково оцениваться представителями различных обществ/идеологий» (Карпова, Маник, 2002, 52).

Однако, как известно, существует иной, суггестивный, уровень оказания речевого воздействия, основанный на эмоциональном влиянии. В политическом дискурсе воздействие может осуществляться путем реализаций различных коммуникативных стратегий: аргументации, суггестии, провоцирования.

Основу *внушения (суггестии)* составляет такой способ подачи сообщения, который основан на иррациональном, неосознанном восприятии информации. Основания для проявления суггестии заложены в семантике языкового знака, в коннотации. Внушение реализуется преимущественно через чувственную сферу: образность, эмоциональность, оценочность, ассоциативность. Поэтому очевид-

но, что суггестия реализуется в речевом общении, прежде всего, за счет средств *косвенной номинации*: метафор, иронии, риторических вопросов, аллюзий, языковой игры и так далее.

Коммуникация представляет собой взаимодействие людей, состоящее в общении, обмене коммуникативными актами и их интерпретации. Прямая коммуникация имеет место тогда, когда в содержательной структуре высказывания смысл равен значению, то есть план содержания высказывания (слов, граммем и так далее) совпадает с итоговым коммуникативным смыслом (Дементьев, 2006). В противном случае, процесс коммуникации является непрямой. В прагмалингвистических исследованиях непрямая коммуникация представляет собой косвенный иллюкутивный акт, произведенный опосредованно, путем осуществления другого. В политическом дискурсе непрямая коммуникация может осуществляться за счет аллюзий, иносказаний, метафор, метонимий, иронии и так далее.

Согласно когнитивной теории метафоры, в результате метафорического переноса происходит проецирование понятийной области источника на область цели. Однако, следствия из метафоры, как правило, не формулируются в явном виде (Баранов, 2009). Метафоры в политическом дискурсе могут быть как конвенциональными (устоявшимися), так и творческими, не фиксированными еще в языковой системе:

“... We are used to competition from low cost economies in the third world. But new economic giants are emerging, in China, India and Indonesia. The tiger economies of South Asia are growing rapidly” (Shephard, 2003).

В языке политики постоянно возникают устойчивые словосочетания, с высокой частотностью воспроизводимые в речи (*economic giants, tiger economies*), однако ни одно из сочетаний не имеет стопроцентной устойчивости. С этим связана сложность отражения их в современных лексико-фразеологических и терминологических словарях политики.

Лексико-стилистические способы непрямого речевого воздействия, представляющие собой косвенные номинации, нужда-

ются в специальном освещении в лексикографической литературе: словарях LSP, PR технологий, лингвистических и политических словарях для различных групп пользователей. В словарях, отражающих косвенные номинации, в целом ряде случаев возникает необходимость реконструирования семантики свободных словосочетаний. Привлечение корпусных программ, позволяющих строить конкордансы употребления слов, дает возможность более точно описывать сочетаемость политических метафор.

Список использованной литературы

1. *Баранов А. Н.* Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М. : Флинта, 2009. 592 с.
2. *Дементьев В. Н.* Непрямая коммуникация. М. : URSS, 2006. 287 с.
3. *Карташкова Ф. И.* Номинация в речевом общении. Иваново : Иван. гос. Ун-т, 1999. 199 с.
4. *Карпова О. М., Маник С. А.* Почему нужны новые словари общественно-политической лексики? // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Филология». Вып. 1. 2002. С. 52–61.
5. *Шейгал Е. И.* Невербальные знаки политического дискурса // Основное высшее и дополнительное образование : сб. науч. тр. Вып. 1. Волгоград, 2001. С. 48–53.

Список использованных словарей

1. *Баранов А. Н., Караулов Ю. Н.* Словарь русских политических метафор. М. : Помовский и партнеры, 1994. 351 с.
2. *Plano J. C., Greenberg M.* The American Political Dictionary. San Antonio, TX : Harcourt Brace College Oublisher, 1993.
3. *Safire W.* Safire's New Political Dictionary. N. Y. : Oxford University Press, 1999. 862 p.

Ю. С. Шулякина

ФГБОУ ВПО Ивановский институт ГПС МЧС России

**ЛЕКСИКА ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
ХАРАКТЕР И ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В СЛОВАРЯХ
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И НАРОДНЫХ ГОВОРОВ
(на материале говоров Ивановской области)**

Лексика говоров Ивановской области очень разнообразна в тематическом отношении. Она связана со многими сторонами жизни человека, его занятиями, бытом, окружающей природной средой, материальной и духовной культурой. Наиболее многочисленной по лексическому наполнению оказалась в наших материалах тематическая группа *Характер и поведение человека*, в составе которой можно выделить отдельные лексико-тематические подгруппы, отражающие характеристики: 1) человека как индивида; 2) человека как члена социума. К ним относятся наименования, характеризующие человека по его интеллектуальным способностям, эмоциональному состоянию и речевому общению; наименования, характеризующие человека по отношению к нормам нравственности.

Основным источником исследования являются материалы словарной картотеки по теме *Человек*, которая хранится на кафедре русского языка и методики преподавания (бывшей кафедре общего и славянского языкознания) Ивановского государственного университета. Картотека содержит общерусскую и собственно диалектную лексику, собранную по *Программе Лексического атласа русских народных говоров*, отражает современное словоупотребление и лексический состав ивановских говоров второй половины XX – начала XXI вв. Языковой материал анализируется в аспекте литературно-диалектной языковой макросистемы, поскольку недифференцированный подход, предполагающий равное внимание к любому члену диалектного различия, независимо от того, представляет ли он собственно диалектную лексическую единицу или же слово, входящее одновременно в состав литера-

турного языка и общерусского просторечия, позволяет наиболее полно выявить своеобразие языковой картины мира сельских жителей Ивановского края. Ограниченные объемом тезисов, мы рассмотрим лишь несколько лексем, относящихся к ТГ *Характер и поведение человека*.

Характеристика отчаянного человека, способного на бесшабашные поступки, сорвиголовы в Шуйском, Юрьевецком районах представлена разговорным прилагательным *бедо'вый*, ср.: *Это парень бедовый, никого, видать, не боится, так и лезет на двоих-троих сразу, хоть бы что* (Шуйский р-н); в Лухском – словообразовательными синонимами *у'харь*, *у'харень*; в Тейковском, Шуйском районах – словом общего рода *ото'рва*, широко распространенным и в других народных говорах – курских, калужских, владимирских, московских, псковских, смоленских, ср.: *У меня сын тоже оторва был, готов всегда хоть в амут* (Тейковский р-н); *Такая оторва, никого не боится, ребят (сверстников) бьёт, ночью в лес одна ходит* (Калуж.) (СРНГ, 24, 261). Приведенные контексты показывают, что крайняя степень смелости, проявляющаяся в лихачестве, безоглядной бесшабашности, неосторожности, в народной среде оценивается негативно.

Общенародному языку известны однокоренные существительные *блудни'ца* «распутница, развратница» с пометой *устар.* и *блуд'дня* «тот, кто блудит» с пометой *прост.* (МАС, 1, 99), бытующие наряду с ивановскими в костромских, ярославских, ростовских, рязанских и других говорах, ср.: *Ах ты, блудница, как же тебе не стыдно перед людьми-то. Коли самой не совестно, мать хоть бы пожалела, она всю жизнь честной была* (Юрьевецкий р-н); *Забулдыгами становятся и блуднями* (Тейковский р-н). По данным диалектных словарей (СРНГ и ЯОС), указанные наименования встречаются в говорах с различной семантикой, так *блудница* – «о вороватой кошке», ср.: *У нас кошка такая блудница, ничего нельзя оставить* (ЯОС, 1, 64), «проказница, пакостница», ср.: *А вы красны девицы, молоды-молодицы, дочери отецки, жены молодецки, криношны блудницы, сметаны лакомницы, горшешини пагубницы* (из присказок-прибауток дружки на свадьбе). Перм. (СРНГ, 3, 30); *блудня* – «распутный человек», ср.: *Нашла она какого-то блудню, «вор»,*

ср.: *У нас сосед страшный блудня: лазит по чужим огородам* (ЯОС 1, 64), «тот, кто мало бывает дома, любит уходить из дома» Свердлов., «шалун, проказник; шалунья, проказница» Ср. Урал., Нижегород., Тамб., Влад., Новг., Перм. (СРНГ 3, 30). По своему происхождению рассматриваемые лексемы связаны с древнерусским полисемантным глаголом *блуди'ти* «заблуждаться, ошибаться, уклоняться от истины», «прелюбодействовать, распутничать», «пакостить, причинять ущерб (о животном)» (СлРЯ XI–XVII вв. 1, 244–245), в значениях которого актуализируется общая сема «уклонение от прямого пути». Таким образом, диалектоносителями признается ошибочным, несоответствующим нормам нравственности поведение распутного, развратного человека.

Вероятно, от просторечного глагола *шля'ться* «ходить, бродить, переходить с места на место без особого занятия, дела, слоняться» (МАС, 4, 724) образовано общенародное слово *шлю'ха* «женщина легкого поведения, развратница» с пометой *груб. прост.* (МАС, 4, 704), зафиксированное в ивановских говорах, ср.: *Распутных об-суждали, ругали и звали по-злomu – шлюхи* (Шуйский р-н). Необходимо сказать еще об одном значении данной лексической единицы, которое приводит В. И. Даль, – «женщина неряха, одетая кой-как, небрежно, грязно; шлёнда с грязным подолом» (Даль, 4, 729). Разные значения этой лексемы включают общую сему «нечистота», с одной стороны, проявляющейся во внешнем облике человека, с другой, – в безнравственном поведении.

Наблюдения над функционированием лексики в исследуемых говорах убеждают в общей динамике развития диалектной системы, заключающейся в стирании ярких диалектных различий и постепенном формировании новой формы народной разговорной речи – сельского просторечия.

Список использованной литературы

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. СПб., 1903.
2. МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1985–1988.

3. СЛРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1975–2008. Вып. 1–28.
4. СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. М., Л., СПб. : Наука, 1965–2010. Т. 1–43.
5. ЯОС – Ярославский областной словарь / Под ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль : ЯГПИ имени К.Д.Ушинского, 1981–1991. Т. 1–10.

Tatiana Ivanova (Szelinger)

North West Institute of Management, a branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration, Saint-Petersburg, Russia

**LEXICOGRAPHY OF CONFLICT INTERACTION:
REPRESENTING PRAGMATICS IN A DICTIONARY**

With the advent of communicative approach both in linguistics and methodology of teaching a foreign language and the introduction of anthropological focus of analysis we more and more often turn to the issues of pragmatic level and feel that pragmatic information is underrepresented in the dictionaries.

The primary goal of learning a foreign language is learning how to communicate in this language. Argumentation, conflict interaction and conflict avoidance are important parts of communication as we are arguing all the time. Besides, we write and speak in front of the audiences to persuade people in our views and beliefs. Yet, our students very often quarrel instead of introducing real arguments, because they don't know how to do it. Therefore we need to help our students to develop argumentative techniques and master argumentative skills. However, these phenomena lack attention of teachers as well as linguists. The appropriate activities and exercises in the FL textbooks are scarce. Dictionaries and references are next to none.

The goal of this talk is to draw attention of the audience to the case of the language of conflict and to pose a question whether and

how dictionaries should represent pragmatic information concerning various *conflict* linguistic units starting with contrasting words and parameter units, then dealing with certain expressions and structures that can show opinion difference and trigger conflict interaction. The talk consists of three parts: first we need to discuss a definition of difference of opinion and conflict interaction as well as the ways of conflict resolution and avoidance. Then we need to work out what language units and what kind of utterances could be of especial importance to escalate or resolve or avoid conflict. And it is planned to speak on the dictionary project, its structure and ways of keeping up to date with the fast development of language.

The theory we base our talk on is both pragma-dialectic approach of F. Van Eemeren and R. Grootendorst as well as Saint Petersburg school of text analysis and dialogue research (Eemeren van, Grootendorst, 1984; Chakhoyan, 1980; Maslennikova, 1999).

Conflict interaction can be defined as a type of interaction when one of the parties tries to change the other (it may include behavior as well as opinion) and the other is opposing to it. In conflict interaction Gricean Cooperation Principle “every speaker contributes to the common goal of the conversation” is specific as they, in fact, very often pursue opposite goals... In conflict interaction the theme or object of the conversation is something that either participants or at least one of them feels strongly about. The status of the participants and their psychological type may play a key role in the way the dialogue develops.

The fact that the parties have different attitudes to this or that fact/opinion is connected with cognition and cognitive dissonance, the concept first introduced by L. Festinger (Festinger, 1957). In *Cognitive Dissonance Factor in Conflict Interaction* there was a description of the role cognitive dissonance plays in the development of conflict (Ivanova (Szelinger), 1996).

Cognitive dissonance means that one cognitive element of our mind may lead to something that is completely opposite to another cognitive element of our mind. By cognitive element we mean something we consider true (it may be connected with ourselves, the world around us, our beliefs, and our behavior). In other words, we

may say that cognitive dissonance is a mismatch between our attitudes and our actions, including verbal actions. If our knowledge or attitudes and behavior do not match, we feel a really unpleasant state of dissonance, which can be short term without any destructive consequences or it may last and in this case this feeling becomes one of the strongest motivating factors for changing either our own attitude to something or the knowledge of the world and of ourselves. The latter option quite often is difficult to reach; therefore the former occurs much more commonly (Festinger, 1957).

When we communicate with other people we face their opinions and their attitudes, that are different from ours, and we either feel cognitive dissonance or try to change our interlocutor, this way the dissonance becomes intrapersonal. Since our opinions and beliefs are expressed verbally, the abovementioned dissonance influences the development of our verbal communication and pushes us in the process of critical discussion and argumentation. We either constantly feel our own cognitive dissonance or we need to overcome it through persuasion of our opponent (Ivanova (Szelinger), 1996).

Creating special dictionaries of conflict interaction would help to raise students' awareness of some pragmatic features of conversation and conflict interaction and to master argumentation and conflict resolution techniques. The main principle to collect the corpus for such a dictionary is to be pragmatic focus and communicative role of this or that item. The corpus should include contrasting words, antonyms, devices to introduce conflicting opinions, typical phrases and words that may have connotations to trigger and/or escalate conflict. It would also be helpful if it included some typical conversation patterns and phraseology.

References

1. *Chakhoyan L. P.* Syntaksis dialogicheskoi rechi sovremennogo angliiskogo yazyka (Syntax of Modern English Dialogue Speech). Moscow : Visshaya shkola, 1979. 168 p.
2. *Eemeren F. H. van, Grootendorst R.* Speech Acts in Argumentative Discussions. A Theoretical Model for the Analysis of Discussions

- Directed towards Solving Conflict of Opinion. Dordrecht : Walter de Gruyter, 1984. 215 p.
3. *Festinger L.* A Theory of Cognitive Dissonance. Evanston, Ill : Row, Peterson, 1957. 291 p.
 4. *Ivanova (Szelingier) T. N.* Faktor kognitivnogo dissonansa i konfliktnoe rechevoe obshchenie (Cognitive Dissonance Factor and Conflict Interaction) // Rechevoe obshchenie argumentatsia (Speech Communication and Argumentation). 1996. № 2. P. 16-31.
 5. *Maslennikova A. A.* Linguisticheskaya interpretatsia skrytych smyslov (Linguistic Interpretation of Hidden Meanings). Saint-Petersburg : Publishing House of Saint-Petersburg State University, 1999. 260 p.

Natalya Naumova

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Russia

LEXICOGRAPHIC ASPECT OF CONTEMPORARY ENGLISH EUPHEMIZATION: CRITERIA FOR EUPHEMISMS SELECTION

It is a well-known fact that any dictionary might serve a reliable source of information if it suggests and follows special criteria for the selection of corresponding lexical data.

Lexicographers tend to face several difficulties in the process of compiling contemporary dictionaries of euphemisms. The problem refers to the specific character of euphemisms: their variability and flexibility in the communicative context. Some euphemisms maintain their feature of occasional elements and will never become a subject to dictionaries. Another tendency is a fast obsolescence process of euphemisms as lexicographical data. It affects the registration of new euphemisms and identification of necessary changes in vocables.

Besides, the imperfection of euphemisms dictionaries is explained by the absence of clear criteria for the selection of lexicalized units. The fact is that many well-known dictionaries of English euphemisms include such lexemes which are hardly

distinguished as such in the contexts. The lack of rigid criteria causes the appearance of “odd” elements in the dictionaries remaining one of the burning issues in contemporary lexicography.

H. Rawson’s *Dictionary of Euphemisms and Other Doubletalk* (1988) refers to the following definition of euphemisms: these are *mild, agreeable, or roundabout words used in place of course, painful, or offensive ones*.

The dictionary, in fact, is full of dysphemisms. It is quite obvious that the factor of the synonymic relatedness should not be denied while studying euphemisms and applying the criterion of degree of characteristic intensity. However, this criterion should not become an absolute one. A lexeme might be classified as mild and agreeable if compared to another in a context. Still, its abilities to function as a euphemism are fairly limited if it possesses some proper features of a diminished stylistic element.

The authors of *Kind Words: A Thesaurus of Euphemism* J. S. Neaman and C. G. Silver (1990) focused on the following definition of a *euphemism*: *Euphemizing is generally defined as substituting an inoffensive or pleasant term for a more explicit, offensive one, thereby veneering the truth by using kind words*.

Nevertheless, numerous words within the represented nomenclature of this lexicographical manual do not meet the suggested criterion *pleasant and kind*. Quite the opposite, a lot of lexemes might be identified as *unpleasant and unkind*. It means, in fact, that many words of this dictionary tend to be dysphemisms (more than 40% of the word-stock), and it is verified and confirmed by other reliable sources: they trace some of such lexemes as rude, barbaric, and mark them as taboo words or word units.

The problem is that the authors J. S. Neaman and C. G. Silver consider the *historical criterion* to be the basic one to include this or that lexical unit into the dictionary of euphemisms. However, it is evident indeed that some of the words, historically and etymologically traced as euphemisms, have turned into taboo.

According to R. W. Holder, the author of *Oxford Dictionary of Euphemisms* (2003), *euphemism means the use of a mild or vague or periphrastic expression as a substitute for blunt precision or disagreeable use*.

It seems that in the above mentioned definition structural features (periphrastic) and proper semantic characteristics (vague) are mixed up.

It leads to a fairly broad interpretation of a *euphemism*, as well as to the extension of vocabulary. The word list includes direct nominations of objects, phenomena and processes which are characterized by a neutral stylistic status and lack any complementary meaning.

To sum it up, the analysis of the most famous English dictionaries of euphemisms makes it possible to state the absence of the efficient criteria for identification and selection of lexical data into such lexicographical sources. The vocabulary size is unreasonably exaggerated due to the following facts:

- there are a lot of neutral lexemes which serve in fact the prior nominations of objects, processes and phenomena;
- there are a lot of lexemes which used to be euphemisms but have lost their euphemistic status in the run of time;
- there are a great number of barbarisms which may sound milder in comparison to other rude words of the same stylistically diminished zone; however, such lexical units have a fairly limited area of application within the communicative context.

On the one hand, from the pragmatic point of view, the criterion of the correct selection of euphemisms might be their consistent functioning in the communicative context as a lexical unit allowing to neutralize the conflictogenic situation. A dictionary unit meeting such demands might be considered as a potential euphemism.

On the other hand, we should not deny a historical factor. It seems to be unfair to compile contemporary dictionaries of euphemisms of lexical units having lost their euphemistic status in the run of time. As a result, we may speak about the historical and contemporary euphemisms which need to be represented in different word lists within the dictionaries.

It seems the basic criteria of lexemes and lexicalized word combinations selected for dictionaries of euphemisms should serve the following features:

- secondary nomination;
- implicit character of senses which should be limited in use due to ethics and political correctness;
- positive axiological potential;
- connotation of qualitative reduction of negative features, as well as quantitative intensification of positive characteristics.

FLORENCE

PLENARY PRESENTATIONS

Larisa Alekseeva

Perm State National Research University, Russia

FLORENCE AS TEXT

Text forms one of the fundamental concepts of modern linguistics and semiotics (Lotman, 2002). According to Saussure, text is regarded as language manifestation, i.e. as language material. This thesis is very widely accepted and not often challenged. But the concept of text has changed a great deal since then, and a dominant view of it is no longer static. I would propose a view on the possibility to discover a specific kind of text. If we think of culture, it has various kinds of manifestation: art, music, architecture, etc. All objects of culture may be represented by means of language: we may discuss their essence and exchange opinions referring to those objects. In this sense, we may equal text and culture. The only difference is that in the saussurean sense, the language precedes the text. In case of culture, the cultural text (picture, sculpture, music, and the like) precedes its language. Cultural texts are metatexts, since their production is based on the process of semiotic decoding. The function of decoding of cultural texts is known as creativity. In this sense, cultural sense offers various prospects for development of creativity.

I shall regard Florence as a primary cultural text and try to discover its properties. Florence enters contemporary scientific discussions from various directions including such field as lexicography. This article will aim at the issues of Florentine text, with the understanding that it is not only a multilateral linguistic phenomenon, but a complex semiotic object. We aim at describing Florence as a certain semiotic image, contributing into the heritage of

lexicography, being compressed to a cultural formula. By this formula, we mean a complex of historical, cultural and linguistic information reflecting Florence as a concentrated informational semiotic image (Lotman, 2002).

In recent years, the researchers of different concerns have pointed out that human activity occupies the main theoretical place, because the comprehension of questions, linked with it, is dependent on the semiotic foundation. When people gave names to streets, cities, when they establish monuments, they symbolically arrange their living space, which was empty before. Nomination does not occur in isolation. People try to motivate their choice of names; and in this way, they symbolize their living space. Semiotic activity of people is one of its oldest motivations.

We realize that culture is a system of texts. In the process of semiosis various facts and events of the reality obtain a new sign status, being defined as a new form of the text (Barthes, 1972). From this perspective, Florence may be regarded as a special kind of text, *The Florentine text*. By this term, we mean a special integral whole of all the utterances and reminiscences, i.e. language representations, linked with Florence. It is clear that the research of *The Florentine text* is aimed at the analysis of traces left by Florence in the world writings. That was one of the primary tasks of the *Dictionary without Boundaries* (2013). It is based on what people say or believe about Florence. In other words, it is the primary cultural text.

We create a semiotic portrait of Florence, comprising of pictures of Florence, which might be material for a specific dictionary of symbols (Florensky, 1998). We worked out two main principles of Florence as text, hedonism and intertextuality. By hedonism we mean attractiveness and specific magnetism of Florence (Barthes, 1975). We link intertextuality with various associations of Florence in cultural texts.

According to the first principle, we produce cultural texts referring to the most attractive symbols of Florence. The discovery of Florence in this perspective is directed into two ways. The first is connected with the studying of its paradigmatic resources, having definite denotates (*Duomo, Santa Maria del Fiori, Santa Croce*, etc.) All those names arrange the denotative dictionary of Florence. However, syntagmatical structures combine all those separated symbols into the integral narration, which introduces them into

various kinds of informational sources. The *Dictionary* we are compiling in Florence is based on both of these principles. In the first perspective, we try to observe objects as words. It is the first level of our activity.

On the textual level, all the words lose their common meaning and obtain mythological interpretation. Being the same in form, they get quite a specific meaning, and function as signs of other reality. It means that an object is taken out of its usual place and is replaced into the symbolic plane. In the symbolic world, a common object (building, river, picture, book) may be turned into a symbol and placed into the raw of other symbolic names.

Each text contains several layers: lexicon, syntax, stylistics and intra- and interconnections. Defining Florence as text, we assume that it has linguistic representation and fixation in dictionaries, and at the same time, its inner integrity and connectivity, i.e. those characteristics typical to the text. It is arbitrary to take isolated symbols out of the text integrity. This is the second principle of studying Florence as text.

Many symbols of Florence are connected with personal names. Consider: *Vanna* the Italian medieval feminine name. The name *Vanna* is particular to the Tuscan province of Italy. In *La Vita Nuova*, by D. Alighieri *Vanna* is a Florentine lady, the best friend of Beatrice. In music and poetry, this name was also used. Think of *Monna Vanna*, the unfinished opera by S. Rakhmaninov, or of *Monna (Lady) Vanna* who was a muse for a Florentine poet Guido Cavalcanti.

The city plays a special role in the system of symbols. We define the sphere of the city a centred space. Florence was always the centre of something. Think now of The Republic of Florence (Italian: *Repubblica Fiorentina*), The Florentine Camerata (*the Camerata de' Bardi*), The Florentine Unia, etc. If gods take part in the origin of a city, this city fulfils the function of a mediator between the God and people. It is usually situated on the hills. It has the beginning, but it has no end. It is an eternal city. All these characteristics suits Florence.

The functions of cultural texts are the following: 1) they establish the connection between people and cultural tradition, 2) the text plays the role of a mediator, which modifies the personality of the reader, 3) the texts are rather autonomous, since they are like partners in the intercultural dialogue, 4) the rules for interpretation of the text

are not specified, each individual coming across Florentine symbols, have them in his own head. Any apparent reference to a symbol is construed by him individually. Consider the symbol of the *Arno*. It is obvious that the *Arno* is one of the attractive and tense symbols of the Florentine text. It has various representations in the world literature: P. B. Shelley *Ode to the West Wind*, O. Wilde *By the Arno*, P. Vyazemsky *Florence*, E. M. Forster *Room with a View* and others. The symbolic function of the river is diversified. And all interpretations are acceptable. They symbolize the flow of life, people's memory, the witness of history, etc.

The symbolic space of Florence is a container of emblems and archetypes. As we have found out, the semiotic space of Florence is very dense and complex. Florence had never copied signs or reproduced them from the other cultures. The semiotic field of Florence is a homogeneous and a centred text, where each element is a sign able to be compressed and to be developed. Florence is constantly producing its symbolic space.

We applied the text theory in a new way, concerning new principles and unsuspected ideas. We may conclude that the Florentine text is the unity of languages and cultures. This unity generates a strong energy by means of historical information, by which the city resists time. Florence as text has a very clear expressionism (represented in sculptures, pictures, etc.). That is why it always needs visitors and onlookers.

References

1. *Barthes R.* Elements of Semiology. N. Y. : Hill and Wang, 1968. 111 p.
2. *Barthes R.* Mythologies. N. Y. : Hill and Wang, 1972. 160 p.
3. Florence in the Works of World Famous People. Encyclopedic Associative Dictionary for Guides and Tourists. Project of a Dictionary / Ed. by O. Karpova, T. Khomutova, O. Babina. 4th issue. Chelyabinsk : South Ural State University Press, 2013. 125 p.
4. *Roland B.* The Pleasure of the Text. N. Y. : Hill and Wang, 1975. 84 p.
5. *Florensky P. A.* Imena (Names). Moscow : EKSMO-PRESS; Kharkov : FOLIO, 1998.
6. *Lotman Yu. M.* Istoria i tipologia russkoi kultury (History and Typology of Russian Culture). St. Petersburg : Iskusstvo – St.-Petersburg, 2002. 768 p.

Shin'ichiro Ishikawa
Kobe University, Japan

**CONTRIBUTION OF LEARNER CORPUS STUDIES
FOR LEARNER DICTIONARY MAKING:
STATISTICAL APPROACH
TO AN ARCHETYPAL LEARNER MODEL**

I. Introduction

Aiming to be more learner-oriented, recent EFL dictionaries present special usage columns introducing learners' common errors and problems and some titles try to illustrate learners' patterns of overuse and underuse as well. Although these are the changes to be welcomed from a pedagogical viewpoint, a simple question might come up: Who are *learners* in this context? In other words, what kind of learners is intended as a target by dictionary editors? S. Granger (1998) proposes the idea of an *archetypal learner*, namely, "an abstract learner with an average of level of language competence" (Mukherjee, 2006) in conducting her learner corpus studies. However, it is not necessarily clear whether learners with different L1s and backgrounds have some type of L2 usage pattern in common or not.

S. Ishikawa (2013b) analyzed English essays written by Japanese, Chinese, and Korean learners of English and identified the keywords over/underused by them. Comparison of their essays with the ones written by English native speakers identified several words commonly over/underused by all the three learner groups. Overuse of *people*, for example, was a tendency common to all of them. However, it still remains uncertain which level of similarity or *archetypalness* does exist in greater variety of learners in the world. Therefore, in this paper, we will compare the high-frequent English vocabulary use by ten different learner groups both in EFL/ESL countries and discuss whether it is possible or not for us to assume an *archetypal learner* as a broad target of English learner dictionaries.

II. Research Design

The aim of the study is to identify the degree of similarity seen in the English vocabulary use by ten learner groups in Asia. Our research questions are: *Which level of similarity or correlation is seen in the high-frequent vocabulary use by ten learner groups?* (RQ1); *Are EFL learners and ESL learners clustered together or separately?* (RQ2); *Is it possible for us to integrate or generalize all the ten learner groups? If yes, which groups are representative of all the learner groups in the region?*(RQ3).

The data used is the *International Corpus Network of Asian Learners of English* (ICNALE) (Ishikawa, 2013a). The ICNALE is a 1,3 million words corpus comprising 5,600 essays written by 2,600 English learners in ten countries and regions in Asia (China [CHN], Indonesia [IDN], Japan [JPN], Korea [KOR], Taiwan [TWN], and Thai [THA] in EFL countries; and Hong-Kong [HKG], Pakistan [PAK], the Philippines [PHL], and Singapore [SIN] in ESL countries) as well as 200 English native speakers. One of the most striking features of the ICNALE is that writing conditions, namely, the time for writing, the length of an essay, the dictionary use, and the topics, are all strictly controlled, making it possible to conduct a reliable international contrastive interlanguage analysis.

Firstly, we examined the 400 essays of English native speakers and identified the top 100 high-frequent lemmas as a target of the analysis. Concerning RQ1, RQ2, and RQ3, we conducted three statistical analyses: correlation analysis, hierarchical cluster analysis, and principal component analysis (PCA).

III. Results and Discussion

3.1. RQ1 Correlation between learner groups.

The overall correlation levels are generally high. However, the correlations in several pairs such as SIN and JPN ($r = .899$) or PAK and TWN ($r = .897$) are lower than the other pairs, which suggests the need for a further analysis.

3.2. RQ2 Clustering of learner groups.

When conducting analysis with ten learner groups, the clustering pattern is not so clear, but by adding native speakers to the analysis, the pattern becomes clearer (Fig. 1). All the ESL countries including native speakers and all the EFL countries are clustered together in separate groups, corroborating that EFL and ESL learners use the high-frequent English vocabulary in a different way, with the former being more distant from the English native speakers.

3.3. RQ3 Integration of learner groups with PCA.

The Eigenvalue and proportion of the 1st component (Z_1) were 9.50 and 95.0 respectively, meaning that almost all of the data variance is summarized into a single statistical value, in other words, we may regard the ten learner groups as one unified learner, at least concerning the usage of the top frequent lemmas (Fig. 2). Then, which learner group is most representative of all the learner groups in Asia? It was proven that PHL (.988), TWN (.986), and HKG (.983) are more representative than others. These findings suggest that we can assume to some extent an *archetypal learner* as a broad target of English learner dictionaries.

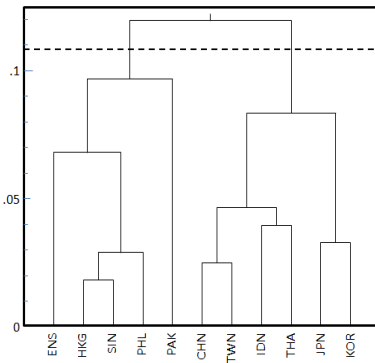

Fig. 1. Dendrogram (w NS)

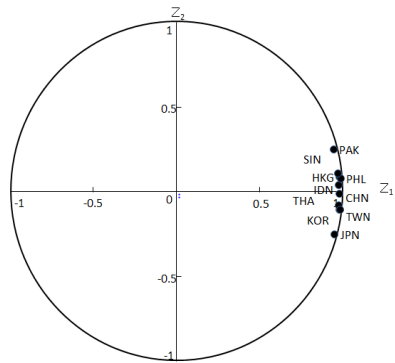

Fig. 2. Scatter plot

References

1. Granger S. Learner English on Computer. L. : Longman, 1998.

2. *Ishikawa S.* The ICNALE and Sophisticated Contrastive Interlanguage Analysis of Asian Learners of English // *Learner Corpus Studies in Asia and the World*. 2013a. № 1. P. 91–118.
3. *Ishikawa S.* How to Incorporate Findings from Learner Corpus Studies in EFL Dictionaries: From Misuse to Overuse and Underuse // *The Proceedings of the ASIALEX 8th International Conference, 20–22 August, 2013, Bali, Indonesia*. Airlangga University, 2013b. In print.
4. *Mukherjee J.* Corpus Linguistics and Language Pedagogy: The State of the Art – and beyond // *Corpus Technology and Language Pedagogy: New Resources, New Tools, New Methods* / Ed. by S. Braun, K. Kohn, J. Mukherjee. Frankfurt : Peter Lang, 2006. P. 5–24.

Olga Karpova

Ivanovo State University, Russia

**DICTIONARIES AS TREASURE TROVE
OF NATIONAL HERITAGE AND CULTURE
(with Special Reference to the Dictionary Project
Florence in the Works of World Famous People)**

Dictionaries of national language as linguistic competence of the nation have always been the treasure trove of national heritage because they reflect not only portrait of national language itself, but also tend to include description of its culture, history and traditions. Many European countries are rich in experience of compiling academic dictionaries (*tolkovie slovari*) based on historical principles. *Oxford English Dictionary* in Great Britain, *Dictionaries of Italian Language* created by Academia della Crusca in Italy, *Slovar' Akademii Rossiiskoi* (Dictionary of Russian Academy of Science) in Russia are the most vivid examples of lexicographic endeavors, which register and describe literary national language in historical perspective (Considine, 2008). The treatment of heritage matters is rewarding for the dictionaries compilers, because it deals with the discovery of European linguistic heritages. This type of

lexicographical interest in the linguistic and cultural past is especially significant in the cases of languages which were undergoing a process of standardization and became objects of historical study for lexicographers.

These prominent dictionary projects paved the way to other types of linguistic and encyclopedic reference works which were created either on their basis or developed parallel with academic dictionaries. Many new types of dictionaries had a very strong cultural element, especially dictionaries of proverbs and sayings, quotations, dialects, idioms and slang, etc. In this connection author dictionaries to Chaucer and Shakespeare in England, Dante in Italy, Pushkin and Gorky in Russia, appeared as certain “instruments” to transfer the users literary, cultural, national heritage and stimulated appearance of new genres of writers’ reference works, such as *dictionaries of characters and place names* from outstanding authors like Ch. Dickens, J. Milton, Th. Hardy, W. Scott, J. Austin, A. Christie, B. Shaw, W. Shakespeare, etc.

This group of author onomasticons aimed at lexicographic treatment of proper names from famous writers’ novels and poems was taken as a sample for creation a unique dictionary project *Florence in the Works of World Famous People* (Aleksieva, Karpova, 2010; Karpova, 2013) based on *genius loci* principle, which serves as a new and attractive tool to promote Florence among international cultural tourists. It includes names of outstanding foreign personalities (American, Croatian, English, German, Russian, etc.) who once visited, lived or worked in Florence in different historical periods (beginning from the XVth c. up to the present day) and created remarkable masterpieces under the fruitful influence of this magnificent city. It is common knowledge, that thousands of big and small cities in the world are famous for outstanding people who lived there, were inspired by these places and found reflection in their creative career. Such is Florence, the cradle of many artists, musicians, architects, men of letters, architects, composers who connected their creative activities with its artistic atmosphere.

The aim of our dictionary project *Florence in the Works of World Famous People* (Karpova, 2009; 2012b) is to show biography,

creative works, Florentine influence, sources for further reading and personal associations which the compilers of the dictionary gained during their stay in Florence. International team of volunteer students from seven Russian Universities (Chelyabinsk, Ivanovo, Kazan', Perm, Tomsk, Vladimir, Yaroslavl) and three countries (Croatia, Hungary, Serbia) for six years under the premises of *Fondazione Romualdo Del Bianco*® – *Life Beyond Tourism*® collected material for 115 personalities of different nationalities (American, Dutch, Hungarian, Danish, German, French, Russian, etc.) who stayed in Florence. The dictionary compilers discovered a lot of interesting facts about these people which may be interesting for cultural tourists coming to Tuscany (Karpova, 2012a).

Florence gave inspiration to many writers, poets and other public figures. Thus, **O. Wild**, a gifted English playwright, created many poems inspired by his visits to Chapel Medici and Pitti Palace. **G. Sand**, a brilliant French novelist and memoirist of the XIXth c., stayed in Florence, where she wrote her famous novels *Leone Leoni* (1835) and *L'uscoque* (1838). **P. Klee**, a Swiss artist, studied painting in Florence and in 1926 inspired by places of the city, created his famous canvas *Florentine Villas*. He represented the landscape in soft colours harmony. **H. Heine**, a brilliant German man of letters, visited Florence in 1828. Having seen Laurentian Library, the Signoria Square and Uffizi Gallery, he wrote his famous work *Florentine Nights*.

It is also worth mentioning, that during several centuries many Russian artists, musicians, writers and other famous people left remarkable heritage in Florence. For example, **N. Demidov**, a famous Russian industrialist, collector and art patron was made the Russian ambassador to the court of Tuscany. Moreover, for his creative activities N. Demidov became the honorable citizen of Florence where he founded the museum, art gallery and cultural Fund. Our students found his villa in Florence and offered a new route to cultural tourists. **D. Buturlin**, a Russian Counselor and Senator in 1812 moved to Florence and founded there a new library with precious collection of books about Italy and Italian art including Dante's *Divina Comedia* with Dante's autographical amendments. Another world famous musician **M. Rostropovich** became the Honorary Citizen of Florence

and performed his concerts in Florence with cooperation with *Fondazione Romualdo Del Bianco*® – *Life Beyond Tourism*® and greatly contributed to development of cultural connections with Russia (Yudina, 2012).

Another remarkable feature of our project refers to the section *Associations* included into the dictionary microstructure. It mainly carries students' feelings and emotions during their meeting with heroes of their essays they wrote at home about famous people in Florence. For example: "...Having learned the life story of M. Rostropovich, I wondered why Florence played such a great role in the life of the prominent Russian musician. And it was only in this city that I managed to compose myself! Every day I met charming street musicians, listened to classical music from the windows of the houses. It seems, that all the sounds are mixed in the air, and you want to create and play the tune of your heart full of emotions and love to Florence" (Yudina, 2012, 32).

Another student writes in her article devoted to P. B. Shelley: "...I had the experience of finding the place of P. B. Shelley's living. It is impossible to express my emotions when I learned that we passed by this common house every day, and could not even suppose that the Shelleys used to live there. And my imagination brought me centuries ago...I am sure that it is a unique Florentine feature to take us into the past to understand the present for creating the future" (Yudina, 2012, 34).

In conclusion I would like to underline the mission of our dictionary to contribute to the development of *heritage lexicography*, because it not only offers cultural tourists unique information about foreigners who stayed and worked in Florence. It also shows their contribution to Florentine culture, art and literature through their national features. Such approach to heritage is both deeply rewarding for young compilers of the international dictionary and for cultural tourists, thus combining national Florentine atmosphere with national character of famous visitors to Florence.

References

1. *Alekseeva L., Karpova O.* Florence as Reflected in the New Type of Lexicographic Work // *New Trends in Lexicography: Ways of*

- Registrating and Describing Lexis. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2010. P. 131–138.
2. *Considine J.* Dictionaries in Early Modern Europe: Lexicography and the Making of Heritage. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. 408 p.
 3. *Karpova O.* Florence in the Works of European Writers and Artists: Encyclopedic Dictionary for Guides and Tourists. Project of a Dictionary. Ivanovo : Ivanovo State University, 2009. 32 p.
 4. *Karpova O.* K proektu sozdania novogo tipa kul'turologicheskogo slovarya (Project of a New Type of Cultural Dictionary) // *Sovremennye pragmalingvisticheskie i lingvokul'turologicheskie issledovaniya (Modern Pragmalinguistic and Linguocultural Researches)* / Ed. by O. Karpova. Ivanovo : Ivanovo State University Press, 2012a. P. 113–121.
 5. *Karpova O.* Encyclopedic Dictionary as a Crossroad between Place Names and Antroponyms: a Project of a New Type // *Proceedings of the XV EURALEX International Congress, Oslo, 7–11 August, 2012* / Ed. by R. Vatvedt Fjeld, J. M. Torjusen. Oslo : University of Oslo, 2012b. P. 967–973.
 6. *Karpova O.* A New Type of Cultural Dictionary // *Multidisciplinary Lexicography: Traditions and Challenges of the XXIst Century* / Ed. by O. Karpova, F. Kartashkova. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 256–267.
 7. *Yudina N.* Florence in the Works of European Writers and Artists: Encyclopedic Dictionary for Guides and Tourists: Project of a Dictionary / Ed. by O. Karpova. 3d issue. Vladimir : Vladimir State University, 2012. 125 p.

Christine Konecny, Erica Autelli
University of Innsbruck, Austria

**COMBINING LEXICOGRAPHY
WITH SECOND-LANGUAGE DIDACTICS:
THE CASE OF THE BILINGUAL COLLOCATIONS
DICTIONARY *KOLLOKATIONEN ITALIENISCH-DEUTSCH***

Collocations as language-specific word combinations are an important part of everyday communication. According to a narrow definition, based primarily on semantic criteria and advocated among others by F. J. Hausmann (2004) and Chr. Konecny (2010), collocations are specific types of “semi-fixed” phrasemes that are neither freely combinable nor fully idiomaticized, and thus to be situated on the continuum between free word combinations on the one hand and idioms on the other. Typically, collocations have a binary structure, consisting of a cognitively superordinate base and a cognitively subordinate collocator. The base can normally be translated literally from one language to another, whereas the collocator can vary from language to language and is the “unpredictable” element of the collocation. For example, in the Italian collocations *perdere il treno* (“to miss the train”, lit.: “to lose the train”) and *un parente acquisito* (“an in-law (relative)”, lit.: “an acquired relative”), *treno* and *parente* are the bases, and *perdere* and *acquisito* are the collocators.

Unlike native speakers, who learn collocations as fixed units from childhood and don’t perceive them as anything remarkable, foreign language learners often have difficulties in using them correctly. Collocations should therefore play a central role in learner lexicography as well as in L2 didactics. As far as Italian and German are concerned, some monolingual combinatory dictionaries for both languages have been recently published (for Italian cf. Urzi, 2009; Lo Cascio, 2012, 2013; Tiberii, 2012; for German cf. Quasthoff, 2010); however, to date no bilingual dictionary of collocations for Italian and German exists (cf. Schafroth, 2011). This is why we are working on

developing just such a dictionary at the University of Innsbruck – situated in the Tyrol (Austria), a region where people are German-speaking, but which has a geographic and social affinity to Italy, especially to its Northern part (= South Tyrol), which is characterized by an Italian-German bilingualism (cf. Autelli et al., 2012; Konecny, Autelli, 2012, 2013).¹

Our learner’s dictionary *Kollokationen Italienisch-Deutsch* (Italian-German Collocations), which is going to be published with the publisher *Helmut Buske* (Hamburg) in 2014, contains as lemmas about 900–1100 noun bases belonging to the Italian basic vocabulary (*vocabolario fondamentale*) as found in the *Dizionario di base della lingua italiana* (DIB, 1996). One essential aspect of the dictionary project is to combine our lexicographic work with second-language teaching and didactics, hence focusing on a learner-oriented and user-oriented approach. This combination seems to be of utmost importance, since a dictionary does (or at least should) not merely exist as an end in itself, but is used by a specific audience. The problem, however, seems that sometimes it is not clearly defined by the lexicographers who the target audience should be, or that the target audience the dictionary is addressed to does not correspond to the actual users. Moreover, in most cases there is no direct/personal contact between the lexicographers and the (potential future or actual) dictionary users. For these reasons, whilst compiling our dictionary we have held several workshops at school and university in addition to advanced training courses for teachers, in order to find out what the needs of our target audience (= teachers and advanced learners of Italian/German) are, and to demonstrate possible application methods of our dictionary, both for teaching in class and when using it as a self-learning tool in private study.

In particular, one of our main hypotheses is that an efficient method of learning collocations more easily consists in making the learners explicitly aware of the divergences between two (or more)

¹ The research project is funded by the Autonomous Province of Bolzano/ Bozen – South Tyrol (Division for the Promotion of Education, Universities and Research) and is carried out by Christine Konecny and Erica Autelli.

languages, ideally using concrete visualizations of the collocations' conceptualizations, which can either be created actively during the learning process (as drawings) or used receptively by integrating them into our learner's dictionary. Besides illustrating to teachers how they can use our dictionary in class, we have also started providing ideas for concrete exercises (based on our dictionary entries) and follow-up activities (cf. Konecny, Autelli, 2013). To enhance this aspect, we have recently initiated a second research project in cooperation with the *European Academy of Bozen/Bolzano (EURAC)*², in which we plan (amongst others) to develop specific didactic material on collocations, based primarily on frequent mistakes resulting from interference between Italian and German. Furthermore, an urgent desideratum with regard to the combination of learner lexicography and L2 didactics is the (not yet accomplished) assignation of collocations (and of phrasemes in general) to the various levels of the *Common European Framework of Reference for Languages (CEFR, 2001)*, an aim which seems difficult to achieve due to a lack of appropriate criteria in existence to date. Our dictionary is therefore only a first step towards a systematic contrastive description of Italian and German collocations as well as towards integrating lexicography in second-language teaching/didactics and vice versa, which should and will be followed by further studies in this direction.

References

1. *Autelli E., Konecny C., Bradl-Albrich M.* Creating a Bilingual Learner's Dictionary of Italian and German Collocations: Strategies and Methods for Searching, Selecting and Representing Collocations on the Basis of a Learner-oriented, Semantic-conceptual Approach // *Proceedings of the 15th Euralex International Congress, Oslo, 7–11 August, 2012* / Ed. by R. Vatvedt Fjeld, J. M. Torjusen. Oslo : Oslo University, 2012. P. 726–736.

²The title of this second research project, funded by the same Division of the Autonomous Province of Bolzano/Bozen – South Tyrol, is *LeKo – Lexeme combinations and typified speech in a multilingual context. Authentic linguistic data for the creation of didactic material on Italian word combinations for German-speaking L2 learners.*

2. CEFR = Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 278 p.
3. *De Mauro T., Moroni G. G.* DIB = Dizionario di base della lingua italiana. Torino : Paravia. 1996. 1,636 p.
4. Dizionario Combinatorio Compatto Italiano / Ed. by V. Lo Cascio. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2012. 668 p.
5. Dizionario Combinatorio Italiano / Ed. by V. Lo Cascio. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2013.
6. *Hausmann F. J.* Was sind eigentlich Kollokationen? // Wortverbindungen – mehr oder weniger fest / Ed. by K. Steyer. Berlin ; N. Y. : de Gruyter, 2004. P. 309–334.
7. *Konecny C.* Kollokationen. Versuch einer semantisch-begrifflichen Annäherung und Klassifizierung anhand italienischer Beispiele. München : Meidenbauer, 2010. 724 p.
8. *Konecny C., Autelli E.* Italian Collocations. Comparing Word Combinations in Italian and German. A Research Project. 2012. URL: <http://www.kollokation.at/en/>
9. *Konecny C., Autelli E.* Learning Italian Phrasemes through their Conceptualizations // Phraseology in Language Teaching and in Language Didactics / Ed. by C. Konecny, E. Hallsteinsdóttir, B. Kacjan. Maribor : Maribor University, 2013. In print.
10. *Quasthoff U.* Wörterbuch der Kollokationen im Deutschen. Berlin, N. Y. : de Gruyter. 2010. 551 p.
11. *Schafroth E.* Caratteristiche fondamentali di un learner's dictionary italiano // Italiano LinguaDue. 2011. Vol. 1. P. 23–52.
12. *Tiberii P.* Dizionario delle collocazioni. Le combinazioni delle parole in italiano. Bologna : Zanichelli, 2012. 640 p.
13. *Urzi F.* Dizionario delle combinazioni lessicali. Luxembourg : Convivium, 2009. 972 p.

Nicoletta Maraschio

Accademia della Crusca, Florence, Italy

THE HISTORY OF ITALIAN LANGUAGE AND ITS LEXICOGRAPHY

I am truly honoured to make this welcome speech on behalf of the Accademia della Crusca at this important conference about *Life beyond Dictionaries*.

I do hope that such an international event will make a significant contribution to stimulating and disseminating a greater sensitivity and awareness towards the central role of languages in the contemporary world and the importance of lexicography and dictionaries as cultural heritage and as synthetic tools for the knowledge of languages.

The work of modern lexicographers has to do with words: spoken words, written words, words that have been transmitted and typed. Words of yesterday and today. I do not think I am wrong when I say that this work is a very topical one, considering how central communication is in today's world. And I mean verbal communication above all. Yet it is true that not everybody agrees: most people think that images – so concise and immediate – have a greater expressive power and therefore represent more effectively the speed of the processes that characterize our times. But I believe that the value of spoken and written words is unquestionable.

An eminent colleague of mine, Crusca academician Gian Luigi Beccaria, professor at the University of Turin, has written a little book entitled *Elogio della lentezza* (which can be translated as *In Praise of Slowness*), meaning nothing less than praise of reading. Reading allows each of us to choose the ways and times to enter the written page and enter it more or less profoundly, according to our interests, culture and the rapport we want or can establish with the author. “In the age of prevailing speed and simultaneity, with the slow rhythm and distancing effect of reading, the reader's critical, civil, and rational consciousness is still awakened by past and present words. They

enable the reader to move away from immediateness, to express judgments about the world, to recognize the evolution of things". And indeed the work of the lexicographer is one which requires great patience and slowness.

Until a century ago, the history of Italian language was essentially the history of a written language, and therefore a history composed of books. Then everything changed. The political, economic and social transformations of the country, from the Unification through the twentieth century, were very significant and had deep consequences for the national language. From being a language of books, spoken by a small minority (in 1861 about 10% of population), Italian became, albeit quite late, the language spoken by over 90% of Italians. The process of Italianization occurred in different times, forms and ways, mostly spontaneously, as a result of powerful extra-linguistic factors. Political unity indeed led to the creation of a single centralized army, administration and school system. This caused the unprecedented need for people who had lived in this land for centuries to use a single common language in order to communicate. This was also urged on by industrialization and the migrations which followed: millions of Italians moved from the countryside and the mountains to urban areas and from the south to the north of the country. Migration towards foreign countries brought about 30 million dialect speakers out of our borders from 1880 to 1910. Later on, mass media such as radio, cinema and television had a crucial role by introducing among Italians a public spoken language that was more and more distant from the written examples of tradition.

In any case, Italy was and remains a typically multilingual country. Even today, over 30% of the population regularly uses dialect both at home and at work. To this we must add 5% of immigrants, people coming from 180 different countries from all over the world, who have brought their languages here; and a similar percentage of foreign language speakers (from Greece, Albania, Germany, Provence, Franco-Provençal areas, France and Catalonia) who constitute the historical minorities that have been living in Italy for centuries. In this linguistically fragmented landscape, we can trace two well defined and clearly contrasting trends: one leading to the centre and the other away from it. On the one hand, our linguistic history is multicentric

(that's why we talk of the “Italy of a hundred cities”): dialects are not only languages spoken everyday by millions of people, but were and still are living expressions of eminent literary traditions. In Milan – to give just one example – we move from Bonvesin da la Riva to Carlo Porta and Delio Tessa, up to the many XXth-c. poets such as Franco Loi who preferred Milanese dialect to Italian, judging it more suitable for the expressive experimentation they were looking for.

But it is from the beginning of the fourteenth century (here is the other trend) that Dante showed an extraordinary metalinguistic, and prophetic ability as well, by stating in his *De vulgari eloquentia* that Italy would reach a linguistic unity only if intellectuals really wanted it. He was speaking of a noble, literary vernacular Italian, created by poets and writers, that was a hinge, like the hinge of a door, the joint on which the other Italian vernaculars swing, the foundation for every other vernacular Italian, a refined written language which could also be used in politics (in the *aula* “reggia”) and for justice (in the *curia* “alto tribunale”). Dante himself, as everybody knows, gave an authoritative contribution to the creation of a unifying linguistic model by writing the *Commedia*, soon admired and imitated all over Italy. Levelling trends among the many different municipal varieties came pressingly into view in the XVth c., with the developments of the typically regional courtly society, which had national and international communicative needs as well. In the XVth c., well ahead of his time, the great humanist Leon Battista Alberti wrote the first systematic European grammar of a vernacular Italian language, the *Grammatichetta Vaticana*, to demonstrate the equal structural nobility of his mother tongue and Latin. In the XVIth c., ideal motives and the material needs related to book printing and diffusion finally led to the codification of a written literary Italian, which was unitary and homogeneous, and easy to imitate and reproduce because of its metahistorical qualities, founded as it was on a language born two centuries earlier, the XIVth-c. Florentine used by Dante, Petrarch and Boccaccio. This was the winning model followed by Bembo.

The *Vocabolario della Crusca*, first published in 1612, partly corrected this rigidly archaic formulation, which was remote from the current situation of that age, and opened itself to sixteenth-century Florentine (see *Vocabolario degli Accademici della Crusca* 1612,

anastatic edition, Accademia della Crusca/Era Edizioni 2008, with the commentary, *Una lingua, una civiltà il Vocabolario*). The *Vocabolario* therefore has a fundamental importance in Italian linguistic history, because it was an instrument of identity, a deposit, or treasure of language and at the same time the powerful engine of a unifying process destined to last. We owe especially to the *Vocabolario* the creation and diffusion of an umbrella-language, that is to say Italian as a national language, which precedes by far the creation of Italy as a single political State. It was an umbrella-language above the many varieties which were for centuries (and still are being) used with different social and cultural communicative functions. The *Vocabolario*, also for its very innovative lexicographic technique, soon became a model for the great national European lexicography. Thus Italy can boast leadership both in the grammatical and lexicographical field. And through the centuries, the compilation of dictionaries would be particularly rich and varied, as shown by Claudio Marazzini in his recent publication *L'ordine delle parole. Storia di vocabolari italiani* (Bologna, il Mulino, 2009).

Our Academy houses, in its Library, a collection of great symbolic value called the *Fondo dei citati*. It is made of all the books that, through the centuries, the Members of the Accademia della Crusca thought worthy of quotation in the 5 editions of their *Vocabolario* (1612–1923). In these books, preserved in our cases, you find a significant part of the Italian language (from the XIVth to the beginning of the XXth cc.). Italian is, like all other languages in the world, an important cultural good, an immaterial good, diffused widely among all those who speak and write it. From its words, but also in its grammatical peculiarities, we can deduce and trace the history of the Italian people, who for generations lived in this Peninsula; the contacts they had with other populations and other cultures; their ability to impose their language and culture abroad, beyond the Alps and the Mediterranean. Italian is a language which for centuries has been influenced by Latin, as its grammar clearly demonstrates. We can recall for instance the free position a word can take in a sentence, or the fact that a subject is not obligatory, or else the existence of particularly complex expressions from a morphological point of view (we only have to think of the system of

verbs or pronouns, which are becoming simpler only today). The presence of Gallicisms, to give one more example this time of a lexical nature, is particularly rich in Italian, and it is due to an almost continuous relationship with the French language and culture from the Middle Ages to the twentieth century: from words like *gioia* and *cavaliere* (included respectively 68 and 127 times in the 1612 first edition of the *Vocabolario*) to *democrazia* and *libertà* (the first occurs only from the third edition of the end of seventeenth century, the second is present from the first edition with 46 occurrences, but more frequent, 146 times, and with new meanings from the eighteenth century edition).

The Accademia has recently published a *Dictionary of Italianisms in French, English and German*, written by a group of scholars coordinated by the German member Harro Stammerjohann. In this study, the group has been able to trace more than 4,400 Italianisms in these languages, from *bravo* to *piazza*, from *balcone* to *sonetto*, from *adagio* to *ciao*. Architectural, musical, scientific, literary terms, but also words coming from everyday behaviour. In addition, there is a Greek- and Latin-based European intellectual lexicon that the Italian language contributed in great measure to forming, especially during the Renaissance, functioning as a bridge between antiquity and the modern age. Languages are therefore immaterial goods which left traces well beyond their own borders! Accademia della Crusca has recently shown this through the beautiful book, edited by Giada Mattarucco, *L'italiano per il mondo*: even the terminology of trade and banks, dominant nowadays, is mainly of Italian origin (from *bank* to *credit*, from *capital* to *risk*).

However, Italian is not just an immaterial cultural good due to its long history as a (mainly written) language; it is also a material cultural good because we can find it easily and tangibly just by taking in our hands and turning over the pages of its books, especially some fundamental ones such as Dante's *Commedia*, Petrarch's *Canzoniere* and Boccaccio's *Decameron*. Over 80% of the basic Italian words of our times significantly coincides with that of the Three Crowns referred before. Italian has an extraordinary continuity and temporal profundity that derives from its history. But then there are all the other books gathered and preserved in the *Fondo dei citati* in the Crusca

Library, which enriched the language over centuries and entered the *Vocabolario*, albeit “in pieces”, quotations and examples. Therefore we can materially touch, so to speak, the Italian language, taking it in our hands, turning over its pages and now even interrogating (thanks to the digitalization we have made: www.accademiadellacrusca.it) the *Vocabolario degli Accademici della Crusca*. We can walk through its pages and listed words as if in a “language gallery” similar to the Uffizi (this striking image comes from my professor Giovanni Nencioni). The *Vocabolario* was a treasure and a prescriptive source *par excellence*, challenged by many, but kept on the desk and really used for centuries by all those in Italy who could write.

Today Italian too has entered the “language tempest” caused by globalization, as my predecessor Francesco Sabatini defined it, and must face new challenges, the competition of other languages and more generally, multiculturalism, which requires above all self-awareness at the same time as openness towards the Other. Europe is very engaged in this direction because it considers multilingualism as a founding element of its own identity, in keeping with the principles of its constitutive treaties. This implies that every European State must preserve its language and make it well known within and outside its borders, by promoting individual plurilingualism especially at school but also in life-long learning programmes, and by requesting that every citizen knows at least three European languages.

Also with the aim of giving the possibility to European (and world) citizens to know contemporary Italian better, from this year, the Accademia della Crusca has been working on a new great project: a nineteenth-twentieth century *Historical Dictionary* which will reflect the huge sociolinguistic changes mentioned before. The sources of such a dictionary will differ greatly from the “Citati” of the 5 editions of the *Vocabolario della Crusca*. Literature will still hold an important role, but also the language of science, technology and mass media will be included, together with spoken language which has finally gained a central role in the contemporary Italian linguistic environment. But our project is still immature to be discussed here. However, I believe it is important to announce on this occasion that the Accademia della Crusca intends to get back to its old vocation for lexicography and become again an industrious workshop in such a field. Thanks again for inviting me.

Susan Rennie

University of Glasgow, UK

“A KIST OF FERLIES”: SCOTTISH CULTURE IN JAMIESON AND LATER DICTIONARIES OF SCOTS

In 1943, the Scottish poet D. Young wrote a poem in praise of a dictionary. His subject, the *Etymological Dictionary of the Scottish Language* by the Rev Dr John Jamieson, had been published in 1808, but was enjoying a late flowering as a key source for the so-called Scottish Literary Renaissance. As D. Young expressed it, the *Dictionary* was for him “a kist of ferlies” (a treasure chest) which he and his fellow poets mined for raw materials (Young, 1943). One of the aspects which D. Young and his contemporaries appreciated was the information on Scottish traditional culture preserved in Jamieson’s work. The novelist W. Muir, for example, praised the *Dictionary* for being a “valiant barrier” which Jamieson had raised against the “gradual draining away of old Scotland” (Muir, 1938).

Today *Jamieson’s Dictionary* is valued for its lexicographic innovation: its pioneering of historical principles and its groundbreaking use of non-literary sources. But as Muir suggests, Jamieson’s work is as much a cultural encyclopaedia as a dictionary, and may perhaps be described as a historical lexicopaedia: one which collates and preserves information on Scottish traditional culture as expressed in one of Scotland’s indigenous languages, Lowland Scots. The Scots language is rich in words and idioms which relate to Scottish culture, and many of these terms have survived precisely because they describe customs and traditions which are distinct from those of our linguistic neighbours. It follows, therefore, that cultural vocabulary features prominently in the headword list of any dictionary of Scots. But although the cultural items defined by Jamieson were Scots in origin – or were Gaelic borrowings into Scots – many are now widely used in Scottish Standard English and even (in the case of *Halloween*, for example) in international varieties of English. In this respect, the *Dictionary* is a reference work not only of Scots, but of Scotland.

Jamieson noted in his *Preface* that “many ancient customs, otherwise unknown or involved in obscurity, come also to be explained or illustrated, from the use of those words which necessarily refer to them” (Jamieson, 1808, iii). The *Dictionary* aimed, then, to illuminate the culture of the Scottish past, as seen from the perspective of 1808; but it also detailed the cultural vocabulary of its own day, providing discursive definitions for terms relating to Scottish food, clothing, sports, and festivals, for example, many of which are still current in Scottish usage but which Jamieson described in detail for the first time. The distinctive nature of *Jamieson’s Dictionary* may be illustrated by one simple fact. Its longest entry is not for a polysemous verb, but for the apparently simple noun, *Yule*: a headword with a single gloss in English (Christmas), but with a myriad of associated customs and terms. Jamieson’s entry for *Yule* extends over twelve columns of text and includes explanations of terms that are related to the traditions of *Yule* though not to the actual lemma, such as carecakes and sweetie-skone (a spicy fruit bread baked as a Yuletide gift). The *Dictionary* entries for *Beltane*, *Halloween*, and *Hogmanay* are given similar treatment.

Jamieson’s role in preserving Scottish cultural vocabulary was akin to the efforts of contemporary ballad-collectors and writers such as Sir W. Scott, many of whom contributed to the *Dictionary* or were quoted in its pages. The early Waverley novels were published in time to feature heavily in Jamieson’s 1825 Supplement, and Scott’s tendency to include and explain culturally specific vocabulary to his readers meant that Jamieson often had only to quote from the novels both to illustrate and to define his headwords. Another prolific contributor, the ballad-collector, G. Kinloch, wrote to inform Jamieson that his definition of *sooty-scone* (not to be confused with the aforementioned *sweetie-skone*) was inaccurate: the tradition was to eat this on *Fastern’s Een* (Shrove Tuesday) and not on *Halloween*, as Jamieson had stated in the *Dictionary* (The entry is duly corrected in the 1825 Supplement.)

But is Jamieson just a lexicographic museum, a kist in the other sense of the word (meaning “coffin”) containing the terminology of dead traditions? Clothing terms are particularly vulnerable to the

whims of fashion which can render the words as well as the items obsolete. Only characters in historical fiction now wear Scots muffitties (leather mittens) or a mutch (a linen bonnet). But the lexicon of Scottish food has been more durable, so that bannocks, crowdie, and kebbuck (cheese) are as familiar to modern readers of Jamieson as to his contemporaries, although some associated terms have fallen into disuse (breakfast is no longer known as crowdie-time, as it was in Jamieson's day). *Haggis* (which Jamieson spells as haggies) undoubtedly owes its continued popularity – and current spelling – to Burns's poem in praise of the dish, but Jamieson surprisingly does not quote from this most famous reference, choosing instead to illustrate his entry from an earlier, sixteenth-century poem.

Before Jamieson, Scottish lexicography had concentrated on glossaries to literary texts, or on lists of Scotticisms: grammatical features or idioms which distinguished Scots from English usage. Neither of these two types of lexicon placed much emphasis on cultural vocabulary (although A. Ramsay's poetic glossary of 1721 had included the first published definition of a *golf tee*: "a little Earth on which Gamsters at the Gowf set their Balls before they strike them off"). By creating a dictionary which combined explanation of Scotland's cultural past with attention to its present, Jamieson refocussed Scottish lexicography. The importance placed on cultural vocabulary in dictionaries of Scots began, but did not end, with Jamieson, as is attested by the number of cultural entries included in Jamieson's eventual successor, the ten-volume *Scottish National Dictionary*, completed in 1976 and now available online (www.dsl.ac.uk). The XIXth c. also saw the appearance of smaller Scots dictionaries (including the first European Scots dictionary, published in Germany) designed to cater to the growing tourist market and interest in Scottish culture sparked by the works of Sir Walter Scott.

References

1. *Jamieson J.* An Etymological Dictionary of the Scottish Language. 2 vols. Edinburgh : printed at the University Press, 1808.

2. *Muir W.* Dr John Jamieson // BBC radio script (broadcast 12 July 1938). Scottish Theatre Archive. Glasgow University Library Special Collections, STA Kc 5/1.
3. *Murison D.* Scottish Lexicography // *The Nuttis Schell: Essays on the Scots Language* / Ed. by C. Macafee, I. Macleod. Aberdeen : Aberdeen University Press, 1987. P. 17–24.
4. *Young D.* Thesaurus Paleo-Scoticus // *Auntran Blads.* Glasgow : William MacLellan, 1943. P. 11.

Valentyna Skybina

Canadian Academy of Independent Scholars, Canada

AUSTRALIAN DIACHRONIC DICTIONARIES – A CULTURAL PORTRAIT OF AUSTRALIA

Australia has a rich and very peculiar history evolving in the environment and under the conditions fundamentally different from those of the mother country. Adaptation to these conditions resulted in the development of unique culture and in the formation of Australian English (AuE). Logically, the uniqueness of Australian cultural history, of the way of life, and the language has impacted on the development of Australian lexicography, both encyclopedic and linguistic (Ramson, 2004; Skybina, 2010).

This study is aimed at the investigation of the history of Australian diachronic dictionaries as a cultural phenomenon and a repository of Australian cultural history. The study strives to evince centres of gravity for lexicographers and the methods they apply to display cultural component of the entries' semantics. To this end, 14 diachronic dictionaries defining vocabulary of AuE are investigated. Special attention is paid to *Australian National Dictionary* (1988), a landmark in the intellectual and cultural history of the country.

The study consists of two parts. In the first part, diachronic dictionaries are studied in context with the cultural history of Australia. The method applied here consists in the juxtaposition of the

stories behind these dictionaries and the events in the country's cultural history, both past and present.

The research makes it evident that Australian lexicographers tend to depict vocabulary of the landmark periods in Australian history while interest to the vocabulary of the early periods persists through the entire history of Australian diachronic lexicography. Fundamental changes on Australian political, social, and cultural arena in the last decades of the XXth c. added Aboriginal component to this paradigm. The *Australian National Dictionary* is the pinnacle of Australian diachronic lexicography as it represents the entire history of the entire country and is "providing evidence of this history in some 60,000 dated and referenced quotations drawn from over 9,000 Australian sources" (for the history of the dictionary development and its distinctive features see Ramson, 2002).

The study shows that lemmas in Australian diachronic dictionaries cover practically all aspects of life from politics to prison life and local folklore.

In the second part, lexicographic depiction of Australian iconic notion *bush*, with 280 lexical items constituting this word-nest in AuE, is examined. The method applied consists in the juxtaposition of linguistic and encyclopedic information.

The research of the term *bush* demonstrates that European settlers acknowledge the incipience of Australian national identity in the very first years of their life in the new environment. Lexicographers, E. Morris to be the first, recognize and admit this fact and include new meanings of the term *bush* as well as its derivatives and compounds into their dictionaries. Thus, E. Morris although referring to *The Oxford English Dictionary* for the meaning of *bush*, which is applicable to Australian reality, provides an extensive citation of Australian authors to illustrate the importance of the phenomenon for Australians. He also includes 21 words with the *bush* component which originated in Australia: *Bush inn*, ~ *life*, ~ *partnership*, ~ *seasoning*, ~ *sofa*, ~ *tracks*, ~-*faller*, ~-*fire*, ~-*lawyer*, ~-*magpie*, ~-*road*, ~-*scrubber*, ~-*telegraph*, ~-*wren*, ~-*ed*, ~-*land*, ~-*man*, *Settler in the bush*, ~-*manship*, ~-*ranger*, ~-*ranging*, ~-*woman*. Analysis of the dynamics of the concept *bush*, as reflected in dictionaries' articles,

demonstrates a gradual shift from practical, utilitarian, in a way, distantiated perception of the new environment to its internalization and, later, romanticization.

The method applied to represent cultural component consists in the use of encyclopedic definitions.

The study concludes that the following aspects of Australian cultural history are centres of gravity for diachronic lexicography: settlers' way of life, gold rushes and wars. Cultural component is embodied both in the entries selection criteria and in definitions.

References

1. *Ramson B.* Lexical Images: The story of the Australian National Dictionary. South Melbourne, Vic. ; N. Y. : Oxford University Press, 2002. 255 p.
2. *Skybina V.* Australian Lexicography: A History and Typology // *New Trends in Lexicography: Ways of Registrating and Describing Lexis* / Ed. by O. Karpova, F. Kartashkova. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2010. P. 100–119.

Dictionaries

1. *Brooks M., Ritchie J.* Tassie Terms: A Glossary of Tasmanian Words. Melbourne ; N. Y. : Oxford University Press, 1995. 196 p.
2. *Brooks M., Ritchie J.* Words from the West. A Glossary of Western Australian Terms. Oxford ; N. Y. ; Toronto : Oxford University Press, 1994. 224 p.
3. *Dixon R. M. W., Ramson W. S.* Australian Aboriginal Words in English. Their Origin and Meaning. Melbourne : Oxford University Press, 1990. 276 p.
4. *Foster R., Monaghan P., Mühlhäusler P.* Early Forms of Aboriginal English in South Australia, 1840s–1920s. Canberra : Pacific Linguistics, 2003. 102 p.
5. *Hughes J.* Australian Words and their Origin. Based on the Australian National Dictionary / Ed. by W. S. Ramson. Melbourne : Oxford University Press, 1989. 680 p.
6. *Jauncey D.* Bardi Grubs and Frog Cakes. South Australian Words. Melbourne, Vic. : Oxford University Press, 2004. 232 p.

7. *Laugesen A.* Convict Words: Language in Early Colonial Australia. South Melbourne : Oxford University Press, 2002. 208 p.
8. *Laugesen A.* Diggerspeak. The Language of Australians at War. Oxford : Oxford University Press, 2005. 230 p.
9. *Moore B.* A Lexicon of Cadet Language: Royal Military College, Duntroon, in the period 1983 to 1985. Canberra : Australian National Dictionary Centre, Australian National University, 1993. 459 p.
10. *Moore B.* Gold! Gold! Gold!: A Dictionary of the Nineteenth-century Australian Gold Rushes. South Melbourne ; N. Y. : Oxford University Press, 2000.
11. *Morris E. E.* Austral English: A Dictionary of Australasian Words, Phrases and Usages with those Aboriginal-Australian and Maori Words which Have Become Incorporated in the Language and the Commoner Scientific Words that have had their Origin in Australasia. L. : Macmillan, 1898.
12. *Ramson W.* The Australian National Dictionary: A Dictionary of Australianisms on Historical Principles. Melbourne : Oxford University Press, 1988. 832 p.
13. *Simes G. A.* Dictionary of Australian Underworld Slang. Melbourne : Oxford University Press, 1993. 303 p.
14. *Wilkes G. A.* A Dictionary of Australian Colloquialisms. Sydney : Sydney University Press, 1978. 432 p.

SECTION PRESENTATIONS

Cultural Tourism and Heritage Dictionaries

Maurizio Bossi

Fondazione Romualdo del Bianco®–Life Beyond Tourism®,
Accademia delle Arti del Disegno, Florence, Italy

SPIRIT OF PLACE AND VISITORS REFLECTIONS ON THE FLORENCE OF TODAY

The project for the dictionary devised by Olga Karpova (2009; 2011; 2012; 2013) elicits a number of considerations on the part of the city in which it is set, as well, of course, as an expression of appreciation for its innovative and effective approach from the standpoint of heritage, its use and enjoyment. When one thinks of Florence as a city shared by international culture, one immediately thinks of the artists, literati, historians and aesthetes who have raised it over the centuries to the status of a symbol of Western civilisation on account of its history and its art. We would be hard put to argue that its character is due, in part, also to its inhabitants' daily intercourse with men and women from all over the globe in the exercise of a varied range of skills and trades.

Purely by way of an example, I would like to mention four publications, concerning the Russians, the Poles, the Chinese, and the Australians and Newzealanders, that are perfectly in keeping with the Life Beyond Tourism® ethos (see References 1, 2, 6, 7). For reasons of space, I can only dwell here, albeit briefly, on those that discuss the Russians and the Chinese as individuals.

In the world of foreign residents in Florence, the Russians tend to evince a unique fusion between their own unforgotten and relentlessly celebrated culture, and the life of the city itself, experienced with a sense of participation in which sentiment plays a

major role. We see this in those Russians, recently deceased, whom the publication introduces alongside celebrated writers and artists of the past, and who for many Florentines had become an inspiration for the expansion of their world and for a renewal of their vision of their own heritage.

Men and women from China, on the other hand, have come here over the past few decades in such large numbers and with such a strong and distinctive cultural identity as to cause most people to see them in terms of the impact of their numbers rather than perceiving them as individuals with the memories, feelings and ideas for the future that each one carries within him or herself. Thus the book explores the memories, the impressions and the contact that citizens from various regions of China have built up with Florence, a city which has changed thanks also to their presence just as it has with the presence of the many other foreigners who have now to all intents and purposes become Florentine.

The image of the city to emerge from these testimonials and memories is a very different matter from the Florence “beautiful in death” that J. Janin described in the mid-XIXth c. But then there can be no doubt that the historical elements of Florence have merged over time into an abstract and essentially timeless vision. From W. Roscoe with his biography of Lorenzo the Magnificent in the late XVIIIth c. to J. Ruskin, J. Burckhardt, W. Pater, A. Warburg, to name only a few, and many other travellers, artists, writers and historians, the physical city has become cloaked in their vision of a world in which the harmony and balance recounted by the monuments of the past paves the way for knowledge and for a life worthy of the name. Their ideas were lofty, extremely lofty (pivoting as they did on the construction of the Renaissance as a concept) but they played them out also as an experience of the senses in the streets of Florence, step by step as Ruskin felt he should preach, amid the noises, the shouting and the smells, or in absolute and silent communion with a stone, a drawing, a view, and through those, with the sense of one’s own existence.

It was inevitable that this road should gradually turn the city into a living museum, thanks also to the “unearned income” on which

Florence could rely from such a status and to the transformation of tourism into an industry.

Thus it is only natural that in Florence, too, there should be an increasingly in-depth exploration of the road that has led the world to identify the city as one of the symbols of Western civilisation. Ever since the intense conference organised by the Centro Romantico of the Gabinetto Vieusseux in 1986 on *L'idea di Firenze. Temi e interpretazioni nell'arte straniera dell'Ottocento* (The Idea of Florence. Themes and Interpretations in Foreign XIXth c. Art) and the book it spawned (Bossi M., Tonini L. (eds). Florence: Olschki, 1989), there has been a growing tendency to leave behind the anecdotal take on “foreigners” who chose Florence for their physical and spiritual home, and to focus instead, with patience and method, on the ways in which their imagination and aspirations have interacted with the city's own physical and cultural fabric, and thus on the legacy, with its merits and its shortcomings, that they have left it.

But from the city's own standpoint, it is even more significant that these considerations should no longer concern only a handful of scholars. In many aspects of its daily life today, Florence itself has no option but to gradually become aware of the path through which a large part of its current situation (both scenographic and economic) has been determined, with all of the benefits and disadvantages that it has brought with it.

So our conscious alternative at this juncture is between consolidating a monumental stage-set “museum” that is increasingly abstract and isolated in history, or expanding our vision and seeing the city as a complex interweave of cultures. After all, Florence has been great, or at least alive, in the past whenever it has proved capable of embodying a synthesis of different and often distant cultures and experiences.

All of this is necessary to foster the city's awareness of its component parts, and testimonials such as those in the books on the Russians and the Chinese in Florence can offer a mirror image complementing the dictionary.

Thus alongside those tools that focus on references to Florence in “famous” figures, it is a matter of imparting a voice, and a high profile

also to the testimonials regarding the countless presences which give Florence its most vigorous character and which, if assessed and analysed, can help the city to gain a better understanding of itself, its history and its difficult life today as a tourist venue, and to establish a fertile relationship with its visitors, fostering their mutual growth.

References

1. Australians and Newzealanders in Tuscany: O'Grady, D., Tuscany, Antipodean Style, Tobin, S., Itineraries / Ed. by M. Bossi. Florence : Polistampa, 2012. 216 p.
2. The Chinese in Florence Since the 1930s / Ed. by M. Bossi, E. Sartoni. Milan : Skira, 2008.
3. Florence in the Works of World Famous People. Encyclopedic Associative Dictionary for Guides and Tourists. Project of a Dictionary / Ed. by O. Karpova, T. Khomutova, O. Babina. Chelyabinsk : South Ural State University Press, 2013. 125 p.
4. *Karpova O.* Florencija v tvorcestve evropeyskikh pisateley i khudozhnikov: entsiklopedicheskiy slovar' dlya gidov i turistov. Florence in the Works of European Writers and Artists: Encyclopedic Dictionary for Guides and Tourists: Project of a Dictionary. 1st issue. Ivanovo : Ivanovo State University, 2009. 32 p.
5. *Petrashova T.* Florencija v tvorcestve evropeyskikh pisateley i khudozhnikov: entsiklopedicheskiy slovar' dlya gidov i turistov. Florence in the Works of European Writers and Artists: Encyclopedic Dictionary for Guides and Tourists: Project of a Dictionary. 2nd issue / Ed. by O. Karpova. Tomsk : Tomsk Polytechnic University Press, 2011.
6. Polish Travellers and Residents in Florence / Ed. by L. Bernardini, photography by M. Agus. Florence : Nardini Editore, 2005. Sponsored by the Fondazione Romualdo Del Bianco.
7. Russkaja Florencija. La Firenze dei Russi (Russian Florence) / Ed. By M. Bossi, photography by M. Agus, text by L. Tonini, M. Talalay. Florence : Polistampa, 2000. With the support of the Fondazione Romualdo Del Bianco.
8. *Yudina N.* A Dictionary without Boundaries: Florence in the Works of World Famous People. Project of a Dictionary for Guides and Tourists. 3d issue / Ed. by O. Karpova. Vladimir : Vladimir University Press, 2012. 125 p.

Nataliya Bytko

Kyiv Institute of Translators and Interpreters on the Basis of the
National Academy of Science of Ukraine

INDIAN CULTURE IN INDIAN ENGLISH DICTIONARY

Transformation of English into the global language could not but influence the trends of lexicography, both practical and theoretical, with non-native varieties attracting more and more attention. However, despite the growing number of dictionaries of the outer circle varieties (B. Kachru's term), theoretical conceptualization of this process is still only "a promising sphere of interest for lexicographers" (Skybina, 2013, 12). One of the most interesting questions in this paradigm is the role dictionaries played in the formation of non-native varieties and their cultural significance in different historical periods.

The aim of this research is to reveal the role of lexicography in the earliest stages of the formation of Indian English as well as its place in the processes of communication between British and representatives of separate Indian casts. The purpose of this particular study is to explore in this perspective one of the earliest dictionaries representing the use of English in Indian, *A Glossary of Colloquial Anglo-Indian Words and Phrases, and of Kindred Terms, Etymological, Historical, Geographical and Discursive*, better known sub voce *Hobson-Jobson*. First, the history of *Hobson-Jobson* was studied in context with the cultural and political situation in India at the time of its compilation; second, entries-lexical borrowings were scrutinized. The method applied in the first part is that of dictionary criticism (R. R. K. Hartmann); the method applied in the second part consists in the entries linguistic analysis.

The spread of the English language on the territory of the Indian subcontinent dates back to the beginning of the XVIIth c. when Queen Elizabeth I granted the Honourable East Indian Company a Royal Charter to trade in the East Indies.

In India, English met an intense and elaborate civilizations which boasted more than two hundred deeply established and widely spread languages and had no need of another language whether for literature or scholarship and certainly not for conversation, trade and religion (Bragg, 2003, 250).

However, only two centuries later the language of the merchants and traders started to be perceived by the local people as a language of science and technology, a means to unveil the secrets of the European Enlightenment and an intellectual world lying beyond. The British supported this tendency that led to the gradual formation of the Indian variety of the English language and its spread among both the British and the Hindustani people.

Such attitude towards the English language resulted in the compilation of a number of dictionaries that appeared in the XIXth c. as a response to the demand of British administration.

Hobson-Jobson dictionary, compiled by Sir H. Yule, a Scottish Orientalist and engineer, and A. C. Burnell, an English scholar in Sanskrit, and published in 1886, was the first sound lexicographic work to reflect all the classes of words which “recur constantly in the daily intercourse of the English in India” (Yule, 1903).

The dictionary comprises two thousand entries; corresponds in accord with the authors’ objective: to make a work “of distinctive character, in which something has been aimed at differing in form from any work known to us” (Yule, 1903, xv), the majority of the entries have references and etymological characteristics. The dictionary embraces lexemes not only of Indian origin, but also words of Portuguese, Dravidian, Persian, Arabic origin, words borrowed from Chinese, Malayan, Pushto and Malayalam, which became part Anglo-Indian variant of English during the imperial period.

All the lexemes depicted in *Hobson-Jobson* reflect the dawn of the sustained process of Indian culture sprouting into English usage, the process that seems set to go on these days.

To reveal the peculiarities of the initial stages of this process, 96 lexical units comprising letter *A* corpus were analyzed. At a later stage, lexemes that were borrowed into English prior to XVII c. were not considered. Accordingly, only 75 loan words that were directly

borrowed into the language of British colonists in India from the languages spread on the adjacent territories were scrutinized.

Analysis of the definitions showed that words were borrowed into the following lexico-thematic groups: *Material Culture* (with further subdivision), *Geographical Names*, *Flora*, *Fauna*, *Spiritual Life*.

The most numerous group (54% of the total amount of lexical units under investigation) is represented by lexemes denominating the objects of *Material Culture*.

This phenomenon was also noted and mentioned by the dictionary compilers. In the preface to the first edition, A. Burnel stated: "Considering the long intercourse with India, it is noteworthy that the additions which have thus accrued to the English language are, from the intellectual standpoint, of no intrinsic value. Nearly all the borrowed words refer to material facts, or to peculiar customs and stages of society, and, though a few of them furnish allusions to the penny-a-liner, they do not represent new ideas" (Yule, 1903, xxi).

The further subdivision of the material culture group reveals more specific categories: *Way of Life Objects*, *People and their Occupation*, *Associations/Organizations Activities and Titles*, *Means of Watercraft*, *Products and Drinks*.

The second most numerous group consists of geographical names (23% from the total number of the borrowed lexemes considered).

The lexico-thematic groups *Flora* (15% of the total number of borrowings) and *Fauna* (5,4% of the borrowed vocabulary) together with the group *Spiritual Culture* (2,6% of the borrowed lexemes) make the least numerous groups.

The study comes to the conclusion that *Hobson-Jobson*, the dictionary compiled for colonial authorities, displays their utilitarian perception and pragmatic adaptation of Indian culture; it reflects social demand of that time and, to some extent, peculiarities of the formation of Indian English.

References

1. *Bragg M.* The Adventure of English: 500 ad to 2000. The Biography of a Language. L. : Hodder & Stoughton, 2003. 368 p.

2. *Kachru B.* Asian Englishes: Beyond the Canon. Hong Kong : Hong Kong University Press, 2005. 333 p.
3. *Skybina V. I.* Paradigms of English Lexicography: International Paradigm // Multi-disciplinary Lexicography: Traditions and Challenges of the XXIst Century. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 11–26.
4. *Yule H.* Hobson-Jobson: Being a Glossary of Anglo-Indian Colloquial Words and Phrases and of Kindred Terms Etymological, Historical, Geographical and Discursive. L. : J. Murray, 1903. 1,021 p.

Giuliana Diani

University of Modena and Reggio Emilia, Italy

CULTURAL KNOWLEDGE DISSEMINATION IN ITALIAN ART MUSEUM WEBSITES

Museums represent “cultural agents, trying to realize their basically educational aims in a rapidly changing cultural market” (Bondi, 2009, 111). Communication plays a pivotal role in the way museums present their cultural identity. Catalogues, brochures, but also websites and a whole range of museum texts (Ravelli, 2006) contribute to the dissemination of cultural knowledge.

Studies on the impact of new technologies on written communication in general and on promotional discourse in particular have received quite a lot of scholarly attention (e.g. Aarseth, 1997; Posteguillo, 2003; Janoschka, 2004; O’Halloran, 2004; Boardmann, 2005; Garzone et al., 2007). However, less attention has been paid to issues of web design by marketing museums in applied linguistic studies, and analyses are often limited to English (Hofinger, Ventola, 2004; Bondi, 2009; Pierroux, Skjulstad, 2011; Samson, 2011, 2012).

The aim of this paper is to analyse Italian art museum websites, specifically the museums located in Florence. The study is based on the analysis of twenty museum descriptions available on the website of the *Polo Museale Fiorentino* (<http://www.polomuseale.firenze.it/>).

The purpose of a museum website is to promote the museum itself. It can easily be seen to belong to the colony of promotional genres (Bhatia, 2004, 59). The generic values involved in promotional genres (Ibid., 60) are description and evaluation.

Using a corpus and discourse perspective, the present paper examines the main phraseological and lexical features which are used to convey description and evaluation in the Florence art museum websites under examination.

The analysis reveals that museum websites combine description, based on the cognitive process of perception in space (*il lungo corridoio che si apre davanti ai nostri occhi costituisce la parte più antica della Galleria* [The long corridor that opens before us is the oldest part of the gallery]), with evaluation (Hunston, Thompson, 2000). They are characterized by an overwhelming use of adjectives, nouns, and linguistic patterns that express positive evaluation (*E' uno dei musei più famosi del mondo per le sue straordinarie collezioni di dipinti e di statue antiche* [This is one of the most famous museums of extraordinary paintings and sculpture in the world]).

They also often include narrative sections, introducing cultural and historical details (*La Galleria fu realizzata per volontà del granduca Francesco I e arricchita grazie al contributo di numerosi componenti della famiglia Medici, appassionati collezionisti di dipinti, sculture e oggetti d'arte. Fu riordinata e ampliata sotto la dinastia dei Lorena, succeduti ai Medici, e in seguito dallo Stato italiano* [The Gallery was created by Grand-duke Francesco I and subsequently enriched by various members of the Medici family, who were great collectors of paintings, sculpture and artworks. The collection was rearranged and enlarged by the Lorraine Grand-dukes, who succeeded the Medici, and finally by the Italian State]).

The descriptive parts of the museum place particular emphasis on the identification of elements and on the spatio-temporal relations they establish, determining in turn access to specific knowledge (*Il Museo conserva straordinarie raccolte di scultura e di "arti minori". E' situato in un imponente edificio costruito intorno alla metà del Duecento per il Capitano del Popolo, che divenne successivamente sede del podestà e del Consiglio di Giustizia* [The Museum has a

remarkable collection of sculpture and artworks. It occupies an impressive building built for the Capitano del Popolo in the mid-XIIIth c., which later became the seat of the Podestà and Council of Justice]).

Evaluation, on the other hand, inevitably involves the identification of an emotional and ideological point of view (*Nella prima sala emerge la straordinaria Madonna dal collo lungo del Parmigianino, opera per molti aspetti misteriosa e inquietante, che unisce l'eleganza delle forme alla complessa simbologia del soggetto. Dell'artista possiamo anche ammirare la cosiddetta Madonna di San Zaccaria, caratterizzata dalla stessa grazia formale e dalla presenza nel paesaggio di monumenti antichi, ricordo del soggiorno romano del pittore* [Outstanding in the first room is the beautiful *Madonna dal collo lungo* (Madonna of the Long Neck) by Parmigianino, a work which is mysterious and disturbing in many respects, combining an elegance of form with the complex symbolism of the subject. By the same artist we can admire the Madonna and Child known as the *Madonna di San Zaccaria*, characterised by the same formal grace and by the presence of ancient monuments in the background, a recollection of the artist's Roman stay]).

The interplay between description and evaluation supports the promotional nature of museum website presentations. On the one hand, it strengthens the value of the museum and its artworks through the language of evaluation, so as to contribute to the construction of the positive image of the museum. On the other hand, it involves the potential visitor, by representing the expertise of the museum and thus contributing to the construction of its identity as a cultural institution.

References

1. *Aarseth E. J.* Cybertext: Perspectives on Ergodic Literature. Baltimore : The Johns Hopkins University Press, 1997. 216 p.
2. *Bhatia V. K.* Worlds of Written Discourse. L. : Continuum, 2004. 228 p.
3. *Boardmann M.* The Language of Websites. L. : Routledge, 2005. 117 p.

4. *Bondi M.* Perspective and Position in Museum Websites // Point of View: Description and Evaluation across Discourses / Ed. by S. Radighieri, P. Tucker. Roma : Officina Edizioni, 2009. P. 113–127.
5. Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse / Ed. by S. Hunston, G. Thompson. Oxford : Oxford University Press, 2000. 238 p.
6. *Hofinger A., Ventola E.* Multimodality in Operation: Language and Picture in a Museum // Perspectives on Multimodality / Ed. by E. Ventola. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2004. P. 193–209.
7. *Janoschka A.* Web Advertising: New Forms of Communication on the Internet. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2004. 227 p.
8. Multimodal Discourse Analysis: Systemic-Functional Perspectives / Ed. by K. O'Halloran. L. : Continuum, 2004. 252 p.
9. Multimodality in Corporate Communication: Web Genres and Discursive Identity / Ed. by G. Garzone, G. Poncini, P. Catenaccio. Milano : Franco Angeli, 2007. 198 p.
10. *Pierroux P., Skjulstad S.* Composing a Public Image Online: Art Museums and Narratives of Architecture in Web Mediation // Computers and Composition. 2011. Vol. 28. № 3. P. 205–214.
11. *Posteguillo S.* Netlinguistics: An Analytical Framework to Study Language, Discourse and Ideology in Internet. Castelló de la Plana : Universitat Jaume I, 2003. 180 p.
12. *Ravelli L. J.* Museum Texts: Communication Frameworks. L. : Routledge, 2006. 200 p.
13. *Samson C.* Ex-sacred Territories on the Internet. Examples of Space, Identity and Discourse Interconnectedness in Museum Websites // Rassegna Italiana di Linguistica Applicata. 2011. Vol. 1–2. P. 245–262.
14. *Samson C.* From Cultural Islands to Popular Sites. Semantic Sequences Typifying Museum Descriptions on the Web // The Language of Popularisation: Theoretical and Descriptive Models (Die Sprache der Popularisierung: Theoretische und Deskriptive Modelle) / Ed. by G. Caliendo, G. Bongo. Bern : Peter Lang, 2012.

Annick Farina

University of Florence, Italy

**GUIDELINE PROPOSAL FOR DESCRIPTION
AND TRANSLATION OF PROPER NAMES
IN A MULTILINGUAL CULTURAL HERITAGE
DICTIONARY OF FLORENCE**

We will illustrate in our paper the reason why one of the principal aims of the multilingual cultural heritage dictionary of Florence we are working on is based on the peculiar relationship that exists between reference and proper names, and on the need to report that relation in the description of such nouns. Lexicographers, in fact, usually create nomenclatures by choosing as a target the vocabulary used by a community of language users, that is the language used in a delimited place and not the language used to refer to that particular place. On the other hand, proper names usually do not appear in the nomenclature of monolingual dictionaries because of that special relationship they have with reference; in fact lexicographers normally reject them because they consider them outside of the linguistic code, without signification beyond their *autonymic connotations* (Rey-Debove, 1976) and believe that the only way to describe them is by describing their referents, and that this is not the goal of dictionaries but of encyclopaedias. However, proper names can sometimes be found in the microstructures of monolingual dictionaries, especially in definitions of their derivatives or in idiomatic or proverbial locutions, but the lack of reference in the macrostructure to proper nouns which are parts or origins of these linguistic units often makes them impossible to interpret and use correctly. The presence of some proper names in macrostructures of bilingual dictionaries can lead the reader to believe that bilingual lexicographers judge them differently. But this is not the case. In fact, bilingual lexicographers usually share with these other lexicographers the idea of the untranslatability of proper names or the uniqueness of naming them, and accompany them with scant articles, which however do not help in solving the main translation issues which are characteristic of those words.

© Farina A., 2013

This general outline is certainly not satisfactory from a lexicographical point of view, and should be linked to the actual difficulty that forms of this kind create for those who wish to understand them and translate them adequately. In fact, as we have already illustrated (Farina, 2006, 2008), proper names not only have cultural roots that need to be illustrated in a dictionary in order to help the user employ or translate them (especially if he/she is not well-versed in that specific culture), but also respond to specific linguistic rules of each language, sharing with common words many properties (inflexional, syntactic as well as semantic).

We have found a useful basis for our work in the *Prolex Project* (Lecuit et al., 2011; Savary et al., 2009; Vitas et al., 2007), which we will use in managing our comparative textual databases (for now we are building two comparative databases in seven languages: one of the tour guides of Florence, and one of the translations of Vasari's *The Lives of the Artists*), in order to collect the entries of our dictionary and identify the *prolexemes* in these texts (defined by *Prolex* as “a set of variants (aliases), quasi-synonyms and morphosemantic derivatives”).

But for two important reasons we have defined a lexicographical model which is rather different from that of *Prolex*:

- the cultural basis of our project has led us to design articles which shed light on the cultural and historical connotations of words used to describe Florence (and not only proper names);

- the main users targeted by our project are translators, and our lexicographical articles not only give them the linguistic information they need about the entries but also orient them in their translation choices by using quotations of translations that have already been done on the same subject.

In fact, our databases not only function as a tool for finding words for the nomenclature and for finding the semantic associations linked to them, but also allow us to study variations in the way in which they have been translated, according to the type of texts in which they have appeared and the period in which they were written or translated.

The analysis of articles of our dictionary concerning different types of proper names (the name of a Florentine artist, the name of an

artwork, a Florentine locale – street, monument, ... etc.) will help us to illustrate the specificity of our model and its multiple uses.

References

1. *Algeo J.* On defining the Proper Name. Gainesville : University of Florida Press, 1973. 94 p.
2. *Ballard M.* Le Nom propre en traduction. Paris : Ophrys, 2001. 231 p.
3. *Farina A.* En voiture Simone, tes articles ont fait Gilles! Les prénoms dans les dictionnaires // *Rivista italiana di onomastica. Lessicografia e onomastica.* 2008. Vol. 2. P. 497–510.
4. *Farina A.* Toponomastique et lexicographie bilingue: les dictionnaires français-italien // *Rivista italiana di onomastica.* 2006. Vol. 2. P. 179–192.
5. *Kleiber G.* Problèmes de référence: descriptions définies et noms propres. Paris : Klincksieck, 1981. 538 p.
6. *Kripke S.* Reference and Existence. The John Locke Lectures for 1973. Oxford : Oxford University Press, 2013. 184 p.
7. *Lecuit E., Maurel D., Duško V.* La traduction des noms propres: une étude de corpus // *Corpus.* 2011. № 10. P. 201–218.
8. *Piton O., Denis M.* “Beijing Frowns and Washington Pays Close Attention” Computer Processing of Relations between Geographical Proper Names in Foreign Affairs // *Lecture Notes in Computer Science.* 2001. P. 66–78.
9. *Rey-Debove J.* La réflexivité et le blocage du sens // *Théories du signe et du sens 2 / A. Rey.* Paris : Klincksieck, 1976. P. 224–232.
10. *Rey-Debove J.* La linguistique du signe. Paris : Colin, 1998. 304 p.
11. *Savary A., Rabięga Joanna W., Woliński M.* Inflection of Polish Multi-Word Proper Names with Morfeusz and Multiflex // *Lecture Notes in Computer Science.* 2009. P. 111–141.
12. *Schweickard W.* Le traitement des formations déonomastiques dans la lexicographie française // *Actes du XVIIIe Congrès International de Linguistique et de Philologie Romanes, IV / Ed. by D. Kreiner.* Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1989. P. 242–253.
13. *Searle J. R.* Proper Names // *Mind.* 1958. № 67. P. 166–173.
14. *Vandendorpe Chr.* Quelques considérations sur le nom propre // *Langage et société.* 1993. № 66. P. 63–75.
15. *Vitas D., Krstev C., Maurel D.* A note on the Semantic and Morphological Properties of Proper Names in the Prolex Project // *Lingvisticæ Investigationes.* 2007. Vol. 30. № 1. P. 115–133.

Faina Kartashkova

Ivanovo State University, Russia

WAYS OF VERBALIZATION OF FLORENTINE CONCEPTS IN RUSSIAN POETRY

It has been assumed that if a researcher is going to deal with linguistic esthetics, he is bound to display special approach to the investigation of the problem in question by way of analyzing the most relevant senses and associations found within the contents of literary concept.

Artistic concept is understood by modern linguists as a complex mental whole which is adherent not only to individual consciousness but to psychomental sphere of a certain ethnocultural community (Miller, 2000, 4142). Literary concept is said to represent esthetic adaptation of cognitive experience of reality by creative language personality (Oparina, 2013, 10), which results in the following. Associative and evaluative layers prevail in the structure of literary concept. The contents of artistic concept can be determined only by way of researching word-usage and creative word-making of the author in concrete texts. The number of connotations within the meaning of the linguistic units representing literary concept is greater than the number of those found in the words representing general language concept (Ibid., 11).

On the basis of all mentioned above we are going to make an attempt to analyze some literary concepts which appear to be most frequently used in Russian poetry describing Florence from different angles.

First and foremost we must mention the concept *Florentine Landscape*. This concept is verbalized mainly by the way of nouns *кедры* (kedri), *кипарисы* (kiparisi), *луг* (lug), *тысячелистник* (tisjachelistnik), *ручей* (ruchei), *трава* (trava), *лозы* (losi), *пашни* (pashni), *горы* (gori), *дали* (dali), *небо* (nebo), *холмы* (kholmi), *лавр* (lavr) – names of articles of landscape code that impress the poets greatly and inspire them to create their masterpieces. Of special interests are word combinations which are made up according to the

structure *adjective+noun*, where adjectives function as epithets: *раскаленные камни* (raskaljennije kamni), *черное небо* (chernoye nebo), *сумрак голубой* (sumrak goluboi), *дрожащие тополя* (drozhash' iye topolya), *розовый миндаль* (rozovij mindal'), *мирт благоуханный* (mirt blagoukhannij).

The given above examples prove the fact that the so-called landscape code is widely represented in the poems of Russian poets devoted to Florence. In close connection with it is the cultural code that is displayed, in particular, in the concept *Impressions of the City*. Alongside with the landscape Russian poets were charmed by Florentine architecture: *каррарского мрамора белые блоки* (karrarskogo mramora belije bloki), *острия церквей и башен* (ostriya tserkvej i bashen), *Сиенский собор* (Sienskij sobor), which are represented by polycomponental word combinations the nucleus of which form nouns denoting articles of architecture. Expressing their admiration for Florentine culture, Russian poets could not but mention the names of those who created masterpieces of architecture, painting and other articles that belong to the cultural code. The names of Florentine world-wide known architects, painters and writers that we come across in literary pieces of Russian poets devoted to Florence may be definitely treated as intertextual names (for further information see Karpova, Kartashkova, 2009): *Ботичелли* (Botichelli), *Микеланджело* (Mikelandzhelo), *Леонардо* (Leonardo), *Данте* (Dante).

Of no less importance is the concept *Florentine Women*. The description of feminine characters is found in a great many of poems under analysis. This concept is verbalized mainly by way of non-verbal means of portraying: *с улыбкой на смуглом лице* (s ulibkoi na smuglom litse), *дерзок их открытый взор* (dersok ikh otkritij vzor), *коварные мадонны шурят длинные глаза* (kovarnie madonni schuuryat dlinnije glaza), *очи влажные сощуря* (ochi vlazhnije soschurya). It can be easily seen that the poets pay special attention to mimics and miremics of Florentine women. The poets use somatic nouns: *лицо* (litso), *ресницы* (resnitsi), *шея* (sheya), *спина* (spina), *очи* (ochi), *глаза* (glasa), *плечо* (plecho) modified by different attributes: *красивая шея* (krasivaya sheya), *влажные очи* (vlazhnije ochi), *светлый круг лица* (svetlij krug litsa) which shows that the poets were delighted by the beauty of the feminine body.

Feelings and emotions of Russian poets that Florence evoked in their hearts can be grouped under the heading *Emotions* that is verbalized by way of names of these emotions, such as *нежность* (*nezhnost'*), *любовь* (*lubov'*), *страсть* (*strast'*), *восторг* (*vostorg*), *печаль* (*pechal'*), some of which are invariably modified by metaphoric adjectives: *любовью длинной* (*lubov'yu dlinnoi*), *страстью длинной, безмятежной* (*strast'yu dlinnoi, bezmyatezhnoi*).

Summing all said above, we'd like to say that we cherish hopes that all our humble observations will be made used of within the Florentine lexicographic project carried out by researchers from Ivanovo State University under the leadership of Professor Olga Karpova (Karpova, 2012) assisted by the cultural *Romualdo Del Bianco® Foundation – Life Beyond Tourism®*.

References

1. *Karpova O. M.* К проекту создания нового типа культурологического словаря (On Project of a New Type of Cultural Dictionary) // *Sovremennye pragmalingvisticheskiye i kul'turologicheskiye issledovaniya* (Modern Pragmalinguistic and Cultural Researches). Ivanovo : Ivanovo State University, 2012. P. 113–121.
2. *Karpova O., Kartashkova F.* New Generation of Specialised Dictionaries to Shakespeare's Works // *Lexicography and Terminology: A Worldwide Outlook* / Ed. by O. Karpova, F. Kartashkova. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2009. P. 28–41.
3. *Miller L. V.* Khudozhestvenny kontsept kak smislovaya i esteticheskaya kategoriya (An Imaginative Concept as a Notional and Aesthetic Category) // *Mir russkogo cheloveka* (The World of Russian Man). 2000. №4. P. 39–45.
4. *Oparina K. S.* Verbalizatsiya khudozhestvennogo kontsepta "vitalizm" (na material nemetskogo ekspressionizma) (Verbalization of an Imaginative Concept "Vitalism") (with Special Reference to German Expressionism). Samara, 2013.
5. *Stikhi russkikh poetov o Florentsii* (Poetry of Russian Poets about Florence). URL: <http://www.poetry-city.ru/florenzia.html>.

Anna Komarova

Lomonosov Moscow State University, Russia

Vladimir Kotlyakov

Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russia

**LEXICOGRAPHIC PRINCIPLES OF COMPILING
THE MULTILINGUAL DICTIONARY OF TOURISM
(NATURE – CULTURE – TRAVELS)**

We are two scientists from Russia: Dr. **Anna Komarova** – Head of the Department of Foreign Languages for Geography at Lomonosov Moscow State University and Dr. **Vladimir Kotlyakov** – Director of the Institute of Geography, Member of Russian Academy of Sciences. For some years we have been working together on compiling multilingual dictionaries of technical terms. We have published several dictionaries on Geography, among them *Elsevier's Dictionary of Geography*.

Recently we compiled and published *The Multilingual Dictionary of Tourism (Nature – Culture – Travel)* which contains 4,400 essential terms currently used in diverse branches of modern tourism as a field of scientific research, sector of economy, sports and leisure, interest in nature and culture. It presents the terminology of tourism in a systematic manner covering general concepts, types of tourism, maps, organization of tourist business, transportation, infrastructure, physical environment, natural heritage, cultural traditions and ways of life of different nations of the world.

The terms in the basic table are arranged according to the order of the Russian alphabet and numbered. Each term is supplied with a concise informative definition in Russian, followed by the equivalents in English, French, German, and Spanish. The multilingual character of the dictionary is very important nowadays because of a very intensive development of international tourism and a deep integration and cooperation of tourist industries of different countries. Modern

tourism terminology is developing very fast, it has several sources of formation and it borrows many words from the English language.

The *Dictionary* contains 300 illustrations (pictures or line drawings) showing the most characteristic features of a given notion, object or phenomenon. The basic table of the *Dictionary* is followed by the alphabetic indexes of terms in English, French, German, and Spanish (with the cross-references).

The *Dictionary* is aimed at a wide variety of users: teachers of colleges and universities, undergraduate and post-graduate students, specialists in the sphere of Tourism and Hospitality, nature-lovers and travelers, businessmen and tourists. It will be useful for those who read books on geography and adventures. It is addressed also at tour operators and other organizers of tourist industry.

The lexicographic work on the dictionary consisted of the following stages:

1. At the first stage the words have been selected to be included in the *Dictionary* and the word-list compiled.

2. At the second stage the head-words have been supplied with the definitions in Russian and the equivalents in English, French, German and Spanish. Later the alphabetic lists and indexes have been made, and illustrations provided.

3. The final stage is the editing and making the *Dictionary* ready for publication.

We did not aim to compile encyclopedic dictionary – our dictionary is defining – which gives short definitions of Tourism terms. It is also a standard dictionary in the sense that it reveals only the essential vocabulary of tourism (in contrast to some inventory dictionaries which collect as much words as possible).

As for its conceptual coverage, the dictionary is polydisciplinary, i.e. it shows the whole spectrum of modern Tourism in a compact form of one volume.

In this scope of subjects to be covered the problem of choice of words is very serious, since Tourism in addition to its own diversity depends on the flow of concepts and techniques from other disciplines and specialized areas like economics, management, accounting, law, transport, sports, medicine, culture, arts, architecture, nature, ecology,

cartography, engineering, informatics. In order to select the words systematically we made the so-called *conceptual word-lists* for each subdivision of Tourism. For example, in the semantic field *Transport and Trade* the terms have been grouped into topic areas *Means of transport, Transport network, Transport infrastructure, Transportation of passengers, Air transport, Railway transport* etc. Within each *topic area* even smaller categories have been specified up to the oppositions of terms, like *water transport vs land transport*, in *water transport: sea transport vs river transport*, etc.

Setting up similar classification and oppositions was also helpful for other subdivisions: *inbound tourism – outbound tourism, tourist arrival – tourist departure, high season – low season – shoulder period (calendar period between a high and a low seasons to which a promotional rate often applies), natural environment – antropogenic environment, biotic factors – abiotic factors, man-made hazard – natural hazard, cultural heritage – natural heritage, long-haul travel – short-haul travel, same-day visitor – overnight visitor, urban tourism – rural tourism, renewable resources – non-renewable resources*; types of tourism: *sun and beach tourism, sports tourism, nature-based tourism, ecotourism, cultural tourism, adventure tourism, wedding tourism, pilgrimage, event tourism, congress tourism, cruises*; different kinds of protected areas: *national park, preserve, nature reserve, reservation, sanctuary, refuge*.

With the help of *conceptual word-lists* it was possible to establish more clearly the semantic links between terms, without missing important elements and exclude the terms denoting too detailed concepts. Later these separate thematic word-lists were transferred into alphabetic order in the basic table, but we conserved *conceptual word-lists* in the index called *Thematic Index of Russian Terms*.

When we confronted with different opinions on the meaning of one and the same term, we tried to find a generally accepted understanding of the term rather than commenting upon the nuances and discrepancies of the meanings. We reflected this common meaning in short classificatory definitions for each term.

The equivalents in different languages were treated in the same way: in many cases they were not in one-to-one correspondence but we tried to harmonize them as much as we could.

We understand that terminology is always one jump ahead of lexicography. We also know that it is not possible to eliminate the subjective element from dictionaries and no grouping of words can be ideal or the only possible. Hence, there is always room for improvement.

Maria Konovalova

Saint-Petersburg State University, Russia

**THE WORD *PATRIOTISM*
IN AMERICAN POLITICAL CARTOONS
AND MODERN AMERICAN DICTIONARIES.
THE BOUNDARIES OF MEANING**

The word *patriotism* as it is used in American political cartoons has a different meaning from the one stated in American dictionaries, which has serious implications for the reliability of current lexicographic data. To support this claim, over 30 American political cartoons and three American English dictionaries (*The Webster's Third International Dictionary of the English Language*, *The American Heritage Dictionary*, *Heinle's Newbury House Dictionary of American English*) have been analyzed.

The most common definition in all the dictionaries with slight variations is “love of and devotion to one's country”. Dictionaries claim that this word carries positive evaluation and do not even give any hints on the possibility of negative implications within its meaning. Also, they do not specify any contexts in which the word *patriotism* may be used.

Political cartoons represent the context which does not in any way fit the standard dictionary definition for this word.

Too Much Coffee Man

BY SHANNON WHEELER

Cartoon 1

In this cartoon we can see two flags: one is the American flag; the other contains some text which explains what is meant by patriotism. It can be the text of the Constitution. It is a hint that the basic moral values and foundations as well as the real meaning of the word *patriotism* have been forgotten. This cartoon shows that patriotism has lost its meaning beyond a simple and easy act of hanging the American flag by your door; the people in the cartoon feel frustration and inability to clearly and concisely define this word. The only clear meaning appears to be an act of ostentatious display of the flag.

In the next cartoon we have a combination of typical situations the cartoon associates with the word patriotism, all of which are clearly negative.

Cartoon 2

One of the first images which catches our attention is the *eagle* which is one of the state symbols and is depicted as violent and aggressive (“psychotic eagles”) with red eyes and holding a torn Osama Bin Laden. This represents the won war on terrorism. The actions of this eagle appear threatening and ridiculous.

Then there is an *elephant* covered with American flags. It symbolizes the Grand Old Party as a commercial enterprise. All the other images are equally negative with regard to the role of patriotism.

We can also see there a couple of fat Americans dressed up in the colours of the American flag, with an American-flag-style umbrella and bags. People believe that they show their true *patriotism* by buying goods in flag colours.

The boy is holding a huge box of fireworks *Freedom Firework* which people usually use on the Independence Day.

One more American symbol is the music style called *country*. We can see a man dressed in the colours of the American flag with a guitar, singing a song in some rural red-neck dialect.

And the last character is the *American hater* who considers all other Americans to be unpatriotic.

Cartoon 2 shows Americans as a nation which understands *patriotism* as acts of flaunting a set of objects; its *patriotism* also

makes it an aggressive, violent and intolerant nation which is irrational in its actions.

The use of the word *patriotism* in the cartoons discussed above presents two distinct negative senses for the word patriotism, without which the meaning of the cartoons would be incomprehensible: “an ostentatious display of the state symbols seen as a negative and insincere feeling; it is often used to cover hidden corruptive motives” and “an overpowering emotional urge that is linked to a sense of civic duty and serves as an emotional drive for backing up this sense, as it pushes the individual to violent and repressive acts.” Thus, we can claim that the semantic structure of the word *patriotism* in contemporary American use is much more complex than the dictionaries suggest and that it incorporates evaluative ambiguity, which, in its turn, points to a major value conflict in modern American society.

These observations stress the importance of a thorough contextual analysis for defining the scope and boundaries of the senses of a polysemous word.

References

1. The Webster's Third International Dictionary of the English Language.
URL: http://unabridged.merriam-webster.com/?refr=U_mwol_promo.
2. The American Heritage Dictionary.
URL: <http://www.ahdictionary.com/>.
3. Heinle's Newbury House Dictionary of American English. URL: <http://nhd.heinle.com/home.aspx>.

Alla Minyar-Beloroutcheva

Lomonosov Moscow State University, Russia

HISTORICAL TERMS AS THE MIRROR OF CULTURAL DIFFERENCE OF THE PAST

The paper is devoted to the study of historical terms that mirror the cultural differences of the human society in the past. In the XXIst c. that is considered to be the time of culture, some historians understand the past as social history of culture, as only due to the cultural approach to history it is possible to comprehend the development of the human society.

Culture in the broad sense of the word is understood as the way of life of the people with their traditions and social institutions expressed in historical terms. To understand what happened in the earlier periods it is necessary to realize the meanings that words had in different centuries as they have changed in the course of time and can mislead historians. As is known terms are characteristic of a particular art, science, profession or trade. Historical terms are believed to have come into being when history was recognized as an academic discipline.

Historical terms are defined as words and word combinations that denote the subjects and notions of the past. Historical terms are post-factual lexical units, i.e. they were coined years and centuries later after a certain event had taken place. Thus the multicomponent term the *Code of Chivalry* was coined in the XVth c. to reflect the concepts the knights were guided by in the XIIth c. The multicomponent term the *Age of Chivalry* was coined in the XVIIIth c. *Feudalism* as a historical term came into being at the end of the XIXth c. to denote certain socio-economic and political relations of the Vth–XVth cc. The term *Nordic* was coined by historians of the XIXth c. as a shorthand to denote the Germanic, Anglo-Saxon and Danish peoples. Philosophers and historians have their own vision of the past: to understand and explain the bygone times they need specific terms that can bring to equilibrium different generations.

Historical terms show a permanent evolution of mankind. They are the foundation of the structure that helps people to feel secure and not to be lost in the great whole that moves constantly forward. Historical terms can be differently organized; varying in age and meaning, they help people to see economical, political, technological and cultural development of humankind.

Historical terms not only give spacial and temporal flavour to the texts on history, they convey the meaning specific for a certain time and place and help us to find out how the people of the past perceived their world and depicted their life.

It should be said that historical terms can be organized into two main groups: a) conceptual historical terms and b) historical terms-*realia*. The former denote the main notions and categories of history, such as *system*, *element*, etc. and name the subjects of historical disciplines such as *chronology*, *palaeography*, etc. Conceptual historical terms were coined during the Renaissance and the Age of Enlightenment, they are international in their characteristics, and have absolute equivalents almost in all European languages, as in the main, they originate from Greek and Latin stems. For instance, the term *system* comes from the Greek word *stemma*; the term *element* originates from the Latin word *elementum*; the term *chronology* is coined with the help of two Greek words (Gr. *chronos* + Gr. *logos*), the term *palaeography* derives from a Greek word *palaios*. Terms are considered to be ideal if they are coined with the help of one and the same classical language.

Historical terms-*realia* that express the concepts and objects of the past elucidate the life of the past reflecting the consecutive stages of the human development. They embrace a wide range of objects and notions of the past, they manifest the peculiarities of every nation in a certain period of its development. Such historical terms are the cultural memory of mankind, they typify the human society at a certain stage of its development.

Retrieved from the primary sources, such lexical units are used in academic historical texts as historical terms-*realia* to denote the non-existent concepts, such as *shire-reeve*, *commutation*, *hide*, etc. In Old English the word *hide* was used to indicate a specific unit of

economic and social life of medieval England; it meant the measure of land reckoned sufficient to support a free family with dependants. Later with the loss of its referent, it became obsolete, but was returned to life by the historians who started to use it as a historical term-*realia*. Historical terms-*realia* are not artificial word-forms invented to meet the needs of both source-oriented and problem-oriented historians, they are the products of semantic development of general words within the given language.

Historical terms-*realia* are not stable they are in constant motion; some of them have evolved through three stages. The first stage is the real existence of the lexical units that in the course of time became obsolete with the loss of their referents. The second stage is connected with the revivification of such lexical units by modern and contemporary historians. At the third stage, according to S. Bulgakov the “verbal fossils” again “come to life and acquire other meanings” (Bulgakov, 1997, 36). Thus, a word with one and the same external form and different meanings can come to life many times. This idea can be exemplified by such terms as *bomb*, *missile*, *bachelor*, etc. For instance in the 1580s the lexical unit *bomb* meant “a deep, hollow noise, a buzzing sound of mortar shells”; in 1909 it meant “explosive device placed by hand or dropped from airplane”; in 1953 it meant “old car”; in 1954 it meant “success”; in 1963 it had opposite sense of “a failure”. Such historical terms-*realia* as *gwely*, *enfeoff*, *thane*, *fyrđ*, etc. were revived by historians to specify the culture of a certain period. Regarded as exclusive and exceptional cultural heritage, historical terms-*realia* restore the images and ideas of the passed epochs for successive generations.

Historical terms indicate a certain stage of the development of the human society, they are specific for every epoch and aimed at rendering the cultural truth of the passed times.

References

Bulgakov S. Filosofia imeni (Philosophy of Name). Without place : Kair, 1997. 331 p.

Sara Radighieri

University of Modena and Reggio Emilia, Italy

FLORENCE AND CULTURAL HERITAGE IN ITALY

The aim of this work is to analyse the use of evaluative expressions in a corpus of Florence guidebooks. In focusing on the names of place and on common names characterising the language of the arts and architecture, this study will provide insights in the ways writers use to emphasise specific features of works of art and monuments. Special attention will be given to aspects of evaluative and descriptive language in the context of cultural heritage in Italy (Boniface, Fowler, 2002; Lew, 1992).

For the analysis of evaluation we will draw on the work by S. Hunston and G. Thompson (2000). The core of this system of evaluation is explained in terms of the relationship between *status* and *value*. In S. Hunston's terms *status* is represented by the "variable alignment of 'world' and 'statement'" (Hunston, 2000, 183), which consists in the "orientation [that a statement has] with respect to the world outside the text" (Ibid., 185). In this sense, each utterance can be expressed as a *fact* or an *assessment* and the source can be either averred or attributed (Sinclair, 2004), and the combination of these elements determines the *status* of the text, which in turn determines and influences the (positive or negative) value of the utterance. By exploring these constraints of *status* upon *value*, S. Hunston explores evaluation.

Evaluation can be considered as a broad term that can be referred either to argumentation-related moves, i.e. sequences of moves that require evaluation, or to forms of less explicit evaluation as those expressed through *semantic prosody* for example (Sinclair, 2004; Mauranen, 2004). For the purpose of this study we will also draw on the distinction operated by A. Mauranen (2002) between structural evaluation (shades of meaning spread over larger portions of discourse) and *evaluative items* (shades of meaning influencing the phrase).

When we find ourselves before an evaluative text, we must be aware of the fact that the text may present us with two kinds of evaluative items:

(1) *evaluative items* (elements conferring a value in terms of good or bad to elements in the immediate co-text or context);

(2) *accompanying evaluative items* (elements generally co-occurring with evaluative items such as hedges, intensifiers, connectors, or other lexical signals of evaluation as we shall see in the following sections) (Mauranen, 2002; Sinclair, 2004). *Evaluative items* are difficult to identify. We need therefore to specify point (1) above into two further points:

(1a) *inherently* evaluative items (whose primary aim is expressing a value in terms of *great, good, successful*, etc.);

(1b) *specific* evaluative items (whose value is not immediately clear to the reader, such as *special, reflective, genuine*, etc. but becomes clear in specific contexts).

Taking up A. Mauranen's distinction between structural evaluation and *evaluative items*, which are "single units which confer evaluative meaning to the entities they refer to" (Mauranen, 2002, 119), we will now provide some examples of the phraseology of evaluation (see *Local Grammar of Evaluation* in Huston, Sinclair, 2000).

We will see how evaluative expressions seem to cluster around some fixed expressions highlighted by means of 3-word-cluster wordlists.

This methodology is based on the retrieval of clusters which we will refer to *multi-word evaluative expressions*. Clusters are retrieved automatically by means of *Wordsmith Tools* (1999) and we retrieve first a cluster-wordlist, then the concordance lines of the main cluster-expressions. The most important step here refers to the selection of the significant clusters which must be done manually by choosing relevant elements after reading them in a wider context, i.e. by analysing the co-text the clusters appear into.

Below it is possible to read some examples of the kind of analysis that will be presented. The two clusters chosen exemplify different types of evaluation (*value* and *status*) but equally show the

importance of looking at patterns of collocation, colligation and semantic association around the node word:

(1) *A * * OF*

's famous fresco of the Siege of Florence with **a detailed view of** the 16th-century city; the Hall of Giovanni dalle Italian schools (particularly the Venetian) and **a fine group of** Flemish paintings, as well as the famous collecti by a widening of the roadway, thus furnishing **a fine view of** the Arno and the other bridges. Vasari's Corridor ished by F. Luna in 1445). The facade presents **a lovely portico of** fine arches decorated with polychrome terra- is the lovely altar frontal from the Baptistery, **a magnificent example of** Gothic goldwork with gilding and enam even though the facade was never finished, is **a rare example of** the Baroque in Florence. It was built by Antonio

(2) ** EXAMPLE OF*

PALAZZO STROZZI This typical **example of** a Renaissance palace was designed by Benedetto 's First Cloister is the Pazzi Chapel, a daring **example of** Brunelleschi's genius, begun in 1443. The deco the entire city. The interior of this magnificent **example of** Florentine Romanesque architecture (it origina altar frontal from the Baptistery, a magnificent **example of** Gothic goldwork with gilding and enamel, which e of Michelangelo's most dramatic pieces, an **example of** his painterly use of rough shaping (his famous though the facade was never finished, is a rare **example of** the Baroque in Florence. It was built by Anton

As one can see from the examples, all clusters seem to attract evaluative expressions not only from the words in the clusters, but also from those in the co-text. The first example shows that there are phraseological patterns that represent preferred ways of the genre to express evaluative judgements; in the second, the word *example* is used as a "signalling noun" (Flowerdew, 2003). The use of the word *example* signals that some interesting issue is being raised or that some significant features about some works of art is given, e.g. a descriptive evaluation.

References

1. *Boniface P., Fowler J. P.* Heritage and Tourism in The Global Village. L. : Routledge, 2002. 200 p.
2. *Flowerdew J.* Signalling Nouns in Discourse // English for Specific Purposes. 2003. Vol. 22. P. 329–346.
3. *Hunston S., Thompson G.* Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse. Oxford : Oxford University Press, 2000. 240 p.
4. *Lew A. A.* Place Representation in Tourist Guidebooks: An Example From Singapore // Singapore Journal of Tropical Geography. 1992. Vol. 12. P. 124–137.
5. *Mauranen A.* “A Good Question”. Expressing Evaluation in Academic Speech // Domain-specific English: Textual Practices across Communities / Ed. by G. Cortese, Ph. Riley. Bern : Peter Lang, 2002. P. 115–140.
6. *Mauranen A.* Where Next? A Summary of the Round Table Discussion // Academic Discourse. New Insights into Evaluation / Ed. by G. Del Lungo Camiciotti, E. Tognini-Bonelli. Bern : Peter Lang, 2004. P. 203–216.
7. *Scott M.* Wordsmith Tools 3.0 [Software]. Oxford : Oxford University Press, 1999.
8. *Sinclair J.* Trust the Text. Language, Corpus and Discourse. L. : Routledge, 2004. 224 p.

Christina Samson

University of Florence, Italy

MOVING BETWEEN WORDS: KEYWORDS AND PHRASEOLOGICAL NETWORKS IN (ENGLISH) GUIDEBOOKS OF FLORENCE

There is a limited number of studies that have guidebooks as their research focus. This can be divided into two broad themes. The first is devoted to the history of guidebooks (Koshar, 2000) which is considered a source of insight into the larger theme of the history of

tourism (Bruner, 2004; Buzard, 1993), the usage of guidebooks by tourists (Therkelsen, Sorensen, 2005), the relationship between tourists and the guidebooks used, or people's narratives about their travel and tourism experiences (Beck, 2006). The second theme focuses on guidebooks from a genre perspective (Denti, 2012; Fodde, Denti, 2005), on their textual and visual content (Bhattacharyya, 1997), on the verbal description of space and identity in heritage sites (Samson, 2011), or on the popularization of guides to museums on the Internet (Samson, 2012). By contrast, not much attention has been dedicated to the study of common and proper names related to the description of monuments in guidebooks of Florence in English.

This paper, therefore, as part of a wider research project – *Il Lessico dei Beni Culturali di Firenze* which includes the creation of two comparative databases in seven languages – will analyse how Florentine monuments are described in a corpus of contemporary guidebooks.

The lexicographical model adopted is based on the cultural aspect of the project. That is, the latter has determined the choice to focus on common and proper names which shed light on the cultural and historical connotations of the words used to describe Florence. Furthermore, since the main users targeted by the project are translators, the purpose of the lexicographical items is not only to provide the required linguistic information but also to indicate the most appropriate translation choices by including repeated clusters. That is words which are found repeatedly together in each others' company, in sequences forming phraseology emerging from existing translations of the same topic. Clusters represent a tighter relationship than collocates (Scott, McEnery, 2006).

Phraseology implies the Firthian (1957) concept that words are not to be seen as elements in isolation that can be slotted into syntactic frameworks, but as forming larger units, or as J. M. Sinclair (1996; 2004) terms them as extended units of meaning. Since the meaning of words lies in their use and use cannot exist in isolation, use can only be recognized and analysed contextually and functionally. A key concept linked to extended units of meaning is that language is to be seen as the vector of continuous repetitions in the social process

(Firth, 1957). In other words, people linguistically act systematically; their lexical patterns entail patterns of meaning and every distinct sense of a word is associated with a distinction in form, that is, form and meaning are inseparable (Sinclair, 2004). Textual meaning, thus, can be indicated by collocations (Firth, 1957), that is, the mere word accompaniment, the other word-material in which they are most commonly or most characteristically embedded. Collocations are therefore not fixed elements but the product of the dynamic process of language production, becoming gradually institutionalised through usage in a given language environment. This entails that different situational contexts, specialised languages or specific genres develop collocations which are unique to that environment (Williams, 2001).

Thus, drawing on J. M. Sinclair (1991) and G. Williams (2000), the method adopted in this study is a contextualist one which applies a corpus linguistic approach, specifically a corpus-driven analysis. This allows to achieve *evidence* from the corpus itself by statistical techniques attained through the use of computers and the application of a computer software suite. Moreover, the approach looks at the lexical items from the viewpoint of word association.

This study, therefore, by focusing on the common and proper names forming keywords and their clusters/phraseological networks which are used to describe and define the internal and external space of the main Florentine monuments, and the artworks represented in them, included in the corpus, attempts to provide extensive information to translators. The emerging data is interpreted qualitatively.

References

1. *Bhattacharyya D. P.* Mediating India: An Analysis of a Guidebook // *Annals of Tourism Research*. 1997. Vol. 24. №. 2. P. 371–389.
2. *Beck U.* *The Cosmopolitan Vision*. Cambridge : Polity Press, 2006. 216 p.
3. *Bruner E.* *Culture on Tour. Ethnographies of Travel*. Chicago : The Chicago University Press, 2004. 312 p.
4. *Buzard J.* *The Beaten Track*. Oxford : Clarendon Press, 1993. 95 p.

5. *Denti O.* The Island of Sardinia from Travel Books to Travel Guides // *Tourism and Tourists in Language and Linguistics, Textus* / Ed. by L. Fodde, G. Van Den Abbeele. 2012. Vol. 25. №. 1. P. 37–50.
6. *Fodde L., Denti O.* Cross-cultural Representations in Tourist Discourse: The Image of Sardinia in English Guidebooks // *Cross-Cultural Encounters: Linguistic Perspectives* / Ed. by M. Bondi, S. Maxwell. Roma : Officina, 2005. P. 116–129.
7. *Koshar R.* German Travel Cultures: (Leisure, Consumption and Culture). Oxford : Berg, 2000. 256 p.
8. *Samson C.* Ex-sacred Territories on the Internet. Examples of Space, Identity and Discourse Interconnectedness in Museum Websites // *Rassegna Italiana di Linguistica Applicata*. 2011. Vol. 1–2. P. 245–262.
9. *Samson C.* From Cultural Islands to Popular Sites. Semantic Sequences Typifying Museum Descriptions on the Web // *The Language of Popularisation: Theoretical and Descriptive Models/Die Sprache der Popularisierung: theoretische und deskriptive Modelle* / Ed. by G. Bongo, G. Caliendo. Bern : Peter Lang, 2012.
10. *Scott M., Tribble C.* Textual Patterns: Key Words And Corpus Analysis in Language Education. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2006. 213 p.
11. *Sinclair J. M.* Corpus, Concordance, Collocation. Oxford : Oxford University Press, 1991. 179 p.
12. *Sinclair J. M.* The Search for Units of Meaning // *Textus*. 1996. Vol. 9. №. 1. P. 75–106.
13. *Sinclair J. M.* Trust the Text. Language, Corpus, and Discourse. L. : Routledge, 2004. 224 p.
14. *Therkelsen A., Sørensen A.* Reading the Tourist Guidebook: Tourists' Ways of Reading and Relating to Guidebooks // *The Journal of Tourism Studies*. 2005. Vol. 16. №. 1. P. 48–60.
15. *Williams G.* Mediating between Lexis and Texts: Collocational Networks in Specialised Corpora // *ASP*. 2001. Vol. 31–33. P. 1–12.
16. *Williams G.* Collocational Networks as the Realization of a Specialised Textual Environment // *DGFS*. Marburg : Philipps Universität, 2000. P. 63–76.

Ekaterina Shilova

Ivanovo State University, Russia

LINGVO-CULTURAL CONCEPT OF FLORENCE IN RUSSIAN TEXTS AND DICTIONARIES

The concept *city* can be regarded as a cultural one, occupying its own important place in the conceptual sphere of the language and culture. It implies history, customs and traditions, language and mythology.

People perceive cities not only through the prism of their subjective social-psychological impressions, but very often through images created in literature and art, through concepts described in scientific and publicistic works (Ilyin, 2004).

Componential analysis helps to single out several planes in the meaning of the concept *city*. 1. A certain toponymical object, i.e. a structurally organized urban area having fixed boundaries, with streets and squares, buildings and monuments. Architecture is a distinctive feature of any city defining its position in the human axiological system. 2. Inhabitants of the city, with their own mentality, character and manners. People create the city's culture and mood; at the same time, they are "hostages" of the city, being affected by its history and traditions (e.g. Muscovites are different from residents of St. Petersburg). 3. Cultural peculiarities of the city – its historical background, customs, and way of thinking. This meaning seems the most interesting since it actualizes in literature (e.g. Dostoevsky's Petersburg or Balzac's Paris). 4. Myth, or image of the city as created in the works of art and philosophy, as reflected in people's consciousness (e.g. St. Petersburg is regarded as Northern Palmyra, cultural treasure-house; Rome is the Eternal City, Caput Mundi, or the City on seven hills; Moscow is the Third, or the New Rome; Ivanovo is the City of Brides; Florence is the Cradle of the Renaissance).

Florence has always been of particular interest and significance for Russians. As a geographical, historical, cultural, philosophic, and religious phenomenon it has been in the focus of literary men's

attention for over 500 years. It has resulted in a large number of texts belonging to different genres of the Russian literary heritage (from personal letters and travelogues, to works of prose and poetry).

In the XVth–XVIIIth cc. the dominant genre was peregrinations borrowed from the Old Russian tradition. In the XIXth c. fairy-tales and playful novelettes (K. Batyushkov), lyrical poems (A. Pushkin) and memoirs (F. Buslaev) prevailed. In the late XIXth c. I. Turgenev, A. Chekhov, E. Rostopchina created numerous tales and novels, while the leading genre was epistolary (L. Tolstoy, I. Turgenev, F. Dostoevsky, A. Gercen, A. Grigoriyev). In the early XXth c. lyrics mostly reigned in the works of the Russian Silver Age poets (I. Annensky, A. Akhmatova, K. Balmont, A. Block, N. Gumilev, M. Tsvetaeva, O. Mandelshtam). Such a variety of genres contributed to the formation of the conceptual sphere of a universal Florentine myth in Russian literature (Grebneva, 2009).

The image of Florence created in Russian literary works is multifaceted. In the early XIXth c. Russians had an unflinching liking for Florence which was treated as something sacral. The origins of such attitude to the city and its canonization date back to the XVth c. when Florence first appeared to Russian travellers as a fairy-tale, a miracle, and a lived-out dream. Later on, the attitude changed to almost destructive. Paying a tribute to Florentine beauties, some of the Russian writers felt discomfited there and described their sad experience. The XXth c. witnessed a new sacralization of Florence connected not only with the masterpieces of art, but also with people who created them, people who are an indispensable part of Florentine history (Dante, Leonardo da Vinci, Botticelli, etc.).

The primary motifs of the Florentine myth are those of a stone, a garden, a flower, and colour; secondary ones are those of a circle, a tower, and the past. A *garden* is a fertile piece of land where ornamental shrubs and trees, flowers and fruits are grown. The beauty of the plants, sometimes unusual for Russian people, produces certain associations with the Garden of Eden, the paradise on earth. The motif of a *flower* is mostly connected with the perception of Florence as a flourishing city, both in its direct and metaphoric senses. Italian *fiore* means “flower”, since Firenze, earlier Fiorenza, is *the Flourishing*

City or the City of Flowers. The name of its topographical symbol – La Cattedrale di Santa Maria del Fiore – also accentuates these associations. The garden and the flower symbolize both the beauty of the world and the transience of being. *Stone* is what Florentine buildings are made of, streets are paved with, and decorative articles and bijouterie are crafted of. Stone represents eternity, stability, and permanence. *Colour* is, first of all, classical black and white of the marble of Florentine churches, and at the same time the variety and fancifulness of colours of Italian mosaics, a traditional local decorative art. The combination of all these motifs – so different and sometimes opposing to each other – gives birth to a most contrastive image of Florence derived from numerous literary masterpieces of the Russian people.

If we look into the Russian encyclopedias of various types – be it *The Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary* published in Imperial Russia, *Soviet Encyclopedia* of the 1970s, or a free online user generated *Wikipedia* of the XXIst c., we will most likely find some of these motifs represented in the texts of the entries devoted to Florence.

Florence is described as a world tourism centre, a cradle of the Renaissance, with the most prominent figures of the time being mentioned (Dante, Petrarch, Boccaccio, Donatello, da Vinci, Michelangelo, Machiavelli, etc.). Besides traditional geographical, historical and economic facts about the city, there are obligatory enumerations of its architectural masterpieces, sometimes with explanation of their symbolic meaning. The dictionary entries, originally aimed at providing the most objective information, cannot avoid giving evaluative comments using a very metaphorical language: Florence is a Flower of Italy, New Athens of resurgent Greece, a City of Red Lilies. Often called *la bella* (beautiful) and *la gentile* (gentle, charming), it is referred to as an open-air city-museum, having preserved its historical look with unique artistic ensembles of the Middle Ages and the Renaissance. People of Florence – the geniuses of the remote past and our contemporaries with their special passion for arts – deserve special attention and are very often mentioned in the dictionaries.

Florence in the Works of World Famous People: Encyclopedic Dictionary for Guides and Tourists is a fine example of a dictionary where Florentine myth finds its realization. It is an encyclopedic associative dictionary created on a volunteering basis by the participants of the *Fondazione Romualdo Del Bianco® – Life Beyond Tourism®* International Students' Workshops (project leader – Dr. Prof. Olga Karpova, Ivanovo State University, Russia).

Since 2008, 46 entries devoted to famous Russians whose life was connected with Florence, have been elaborated (A. Blok, A. Akhmatova, F. Dostoevsky, N. Gumilev, L. Tolstoy, etc.). A special section of the entry *Associations* contains reflections of the compilers on what they saw and felt in Florence. Some entry authors associate Florence with eternal spring, with chaos full of life, with a rave of colour and vitality. Others, on the contrary, treat Florence as something mysterious, magic, incomprehensibly magnetic, comparing it with twilight and shadows of the past. Most typically, Florence is described as a source of inspiration which might be easily explained by the fact that Florence gave birth to so many talented people. Wonderful Boboli and Cascine gardens with their lush greenery make Florence the land of milk and honey in the minds of the young dictionary-makers and are alluded to in every other entry. Many mention Florentines as very hospitable, friendly, sincere, respectful of their traditions, and having a certain child-like ingenuousness. Most frequent feelings that Florence evoke are those of delight, comfort and calm, happiness and bliss.

All the above-mentioned facts probably mean that the lexicographic treatment of the concept *Florence* has also been affected by the Florentine myth created throughout the centuries of the Russian-Italian contacts.

References

1. A Dictionary without Boundaries: Florence in the Works of World Famous People. Project of a Dictionary for Guides and Tourists. Four Issues / Ed. by O. Karpova. Ivanovo : Ivanovo State University, 2009. 32 p.; Tomsk : Publishing House of Tomsk Polytechnic University, 2011; Vladimir : Publishing House of

- Vladimir State University, 2012. 125 p.; Chelyabinsk : Publishing House of South-Ural State University, 2013. 125 p.
2. Bolshaja sovjetskaja entsiklopedija (Big Soviet Encyclopedia). URL: <http://bse.sci-lib.com>.
 3. Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/index.html>.
 4. Entsiklopedija turizma Kirilla i Mefodija (Tourism Encyclopedia of Cyril and Methodius). Moscow, 2008.
 5. *Grebneva M. P.* Kontseptosfera florentijskogo mifa v ruskoj slovesnosti (Conceptual Sphere of Florentine Myth in Russian Literature) : PhD Diss. Tomsk, 2009.
 6. *Ilyin V. G.* Gorod kak concept kul'tury (City as a Concept of Culture) : Doctorate Diss. Rostov-on-Don, 2004.

Nataliya Utkina

Ivanovo State University, Russia

THE MODEL OF THE DICTIONARY FOR CULTURAL TOURISTS: PLYOS GUIDEBOOK

The role of international tourism takes on special significance nowadays in the century of globalization and fruitful cooperation among countries. In particular, I mean cultural tourism, the main aim of which is the familiarity with the peculiarities, forming the culture of region and country in general.

The definition of *cultural tourism* offered by ICOMOS (the International Council on Monuments and Sites) is one of the most suitable, as it reflects the essence, so “cultural tourism is essentially that form of tourism that focuses on the culture, and the cultural environments including landscapes of the destination, the values and lifestyles, heritage, visual and performing arts, industries, traditions, and leisure pursuits of the local destination or host community. It can include attendance at cultural events, visits to museums and heritage places and mixing with local people” (ICOMOS International Cultural Tourism Charter ..., http://www.icomos.org/charters/tourism_e.pdf).

A good example of developing cultural tourism in Ivanovo region is the building of so called touristic cluster Plyos with the support of government's programme titled *The Development of Domestic Tourism in Russian Federation*. Well-organized event-tourism may attract tourists into the provinces all year long. Plyos became the place to hold such significant cultural events as a film festival *Mirror* in honour of A. Tarkovsky, the festival of fashion *A Linen Palette*, the festival of classical music in honour of I. Levitan, this year the *Festival of Guitar* is announced. Among gastronomic events the investors plan *Duck and Mushroom* festivals. Sport events are popular: in winter there are the competitions on cross-country skiing, downhill skiing and snowboard slalom. Recently in the suburbs of Plyos there were two International championships: on snowmobiles' racing and motocross (Danilova, <http://rusrep.ru/article/2013/03/14/ples>).

Moreover, nowadays Plyos gained the former status of a prestigious summer residence (or dacha) with a well-developed infrastructure, beautiful houses and clean air. Plyos of the XIXth c. was adored by I. Levitan and F. Shalyapin. So, following a domestic tourism we also observe the increase of an inbound tourism, as many foreigners are attracted by the charm of Russian province.

A reference guide to Plyos in English seems to be a good support for foreign tourists. It can help not just to get geographical bearings, but to learn some unknown cultural facts, the information about ancient buildings and famous people, who got inspiration, having visited Plyos.

In this connection it is worth saying about a successful volunteer project on compiling the dictionary of an associative type for guides and tourists under the title *A Dictionary without Boundaries: Florence in the Works of World Famous People (Writers, Artists, Musicians)*. *Project of Dictionary for Guides and Tourists*, offered by Professor O. Karpova (Karpova, 2012). This unique dictionary is devoted to the elaboration of Florentine value in the creativity of world famous people of art. It is important to underline that the model itself is a universal one and suitable actually for every city or even town (Karpova, Gorbunov, 2009).

Adapting the model of the dictionary to Plyos reference guide, it will be reasonable to make a basic printed version, which will be distributed for free in the hotels of the town. The mobile electronic enlarged version may be compiled in the form of application for smartphones and tablet computers that are popular and frequently used by travelers. The main language is English, but it's possible to enlarge the number of languages.

The megastructure of an electronic version of the dictionary may be presented by the following sections: Architecture, Famous People, Urban Legends, Quest-ways, Hotels, Restaurants, Plyos souvenirs, Events, Advices of Travelers, English-Plyos Phrase-book.

Moreover, there is a possibility to use a map with graphic ticks according to the sections. This function may be interesting and useful for the tourists, who don't like to plan their walk over the town and prefer to learn about the place at the moment.

References

1. *Danilova D.* My razvivaem Plyos kak Kanny (We develop Ples City just as Cannes) // *Russkiy reporter* (Russian Reporter). URL: <http://rusrep.ru/article/2013/03/14/ples>.
2. ICOMOS International Cultural Tourism Charter. Managing Tourism at Places of Heritage Significance (1999). URL: http://www.icomos.org/charters/tourism_e.pdf.
3. *Karpova O.* Encyclopedic Dictionary as a Crossroad between Place Names and Antroponyms: A Project of a New Type // EURALEX Oslo-2012 : Proceedings of the 15th EURALEX International Congress. Oslo, August 7-11, 2012 / Ed. by R. V. Fjeld, J. M. Torjusen. Oslo : The University of Oslo, 2012. P. 967-973. URL: http://www.euralex.org/elx_proceedings/Euralex2012/pp967-973%20Karpova.pdf.
4. *Karpova O., Gorbunov M.* Cultural Values in Learner's Dictionary: in Search of a Model // *E-Lexicography in the 21-st Century: New Challenges, New Applications*. Louvian-la-Neuve, October 22-24, 2009. Centre for English Corpus Linguistics (CECL). Louvain-la-Neuve, 2009. P. 113-114.

Murat Yücelen, Katrin Yiğitbaş
Yeditepe University, Istanbul, Turkey

ITALIAN FOOTPRINTS IN ISTANBUL: THE CASE FOR PRESERVATION AND PROMOTION

Introduction

Italian linguistic, cultural, artistic, political and technical heritage can be witnessed in every corner of the immense city of Istanbul. Reciprocal relations which began almost 1000 years ago on the sole basis of commerce, gradually evolved into a multifaceted coexistence of two populations which initially would have seemed culturally averse to each other. Today we can see a vast accumulation of this cultural heritage reflected in language, architecture and arts. This in turn, is only one of the many reasons to recognise, preserve and promote a unique cultural heritage which flourished in a distinct hybrid form.

Language

Although Italian presence in Asia Minor (*Anatolia*) can be traced back to the IXth c., trade relations between Venetians and the Seljuk Turks began evolving in 1206. What began as a commercial relationship evolved into much more as some crusaders, commercialists, political figures, artists, engineers and travelers relocated especially in coastal towns including Constantinopoli, Smyrne and Cilicie. The contemporary names of these cities are Istanbul, Izmir and Icel which have no specific meaning in Turkish language, and closely resemble their original names. The Latin Europeans who settled in Anatolia have been loosely referred to as Levantines. The term *Levant*, originally means the East in general or “Mediterranean lands east of Italy.” Literally it means “rising”, that is, the point where the sun rises, ultimately from Latin *levare* “lift, raise.”

An interesting anecdote which still survives today is related to the name of the “heart” of Istanbul, Beyoğlu, which means “the son of

the bey/gentleman.” The name of this district famous as a cultural, entertainment and tourist attraction originates from the son of Andrea Gritti, a famous Venetian merchant and ambassador to Istanbul, who later became the President of the Venetian Republic in the XVth and XVIth cc.

Architecture

Every corner of Istanbul’s historical districts are full of buildings designed, built or renovated by Italians, including but not limited to mosques and sultans’ seraglios and summer residences. On July 3rd 1502, Leonardo daVinci wrote a letter to sultan Bayazid II, including the drawings of a proposed bridge over Haliç Straight (*the Golden Horn*) and windmills complete with the drafts of internal mechanisms. Although the projects were never realised, a bridge over Haliç based on daVinci’s original sketches was built by a Norwegian architect in 1995.

Especially beginning in mid XIXth c., Ottoman sultans increasingly became fascinated with the western world. Among the myriad of Italian architects to have influenced Istanbul’s architectural façade, Raimondo T. d’Aronco (fountains, Botter apartments, hospitals, residential houses of utmost beauty throughout the city including the summer residence of Italian consulate), Alessandro Vallauri (first hotel building, Archaeological Museum, military buildings, Ottoman Bank building) and Giulio Mongeri (Chiesa di Sant’Antonio) are especially prominent. Many of these works expose a distinct take on a blend of Seljuk, Ottoman, Baroque, Art Nouveau and Neo Greco styles of architecture.

Today, numerous apartment buildings, hotels, churches, fountains and other buildings bear the names of their Italian architects on plaques located at their entrances.

Arts

Beginning in mid-XVIIIth c., many European painters came to Asia Minor and especially Istanbul with the intent of painting

landscapes and the historic surroundings, including daily life and ordinary people. While in the beginning of artistic relations, artists were summoned by foreign ambassadors acting as patrons, by the mid-XIXth c. the rulers of the Ottoman Empire increasingly began to cultivate a fondness for western arts. Although the first Ottoman ruler to demonstrate a vast interest in western people, culture, arts and so forth was Fatih Sultan Mehmet, the conqueror of Constantinopoli, marking the demise of the Byzantine Empire in 1453, it would take almost 400 years for Ottoman rulers to consider raising the religious ban on painting and associated types of western arts.

Amongst numerous Italian artists, without doubt Fausto Zonaro (born in Padova) who lived in Istanbul for 19 years between 1891 and 1910, was the most popular, creating the largest collection of paintings. There were also numerous sculptors whose works can be witnessed all over the historic parts of the city.

Artistic endeavors were not limited to visual arts. Giuseppe Donizetti (born in Bergamo) arrived in Istanbul on 17 September 1828 and was received by the sultan. He set to work immediately and quickly established the Imperial Band. He composed numerous musical pieces for the Empire, including the emperial military march, while continuing to be praised with his operas throughout Europe. At his death, he had a high level military post and was buried accordingly.

Conclusion

This brief overview of Italian cultural influence on many aspects of Istanbul's history testifies to the fact that there exists an immense cultural heritage which has flourished in an utmost unique manner, deserving special recognition, preservation and promotion. Although there is a limited number of publications and tour operations specific to the Italian heritage in Istanbul, there are many remnants of this heritage which need restoration and promotion for the following generations to enjoy an exceptional fusion of the distinct cultures.

References

1. *Evren B.* İstanbul'daki İtalyan Ayak İzleri/Presenze Italiane a İstanbul. İstanbul : Lea Publishing, 2008.
2. *Karakartal O.* Türk Kültüründe İtalyanlar. İstanbul : Eren Publishing, 2002.
3. *Sönmez Z.* Türk – İtalyan Siyaset ve Sanat İlişkileri. İstanbul : Bağlam Publishing, 2006.
4. Levantine Heritage Website. URL: www.levantineheritage.com.

Natalia Yudina

Vladimir branch of Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

RUSSIAN LEXICOGRAPHY IN DIACHRONIC AND SYNCHRONIC ASPECTS

1. Russian lexicography as well as lexicography of any other written language performs the following socially important functions: linguo-didactical and methodological function (teaching the first and foreign languages), descriptive and codification function (description and standardization of languages), communicative function (interlingual contact function), theoretical-methodological function (scientific research and description of basic language layers), etc.

2. Russian lexicography has gone through a long way of development and evolution having the same tendencies as lexicography of any other written language. Practical lexicography has three similar periods in the development of its forms: 1) pre-lexicographic period the main idea of which was to explain obscure words; 2) early lexicographic period the function of which was to study the standard language compared to the colloquial one; 3) advanced lexicographic period which tends to describe and standardize the word stock of languages and enrich the society language culture (Gak, 1990, 258–259).

3. The XIXth c. in Russian lexicography is marked by appearance of a number of fundamental explanatory dictionaries, historical, etymological, regional dictionaries, as well as dictionaries of synonyms, slang and foreign words, various subject fields, and plenty of bilingual dictionaries of different types (See, e.g.: *Tolkovij slovar' zhivogo velikoruskogo jazika* (The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language) by V.I. Dahl' [Dahl', 1978]).

4. The XXth c. can be characterized as a new theoretical-methodological step in the development of Russian lexicography that was predetermined by appearance of many academic fundamental dictionaries which are of vital importance for Russian- and foreign language users (See, e.g.: *Tolkovij slovar' russkogo jazika* (The Explanatory Dictionary of the Russian Language) edited by D. N. Ushakov (Ushakov, 2000), *Slovar' russkogo jazika* (The Russian Language Dictionary) by S. I. Ozhegov and N. Yu. Shvedova (Ozhegov, Shvedova, 2005), the academic *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazika* (A Dictionary of Contemporary Russian Literary Language) in 17 volumes (the so-called BAD: Big Academic Dictionary, 1948–1965); the four-volume *Slovar' russkogo jazika* (Russian Dictionary) edited by A. P. Evgenjeva (MAD, 1957–1961). There appeared approximately 9,000 dictionaries in the USSR within 1918–1962.

The specific characteristic of the XXth c. is a great amount of theoretical Russian-language research works that are of great importance for practical lexicography: a lexicographical network of the Russian language containing multiple types and subtypes of dictionaries was created. Thus, it is a well-known fact that the first scientific typology of Russian-language dictionaries was offered by L. V. Shcherba in 1940 (Shcherba, 2004). As a result, specialists in Russian philology determine the second third of the XXth c. as the time of the developed Russian-language theoretical lexicography.

5. The lexicography of the XXIst c. has a strongly marked anthropocentric and practice-orientated character and is aimed at the detailed research of user's perspective (See more the works of prof. O. M. Karpova [Karpova, 2010]). In the XXIst c. under the influence of extra- and intralinguistic processes the aims of lexicography as a

linguistic activity describing language units in practice have become more complicated. Specialists in Russian lexicography increasingly tend to point out the necessity of applying some new approaches to the process of Russian-language dictionaries compiling.

6. The Russian-language dictionary of the XXIst c. is:

- a *dictionary of the active type*, i.e. a dictionary which fully meets the communicative demands of the user and serves as efficient instrument which helps a person to comprehend and generate his speech;

- a dictionary meeting the demands of *systemic lexicography*, i.e. a dictionary which includes both intralinguistic factors and peculiarities of linguistic world image reconstruction (See, e.g.: *NOSSRYa: Novyj obyasnitelnyj slovar' sinonimov russkogo jazyka* (New Explanatory Dictionary of the Russian Language Synonyms) edited by J. D. Apresjan [Apresjan, 2003]);

- a dictionary implementing the ideas of *anthropocentric lexicography* (See, e.g.: a linguo-culturological dictionary *RKP: Russkoe kul'turnoe prostranstvo* (Russian Cultural Space), 2004); the dictionary by J. S. Stepanov *Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury* (Constants: Russian Culture Dictionary) (Stepanov, 2001); *RSS: Russkij semanticheskij slovar'* (Russian Semantic Dictionary), edited by N. Yu. Shvedova [1998–2003]);

- a *complex dictionary*, i.e. “a poly-aspect dictionary allowing the user to get so much information that would let him make a faithful viewing of both the units under semantization and the information stock serving their speech environment” (See more the works of prof. V. V. Morkovkin [Morkovkin, 2006]);

- a dictionary meeting *the demands of a modern Russian-language speaker*.

7. Russian lexicography from the diachronic point of view represents a complicated, far-reaching, dynamic system that has entered the Russian language of the XXIst c. in a rather integral intralinguistic form. The XXIst c. contributes strong corrections to the development of Russian lexicography referring to both proper linguistic and extralinguistic aspects of language studies.

8. The actual form of communicative and cognitive activity of a Russian-language speaker of the XXIst c. focuses on adequate and constructive dialogue between the three subjects of the intercultural extralinguistic continuum: *lexicographer–dictionary–user (a Russian-language speaker of the XXIst c.)*.

9. The future of Russian lexicography, as well as lexicography of any other language in demand, is viewed in the integrity of knowledge, complex character of approaches, consistency and synergy of methods to describe the language data which is necessary for an exacting user – an active, dynamic, creative, intellectual and pragmatic Russian-language speaker of the XXIst c. (See more on the development of Modern Russian Lexicography in the works of prof. N. V. Yudina [Yudina, 2010]).

References

1. *Apresjan J. D.* NOSSRYa: Novyj obyasnitelnyj slovar' sinonimov russkogo jazyka (New Explanatory Dictionary of the Russian Language Synonyms). 2nd edn. Moscow : Yazyki russkoy kultury, 2003. 1,487 p.
2. RKP: Russkoe kul'turnoe prostranstvo: lingvokul'turologicheskij slovar' (Russian Cultural Space: Cultural Dictionary). 1st edn. / Ed. by I. S. Brileva, N. P. Vol'skaya, D. B. Gudkov, I. V. Zakharenko, V. V. Krasnykh. Moscow : Gnozis, 2004. 318 p.
3. *Gak V. G.* Leksikografija (Lexicography) // Lingvisticheskij entsiklopedicheskij slovar' (Linguistic Encyclopedic Dictionary) / Ed. by V. N. Yartseva. Moscow : Sovetskaya entsiklopediya, 1990. P. 258–259.
4. *Dahl' V. I.* Slovar' zhivogo velikoruskogo jazika (The Dictionary of the Living Great Russian Language). 4 vols. Moscow : Russkij Jazyk, 1978.
5. *Evgenjeva A. P.* Slovar' russkogo jazika (Russian Dictionary). 4 vols. Moscow : State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1957–1961. 2,984 p.
6. *Karpova O. M.* Anglijskaja leksikografija. Uchebnik (English Lexicography. A Textbook). Moscow : Academia, 2010. 176 p.
7. *Morkovkin V. V.* O sinergeticheskom leksikografirovanii (Synergetic Lexicography) // *Jazykovaja lichnost': tekst, slovar', obraz mira* :

- sbornik statej k semidesjatiletiju členu-korrespondenta RAN J. N. Karaulova. (Language Personality: Text, Vocabulary, Worldview : A Festschrift in Honour of Corresponding Member of Russian Academy of Sciences J. N. Karaulov). Moscow : Publishing House of Peoples' Friendship University of Russia, 2006. P. 351–360.
8. *Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu.* Tolkovij slovar' russkogo jazika (The Explanatory Dictionary of the Russian Language). Moscow : ITI Tekhnologii, 2005. 944 p.
 9. RSS: Russkij semanticheskij slovar': Tolkovij slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij (Russian Semantic Dictionary: Explanatory Dictionary Systematized by Classes of Words and Meanings) / Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow : Azbukovnik, 1998–2003.
 10. *Shcherba L. V.* Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost' (Language System and Speech Activity). Moscow : Editorial URSS, 2004. 432 p.
 11. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazika (BAS: Bol'shoj akademicheskij slovar'). A Dictionary of Contemporary Russian Literary Language (BAD: Big Academic Dictionary). 17 vols. Moscow ; Leningrad : the USSR Academy of Sciences, 1948–1965. 15,000 p.
 12. *Stepanov J. S.* Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury (Constants: Dictionary of Russian Culture). Moscow : Akademicheskij proekt, 2001. 991 p.
 13. Tolkovij slovar' russkogo jazika (The Explanatory Dictionary of the Russian Language). 4 vols. / Ed. by D. N. Ushakov. Moscow : Astrel' : AST, 2000.
 14. *Yudina N. V.* Russkij jazyk v XXI veke: krizis? evoljutsija? progress? (The Russian Language in the XXIst Century: Crisis? Evolution? Progress?). Moscow : Gnozis, 2010. 296 p.

Cultural Aspects of Learner Lexicography

Elena Bekisheva

Samara State Medical University, Russia

CULTURAL AND HISTORICAL ASPECTS OF MEDICAL DICTIONARIES

This is a tradition in education of separating Humanities and the Sciences. LSP and particularly scientific terminology have usually been allocated to the Humanities camp. Scientific subjects are usually considered to be more prestigious and important than Humanities. The majority of scientists suppose that the only functions of a term are to reflect a scientific concept and to transfer scientific information. However there are two more additional functions: transferring historical and cultural information adequate for the period of term creation. From our viewpoint this is a very important theme especially as referred to LSP and medical terminology teaching. The ignorance of the sociological, cultural, historical and even psychological terminological factors in the classroom has been noticed to bring about failures in comprehending of a medical term.

The article touches on the composition of medical terminological dictionaries with regard to their cultural and historical value. Incorporating special etymological, cultural and historical information (in addition to scientific one) on every term in medical dictionaries is suggested to be an important factor of humanization of medical education. The amount of cultural information strongly depends on the type of the dictionary. The differentiation is both in the amount of scientific information and in its character. Naturally the most detailed information is given in encyclopedic and defining dictionaries. However a great number of narrowly-specialized dictionaries, such as dictionaries of metaphorical medical terms, eponyms, authors' terms, mythological medical terms have been

compiled nowadays. They present not only knowledge about medical scientific concepts but sociolinguistic and deep historical information. They also show how the author of the term represents his creative intentions and his vision of the scientific object.

English Medical Dictionary is the creation of no one man, and of no one age; it is a growth that has slowly developed itself adown the ages. The first medical dictionaries were neither dictionaries, nor even English. As to their language, they were principally Latin: as to their substance, they consisted, in large part at least, of glosses. An explanatory word of own vernacular written over a word of the text is a gloss. Nearly all the Greek and Latin words of practical medical treatises, that have come down to us from the Middle Ages, contain examples of such glosses.

The first medical dictionaries give us important from diachronical viewpoint information about the medical knowledge of those ages and origin of medical lexicon. They could be interesting to the researchers who study the history of medical terminology. For example, *The Synonyma Simonis Genuensis* (The Synonyms of Simon of Genoa) printed by A. Zarotus in Milan in 1473 was the first medical dictionary.

The first medical dictionary printed in England in 1657 was *A Physical Dictionary*. Surprisingly, the amount of medical matters given in the dictionary being interesting for historians has been practically ignored in both historical accounts of English Lexicography and History of Medicine. *A Physical Dictionary* should be acknowledged as a contribution to vernacular, defining the “dialects” of medical disciplines.

Many of the medical names used in the first dictionaries are vastly different from the terms used in medicine today. We call these names *archaic medical terms*. They cause many problems for those who are researching history records, e.g. *bad blood – syphilis; brain fever – meningitis; domestic illness – mental breakdown* etc.

Etymology of the medical term is an issue connecting with History of Medicine. A lot of medical terms of Greek and Latin origin can be understood by the students only after analyzing their inner structure and decoding the meaning of term elements with the help of

terminological dictionaries. One of the best terminological dictionaries explaining etymology of medical terms remains *Terminologia Medica Polyglotta in Five Languages* by Dr. G. Arnaudov (1966).

Historical information about outstanding scientists contributed to the development of medicine can be obtained from encyclopedic, defining and special dictionaries of eponyms (e.g. *English-Russian Medical Dictionary of Eponyms* by V. I. Petrov, A. I. Perepelkin, [2005]). A medical eponym is of some educational value, since certain type of medical students will not rest until they have discovered who the specialist named by the eponym was.

Much has been written about metaphors in terminology. The necessity to compile dictionaries of medical metaphors and mythological terms was caused by vague meaning of the associative term allowing specialists to apply the term to a very broad range of supposed scientific objects. Cultural value of metaphorical dictionaries is in their possibility to uncover author's cognitive intentions during the process of term creation.

The necessity of compiling special medical dictionaries containing both scientific and cultural information is very important since they contribute to broaden students' knowledge of Humanities.

References

1. *Arnaudov G.* *Terminologia Medica Polyglotta in Five Languages.* Sofia : Medicina et Physcultura, 1966. 1,112 p.
2. *Carda L.* *Lexical Problems in Medical Nomenclature // Proceedings of the 11th European Symposium on LSP.* Copenhagen : Copenhagen Business School, 1998. P. 275–280.
3. *Petrov V. I., Perepelkin A. I.* *Anglo-russkiy meditsinskiy slovar' eponicheskikh terminov (English-Russian Medical Dictionary of Eponyms).* Moscow : Meditsina Publishers, 2005. 384 p.
4. *Tyrkkö J.* *A Physical Dictionary (1657): The First Medical Dictionary // Selected Proceedings of the 2008 Symposium on New Approach in English Historical Lexis (HEL-LEX 2) / Ed. by R. W. McConchie, A. Honkapohja, J. Tyrkkö.* Somerville, MA : Cascadilla Proceedings Project, 2009. P. 171–187.

Liudmila Devel

Saint-Petersburg State University of Culture and Arts, Russia

CROSS-CULTURAL ISSUES IN BILINGUAL ENGLISH-RUSSIAN LEARNER LEXICOGRAPHY

Cross-cultural aspect is taken into account in structuring any bilingual dictionary. Today with competency approach to learning languages and special attention to translation cross-cultural aspect is vital in bilingual lexicography. The development up to the concept of competency enables learners to think and act properly in various fields of activity. Cross cultural issues are described in the presentation with a special emphasis on the up-to-date mega-, macro-, micro-structuring of bilingual English-Russian learner's dictionaries.

Lexicographers face a tough dilemma: bilingual lexicography is destined to aim at proportional consideration of the users' needs – English speaking and Russian speaking in this case – but in reality that is hardly possible. Much depends whether we have an active (native – foreign language) user-oriented or passive (foreign – native language) user-oriented translation dictionary.

At the level of macro- and micro-structuring different types of commentaries and illustrations with translations can be present turning the dictionary into an encyclopedia of Russian studies/British studies. In bilingual and bilingualized dictionaries we do not have just translations with illustrative examples, picture illustrations and commentaries (Al-Kasimi, 1983; Hartmann, 2007; Ivanisheva, 2006; Naiqianq, 2004; Sheng, 2004). In cases of absence of equivalents we have explanations and descriptions of cross cultural issues – cultural notes.

Today attention is paid to addenda as a way to include cultural notes. So far it has not determined among lexicographers yet in what form and what is to be placed and what is not. The form of cultural notes presentation can vary: there can be tables, schemes, pictures. The contents of cultural notes also vary: so far traditionally an addendum includes lists of geographical names and personal names.

In Oxford and Cambridge University Press English Russian learner's dictionaries of the XXIst c. we can find bigger cultural notes. Russian publishers do not have such dictionaries so far with one exception – *Practical Dictionary of the Business English Language/ English-Russian Dictionary* (Kozlov, Devel, 1990). Extended addenda were introduced there in early 90s of the previous century. That first example of the kind is worth considering in view of the given discussion. Thanks to its structure the dictionary was successfully used at higher schools and different institutions in Russia.

There is no preface there. The first part consists of the English-Russian wordlist with 800 entries of comparatively highly frequent words selected by experienced teachers, translators, foreign traders. The second part is topical:

1. letter writing;
2. teletype exchange;
3. fax writing;
4. telegrams;
5. telephoning;
6. standard itinerary of the foreign delegation;
7. arrival, departure of the conference/ meeting conference participants;
8. negotiations and meetings;
9. joint venture;
10. minutes of the meeting;
11. arranging a meeting with a foreign company;
12. industrial site visit;
13. visit to a foreign company office;
14. project, construction and engineering terminology in foreign company talks
15. contract negotiations;
16. recommended sections of contracts and standard phraseology and wordings for agreements;
17. private commercial talks, business phrases, idioms, winged expressions;
18. primary parts of a license agreement;
19. working terminology of marketing;

20. additional vocabulary list.

The additional vocabulary list includes words and expressions of survival nature, some pictures are also given:

1. English speaking countries cuisine;
2. names of colours and shades of colours of equipment and facilities;
3. shopping;
4. real-estate terminology;
5. cars and roads;
6. health and illnesses;

and others (household articles, cards, chess, screen credits, captions).

Cross-cultural competency of the users of bilingual English-Russian dictionaries can be easier developed when special addenda are available. This presentation invites to further research work, comparisons and discussions of the coverage and formats of the cross-cultural issues notes to improve of the dictionary structuring concept.

References

1. *Al-Kasimi A. M.* Linguistics and Bilingual Dictionaries. Leiden : E. J. Brill, 1983. 135p.
2. *Hartmann R. R. K.* Interlingual Lexicography. Selected Essays on Translation Equivalence, Contrastive Linguistics and the Bilingual Dictionary (Lexicographica. Series maior 133) / Ed. by P. Corbin et al. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 2007. 246 p.
3. *Ivanishcheva O. N.* Leksikografirovanie kul'turi (Lexicography of Culture). Saint-Petersburg : Saint-Petersburg University Press, 2006. 135p.
4. *Kozlov A., Devel L.* Prakticheskiy slovar' delovogo angliyskogo yazika (Practical Dictionary of the Business English Language). Saint-Petersburg : Ervy, 1991. 206 p.
5. *Naiqiang Y.* Bilingualization: Equivalence and Intercultural Communication // Translation and Bilingual Dictionaries / Ed. by Ch. Sin Wai. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 2004. P. 109–117.
6. *Sheng P.* Bilingual Dictionaries and Cross-Cultural Research // Chinese Translators Journal. 2004. Vol. 25. № 2. P. 26–28.

Yuka Ishikawa

Nagoya Institute of Technology, Japan

CULTURAL KEYWORDS IN ENGLISH DICTIONARIES AND CORPORA

I. Introduction

Several works have been devoted to the study of cultural keywords in dictionaries and corpora in order to identify or reveal some of the complex and elusive concepts of cultures (Stubbs, 1996; 2002; Wierzbicka, 1999). In bookstores, we can find a number of dictionaries on Western and, in recent years, Asian cultures and societies. In this paper, we will limit our discussion to gender-specific words such as *wife* or *husband*, and we will first clarify the definitions of such keywords by studying some definitions and examples cited in English dictionaries. Second, we will investigate their usage by using various kinds of corpora, which may reveal the hidden attitudes or moral views that are shared by people of the same culture.

II. Previous Studies

According to M. Stubbs (2002), words acquire meaning depending on their use in society. He argues, “words do not have fixed meanings which are recorded, once and for all, in dictionaries” (Stubbs, 2002, 13). He examined a corpus and found out that “the most frequent noun to co-occur with little is girl, and the most frequent adjective to co-occur with girl is little. ...the phrase little girl(s) is 30 times as frequent as small girl(s), whereas little boy(s) is less than 5 times as frequent as small boy(s)” (Stubbs, 2002, 162).

Y. Ishikawa (2003a, 2005) investigated the behavior of words referring to *woman* and *man* seen in the following four corpora: the *Brown Corpus*, the *LOB Corpus*, the *FROWN Corpus*, and the *FLOB Corpus*. They suggested that the positive adjective modifiers *good*

great and *reasonable* tend to collocate with *man* while the negative adjectives *strange*, *paranoid*, and *lonely* tend to collocate with *woman*.

Y. Ishikawa (2010) examined Japanese corpora and concluded that a Japanese *wife* is required to be more *faithful* and *helpful* than her *husband*, because *husband* tends to collocate more often with *love affairs* and less with *faithful*.

III. Research Design

This study will examine the words that can essentially be paired with ones with the same semantic components except gender. For example, *Oxford Advanced Learner's Dictionary. 8th edn.* (2010) defines a *wife* as “the woman that a man is married to; a married woman,” and a *husband* as “the man that a woman is married to; a married man.” They seem to be symmetrical in the dictionary definition; however, an examination of examples, usage notes, idioms, and collocated words might reveal asymmetrical images for *woman* and *man*. We will examine the dictionary descriptions seen in English dictionaries for learners: *Oxford Advanced Learner's Dictionary. 8th edn.* (2010); *Longman Dictionary of Contemporary English. 5th edn.* (2009); *Cambridge Advanced Learner's Dictionary. 3d edn.* (2008), and several corpora available online in order to identify the different connotations between pair words.

Our research questions are as follows: *Do the dictionary descriptions of a pair word create symmetrical images for woman and man?* (RQ1); *Do the corpora descriptions of a pair word create symmetrical images for woman and man?* (RQ2); *Do dictionaries provide the same gender images provided in the corpora, or do they provide different ones?* (RQ3).

References

1. *Hunston S.* Corpora in Applied Linguistics. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 254 p.
2. *Ishikawa Y.* Eigo communication ni miru seisa hyougen: Corpus wo riyo-shita chosa (A Corpus-based Study on the Frequency of Gender

- Specific Expressions) // Proceedings of the Japan Association of Sociolinguistic Science. 2003a. P. 193–196.
3. *Ishikawa Y.* Sexist Job Titles Seen in Monolingual Dictionaries for Learners // Dictionaries and Language Learning: How can Dictionaries Help Human & Machine Learning? : Papers Submitted to the Third ASIALEX Biennial International Conference. Meikai University, Uryasu, Chiba, Japan, August 27–29, 2003. Tokyo : The Asian Association for Lexicography, 2003b. P. 103–111.
 4. *Ishikawa Y.* Eigo tekusuto ni miru seisa no araware: Corpus bunseki karano kosatsu (A Corpus-based Study on the Collocations of Gender Specific Words) // Tekusuto no Chihei / Ed. by T. Tomoyama, F. Kato., S. Ishikawa. Tokyo : Eiho-sha, 2005. P. 523–536.
 5. *Ishikawa Y.* A Corpus Based Study on Gender-biased Expressions // Proceedings of the 1st International Conference on Linguistic and Intercultural Education CLIE-2008. 2008. P. 415–422.
 6. *Ishikawa Y.* Gender-discriminatory Language and Gender-stereotyped Images in Japanese Junior High School English Textbooks // Proceedinga of the 32nd Thailand TESOL International Conference “Teacher Collaboration: Shaping the Classroom of the Future” (ThaiTESOL). 2012. P. 126–135.
 7. *Krishnamurthy R.* Ethnic, Racial and Tribal: The Language of Racism? // Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis / Ed. by C. R. Caldas-Coulthard, M. Coulthard. L. : Routledge, 1996. P. 129–149.
 8. *Lakoff R.* Language and Woman’s Place: Text and Commentaries. Cambridge : Cambridge University Press, 1975. 328 p.
 9. *Stubbs M.* Text and Corpus Analysis: Computer-assisted Studies of Language and Culture. Oxford : Blackwell, 1996. 288 p.
 10. *Stubbs M.* Words and Phrases: Corpus Studies of Lexical Semantics. Oxford : Blackwell, 2002. 288 p.
 11. *Wierzbicka A.* Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. 364 p.

Galina Lovtsevich

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

DOES CULTURE MATTER? A USER PERSPECTIVE IN LSP DICTIONARY

One of the main features of terminography or specialized lexicography that distinguish it from general lexicography is the focus on an intended user. Two user characteristics are usually taken into account (Bergenholtz, Tarp, 1984; Bowker, 2003). First, it is the intended user's level of expertise in the field. There are different categories of specialists such as experts, semi-experts and laypeople. The intended user's level of expertise influences the amount of encyclopedic information contained in the terminological dictionary. Second, it is the user's native language and user's foreign language competence. It influences both the explication language and the amount of linguistic information to be addressed to the individual lemmata in the dictionary. If terminological dictionaries based on these user characteristics meet the communicative needs of specialists in science and technology they can hardly facilitate professional communication in the field of humanities.

In humanities, in such fields as law, economics, education and politics, subject-matter differs from country to country and is rooted in national history and culture. These fields of knowledge have acquired the name of *culture-dependent areas*. Terminology of humanities like other elements of language, have grown out of specific cultural contexts and a high degree of familiarity with the context is often needed in order to understand the connotations and even the denotations of a particular term (Lovtsevich, 2005). Thus, in the design of an LSP dictionary in the fields of humanities it is necessary to take into account both the sociocultural context of a source subject matter and the sociocultural background of intended dictionary users. All these bring the idea of a new type of a terminological dictionary – a cross-cultural dictionary.

It is possible to develop a typology of terminological dictionaries taking as criteria the intended dictionary user characteristics such as foreign language competency, level of subject expertise and cultural background. *Monolingual, bilingual and multilingual dictionaries* are dictionaries targeting at the native language and the foreign language competency of a user. *Glossaries, handbooks, encyclopedic dictionaries* are dictionaries aiming at the users' level of expertise. *Monocultural and crosscultural* dictionaries are the ones distinguishing the source culture and target user group sociocultural background. A cross-cultural terminological dictionary is a dictionary which explains terms used by specialists of one linguaculture to specialists from a different linguaculture. It is a dictionary for intercultural communication which interprets terms foreign to the user of the dictionary taking into account the differences between the sociocultural context of the source culture and that of the target culture. The main function of a cross-cultural terminological dictionary is to foster the intercultural professional communication of specialists from different countries. The main feature of the dictionary is the awareness of differences in national terminological systems which serve different socio-cultural needs and the consequent socio-cultural loadedness of humanities terms.

The lexicographical description of terms in a cross-cultural dictionary should be guided by the following linguistic, intercultural and lexicographical principles:

1. *Linguistic principles.* A term should be treated as part of a language lexicon that refers to a specific subject field. The term depends on a concept in that subject field which in its turn is a part of a system of concepts depicting the subject field. In culture-dependent subject fields terms are socio-culturally loaded. Thus a cross-cultural terminological dictionary entry for a term describes the concept denoted by the term in relation to other concepts of a given knowledge area in the sociocultural context in which they function and serve. Moreover, the term is in a language foreign to the user of the dictionary. The description of such a term is a reflection of the conceptual system of a native speaker who belongs to a different socio-cultural context from that of the user of the dictionary. This leads to

one of the main principles of a cross-cultural dictionary, that it should be based on awareness of the differences of source and target terminology.

2. *Intercultural communication principles.* The theory of intercultural communication focuses on contexts in which interlocutors come from different cultural contexts and sees culture, like language, as one of the main barriers to communication. This perspective is equally applicable to intercultural profession communication in culture-dependant subject fields. This leads to the principle that the dictionary should be based on awareness of the fact that the dictionary user's culture is different from that of the native speaking specialist. This principle affects dictionary construction in several ways. A cross-cultural dictionary is always uni-directional; it should be prepared for the use of user-specialist who belongs to only one linguaculture. The users' culture determines the way the term is presented in the dictionary. The intercultural perspective of a dictionary is a key feature of both left part of the entry (the headword) and the right part (the entry itself).

3. *Lexicographic principles.* Here we draw on the theory of lexicographical parameters suggested by Karaulov (Karaulov, 1981). A great deal of linguistic information can be represented in a dictionary. The number of possible parameters is huge. The actual number for a given dictionary is delimited by the goals of the dictionary, its users, and the extent to which the term being described has been analyzed. It is the parameters used in describing a word which identify the type of dictionary.

If a dictionary's linguistic principles affect the depth of the description it contains, then its intercultural principles affect the strategies used in describing terms and its lexicographic principles affect the techniques and ways of representing information used.

References

1. *Bergenholz H., Tarp S.* Manual of Specialised Lexicography: the Preparation of Specialised Dictionaries. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 1995. 256 p.

2. *Lovtsevich G.* Language Teachers through the Looking Glass: Expanding Teachers' Professional Discourse // *World Englishes*. 2005. Vol. 24. № 4. P. 461–470.
3. *Karaulov J. N.* Lingvisticheskoe konstruirovaniie i tezaurus literaturnogo jazyka (Linguistic Structuring and Thesaurus of Standard Language). Moscow : Nauka, 1981. 366 p.

Julia Miller

University of Adelaide, Australia

Deny Kwary

Airlangga University, Indonesia

**SEE YA AT THE ZOMBIE WALK!
TERMS LEARNERS NEED
IN AN AUSTRALIAN CULTURAL DICTIONARY**

International students with English as an additional language (EAL) arriving for tertiary study in Australia currently have a choice of six advanced learner's dictionaries, all produced for the British or North American market: *Cambridge Advanced Learner's Dictionary*, *Collins COBUILD*, *Longman Dictionary of Contemporary English*, *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners*, *Oxford Advanced Learner's Dictionary* and *Merriam-Webster Learner's Dictionary*. There are also Australian dictionaries, such as the *Macquarie Dictionary* and the *Australian National Dictionary*, but these are not designed for learners. While the learners dictionaries include some Australian terms, there are still many gaps, especially for cultural events and phrasemes (multi-word units, both figurative and non-figurative, including idioms, proverbs and similes).

Due to the frequent lack of Australian material in these dictionaries, it is not surprising that EAL students do not consult them frequently for cultural information. In the following study, 337 international EAL university students newly arrived in Australia completed a questionnaire in which they were asked to give information about three Australian words, expressions or events which

they found hard to understand. First they were asked to list the term, then they were requested to tick a box to say where they had found the meaning: from a friend; from a book about Australian culture; from the Internet (not an online dictionary); from a dictionary (paper or online); or from another source (which they were asked to specify). They were then asked which dictionary they had used (if any) and how helpful that dictionary was. They were also asked to say why they had not used a dictionary, if that was the case.

The results showed that when they wanted to understand new terms nearly half (43%) consulted their friends and/or the Internet and 15% consulted books on Australian culture. Roughly a third (36%) looked in a dictionary. Those who had not used a dictionary frequently said that this was because they did not understand the dictionary definition, or they thought the terms were too informal, or too closely related to Australian culture, to appear in a regular dictionary.

Many words and terms were highlighted as problematic, with some of them, such as *see ya* (meaning “See you later” or “Goodbye”) and *zombie walk* (a cultural event) not listed in the advanced learner’s dictionaries or the national *Macquarie Dictionary*. Entries for these terms in online resources such as *Urban Dictionary* are often unreliable, incomplete or misleading. *Wikipedia* does have a good entry for *zombie walk*, but no entry for *see ya*. Naturally, neither of these sources pretends to be a learner’s dictionary, and so common dictionary features of grammar, labelling and phonetic transcriptions are missing from their entries.

These features were requested by respondents in the survey, who said that in addition to the meaning of a term, they would like information on pronunciation, part of speech, register and usage, with example sentences, pictures and audio clips.

Answers to the first questionnaire were then used to inform a second questionnaire in which the same respondents were asked to rate what they would consider “very helpful” in a dictionary. Definitions were the most highly rated (85%), followed by spoken pronunciation (78%), written pronunciation (75%), example sentences (74%) and parts of speech (73%). Respondents also requested information on noun countability (60%) and register (56%). Pictures (45%), videos (40%) and word history (23%) appealed to some participants.

Although online learner's dictionaries do provide much of this information, they do not always include Australian terms, or references to events popular in Australia. These terms may be included on popular websites, but the information may not be accurate and, since the websites are generally not compiled by lexicographers, they are usually lacking in the information requested by participants in this survey. An online Australian cultural dictionary could therefore help to remedy this shortfall by providing user-friendly (Zgusta, 1971), lexicographically designed, reliable entries for words, phrasemes and other cultural references.

References

1. Cambridge University Press. Cambridge Dictionaries Online. 2013. URL: <http://dictionary.cambridge.org/> (accessed 7 April 2012).
2. HarperCollins. MyCobuild. 2012. URL: <http://www.mycobuild.com> (accessed 23 May 2012).
3. Macmillan Publishers Limited. Macmillan Dictionary. 2009–2013. URL: <http://www.macmillandictionary.com/> (accessed 2 May 2013).
4. Macmillan Publishers Australia. Macquarie Dictionary Online. 2013. URL: <http://www.macquariedictionary.com.au> (accessed 26 February 2013).
5. Merriam-Webster Incorporated. Merriam-Webster Learner's Dictionary. 2013. URL: <http://www.learnersdictionary.com/> (Accessed 29 April 2013).
6. Oxford University Press. Oxford English Dictionary. URL: <http://www.oed.com/> (accessed 25 May 2012).
7. Oxford University Press. Australian National Dictionary. 2008. URL: <http://203.166.81.53/and/#> (accessed 3 May 2011).
8. Pearson Education Ltd. Longman Dictionary of Contemporary English. 2013. URL: <http://www.ldoceonline.com/> (accessed 2 May 2013).
9. Urban Dictionary. 1999–2013. URL: <http://www.urbandictionary.com/> (accessed 2 May 2013).
10. Wikipedia. 2013. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Zombie_walk (accessed 2 May 2013).
11. Zgusta L. Manual of Lexicography. The Hague : Mouton, 1971. 360 p.

Elena Nikulina

Moscow Pedagogical State University, Russia

CONTEMPORARY DICTIONARIES OF IDIOMS AND THE CULTURAL COMPONENT

1. Introduction

Nowadays there are a lot of well-structured and well-organized dictionaries of idioms. Among them are such dictionaries of idioms as *The Penguin Dictionary of Idioms* (2002), *Oxford Dictionary of English Idioms* (2002) and others. These dictionaries are aimed at a description of idioms, their origin and use and they tend to provide the potential readers with some examples of how to use these idioms in speech. While working with such dictionaries my attention was attracted by the fact that some fixed set-expressions with a component – a name of a town or a place are provided with etymology and a sufficient history of the development of its meaning:

to send to Coventry – to punish someone for disloyalty to his companions or workmates by refusing to speak to him. ‘Sending to Coventry’ is a common practice in schools and trade unions. The idiom has its origin in the Civil War between King Charles I and Parliament (1642–6). In his *History of the Great Rebellion*, Volume 2, VI, 83 Clarendon says that Royalist prisoners captured at Birmingham were sent to Coventry, a Parliamentary stronghold, where some of them were beheaded; whence the association of ‘sending to Coventry’ with the punishment of disloyalty, which later took the form of not speaking to the offender (*The Penguin Dictionary*, 2002, 209).

Some idioms are presented in a much shorter way without any additional information about a city though with some examples of its use, or a descriptive method alongside with some cultural note and stylistic reference, is used:

See Naples and die – Naples is the most beautiful city in the world and, when you have seen Naples, you may die happy. There is a small town near Naples called Mori, the Italian for ‘die’, where thousands once died of typhoid and cholera, so this is a joke phrase (Dictionary, 2002, 210).

In some dictionaries the idiom is accompanied by a reference, though not always recognizable:

Sodom and Gomorrah – synonym for a center of vice (Genesis XVII, 19) (Dictionary, 2002, 211).

So a very important problem arises: how to organize an entry in such a way as to give some additional, relevant and important information about not only an idiom itself, but a name it contains. Thus, an idea of a survey appeared: to work out principles of a vocabulary entry of an idiom with a component – name of a place in addition with some cultural data.

2. Survey and Principles

To analyze the entries of the idioms with a name of a town, or city, or some toponymic component in the modern dictionaries of idioms several approaches were taken into consideration: first, a method of definitional analysis was used. Introduced by A. V. Koonin, a Soviet and Russian Professor who worked out his theory of phraseological units based on the structural-semantic principle (1996), this principle is the basic one for the researches of idioms (in the Russian school of thought – phraseological units).

Second, I try to find some valuable information about a place which is a very important component of an idiom. Why is it advantageous to provide an entry with some additional information about a town, or a place? It is because, by all means, English is a lingua franca and English idioms can tell us a lot about a place they describe and provide the reader with some food for thought.

And last, but not least, I turned to some sources to illustrate the meaning and functioning of the idioms under analysis in the language. All in all, 20 odd idioms with the component mentioned were analysed. As far as the sources of their use are concerned, I turned to

BBC news (<http://www.bbc.co.uk/news/>) for some relevant and vivid examples.

3. Examples of Entries with the Cultural Component

So taken everything mentioned above into consideration some examples of entries of the idioms with a name – a city or a place are presented below. Every entry contains the idiom, its etymology and some cultural reference to the place the component names. All the entries presented are followed by examples from the BBC site:

like painting the Forth bridge – if repairing or improving something is like painting the Forth Bridge, it takes such a long time that by the time you have finished doing it, you have to start again. Cultural note: the Forth Bridge is a very large bridge in Edinburgh:

Beach Buddies will meet in the south of the island on 10 March to clear rubbish from Gansay beach, an area last tackled by the group in September. Over the past few months almost 1,000 people have signed up to help with clean-ups around the island. Organiser Bill Dale said: “This job is like painting the Forth Bridge.” 10 March 2013 <http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-isle-of-man-21702669>

when in Rome do as the Romans do – you should behave in the place you are as the people who live there, so that to adjust to living in that place, in that country. Cultural note: Rome is the capital of Italy and actually the phrase was borrowed into English from Latin, it underwent lots of transfigurations. Now sometimes is used as shortened “When in Rome...”:

When in Rome, do as the Romans do, the saying goes. But in Rome, the Romans are the majority – here in the UAE, Emiratis make up less than 20% of the population’s estimated 8 million people. 5 July 2012 <http://www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-18720920>

4. Conclusion

A dictionary of idioms with a cultural component will provide learners and readers not only with the information about the meaning of the idioms, but about places which names are components of these idioms to give more profound knowledge of the English language and realias.

References

1. *Koonin A. V.* Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazika (A Course of English Phraseology). Moscow : Visshaya shkola, 1996. 381 p.
2. Oxford Dictionary of English Idioms / Ed. by A. P. Cowie, R. Mackin, I. R. McCaig. Vol. 2. Oxford : Oxford University Press, 2002.
3. The Penguin Dictionary of English Idioms / Ed. by D. M. Gulland, D. Hinds-Howell. L. ; N. Y. ; Toronto : Penguin Books, 2002. 400 p.

Alsu Nurullova

Kazan (Volga Region) Federal University, Russia

THE WAYS OF INTRODUCTION OF ONOMATOPOEIC UNITS IN THE DICTIONARIES OF THE ENGLISH LANGUAGE

Onomatopoeia is an unproductive way of word-building. Onomatopoeia deals with the reproduction of natural sounds, reflex human exclamations and sounds produced as a result of object interaction. Onomatopoeia stands for the bow-wow theory, owing to which all the modern languages came into existence due to onomatopoeic units. We are going to deduce in what ways these lexical units are presented in the dictionaries of the English language.

Onomatopoeia is a minor way of word-building. Onomatopoeic units play a great role in the rhythm creation. According to a number of scholars the principal function of onomatopoeia is an expressive one. Onomatopoeic words represent both the sounds which reside in the object and reveal the speaker's feelings and emotions (Chironov, 2004, 35).

The national and cultural peculiarity of onomatopoeic units can be clearly recognized if compared to similar stock of words in different languages. As a result such words bear similarities in diverse languages. National peculiarity can fully be traced in the usage of proverbs and set phrases. This layer of word stock resides in all

languages, owing to which the cultural singularity can be encountered. It is also necessary to mention that people of different nationalities perceive the produced sounds differently. For instance Latin people characterized the whistle by the word *sibalare*, blending together the phonemes *s* and *b*. Meanwhile German people express the whistling sound by labial consonants *pf* in the word *pfeifen*. Both in the Russian and Tatar languages the whistle is rendered by the words *свистеть* (*svistet'*) and *сызгырырга* (*syzgyryrga*) correspondingly with the help of phoneme *s* (Serebrennikov, 1988, 94). So the appearance of new onomatopoeic units in the language is connected with differences in the perception of one and the same sound by people of various nationalities.

In the language not only onomatopoeic root forms can be found, but also the derivatives, mostly nouns and verbs. As it was mentioned above onomatopoeic units characterize the object, therefore the onomatopoeic unit *crack* can be generated in words *to crackle, crackle, crackler*.

According to scholars I. Gorelov and K. Sedov each modern language comprises about 2,000 and 3,000 onomatopoeic units. The bow-wow theory rests on this stock of words (Gorelov, 1997, 143). The main point of this theory holds an idea that the primary words came into existence owing to imitation of natural sounds by the primitive. Therefore onomatopoeia is a source of human speech. This theory makes sense as the results of research show that in non-literate languages there was a great number of lexical units based on onomatopoeia (Voronin, 1982, 67).

Onomatopoeic words presented in dictionaries are described in different ways. We have analyzed several words of the English language. Let's pay attention to onomatopoeic unit *bump*.

All studied entries on the onomatopoeic word *bump* are presented with a number of definitions. All the dictionaries, comprising *Onelook* and *Merriam-Webster* dictionaries state that this word serves as a noun and a verb, except the *Oxford Dictionary*, which defines that *bump* can also be used as an adverb and gerundive:

Noun: A blow somewhat heavy, but rather dull in sound; a sudden collision, more or less violent.

Verb: To strike heavily or firmly; to strike solidly, to come with a bump or violent jolt against; to move with a bump or a succession of bumps.

Adverb: The verb stem used adverbially = With a bump, with sudden collision.

Gerundive: The action of the verb [to] bump. [...] Sudden (usually repeated) collision or knocking. [...] Striking heavily, thrashing. [...].

The word maintains several meanings, but only in *OED* the entry opens with the definition of “a light blow or a jolting collision”, while the rest of dictionaries present this lexical unit with the following definition: “a protuberance on a level surface”. The *OED* also presents the imitative origin of this word:

bump > noun 1. A light blow or a jolting collision: a nasty bump on the head; verb (no obj. with adverbial of direction) move or travel with much jolting and jarring: the car had to bump the pushchair down the steps. (...). ORIGIN mid. 16th cent. (as a verb). Imitative, perhaps of Scandinavian origin (*OED*).

All the entries are supplied with the examples as follows:

She bumped the girl with her hip (OED).

She got a nasty bump on the back of her head (Merriam-Webster).

She bumped into his tray, knocking the food onto his lap (Cambridge Dictionary).

It should be noted that the entry in *OED* is also supplemented with the phrases, based on the root form of the word *bump*:

be bumping along the bottom; with a bump; a bump in the road.

Due to the analysis of the ways of representation of the onomatopoeic units in the dictionaries of the English language we can conclude that the most extensive and developed entry can be encountered in *OED*, as it either reveals the definitions of the word and supplies them with comprehensible examples or presents the origin, phrases and phrasal verbs.

References

1. *Chironov S. V.* Onomatopoeicheskie slova v sovremennom yaponskom yazike: problemi funktsionirovaniya (Onomatopoeic Words in Japanese: Problems of Functioning) : PhD Diss. Moscow, 2004.
2. *Gorelov I. P.* Osnovi psikholingvistiki : uchebnoe posobie (Basics of Psycholinguistics : a Textbook). Moscow : Labirint, 1997. 256 p.
3. Merriam-Webster Dictionary.
URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary>.
4. Oxford English Dictionary. URL: <http://oxforddictionaries.com/>.
5. Onelook Dictionary. URL: <http://www.onelook.com/>.
6. *Serebrennikov B. A.* Rol' chelovecheskogo faktora v yazike (The Role of Human Factor in Language) // Rol' chelovecheskogo faktora v yazike: yazik i kartina mira (The Role of Human Factor in Language: Language and Worldview) / Ed. by B. A. Serebrennikov, E. S. Kubryakova, V. K. Postovalova, V. N. Teliya, A. A. Ufimtseva. Moscow : Nauka, 1988. P. 70–98.
7. *Voronin S. V.* Osnovi fonosemantiki (Basics of Phonosemantics). Leningrad : Publishing House of Leningrad State University, 1982. 244 p.

Tamara Petrashova

National Research Tomsk Polytechnic University, Russia

CULTURAL DIVERSITY REFLECTED IN LSP DICTIONARIES

The wealth of cultural diversity on the globe is probably one of its major assets. Needless to say that the complex relationship exists between language and cultural diversity, and it should be recognized that language and culture are inseparable since language is the most overt expression of culture. This fact facilitates the necessity for studying cultural aspects of language.

Due to on-going globalization, various topics are increasingly discussed at the international level by professionals with different linguistic and cultural background. An issue of culturally diverse

interaction and collaboration in a particular professional setting highlights the need in shared understandings of relevant terms. Thus, developing methods for extracting the cultural content of specialized dictionaries is going to be a challenge for investigators since little attempts have been made to mark these depositories.

From this point of view, reviewing of a dictionary has been undertaken. The dictionary under study is *The Social Work Dictionary* (5th ed., 2003) by R. L. Barker. The aim of such an analysis is to find out the ways the language of social work practice has been influenced by cultural diversity, and terms in question have been defined in the dictionary so that the findings might contribute to lexicographical theory from the perspective of cultural expression.

The *Social Work Dictionary* is defined as monolingual English dictionary of a large size, occupying 493 pages. It represents both linguistic and encyclopedic information on the terminology of a narrowly defined special field.

Target users of the *Dictionary* are students who can consult it during their orientation to the profession and then rely on it throughout their studies to obtain concise and accurate answers to specific practice questions. The dictionary is essential to researchers, numerous social work practitioners and other human services professionals as well who seek information within and outside their own specialties.

High reliability of dictionary sources is also worth mentioning. The dictionary compiler has a great experience in dealing with this specific field. Moreover, to compose a list of entries the author has used indexes of the major social work journals and text books of the past three decades as well as journals, manuals, and textbooks of disciplines related to social work, especially psychiatry, law, sociology, economics, anthropology, and psychology. In addition, experts' critique has also the most positive effect on the quality of the dictionary content. The *Preface* says that "typically, three different experts reviewed each definition" (Barker, 2003, xii).

The dictionary review utilizes a profound approach to dictionary analysis both quantitative and qualitative suggested by *Russian Lexicographic School* headed by O. M. Karpova (2004). The

dictionary lemma list is evaluated as follows. For a detailed assessment of the content of a dictionary, all entries on every tenth page are yielded.

The analysis of entries has shown that terminology units described in *The Social Work Dictionary* and obviously undergone cultural influence should be borrowings, metaphorical terms and names (proper names, names of institutions, acts etc.).

Borrowings refer to one of the most easily observable results of intercultural contact and communication that occur across language boundaries. According to U. Weinreich, the field of cultures and languages in contact has grown a great deal over the past fifty years. (Weinreich, 1953).

The Social Work Dictionary has documented the later state of borrowings into the sublanguage of social work domain from other languages. Thus, the system of terms peculiar to this specialized subject includes borrowings from Korean, Chinese, Spanish and other languages.

In order to introduce the concept of what constitute such borrowings, a dictionary entry has the following structure providing appropriate information, e. g.:

barriadas In Spanish-speaking cultures, poor neighborhoods located near urban center. Many residents are newer immigrants from rural areas who seek better opportunities. Many earn incomes through street-corner selling (*ambulantes*), employment as household servants, and recycling of discarded goods. Few government services are available in *barriadas*, forcing residents to develop informal programs for *mutual help*. In Brazil, these neighborhoods are called *favelas* (Barker, 2003, 39).

ambulantes People in Spanish-speaking cultures who make their living selling goods and providing minor services on street corners (Barker, 2003, 17).

favelas shantytowns in some Latin American nations. See also *barriadas*. (Barker, 2003, 158).

In the broadest term this language evolution can be categorized as exoglossic (Kobenko, Snisar, 2011).

Another example of internal reflection of the people's culture and national characteristics influence on the formation of terminology systems is metaphorization.

It is significant that one of the distinguished features of Social work is that this field, like economy or politics, has a close relationship with human beings and human society. As for the metaphor is concerned, it is permeable to everyday life as well as to all professional spheres. Metaphors allow us to understand one domain of experience in terms of another.

Here are some examples of dictionary articles describing some concepts through other experience domains.

adverse impact In personal management, the discriminatory effect of the organization's selection procedures on one's opportunity for employment or promotion. See also *disparate impact* and *four-fifths rule* (Barker, 2003, 11).

brainwash The use of propaganda, persuasion, and sometimes coercion to influence people to accept new and different beliefs unquestioningly (Barker, 2003, 51).

Nowadays cultural heritage and cultural expression is becoming of great significance for the development of intercultural dialogue and communication. Communication within a specific field cannot be an exception. From this point of view, LSP Dictionaries should be analyzed, on the one hand, as a knowledge source of some isolated terms essential for real and deeper understanding of a text that represents specialized communication. On the other hand, LSP Dictionaries should be considered as an information carrier of an LSP field as well as the world. Thus, the way cultural diversity is reflected in LSP dictionaries demonstrates both national uniqueness and subject field peculiarities. Being involved into the global intercultural dialogue, individual cultural narratives acquire a chance to force their identity.

References

1. *Hoffer B. L.* Language Borrowing and the Indices of Adaptability and Receptivity // *Intercultural Communication Studies XIV–2*. 2005. P. 53–72.
URL: <http://www.uri.edu/iaics/content/2005v14n2/05%20Bates%20L.%20Hoffer.pdf> (accessed May, 2013).
2. *Karpova O. M.* Leksikograficheskie portrety slovarej sovremennogo anglijskogo jazyka (Lexicographic Portraits of Modern English Dictionaries). Ivanovo : Ivanovo State University, 2004. 192 p.
3. *Kimmel M.* Metaphor Variation in Cultural Context: Perspectives from Anthropology // *European Journal of English Studies*. 2004. Vol. 8. № 3. P. 275–293.
URL: http://www.academia.edu/1607032/Metaphor_Variation_in_Cultural_Context_Perspectives_from_Anthropology (accessed November, 2012).
4. *Kobenko Y. V., Snisar A. Y.* Linguistic Framework and Apparatus of Exoglossic Theory // *TSPU Bulletin*. 2011. № 9 (111). P. 24–27.
5. *Lakoff G., Johnson M.* *Metaphors We Live By*. Chicago : University of Chicago Press, 2003. 256 p.
URL: <http://www.textosenlinea.com.ar/libros/Lakoff%20y%20Johnson%20-%20Metaphors%20We%20Live%20By%20-%201980.pdf> (accessed November, 2012).
6. *Ning Yu.* *The Contemporary Theory of Metaphor: a Perspective from Chinese*. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 1998. 278 p.
7. *Petrashova T.* Terminology of Social Work in National Nonhomogeneous English Language // *Language and Culture*. 2011. № 3 (15). P. 65–78.
8. *Weinreich U.* *Languages in Contact: Findings and Problems*. The Hague : Mouton & Co., 1953. 148 p.

Tamara Rozhkova

Samara State Medical University, Russia

ETYMOLOGY REPRESENTATION IN TERMINOLOGICAL DICTIONARIES

In different times and at different places, etymology has meant slightly or entirely different to the few or many people, who under varying sets of circumstances, have used that word, applying it to their own spheres of interests. Basically etymology always meant something approximating to the paraphrase “original meaning, or use, of a given lexical unit or proper name”, but the cultural implication of this statement can be entirely different.

The appeal to etymology in magic context may well have started with proper names. With the gradual move of linguistic curiosity the word etymology began to be used in the sense of “previous meaning” or “earlier actual attested meaning”, or else “earlier reconstructable meaning”, thus etymology changed its direction, aiming at the new status of a strictly identificational discipline. Words and names were divested of their mystic or magic essence (Malkiel, 1993, 2).

We refer to the investigation of the role of etymology in medical dictionaries composition because it has not been studied much by now.

Being made up of many elements, the present vocabulary of medicine is extremely composite, and the accession to the language from various foreign sources has taken place at very various dates. In order to understand this it's very important to consider the leading facts of the history of medicine, since the growth of the language for special purpose is dependent on the development and growth of nations and science.

The beginning of LSP in medicine is prehistoric. Special language in its earliest form emerges into history as the native speech of certain tribes. For instance, Babylonian cuneiform writing, the Veda texts, Egyptian papyruses and China manuscripts give the earliest descriptions of diseases and methods of treatment.

The different languages that are spoken in different parts of the habitable globe and the connection between ancient and modern knowledge are interwoven in medical terms. For example the term *duodenum* was derived from Medieval Latin *duodenum digitorium* meaning *space of twelve digits*. The term was coined by Gerard of Cremona (in the XIIIth c.), who translated *Canon Avicennae*, a loan-translation of Greek *dodekadaktylon*, literally *twelve fingers long*. The part of intestine was so called by Greek physician Herophilus for its length, about equal to the breadth of twelve fingers

Thus medical vocabulary forms one of the oldest professional terminologies. The development of medicine, its history, the shift of scientific paradigms, integration and differentiation of medical fields, cultural bonds, the influence of lexical and semantic language system are sure to be represented in the heterogeneity of medical terminology.

Naturally there is no need sometimes to dive deeply into the origin of the medical term and describe all stages of the word development within a dictionary entry, the translation of the term elements may be enough (for it also represents the etymology of the term).

Representation of medical terms origin in dictionaries is necessary owing to a number of causes:

1. Formerly, every man who made any claim to being well educated was expected to have special knowledge and to be acquainted with at least one of the learned language. Nowadays a medical man should have not only specialized knowledge and be proficient in Latin (know the principal roots and the structure and language composition). Studying the Latin language, he acquired himself most unconsciously the practical knowledge of etymology which could not fail to be of the greatest assistance in enabling him both to understand his own language more thoroughly, and to use it with greater propriety and elegance, to perfect his knowledge of the native language.

2. Being introduced into the dictionary entry, etymology of the terms helps to remove the ambiguity in term definition. E.g. in English the term *angina* denominating a *kind of heart diseases* is derived from Latin *angina pectoris*, while in Russian the term *ангина* is derived from *angina tonsillitis* and denominates *sore throat*.

3. The provenance of the word also supplies additional characteristics to the concept verbalized by the term. The specialness of fictitious character's name underlying the metaphorical term is in the fact that it embodies narration, description moral and ethic peculiarities of the character. E.g. the term *Cain's complex* is derived from the name of the Bible character, who killed his brother because of jealousy. The term *Cain's complex* means *a complex characterized by rivalry, competition, and extreme envy or jealousy of a brother, leading to hatred.*

4. Oftentimes the representation of some characteristic feature of the given phenomenon stands at the heart of terms naming. It's particularly perceptible in terms which names reflect the signs of colour. E.g. the term *cretin* is derived from the Latin word *chalk*. This reflects the fact that the skin colour of a patient suffering from this disorder is chalky. The sign of the colour is represented in the term *kwarshiorkor (an acute form of childhood protein-energy malnutrition characterized by edema, irritability, ulcerating dermatoses, and an enlarged liver with fatty infiltrates).* In the Ga language this word means *red boy.*

Whatsoever the reason being mentioned in favour of etymology representation in the dictionary, it contributes to the personal enrichment and professional growth of a human being. Thus cultural, gnostical and applied meaning of etymology shouldn't be undervalued.

References

1. *Lieberman A.* Word Origins: And How We Know Them. Oxford : Oxford University Press, 2009. 326 p.
2. *Malkiel Y.* Etymology. Cambridge : Cambridge University Press, 1993. 227 p.
3. Merriam-Webster's Medical Dictionary. Merriam-Webster Incorporated, 2006. 837 p.
4. Stedman's Medical Dictionary / Ed. by A. G. Chuchalina. Moscow : Medical Publishing House "Geotar", 1995. 717 p.
5. *Trubachev O. N.* Trudi po etimologii. Slovo. Istorija. Kul'tura (Essays on Etymology. Word. History. Culture). 2 vols. Moscow : Yaziki slavyanskoy kul'turi, 2004. 664 p.

Marilei Amadeu Sabino

UNESP (Universidade Estadual Paulista – São José do Rio Preto – São Paulo), Brazil

**IDENTIFYING *FALSE COGNATES*, *FALSE FRIENDS*
AND *DECEPTIVE COGNATES*:
AN AID TO BUILD SPECIAL DICTIONARIES
OF FALSE FRIENDS**

The aim of this study is firstly to present a discussion concerning the terms *false cognates*, *false friends* and *deceptive cognates*, usually considered synonyms, and then to establish differences to eliminate theoretical confusion about them. Secondly, having concluded that the terms *false cognates* and *deceptive cognates* refer to two different linguistic phenomena, it will be proposed distinct definitions for both and illustrated with practical examples, based on Set Theory.

This research was begun when we realized that in the literature on false cognates there was not a theoretical conceptualization of the term free from contradiction and the understanding of what false friends were actually seemed to be quite confusing. We also noted that there was not an adequate definition of unanimous acceptance on this issue. If on the one hand there were some authors who relied on the etymology to identify a *false cognate* (Nascentes, 1981; Rónai, 1983), on the other hand, there were those who disregarded the importance of its origin and considered false cognates words with or without common etymology (Xatara & Oliveira, 1995). This theoretical confusion obviously also reflects in practice.

In several languages, some books published and said to be false cognate dictionaries list indiscriminately words that have common etymology and those originating from different etyma, grouping them all under the label of false cognates. What actually happens is that many of these lexical items are true cognates and, for this reason, giving them the name of false cognates does not seem reasonable or sensible. Therefore, it is essential to define more accurately what false

cognates and deceptive cognates are. So, we propose the following definitions for them:

False Cognates are lexical units that belong to two (or more) different languages and, despite deriving from two completely *different etyma*, they have converged to have the same (or almost the same) spelling or pronunciation, though their semantic values are quite different. In other words, false cognate is a word which has the same or very similar form in (at least) two languages, but which has different meaning(s) in each. According to this definition, the following pairs of lexical units are examples of this process in English and Italian: *sale* (= vendita) x *sale* (= salt); *pane* (= vetro) x *pane* (= bread); *mare* (= cavallo) x *mare* (= sea); *fine* (= multa) x *fine* (= end, goal); *fame* (= celebrità) x *fame* (= hunger); *cold* (= freddo) x *caldo* (= hot); *ape* (= scimmione) x *ape* (bee) = abelha.

Deceptive cognates, on the other hand, are lexical units of two (or more) different languages that have the same etymon. They have similar (or eventually the same) spelling or pronunciation but because of their different semantic developments, they do not share all the same meanings nowadays. But despite their partial or full changes in meaning, many pairs of formally similar words in two (or more) different languages are true cognates, although they are usually known as *false cognates* – such as, for instance, the English and Italian lexical items *assist* x *assistere*; *attend* x *attendere*; *argument* x *argomento*; *cucumber* x *cocomero*; *fabric* x *fabbrica*; *factory* x *fattoria*; *library* x *libreria*; *pretend* x *pretendere*, to name but a few examples.

However, if we start from the etymology of the word cognate, we find that it originated from the Latin *cognatu* (*m*) which is the junction of *cum* [= with] and *natus* [= born], meaning therefore “born together” or “that belongs to the same lineage, family, parentage”. Thus, they could not be called false cognates if they are words of the same origin, that is, true cognates.

But the problem is still that for many authors (as Prado, 1989), the terms *false cognates* and *false friends* (in English), *falsos cognados* or *seudocognados* and *falsos amigos* (in Spanish), *falsos cognatos* and *falsos amigos* (in Portuguese) and *falsi amici* (in Italian – *falsi cognati** is not a commonly used term) are all synonyms. We

argue that they are not, since they do not designate the same linguistic process or phenomenon. The polysemy of the word *false* can lead the word combination *false cognate* to ambiguous interpretations. This fact makes us believe that the term has been badly coined. According to Santos (1981), *false friend* is not a suitable expression to designate false cognates or deceptive cognates. He feels that it does not designate something treacherous or to be avoided and points that the expression *faux amis* was transferred from french to English and remained inadequate and artificial. Therefore, for the sake of accuracy and clarity, A. S. Santos (1981) prefers to use in his work, the expression *deceptive cognates*. Having discussed these theoretical issues, our final goal in this paper will be to *provide discernment about* the processes of semantic changes (word meaning *development or evolution*) based on Set Theory (Pais, 2001; Sabino, 2004), which will function as an aid to the process of building special dictionaries of false and deceptive cognates.

References

1. *Nascentes A.* Léxico de nomenclatura gramatical brasileira // Guia prático de tradução inglesa / Ed. by A. S. Santos. São Paulo : Cultrix, EDUSP, 1981.
2. *Pais C. T.* Introdução à fonologia. São Paulo : Plêiade, 2001. 175 p.
3. *Prado M.* Falsos amigos en lexicografía bilingüe // *Hispania* 72, September. 1989. P. 721–727.
4. *Rónai P.* Guia prático da tradução francesa. 3 edn. Rio de Janeiro : Nova Fronteira, 1983. 212 p.
5. *Sabino M. A.* Dicionário de Falsos Cognatos e Cognatos Enganosos Italiano-Português: subsídios teóricos e práticos : PhD diss. Araraquara, FCL, 2002.
6. *Santos A. S.* Guia prático de tradução inglesa. 2 edn. rev. e ampl. São Paulo : Cultrix, Ed. da Universidade de São Paulo, 1981.
7. *Xatara C. M., Oliveira W. A. L.* Dicionário de falsos cognatos francês-português e português-francês. São Paulo : Schimidt, 1995.

Aida Sadykova, Gulnara Aleeva
Kazan (Volga Region) Federal University, Russia

**SPECIFIC FEATURES OF COMPOUNDS
IN TATAR AND ENGLISH LANGUAGES
AS THE OBJECT OF LEXICOGRAPHY**

Compound is considered as structurally complex polyfunctional unit of direct or indirect nomination, a kind of derivative formed by the standard model (of two or more root morphemes), by analogy, and also by the nomination (semantic condensation) syntactic word-combination. The research problem of the semantic structure of a compound word, in this comparative-typological study is to explore how the notional whole breaks into the notional parts, which logical links are established between the components of a compound word, how there is the reconsideration of notional parts of a whole complex.

The main problem in the study of the semantic structure of a compound word is the problem of linguistic meaning and its relationship to thinking, extra-linguistic reality and the other values in the lexical-semantic system of the language. Language semantics dominates over form, as “based on the semantic model is much easier to explain the use of language. Therefore, the semantic structure of the language is its main component” (Chafe, 1975, 81).

The definition of content of universals and the establishment of universal and specific features of the semantic structure of the nominative substantive compounds in the language groups with different structural and typological organization, in Tatar (Turkish group) and English (German group) languages, is the aim of this work.

Semantic framework of a compound word, its semantic structure of the scheme, is the name of two related variables. Compound word integrates the values of its constituents in all the richness of their often quite the opposite of structural and semantic characteristics. For example, tat. *altyn kuz* (zool.) “zlatoglazik” consists of two components with different semantic properties: *altyn*

“gold” – concrete, real, inanimate and uncountable *kuz* “eye” – concrete, common noun, animate and countable.

The study of semantic-nominative regularities of the compounds in the studied languages in a typological aspect is based on the proposed by E. S. Kubryakova word-formation concept, according to which “the derivative passes from the sign-message to the sign-name, and the formation of a derivative is primarily a process of univerbation – summarization of the source of motivation in the form of statement and turning it into a single name with the word status” (Kubryakova, 1980, 217–261). We consider it is necessary to develop a common specification comparative typological research that will lead in determining the content of universals and the analyzing unit substantive compounds in the Tatar and English languages.

In the typological relations as leaders the following parameters taken as a basis of semantic-nominative research of components:

- 1) combinatorial opportunities of components of substantive compounds on lexical-semantic groups;
- 2) combinatorial possibility of components of *odnodenotatny* substantive compounds;
- 3) the position of a basic component and component modifier;
- 4) compound words with direct/transferred meaning of components;
- 5) metaforization/metonymization of components of a compound word;
- 6) endocentric/exocentric substantive compounds;
- 7) possessive substantive compound;
- 8) position of an onomasiological link;
- 9) *odnodenotatny* multilingual compounds;
- 10) field-nominative distribution of substantive compounds.

The systemic nature of compounds in the Turkish group of languages (Tatar) and Germanic (English) most deeply can be detected through the description of the component composition of the compounds relatedness to certain lexical-semantic groups (LSG). Assignment to the LSG was carried out the using the method of componential analysis, the method of logical and semantic analysis, including statistical method and the method of lexical definitions.

Analyzing the degree of activity of the supporting component of the substantive compounds, we came to the conclusion that in the Tatar language supporting component is more often expressed by LSG of concrete objects: *bash-toyak* “pelt” (verbat. “head”, “stick”), abstract objects: *syn-syyfat* “bodybuild” (verbat. “figura”, “quality”), substance: *altyn-komesh* (collect. “gold and silver”).

In the English language, the supporting component of the substantive compounds expresses specific objects: *sand-bed* “sandy course” (verbat. “sand”, “bed”), *parts of human body*: *sheepskin* “sheep” (verbat. “sheep”, “skin”), substance: *brown-spar* min. “brown spar” min. (verat. “brown”, min. “spar”).

Recognizing the category of metaphor as a universal category, we are in the comparative study of the combinability of LSG, draw attention to the semantic level, which lead to the appearance of metaphorical difficult words. Metaphorical compounds reflect the national identity of each language, highlighting the nature of the differential semantic study. Comparing specific instances of a metaphorical compounds in the two languages, we came to the conclusion that, in the Tatar and in the English languages, nouns of LSG *parts of body* possess a great ability to reconsideration. A variety of mechanisms of reconsideration arises from the fact that the basic components are the words for the names of parts of body, and each of them has its own form, function, arrangement, and these features are important in the formation of metaphorical meanings.

The interaction of these LSG leads to the formation of only metaphorical compound words, due to the incompatibility of extralinguistic referents, such as tat. *timerayak* “skates” (verbat. “iron”, “foot”), engl. *peg tooth* “canine tooth” (verbat. “peg”, “tooth”). Certain parts of the body cause metaphorical rethinking of the components of this compounds of specified semantics in different languages: tat. – *bash* “head”, *ayak* “leg”, *bit* “face”; engl. – *head* “head”, *face*, “face”, *eye* “eye”, *tooth* “tooth.”

The most active, causing a shift in metaphorical language study is a component *bash/head*, constituting more than half of all the metaphorical compound words of this group, for example, tat. *kabak bash* “fool”; engl. *pudding-head* “fool”. Also very active in the

English language is the component of *hand* “hand”, such as *whip-hand* “power”, in the Tatar language *ayak* “foot”, for example *tashayak* hist. “fair” (Kazan). Component *bit* “face” has the same productivity in both languages, such as tat. *tau bite* “slope”; engl. *whye-face* “man with a pale face”. Components *eye* “eye”: (*glass-eye* “lens”), *tooth* “tooth” (*peg tooth* “canine tooth”), *bone* “bone” (*ridge-bone* “ridge”), combined with a noun denoting a substance found only in the English language, and *kauu* “eyebrow” (*iyar kashy* “bow”) only in the Tatar language. The considered combination theory of LSG *part of body* and *substance* demonstrates the abundance of metaphorical forms, based both on a supporting component and a dependent component in the two studied languages. The results of research found reflection in the comparative dictionary of substantive compounds of Turkish and Germanic group of languages.

References

1. *Chafe W. L.* The Importance of Language Structure. Moscow : Progress, 1975. 432 p.
2. *Kubryakova E. S.* The Semantics of a Derivative Word // Semantic Aspects of the Research. Moscow : Nauka, 1980. P. 217–261.

Marina Solnyshkina

Kazan (Volga Region) Federal University, Russia

CULTURAL INFORMATION IN PROFESSIONAL DICTIONARIES

The presentation is focused on the way and content of the cultural information in professional dictionaries. Professional culture is considered in the presented work as an expression of a people's professional behavior and, thus, the shared language of a professional community is the most essential carrier of their common culture.

The form of professional language determines specific cultural traits, which are represented both in the low and high register of professional communication.

The idea of horizontal layers refers to the studies of peasants' dialects, while the vertical division implies the research of languages of different social and age groups. It is linguistic sociology, e.g. social structure studies which include not only the known sociological parameters (social status, education, income, type of entertainment, political preferences, etc.) but also language differences.

The political sublanguage is probably the luckiest in Russian lexicography: the number of modern dictionaries registering the vocabulary of political discourse is many more than any other social or professional sublanguage: *The Explanatory Dictionary of Sovdepiya Language* (Mokienko, Nikitina, 2004); *Russian Political Quotations From Lenin To Yeltsin: What, When and by Whom It Was Said* (Dushenko, 1996); *Dictionary of Political and Ideological Terms of the Soviet Period* (Heveshy, 2004) and many others.

The last one contains 426 words and phrases, many of which are out of use at the moment: e.g. **amoralka** *immoral behaviour*, **belyi TASS** *lit. white Telegraph Agency of Soviet Union, fig. the latest reports of TASS correspondents in their original form*, **spetskhron** *restricted-access collection*.

In the *Introduction* the author asks a conceptual question: "How and why could this ideology exist and so greatly influence the people?" She explains the strength and vitality of the Soviet ideology, firstly, by the impact of massive propaganda, and secondly, by the fact that the ideological slogans and clichés corresponded to the utopian aspirations of the people who were eager to see the world "in the schematic images and representations" (Heveshy, 2004, 9).

There is also a point of hermeneutic origin: M. Heveshy says that decoding, interpreting the ideological language of Soviet past is important for understanding the past and the present. Apparently the dictionary reflects the "mortified" layer of the language, but another part of the former Soviet lexicon is still relevant. It is not visible for the contemporary observer, because it effectively performs the same ideological functions. And this is another proof that there is no gap in linguistic tradition of the political discourse: **Antonovshchina** *anti-*

*Soviet kulak-socialist-revolutionary revolt in Tambov province in 1920-21, called after the name of the leader A. Antonov, **kombed** a poor peasants' committee, **lishenets** before Constitution of 1936: a person deprived of voting and other civil rights on the basis of his belonging to the exploited class.*

The *Dictionary* reveals the public attitude towards many ideological cliches: **sausage trains** in Soviet times it was next to impossible to buy sausage anywhere but in Moscow, so people travelled to Moscow to buy food, and passenger trains from Moscow were called sausage trains, **hrushoby** a five-storey block of flats, built during the Khrushchev times; a district of these houses; an apartment in such a house, etc.

Unfortunately there is no consistency in collecting and presenting the material: the entries are registered in the alphabetical order of the first word. At the moment there is a strong need to design for Russian a carefully selected corpus with a large variety of texts in order to improve the quality of dictionaries of professional sublanguages, and teaching Russian for specific purposes.

Developing the author's point of view the following points are to be mentioned:

- 1) Professional society is a discourse-building society.
- 2) The professional communication is performed by agents playing an active role in institutional communication and clients who have to address the agents to represent the professional society as a whole.
- 3) Professional society (agents) is a hierarchy of social communities: in car building – an engineer and designer on one side and a driver – on the other, an officer and soldier in the army, a doctor and a nurse in health service etc. The professional society as a discourse-building society creates texts of different genres: e.g. the written modus of sports discourse implies a wide variety of genres: sports calendars, plans and reports, sportsmen's diaries, world and continent ratings, sports articles, textbooks. One's belonging to the society is determined by the ability of the speaker to create texts of the definite professional genres (Swales, 1990). The professional language is mastered in professional socializing.

4) The term **LSP dictionary** may be applied to two different types of dictionaries: *dictionary of codified terminology* used in official register of professional communication; *dictionary of non-codified vocabulary* practiced in unofficial register of professional communication. A *Professional Dictionary* contains cultural info in both: its macro- and microstructures.

The *Dictionary macrostructure*, as the overall structural organisation of the volume is to contain an *introduction* and *user guidelines* (User's Guide; List of Symbols; List of Abbreviations); *body* (Entries and Definitions) organised alphabetically; *appendices* and *additional information* (Lemmata Corpus); *sources of illustrative examples* (Illustrative Corpus). The *Dictionary microstructure*, as the internal structure of dictionary entry blocks consists of: 1. headword (lemma, form to be looked up); 2. orthoepic characteristics (pronunciation); 3. grammatical information (part of speech category or word class); 4. lemmata Corpus references; 5. functional and stylistic information; 6. definition (semantic specification – senses and reference); 7. illustrations (usage with examples); 8. lemma comprising phraseological units and idioms (collocations, co-occurrence strings); 9. phraseological units and idioms illustrations; 10. cross-references to related items, related by sense; 11. commentaries on etymology (etymological or historical notes).

References

1. *Dushenko K. V.* Russkije politicheskije tsitaty ot Lenina do El'tsina: Chto, kem i kogda bylo skazano (Russian Political Quotations From Lenin To Yeltsin: What, When and by Whom It Was Said). Moscow : Jurist, 1996. 240 p.
2. *Heveshy M.* Tolkovyi slovar' politicheskikh i ideologicheskikh terminov Sovetskogo perioda (Dictionary of Political And Ideological Terms of the Soviet Period). Moscow : Mezhdunarodnie otnoshenia, 2004. 192 p.
3. *Mokienko V.M., Nikitina T. G.* Bol'shoj slovar' russkogo zhargona (Great Dictionary Of The Russian Jargon). St. Petersburg : Norint, 2000. 716 p.

Tatyana Tretyakova

Saint-Petersburg State University, Russia

THE MATRIX FOR PRESENTING THE MEANING OF SPEECH CLICHÉS

Modern dynamic changes in the world communication process provide the linguist and culturist with new impetus to integrated language and culture studies. The effect of *televisual and globally networked media* shaped transactions format in many spheres of life through different cliché forms. Speech clichés are one of the groups that are most widely used as tools for socializing. They reflect speech habits and rituals in quickly changing present-day communication and their definition and categorization is important for developing the comprehensive user-friendly presentation of their meanings in dictionaries. The aim of the paper is to highlight problems of creating the matrix for integrated presentation of the meaning. First we define the scope of speech clichés as an open system of speech stereotypes, then provide the scheme for the codification of major groups of speech clichés and finally focus on major communication tendencies.

1. Clichés are seen as a repetitive formula that can be interpreted as a stereotype. As a more general term, speech <stereotype> implies a certain amount of cognitive activity dealing with the oversimplification of some speech patterns. This term is used mostly in cross-cultural studies dealing mostly with professional and developmental communication and primarily providing insight into stereotyping as an interpersonal communication process and creating understanding (or awareness) through creating labels of *high-context* and *low-context* (E. Hall) or *active*, *reactive* and *multi-active* (R. Lewis), *negative* and *positive politeness* cultures (E. Ogiermann) denoting cultural differences in communication patterns between societies or professional communities.

Very often cultural stereotypes are encoded by speech stereotypes by which we mean a formulaic form of speech behavior reflecting collective speech memory in reference to modern

communication situation. The knowledge of them is often implicit and very often people are unaware of the important rhetorical and social effect they produce: e.g. a cliché *How are we today?* may very well be interpreted as a greeting cliché in doctor-and patient-dialogue or as an ironic phrase in everyday conversation. *Please* can accompany a polite request and express irritation; *Welcome* can be a reaction to saying *Thanks*. Thus a cliché has a dynamic functional meaning that is a part of schematic presentation modelling interpersonal relations between communicators. All this information should go to the dictionary as an integrated situational meaning rendering contact scheme and the scheme of changing interpretation.

2. The controversy of semantic speech clichés presentation lies in the field of codification and decodification process. On the one hand clichés are compact condensational code-types and on the other hand the *decodification* process implies long description of register, situational format, cultural specification and psychological implication. We can resolve this controversy applying semiotic principle into classifying process and then principles of context pragmatics. The former allows to devise three major functional areas – 1) ritual (conversational formulas), 2) prescriptive (imperatives) and 3) evaluation (appraisal) which are of great importance for cross-cultural communication and the latter deals with three more specific pragmatic aspects interpretation.

The first deals with the regulation of communication process i.e. <addressant – addressee> relations including their social roles and the means of communication. The second aspect covers problems of understanding which are presented in relation to mental spaces and conceptual meaning. The third aspect concerns the rhetoric of the utterance in the context of persuasive technique relevant to the situation analyzed. The schemata includes the type of presentation used in heuristic knowledge presentation formulas. The most studied socializing clichés have the following scheme of the first ritual group would be the following:

[I come into contact and express <my positive attitude> – <I receive your positive contact and respond <with best wishes>; I express

{gratitude, congratulations, toast, best wishes}>; [I close the contact and express <best wishes> > – <I receive best wishes and say good bye>]. Each slot in the scheme could be replaced by a communicative cliché.

Similar scheme are suggested for prescriptives and comment phrases (appraisals). The three-section reference book should an open corpus of phrases with comments for the slot-place and comments on cultural context.

3. New tendencies in communication are connected with the changes in the speech register which is presently becoming more “primitive” as the most general tendency now is to use the type of communication which exists in the dominant American culture.

We can now speak of syncretic ways of communication forms. Much depends on the correct <tuning-in> of communicators. By <tuning in> we understand a type empathy that allows observing inherent rules of cooperative speech behaviour.

One more tendency concerns the expansion of word-play component into speech-cliché communication reflecting ludic function of present-day language use.

New Dictionaries Projects

Elena Arsenteva, Albina Kaiumova

Kazan (Volga Region) Federal University, Russia

ONLINE RUSSIAN-ENGLISH PHRASEOLOGICAL DICTIONARY: PRESENTATION OF SYNONYMS AND COLLOCATIONS

The paper addresses some of the main problems of *Online Russian-English Phraseological Dictionary* compilation.

The dictionary is partially based on *Russian-English Dictionary of Idioms and Set Expressions* compiled by one of the authors of the article and published in Russia in 1999 (Arsenteva, 1999). The online dictionary is being compiled by a group of scientists of Kazan (Volga Region) Federal University, Russia; to be more precise, E. Arsenteva, E. Semushina, R. Salieva and A. Kaiumova.

Online Russian-English Phraseological Dictionary is designed not only to represent the ways of rendering Russian phraseological units (PUs) into the English language; it aims at demonstrating the wealth of Russian phraseology by means of adding the following extra information: phraseological synonyms, phraseological antonyms, examples, grammar, collocations, and etymological information.

The computer program for the dictionary was created by the specialists of the Laboratory of Computer Linguistics of Kazan (Volga region) federal university, it combines the achievements of Russian and foreign computer dictionary makers, including the so-called functional school from Aarhus university, Denmark.

Let us show the dictionary's administrative subsystem where administrators can add, delete, edit and view existing data (Fig. 1).

Fixed Expression	Definition	In English	Usage Style
< СВОЯ> ГОЛОВА НА ПЛЕЧАХ	--	smb can think for himself; smb is clever enough	разг. экспрес.
<ВМЕСТЕ> ХЛЕБ-СОЛЬ ЕСТЬ с кем	-	- be intimate friends; eat often together	

Fig. 1

The administrators select a PU from the list and click *edit* button to add new data (Fig. 2).

Phrase

* Fixed expression (core string)

* Meaning

English

Usage style

Editor's note

Internet link

Ignore on search

Do not display

Antonyms

Synonyms

Etymological Information Grammar

Examples

Collocations

Fig. 2

Much attention is paid to the presentation of synonyms and collocations.

The dictionary at its present stage includes absolute (equivalent) phraseological synonyms – PUs that completely coincide in phraseological meaning and usage (e.g. *хоть в гроб ложись* and *хоть волком вой*) – and partial (relative) phraseological synonyms – PUs that partially coincide in phraseological meaning and usage.

Partial phraseological synonyms are further subdivided into three groups:

a) ideographic (semantic) PUs which have slight differences in phraseological meaning: *сводить счеты с кем* – “to take revenge for an offense or injury” and *смыть кровь* – “to avenge by killing the offender”;

b) stylistic (functional) PUs which coincide in phraseological meaning but differ in their stylistic reference: *заключительный аккорд* (bookish), *кончен бал* (neutral), *вот и вся недолга* (colloquial);

c) stylistic-ideographic phraseological synonyms which have difference both in phraseological meaning and stylistic reference: *биться в телячьем восторге* (ironic) – “to display over-expressive or unfounded joy” and *потирать руки* (colloquial) – “to display pleased anticipation, self-satisfaction, or glee”.

Collocations are widely used by Aarhus dictionary makers, as, for example, in the electronic dictionary of new type of stable expressions (Bergenholtz, 2007). The problem is to distinguish *real* collocations, lexical variations of PUs, especially of verbal ones, and occasional (authors’) contextual usage of PUs. The majority of scientists agree that PUs with variations should have the same lexical collocability and coincide in meaning. So variation in phraseology affects only such a structural-semantic variability that doesn’t change the meaning of the phraseological unit and doesn’t create a new unit. All possible lexical variants are already presented in the basic form of Russian and English PUs in the dictionary.

Collocations, on the contrary, present possible contextual surrounding of PUs and don’t enter the basic form of this or that PU. They are dictated, first of all, by the grammatical form of PUs: e.g. we can’t present collocations of verbal or interjectional units as any transformation of the base form will be the type of author’s creativity,

hence – the example of occasional use of the PU. So collocations may be presented only in a limited number of cases (substantival, adjectival PUs), and their set will be also limited.

Let's present the example of the PU *ни бельмеса* from the dictionary:

ни бельмеса не знать /не понимать, не смыслить/ – not know a thing; have no idea about something; not have an inkling of anything; not know A from B; not know 'b' from a battle-dore /from a bull's foot, from a buffalo foot, from a broomstick/; not know chalk from cheese; not know beans.

References

1. *Arsenteva E.* Russko-angliyskiy frazeologicheskiy slovar' (Russian-English Dictionary of Idioms and Set Expressions). Kazan : Naetaer, 1999. 318 p.
2. *Bergenholtz H., Vrang V., Almind R.* Ordbogen over Faste Vendinger. Aarhus : Center for Leksicography, 2007.
URL: <http://www.idiomordbogen.dk>.
3. *Birikh A. K., Stepanova L. I., Mokienko V. M.* Slovar' frazeologicheskikh sinonimov russkogo yazika (Dictionary of Russian Phraseological Synonyms). Moscow : ACT, 2009. 448 p.

Arianna Fiore

University of Florence, Italy

PROBLEMS IN CONTEMPORARY TRANSLATIONS OF ANCIENT TEXTS: LEXICAL ARCHAISMS AND SEMANTIC ARCHAISMS

In this paper, we shall describe the research strategy we have adopted in defining a lexicographical model in reference to archaisms and their translations. Archaisms are a class of words requiring a special methodological reflection, an aspect to which we have devoted particular attention in our multilingual cultural heritage dictionary of

Florence, a work in progress at the LBC lab of the University of Florence.

Our aim of creating a multilingual dictionary whose nomenclature refers to the artistic heritage of Florence of course cannot but necessitate a study of the city's Renaissance heritage. Giorgio Vasari's work is an essential part of this heritage, especially because it is the first narrative not only of Florentine art but also of the Italian Renaissance era. G. Vasari, through his analysis of art history and its language, is a model founder of Italian culture, for his *Lives* was the first and most comprehensive attempt to describe the artistic life of the Florence and the Italy of his time.

We have therefore decided to use, as one of the bases for initiating our dictionary, a selection of the translations of G. Vasari's *Lives* (*Le Vite de' più eccellenti pittori, scultori e architettori*, 2nd edn., 1568) into various languages, of which we are preparing a parallel database. The languages selected for our field of analysis in this paper are Spanish, French and Portuguese. On the one hand, since G. Vasari's text represents one of the most comprehensive linguistic corpora, it is one of our inevitable points of reference for creating the initial part of the Italian word list of our dictionary (made up of proper names and common names which refer to the semantic field of art, necessary in reference to the Florentine heritage). On the other hand, the database growing out of the translations of this text into the languages selected will allow us to identify certain possible translations of the words in question, to be included in the microstructure of the dictionary.

Lastly, this multilingual parallel database will enable us to offer, again in the microstructure of the bilingual dictionary, a sampling of bilingual citations illustrating both the encyclopedic-cultural range of the words studied and translation examples of the same term from different epochs.

In these three fields of analysis, the problem of archaism reveals itself in different ways and therefore will be treated accordingly. This is crucial if we part from the following two assumptions:

- Our target user is a translator of tourist material (guides, museum sites, brochures...) who does his/her translations for

contemporary readers, largely to meet the demands for tourist materials in translation on Florence's cultural heritage;

- Bilingual dictionaries generally neglect linguistic variation, and in particular diachronic and diatechnic variation, which are fundamental in our field of research. Most of the entries in our dictionary do not appear in the nomenclature of standard bilingual dictionaries, or, when they do, neither their use nor their connotation is clearly explained. Thus they are scarce and insufficient for marking the entries of the source language, and variation markers concerning the connotation of the term in the target language are totally absent. All this not only hinders the work of the translator, who cannot employ what for him would be a powerful and fundamental tool, but it is often a source of approximations or anachronisms, when not of downright errors.

For these reasons, in this paper we shall illustrate the treatment of various types of archaisms encountered in both Vasari's original text and in its translations into the languages selected, with the aim of offering a translation model for the dictionary user and clear information on both the denotation and the connotations of the words described.

References

1. *Buzzetti C.* Traduzione e tradizione. La via dell'uso-confronto: oltre il biblico traduttore traditore. Padova : Messaggero, 2001.
2. *Ferro M. G.* Diccionario de palabras que mueren. Bogotá : Planeta Colombiana, 2004.
3. *Fortini F.* Lezioni sulla traduzione. Macerata : Quodlibet, 2011. 240 p.
4. *García Yebra V.* En torno a la traducción: teoría, crítica, historia. Madrid : Gredos, 1989. 382 p.
5. *García Yebra V.* Traducción: historia y teoría. Madrid : Gredos, 1994. 466 p.
6. *La Marque en lexicographie / Ed. by F. Baider, E. Lamprou, M. Monville-Burston.* Limoges : Lambert-Lucas, 2011. 270 p.
7. *Le Mollé R.* Georges Vasari et le vocabulaire de la critique d'art dans les «Vite». Grenoble : ELLUG, 1997.

8. *Mateu Alejandro J. J.* Las teorías lexicográficas de Vicente Salvá en el “Nuevo diccionario de la lengua castellana”: tratamiento de los arcaísmos. Valencia : Brosquil, 2009. 224 p.
9. *Monlau P. F.* Del arcaísmo y el neologismo: Cuando se debe considerar fijada una lengua... Madrid : Imprenta Nacional, 1863.
10. *Prete A.* All’ombra dell’altra lingua. Torino : Bollati Boringhieri, 2011. 138 p.
11. *Ríos E. J.* Variación léxica y diccionario: los arcaísmos en el diccionario de la Academia. Madrid : Iberoamericana ; Frankfurt am Main : Vervuert, 2001. 310 p.
12. *Venuti L.* L’invisibilità del traduttore: una storia della traduzione. Roma : Armando, 1999. 427 p.
13. *Venuti L.* Gli scandali della traduzione. Rimini : Guaraldi, 2005. 272 p.

CORPUS Giorgio Vasari

Italian:

1. Le vite de' più eccellenti architetti, pittori, et scultori italiani, da Cimabue insino a' tempi nostri. 2 vols. Florence : Lorenzo Torrentino, 1550. 876 p.
2. Le vite de' più eccellenti pittori, scultori ed architettori. Florence : Giunti, 1568. 523 p.

French:

1. Les peintres toscans. Paris : Hermann, transl. 1966. 222 p.
2. Vies d’artistes. Paris : Gallimard, transl. 2002. 138 p.
3. Vies des artistes. Paris : Grasset, transl. 2007. 138 p.

Spanish:

1. Vidas de grandes artistas: Juan Cimabue, Angel Giotto, Donatello, Fray Juan de Fiesole, Leonardo de Vinci, Rafael de Urbino, Julio Romano, Miguel Angel Buonarrotti. Madrid : Aguilar, transl., 1964. 486 p.
2. Vida de Miguel Ángel. Madrid : Visor Libros, transl., 1998. 145 p.
3. Vidas de grandes artistas. México : Porrúa, transl., 2000. 161 p.
4. Las vidas de los más excelentes arquitectos, pintores y escultores italianos desde Cimabue a nuestros tiempos: (antología). Madrid ; Tecnos : Alianza Editorial, transl., 2004a. 416 p.
5. Las vidas de los más excelentes arquitectos, pintores y escultores italianos desde Cimabue a nuestros tiempos. Madrid : Cátedra, transl., 2004b.

6. *Vasari G.* Miguel Ángel Buonarroti, Florentino: pintor, escultor y arquitecto: (texto de 1550). Barcelona : Acontilado, transl., 2007.

Portuguese:

Vidas dos artistas. São Paulo (Brasil) : Editora WMF Martins Fontes, transl., 2011.

Carolina Flinz

University of Pisa, Italy

**TOURLEX:
A SPECIALISED GERMAN-ITALIAN BILINGUAL
DICTIONARY**

Introduction

Tourism dictionaries have appeared as printed works since the '90s: they are usually monolingual, encyclopaedic texts that include definitions of central concepts¹ such as *tourism*, *destinations* and *transport*. Online tourism dictionaries have been published later: they are usually PDF documents or web pages that give simple lists of terms as well as translations of these terms in one or more foreign languages. Nor the printed works nor the online-dictionaries are provided with other indications (e.g. morphology and specific collocations and concordances, features that are often omitted in general dictionaries). Various language groupings are included, both bilingual (German-English, German-Spanish) and plurilingual, but German-Italian tourism dictionaries are relatively uncommon.

Online tourism dictionaries that have been designed for online use and planned in accordance with scientific criteria are useful for both laypeople and experts. Nevertheless, such dictionaries are few in number. *TOURLEX* is a project from the University of Pisa that will

© Flinz C., 2013

¹ Cfr. Beaver, 2012 for English; Schroeder, 1991; Fuchs, Mundt, Zollondz, 2008 for German; Leone, 2009 for Italian.

attempt to fill this gap in the lexicographic panorama. It will initially cover German-Italian, but other languages may be covered in the future.

TOURLEX's planned sections will cover an array of different fields – from tour operators, tourism offices and airlines to airports, hotels, gastronomy services and reservation systems. The first planned section will cover the tour operator lexicon. The number of entries included in any section is unpredictable as a result of two factors: *TOURLEX*'s status as a work in progress; and the lexicons' continual development as alterations and innovations occur in each field. Online resources can be constantly updated, preventing this online dictionary from falling into the same obsolescence that is suffered by many printed lexicographic works.

TOURLEX's entries will be given in German and followed by pronunciation information (audio recording), syllable division, word class, morphology and syntax (genre and number). This information will be supplemented by the equivalent term(s) in Italian, syntagmatic indications such as collocations, valency, example usage and paradigmatic indications (e.g. synonyms).²

Users, Functions and Lexicographic Criteria

One of the first steps involved in planning *TOURLEX* is the definition of the potential users and their needs as well as the situations in which the dictionary may be used.

The idea for the project came from didactic experience within the Faculty of Tourism at the University of Pisa: during both lessons and wider courses, students often lamented the lack of a dictionary that included both grammatical and syntactical information. While students often understood sentences, they faced difficulties when producing norm-conforming sentences in the foreign language; general dictionaries do not contain specific examples alongside concordances and collocations. *TOURLEX*'s primary user will therefore be Italian students and laypeople who work in travel

² The inclusion of verb-valence information and audio recordings for pronunciation are still being discussed.

agencies or for tour operators. *TOURLEX*'s secondary users will be all those with an interest in the tourism field (both laypeople and experts). The dictionary will contain a flexible lexicon that is addressed to a heterogeneous audience.

TOURLEX will typically be used to obtain information about a term's meaning or to solve a communication problem (the production, reception or translation of texts). User needs will be further analysed with questionnaires and other tools (records of user experiences, tests etc.). A blog will be operated to assist in the resolution of user issues.

TOURLEX will be a polyfunctional lexicon, but its central purpose will focus on assisting the understanding and production of German texts.

These general considerations were critical to the dictionary's planning – most notably for entry selection, but also for reaching macro- and microstructural decisions. *TOURLEX* makes use of computational criteria. After the corpus was created (German and Italian Online Tour Operators Catalogues), it was analysed with *Word Smith Tools 3.0*. The *Concord* program then helped in filtering the most commonly used collocations and concordances – in turn reducing the risk of subjective selections (Storrer, 2011, 120), even though some lexicographer experience was still relied upon.

Example of an Entry

Rücktritt

Rücktritt; Rück/tritt; AUDIO

m. (-e)

Recesso m. (-i)

Esempi (ted)

So entstehen in der Regel die gleichen Kosten *bei einem Rücktritt* des Reisetelnehmers.

Der Veranstalter muss daher die Kosten in gleicher Höhe berechnen, wie sie sich im Umbuchungszeitpunkt *für einen Rücktritt* ergeben hätten.

Sofern die Änderungen erheblich oder unzumutbar sind, erhält der Reiseteilnehmer mit einer Erklärungsfrist von zehn Werktagen das Recht zur kostenloser Umbuchung oder *zum kostenlosen Rücktritt*.

Wird gleichwohl eine Namensänderung erwünscht, fallen in gleicher Höhe die Kosten an, wie sie sich im Umbuchungszeitpunkt *für einen Rücktritt* ergeben hätten.

Rücktritt seitens des Reiseteilnehmers

Rücktritt seitens des Teilnehmers

Rücktritt seitens des Veranstalters

Der Reiseteilnehmer ist berechtigt, den Nachweis zu führen, *dass im Zusammenhang mit dem Rücktritt*, keine oder geringere Kosten entstanden sind.

Esempi (it)

Entro tre giorni lavorativi dalla ricezione dell'avviso, il cliente che non intenda accettare la variazione è ritenuto a comunicare per iscritto all'agenzia *il suo recesso dal contratto*.

Tale diritto spetta solo a condizione che il cliente abbia regolarmente comunicato *il recesso* a decorrere *dalla data della comunicazione del recesso*.

La comunicazione del recesso dovrà pervenire in un giorno lavorativo.

Il calcolo dei giorni non include quello del *recesso*.

In mancanza si applicano le penalità previste dall'art. 8 *per il recesso ingiustificato*.

Recesso ingiustificato o inadempimento del cliente

Giustificato recesso del cliente

Recesso con penali

Recesso senza penali

Recesso del consumatore

Vedi anche → Rücktrittszeitpunkt; → Rücktrittskosten; → Rücktrittserklärung; → Rücktrittspauschale; → Rücktrittsrecht

References

1. *Beißwenger M., Storrer A.* Digitale Sprachressourcen in Lehramtsstudiengängen: Kompetenzen – Erfahrungen – Desiderate // Journal for Language Technology and Computational Linguistics (Themenheft "Language Resources and Technologies in E-Learning and Teaching"). 2011. Heft 1–9. P. 119–139.

2. *Bergenholtz H., Schaeder B.* Fachlexikographie. Fachwissen und seine Repräsentation in Wörterbüchern. Tübingen : Gunter Narr, 1994. 445 p.
3. *De Schryver G. M.* Lexicographer's Dreams in the Electronic-Dictionary Age // International Journal of Lexicography. 2003. Vol. 16. № 2. P. 143–199.
4. *Fournier J.* Digitale Dialektik: Chancen und Probleme mittelhochdeutscher Wörterbücher in elektronischer Form // Wörterbücher in der Diskussion IV. Vorträge aus dem Heidelberger Lexikographischen Kolloquium (Lexicographica; Series Maior 100) / Ed. by H. E. Wiegand. Tübingen : Max Niemeyer, 2000. P. 85–108.
5. *Herberg D.* Wissen über (neue) Wörter: Ein Internetwörterbuch entsteht // Symposium on Lexicography XI. Proceedings of the Eleventh International Symposium on Lexicography May 2–4, 2002, University of Copenhagen / Ed. by H. Gottlieb. Tübingen : Max Niemeyer, 2005. P. 293–301.
6. *Herbst T., Klotz M.* Lexikografie. Paderborn : Schöningh, 2003.
7. *Kemmer K.* Onlinewörterbücher in der Wörterbuchkritik // OPAL – Online publizierte Arbeiten zur Linguistik. 2010. № 2. P. 1–33.
8. *Müller-Landmann S.* Design eines Internet-Lexikons zwischen Recherche und Rezeption // EURALEX 2000. Proceedings of the Ninth EURALEX International Congress, Stuttgart, Germany, August 8–12, 2000 / Ed. by U. Heid, S. Evert, E. Lehmann, Chr. Rohrer. Vol. 1. Stuttgart : Institut für Maschinelle Sprachverarbeitung, Universität Stuttgart, 2000. P. 97–105.
9. *Schlaefler M.* Lexikologie und Lexikographie. Eine Einführung am Beispiel deutscher Wörterbücher. Berlin : Erich Schmidt, 2002. 199 p.
10. *Storrer A.* Deutsche Internet-Wörterbücher: Ein Überblick // Lexicographica. Internationales Jahrbuch für Lexikographie. 2010. Vol. 27. P. 155–164
11. *Storrer A., Harriehausen B.* Hypermedia für Lexikon und Grammatik. Tübingen : Gunter Narr, 1998. 275 p.

Kira Gudkova

Saint-Petersburg State University, Russia

ON THE COMPILATION OF AN ANTONYMIC IDIOMS DICTIONARY

All languages change over time, and because English is so widely spoken in so many parts of the world, it changes faster and more frequently than many other languages. A great amount of new editions of dictionaries are published every few years. The most recent editions of monolingual dictionaries include many new features, such as information about collocation, synonyms, antonyms and related words, indications of frequency, common errors etc.

There is also a wide range of special dictionaries, dictionaries of idioms being among them. Idioms are used in a wide variety of contexts and situations that range from friendly conversations to business meetings. Idioms add colour to the language and help us to make our explanations and observations lively and interesting. The significance of idioms dictionaries can hardly be argued.

Idioms lexicography may be defined as compilation of idioms in a dictionary according to certain criteria in alphabetical or other arrangement with or without additional information.

Antonymy is “arguably the archetypical lexical semantic relation” (Murphy, 2003, 169). Therefore binary semantic opposition has for a long time been regarded as an important means of structuring the vocabulary of natural languages (Mettinger, 2002, 1). That’s why binary opposition principle can be taken as a basis for the compilation of an antonymic idioms dictionary. We propose two arrangements: topical and functional. Topical organization suggests arranging idioms by different topics. Similarly, functional arrangement means organizing idioms by language functions.

Below the examples of entries for both approaches are given. The following entry illustrates topical arrangement:

- **Rich**

have money to burn
roll in money

- **Poor**

make ends meet
live from hand to mouth

The head word is in the form of semantic binary opposition. Under each member of the opposition corresponding idioms are listed in alphabetical order. Other topics that may be arranged in this way are: success – failure, remembering – forgetting, similar – different, happiness – sadness, friend – enemy etc.

Functional arrangement is very useful for functional language. When we describe the functions of language we focus on the use of the language and its meaning for the people who are in the context where it is used. The examples of functions are: agreeing, disagreeing, inviting, refusing, expressing certainty, expressing doubt etc. The next entry is the example of functional organization:

- **Agreeing**

be at one with
be of the same mind

- **Disagreeing**

be at odds
don't see eye to eye

The headword for the entry is an opposition representing language functions. Below the headword the lists of corresponding exponents are given.

All idioms will be illustrated with examples. Both the examples and the definitions are in a separate section. In this section all idioms are listed in alphabetical order. Thus, the megastructure of the dictionary includes the following sections: the topical section, the functional section and the traditional section. Such organization is clear, user-friendly and provides the user with ready-to-use tools for communicating a great deal of meaning in a few words.

The analysis of modern idioms dictionaries has shown that some of them include topical sections. Thus, in *Longman Idioms Dictionary* this section is called *Idiom Activator* and is placed in the middle of the dictionary. Eight out of ten topics are arranged in the form of opposition: start – stop, easy – difficult, same – different, understand – not understand. Similarly, in *Cambridge Idioms*

Dictionary this section is called *Topic Pages* and is at the back of the book. Some of the topics are arranged in opposition: likes – dislikes, thinking – not thinking, understanding – not understanding etc. It can be noted that these new characteristics of modern dictionaries are in line the vital necessity for new ways of dictionary arrangement. Semantic opposition principle may be of great help for future lexicographers.

References

1. Cambridge Idioms Dictionary. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. 505 p.
2. Longman Idioms Dictionary. Harlow : Pearson Education Limited, 1998. 398 p.
3. *Mettinger A.* Aspects of Semantic Opposition in English. Oxford : Oxford University Press, 2002. 216 p.
4. *Murphy M. L.* Semantic Relations and the Lexicon. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 292 p.

Anuschka van 't Hooft

Faculty of Social Sciences and Humanities, Autonomous University of San Luis Potosí, Mexico

COLLABORATIVE WORK AND THE INTERNET: THE EXPERIENCE OF A HUASTEPEC CULTURAL DICTIONARY

At a continually increasing rate, language documentation and description projects are embracing new technologies, especially web-based ones, as a part of their research methodology. New technologies help us to record living language expressions in the field and to digitize already existing ones. They also serve to store materials with their metadata in order to create online heritage repositories for today's and tomorrow's researchers. Through the systematization of the materials, online platforms and data bases can even become a

discovery tool (Himmelman, 1998). Moreover, new technologies make it feasible to publish the research results of these projects in the form of interactive-online materials such as dictionaries and cultural encyclopedias, but also web pages, video documentaries, photo galleries or audios of speech acts.

Besides purely academic interests, one of the main motives of language documentation and description is the conservation of endangered languages and cultures. The construction of dictionaries has been considered to be an acceptable tool in the strive for preservation (Frawley, Hill, Munro, 2002). This is why our project evolves around the making of dictionaries of one of Mexico's endangered Amerindian languages.

In this session, I want to discuss the technical and social challenges of a multidisciplinary and collaborative strategy to construct the corpus of a Mayan language spoken in the Gulf coast region of Mexico called Huastec. For this language documentation project, we designed a web-based collaborative platform called *Nenek* to provide the speakers with an online monolingual social network in which they can share and discuss contents such as texts, audios, images and videos. *Nenek* organizes these contents in repositories on Huastec language and it automatically returns the corpus to the speakers in the form of online tools such as E-dictionaries, heritage repositories and spell checkers. This means that the corpus construction is conducted by joining the native speakers, linguistic associations, and government instances in a language documentation and description process.

In particular, I want to illustrate this process through the presentation of the making of a pilot dictionary for the use of Huastec speakers as a result of this multidisciplinary strategy. The focus of the discussion will be on the collaborative working process and its merits and challenges, where issues like training, transparent and horizontal decision-making, and divergent expectations as well as theoretical and ideological standpoints will be tackled.

References

1. *Himmelman N. P.* Documentary and Descriptive Linguistics // Linguistics. 1998. Vol. 36. P. 161–195.
2. *Frawley W. J., Hill K., Munro M.* Making Dictionaries: Preserving Indigenous Languages of the Americas. Berkeley : University of California Press, 2002. 449 p.

Elizaveta Kravtsova

South Ural State University (National Research University),
Chelyabinsk, Russia

RESEARCH REVIEW: CORPUS ANALYSIS OF CULTURALLY MARKED LEXIS

In this paper we attempt to contribute to the studies in the field of language and culture and suggest conducting the lexical level analysis of research reviews on Philology. The methodology is tested on English, German and Russian to identify the most typical models of the lexical structure in each language. Our goal is to extract high quality key words and phrases which are culturally marked.

Many Russian, as well as foreign linguists, point out to the direct connection between language and culture. American linguist R. Langacker believes that language is “an important tool and an integral part of culture” (Langacker, 1999, 16). According to G. Palmer, language is plunged into culture, thus they constitute the indivisible unity (Sharifian, 2007, 15). The Polish linguist A. Wierzbicka states that it is the vocabulary which can help us detect and identify culturally specific configurations which are typical of different nationalities (Wierzbicka, 1992, 22).

The Russian linguist T. N. Khomutova investigates theoretical and practical problems posed by the global status of English for specific purposes which interfere with its culture-bound character (Khomutova, 2010, 333). Lexis of English for programming is

analyzed with the perspective to single out its cultural specifics. Two types of lexis are described: culture-neutral and culture-bound. The bulk of the ESP lexicon is represented by the culture-bound lexis which is based on the system of cultural values characteristic of English culture. It is argued that in addition to linguistic universals, culture-neutral lexis is represented by terminology which, once culture-specific, tends to become neutral to avoid misunderstanding and cultural conflicts due to globalization of science. Moreover, as is shown by T. N. Khomutova, English research texts are characterized by features of collective culture, creativity, viability, etc. which are based on the modern research method and globalization of cultural values. All groups of culture-bound lexis are fuzzy entities, the units of which may enter several groups with simultaneous realization of all cultural components. Our research is based on the integral theory of the research text worked out by T. N. Khomutova (Khomutova, 2010).

We have analyzed 80 research reviews in Russian, English and German on Philology the semantic structure of which contains a specific cultural component. In this lexis, extracted by *Developer LanA-Key* software application (Sheremetyeva, 2009), we have identified a group of words which express the following universal cultural values: the attitude towards the nature of argumentation and communication, as well as personal freedom.

The *attitude towards the nature of argumentation* includes such opposition as linearity – holisticity, factuality – intuitiveness, abstraction – concretion. The linear nature of argumentation assumes a consecutive presentation of arguments, attention to the specific details, verified data, facts etc. In the material we have studied the most frequent words which express the linear nature of argumentation: *во-первых, сначала, последовательность, логика, четкость и т.д. (at first, first, logical, clarity, accuracy, etc.; zuerst, von Anfang an, im ersten, die Tatsache, die Folgerichtigkeit, die Logik and etc.)*. As the result, the linear nature of argumentation is presented in all cultures aimed at saving time and increasing comprehension.

In different cultures the *process of communication* is understood differently, thus they are classified into high and low context cultures. In high context cultures such things like background knowledge,

associations, values, obligation, trust and reputation are important. These cultures are characterized by the significant role of the context (location, time, participants, previous experience, etc.), traditions and hierarchy of social relationships, non-verbal elements of communication, attention to formalities, etc. The Russian-speaking culture is a high context culture. In low context cultures information is vested in the explicit code or message, more knowledge is public, external, and accessible. Such cultures are task-oriented, decisions and activities focus on what is to be done and the division of responsibilities. English and German speaking cultures are considered to be the low context ones. It is clearly seen in the following examples, where the process of communication is quite explicit: *allow, assume, state, choice, select, motivate, etc; glauben, annehmen, befähigen, interessant, bündig and etc.* The Russian speaking culture is quite emotional, attention is paid mostly to details, for example: *давать возможность (give opportunity), принимать во внимание (take smth into account), удаваться (to manage), стремиться (to strive for).* Although in research reviews in German you can find words which express the assessment through adjectives (*interessant, bündig, illustrative, beleuchtend*) or modal verbs mainly (*können, müssen, sollen, wollen*).

The attitude towards *personal freedom* characterizes English-speaking and German-speaking cultures as individualistic, ego-centered, self-oriented, independent cultures which deny the group mentality. In research reviews in English the personal freedom is represented by means of personal pronoun *I*, word combination *to my point of view*, etc. In contrast to individualistic cultures, collectivistic cultures consider the needs of the group to be more important than the needs of individuals. Scientific world is usually characterized by collectivism. Many studies and researches are based on scientific works of different scholars and the author prefers to use the pronouns *мы (we), наш (our), wir, uns*. Although, the English and German-speaking cultures belong to the individualistic ones, in the scientific world the basic values shift.

In conclusion we can state that the cultural element is presented in all lexical units of any language. Having analyzed the culturally

marked key words and phrases in research reviews in three languages, we can say that in the scientific world these words reflect the value system and lifestyle of the Russian, English and German speaking cultures.

References

1. Applied Cultural Linguistics: Implications for Second Language Learning and Intercultural Communication / Ed. by G. B. Palmer, F. Sharifian. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2007. 170 p.
2. *Khomutova T. N.* Nauchnyy tekst: integral'niy podkhod (Scientific Text: an Integral Approach). Chelyabinks : Publishing House of South Ural State University, 2010. 333 p.
3. *Langacker R.* Assessing the Cognitive Linguistic Enterprise // Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology / Ed. by T. Janssen, G. Redeker. Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyter, 1999. P. 13–61.
4. *Sheremetyeva S. O.* Avtomaticheskaya obrabotka teksta v distantsionnom obuchenii inostrannomu yaziku (Automatic Text Processing in Foreign Language Distance Teaching) // Inostrannie yaziki v distantsionnom obuchenii (Foreign Languages in Distance Teaching) : Proceedings of the III International Research and Practice Conference, Perm, April 23–25, 2009. Perm : Publishing House of Perms State Pedagogical University, 2009. Vol. 2. P. 181–190.
5. *Wierzbicka A.* Semantics, Culture and Cognition. N. Y. : Oxford University Press, 1992. 496 p.

Olga Kryukova

National University of Science and Technology (MISiS), Moscow,
Russia

**USING FRAME AS METHOD OF ANALYSIS
IN TERMINOGRAPHIC RESEARCH
(with Special Reference to Tourist Terminology)**

At present many researchers of terminology will agree that in their research they have to deal not only with the linguistic aspect of the problem, but also with the professional knowledge, which the terminology studied reflects. The quality of the research will finally depend on how effective the methodology of the research is to provide integration of the professional knowledge in the result of the research (model, vocabulary, teaching material or other). There are several methodological strategic trends of research in the studies of terminology: syntagmatic and paradigmatic variability, studies of text corpora, frame studies of terminosystems* (Ivina, 2002). The author believes that it is the frame method, which can cope equally well with both research components of the linguistic research of a specific domain – linguistic and professional. The main question is how.

First, the frame, as a specific type of modeling knowledge, combines the prototypical with the situational in one visual classification tree structure. Frame definition, given here, is as follows: frame is a linguistic cognitive matrix structure, used by the human brain for processing new information, using “the old” grammatical and logical interpretation of the system of objects and relations among them, transferable on any new situation.

Second, there are two levels of frame modeling: the meta level, where the super prototypical frame is built, and the sublevel, where subordinate trees (trees, integrating professional knowledge) are built. The meta level includes such concepts as: Subject of Activity, Object, Goal, Means, Ways or Methods of realization, Addressee, etc. The sublevel is where the classification is mixed with the new information,

© Kryukova O., 2013

* Ontology is defined here as a type of frame model.

inbuilt into the tree structure, using aspectual classification of the new phenomena but associated with the general meaning of the basic prototypical concepts in the relation of Hyperonym vs Hyponym. For example, in the domain of *Tourism* the meta level will include: two Subjects of activity and on the sublevel their hyponyms: S1 – the tourist, and S2 – the tourist agency and other bodies, providing tourist services. The basic concept *Activity – Goals*, associated with S1, has subconcepts – *Rest, Entertainment, Excursions, Sports, Communication, Travel*. The further subdivisions will include special offers provided by particular bodies for *Rest, Entertainment*, etc. The division or opening of the associatively connected information resources, necessary for the interpretation of the model, goes on, until the problem is explained throughout and the terminosystem is revealed completely in terms of vocabulary – words or terms and text elements – sentences or blocks of text, necessary for the argumentation. That takes care of the whole argumentative structured corpus of information needed to inform the user.

While building the Frame model the linguist uses all the sources of information available to make the model reliable in terms of knowledge. The sources include: information retrieval from unstructured corpus, interviewing experts – professionals, using relevant textbooks or other books. All the components of knowledge necessary for argumentation must be revealed.

The Frame model makes it possible to get a new classification of language units besides vocabulary. According to our observations made in the process of research of texts on tourism and engineering (Kryukova, 2012), there are in these texts autosemantic, further indivisible, blocks of text. These are, for example, descriptions of accommodation, local tourist attractions and other which reflect linguistic and cultural stereotypes. These units, if presented in the dictionary with gapped factual information, can be used as vocabulary matrix units to be filled with other data.

In conclusion, using Frame modeling in terminological studies makes possible describing the process of the argumentation of the problem and all the language material which is necessary for it. Thus in this case we deal with professional knowledge in terms of linguistics framed in a philosophical ontology.

References

1. *Averboukh K. Y.* Manifest sovremennoy terminologii (Manifesto of Modern Terminology) // Proceedings of International Research and Practice Conference “Communication: Theory and Practice in Different Social Contexts ‘Communication – 2002’” (“Communication Across Differences”). Part 1. Pyatigorsk : Publishing House of Pyatigorsk State Linguistic University, 2002. P. 192–194.
2. *Ivina L. V.* Lingvokognitivnie osnovi analiza otraslevikh terminosistem (Linguocognitive Basics of the Analysis of Domain-specific Term Systems : Study Guide). Moscow : Akademicheskii Proekt, 2003. 304 p.
3. *Kryukova O. P.* Vozmozhno li sozdanie slovarya znaniy? (Is there any Possibility to Create a Dictionary of Knowledge?) // A Festschrift in Honour of Professor J. N. Marchuk / Ed. by T. N. Bryantseva et al. Moscow : Publishing House of Moscow State Regional University, 2012. P. 58–69.

Munzhedzi James Mafela

University of South Africa, Pretoria, South Africa

DICTIONARY OF PROVERBS AND THE LAYOUT OF THE INFORMATION: THE CASE IN *THALUSAMAIPFI YA MIRERO: TSHIVENḂA-ENGLISH*

Introduction

Thalusamaipfi ya Mirero: TshivenḂa-English, a bilingual dictionary with TshivenḂa as the source language and English as the target language, is made up of three sections, i.e. the front matter, the main matter, and the back matter. The front matter is very brief but sheds light to dictionary users with respect to finding the proverbs in the main matter. With regard to all proverbs provided in the dictionary, information regarding finding them is provided in the front matter.

The front matter further explains the types of words that are listed as lexical entries. Nouns have been entered as words; whereas verbs, adjectives, ideophones and interjections have been entered as stems. The use of abbreviations and symbols is explained to dictionary users so that they could understand the definitions of lexical entries without difficulty. The main matter focuses on the definition of the lexical entries and provides the meaning of the proverbs. The back matter focuses on the Tshivenḁa archaic words which have been translated into English. However, they have nothing to do with proverbs; it is additional knowledge to the dictionary user. In addition to this, editors have also included information regarding Tshivenḁa sounds, mainly for learners of Tshivenḁa.

Macrostructure

The macrostructure focuses on the ordering of lexical entries and the selection thereof. Many dictionaries of proverbs are not user-friendly because users sometimes struggle to find the information for which they are looking. This emanates from the organisation of proverbs. Proverbs can be organised in different ways. According to S. S. Predota (2003, 970), some dictionaries of proverbs lack any logical or formal organisation of proverbs; they follow one or other of the following constructions: alphabetical order of the first words, alphabetical order according to groups of themes, and alphabetical order of key words.

The selection of lexical entries in *Ṙhalusamaipfi ya Mirero: Tshivenḁa-English* is by alphabetical order of key words. The advantage of the alphabetical ordering of lexical entries is that the majority of users are accustomed to the alphabet. Dictionaries of proverbs contain a specific point of view, a piece of wisdom or a lesson (Swanepoel, 1989, 94). Proverbs are multi-word expressions; hence it is not possible to order proverbs as multi-word expressions. Key words are identified in the proverbs and used as lexical entries through which users will be able to find the proverb for which they are looking. The key words used in *Ṙhalusamaipfi ya Mirero: Tshivenḁa-English* are in the form of nouns, verbs, adjectives, ideophones and

interjections. However, there is an extensive use of nouns and verb stems as lexical entries in this dictionary. In looking for a proverb, a dictionary user will have to identify a key word in the proverb and search for the proverb through it. If he/she fails to find the proverb through the identified key word, a user will identify another key word in order to find the proverb. The process will go on until the user finds the proverb.

Sometimes a number of proverbs are found to be sharing one common key word. In *Thalusamaipfi ya Mirero: Tshivenda-English* a number of proverbs have been embedded in a single entry.

However, the ordering of proverbs according to letters of alphabet is at times confusing as the editors of *Thalusamaipfi ya Mirero: Tshivenda-English* did not arrange letters of alphabet as would be expected. The letters of alphabet referred to in this discussion are **ḑ**, **Ḑ**, **ḡ**, **Ḡ**, and **ḥ**. The letters **d** and **ḑ** are different from each other as they are pronounced differently. The same holds for **t** and **ḥ**, **l** and **Ḑ**, **n** and **ḡ**, and **n** and **Ḡ**. The editors mixed lexical entries with diacritics with those without diacritics. Even if the letters look similar, the inclusion of a diacritic sign changes the pronunciation of the letter, hence the meaning of the word in which the letter is found. No reason for doing this was ever given in the style guide for users. This type of ordering lexical entries delays first users of the dictionary to find the proverbs for which they are looking. In other dictionaries published before *Thalusamaipfi ya Mirero: Tshivenda-English*, letters of alphabet with diacritics are treated separately from those without diacritics. Usually they will precede those without diacritics.

Microstructure

The microstructure of a dictionary pays attention to the kind of information supplied in the definition of a lexical entry and how it is ordered. Such information may be in the form of orthography, pronunciation, etymology, meaning, illustrative examples, etc. The information supplied in the definition of a lexical entry in *Thalusamaipfi ya Mirero: Tshivenda-English* is as follows: part of speech, equivalent of the lexical entry in English, proverb in Tshivenda,

literal translation of the proverb in English, meaning of the proverb in Tshivenda, and equivalent meaning thereof in English. No mention is made of the pronunciation and etymology of the entry word.

The definition of the lexical entries is well presented in *Thalusamaipfi ya Mirero: Tshivenda-English*. Dictionary users are able to follow the presentation as it is consistent throughout. However, some aspects recorded in the style guide for users are not covered in the definition of lexical entries. Although S. L. Tshikota (2010, iv) indicates in the style guide for users that the usage examples in some proverbs are included, there are no such examples. Looking throughout the dictionary, a dictionary user cannot find them. In some of the lexical entries, the literal translation of the proverbs is not provided, only the meaning is provided. A few lexical entries are without part of speech. The guide for users also reveals usage of symbols to replace the headword of an entry, to show variation in the word by adding a suffix, and to show usage examples. On checking the content of the dictionary, none of the symbols mentioned have been used. Such information raises the expectation of the dictionary user.

Conclusion

Thalusamaipfi ya Mirero: Tshivenda-English is a real contribution to Tshivenda lexicography. Although there are few aspects which have not been properly treated, the general layout of the information in the dictionary is user-friendly. Users learn a lot about the cultural life of Vhavana from the proverbs. As S. L. Tshikota (2010) writes at the back cover, the dictionary has been compiled to meet the needs of Tshivenda home language learners, first additional language learners, Tshivenda speakers as well as speakers of other languages who need a working knowledge and understanding of Tshivenda words. The dictionary was further used as a base towards the compilation of *Thalusamirero ya Luamboluthihi ya Tshivenda (Tshivenda Monolingual Dictionary of Proverbs)*, and *Thalusamaipfi ya Mirero: Tshivenda-English, English-Tshivenda (Dictionary of Proverbs: Tshivenda-English, English-Tshivenda)* which were both published in 2012.

References

1. *Predota S. S.* Dictionaries of Proverbs // A Practical Guide to Lexicography / Ed. by P. Van Sterkenburg. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2003. P. 94 – 101.
2. *Swanepoel P. H.* Translation Studies (Honours): Diploma in Translation: Only Study Guide for LEKPER-Q. 1989.
3. *Thalusamaipfi ya Mirero: Tshivenda-English* / Ed. by S. L. Tshikota. Thohoyandou : Tshivenda National Lexicography Unit, 2010.

Mayumi Nishikawa

Setsunan University, Japan

ENGLISH DISCOURSE-MARKER DICTIONARY

1. Introduction

So called *Discourse Marker* (henceforth DM) are roughly defined as linguistic (or para-linguistic) devices which guide the hearer to interpret the following utterances in the way intended by the speaker (Blakemore, 1987, etc.).* With more and more conversational analysis or pragmatics, DMs have been widely studied by linguists since 1980's, showing that the DM functions are considered to play significant roles in discourse on the both sides of speakers (encoders) and hearers (decoders).

While these items are becoming widely accepted, they are still neglected in lexicography. In this paper, I will show how important DMs are in communication and will propose an *English DM Dictionary* which is designed especially for ESL/EFL learners.

© Nishikawa M., 2013

* It is not assumed that there is necessarily a unified category 'DM' that is strictly defined in theoretical terms. In this paper I use the term DM to mean some items which constrain the hearer's inferential phase in understanding the utterances attached to DMs (e.g. *actually, after all, anyway, I mean, just, like, moreover, now, really, all right, say, then, you know, you see, oh, well, ah, hm (=h'm), oops*).

2. Why are DMs so Important?

DMs are considered to play important roles in understanding or producing utterances (sentences). First, DMs are involved in interpreting speakers' or writers' intentions in the discourse for some reasons. First, they clarify the relationship between the preceding utterances (or sentences) and the following ones. Consider (1) (cf. Blakemore, 1987, 107):

- (1) a. Ben can open Tom's safe. He knows the combination.
- b. Ben can open Tom's safe. *After all* he knows the combination.
- c. Ben can open Tom's safe. *So* he knows the combination.

In (1a), the semantic relationship between the first segment and the second one is vague. On the other hand, in (1b) and (1c), it is clear. In (1b), what is communicated by the second segment is the shared reason for what is by the first one. On the other hand, in (1c) what is communicated by the second one is the implicated conclusion of what is communicated by the first one. The DMs make it clear this kind of relationship between two elements of discourse.

Second, they are greatly involved in expressing mental (or propositional) attitudes of speakers or writers in discourse. Consider (2) (Nishikawa, 2010, 181):

- (2) a. I didn't call you last night.
- b. *Oh*, I didn't call you last night.

(2a) is an utterance, wherein the speaker states the truth that he or she did not call the hearer the precious night. (2b) is an utterance adding *oh* to (2a), but what is communicated by (2a) is quite different, because an implication like "the speaker failed to call the hearer last night accidentally, not deliberately" can be communicated. Of course a similar implication could be communicated by exploiting intonation or facial expressions, but the speaker can communicate the implication much more strongly and clearly by using DMs.

Third, DMs are frequently used to express the speaker's politeness. Consider (3) (Schourup, Waida, 1987, 139):

- (3) EMI: Where did Tom go?
BOB: *Actually*, he is still here.

In (3), by using *actually*, Bob can politely warn Emi that his answer will not meet here expectation. If *oh* is deleted from Bob's utterance in (3), it would sound slightly blunt. DMs are, therefore, considered to play an important role in politeness strategy in communication.

3. Why are DMs Neglected in Lexicography?

The main reason for this is that DM is lack of strict definition of its own and so that what range of items are included in this term is not clarified. We can find out some reasons for that except for these facts. First, one of the main purposes for consulting a dictionary is "to discover the meaning of a word" (Jackson, 2002, 76). What might be encoded in DMs, however, cannot be easily described in terms of "(propositional, conceptual, translational) meanings". So roles of DMs have been relatively or completely neglected in definitions of dictionaries. Second, traditional views hold that dictionaries are reference manuals of the language as well as its faithful recorders (Jackson, 2002, 82). However, "[b]ecause of [DMs'] frequency and oral nature, DMs are stylistically stigmatized and negatively evaluated, especially in written or formal discourse" (Brinton, 1996, 33). This fact might cause DMs' functions to be neglected in dictionary. Third, all lexical items are strictly classified in term of parts of speech in dictionaries. They have to belong to one of the (usually eight) parts of speech. They are not allowed to crosscut. DMs, however, crosscut some word classes (e.g. noun, adjective, adverb, verb, pronoun, conjunction, interjection). This fact seems to make it difficult for dictionary-users to access the knowledge of DMs, even if some DM explanations are given to description of some lexical items with DM functions.

4. Conclusion

Dictionaries are essential for language learners. It seems difficult, however, to incorporate a range of DM functions in general

language dictionaries as well as the definitions of these original linguistic items. I will propose an *English DM Dictionary* designed especially for ESL/EFL learners, which includes information, such as DMs' nuclear meanings, their functions in discourse, the contexts where they are frequently used.

References

1. *Blakemore D.* Semantic Constraints on Relevance. Oxford : Blackwell, 1987.
2. *Fraser B.* What are Discourse Markers? // Journal of Pragmatics. 1999. № 31. P. 931–952.
3. *Jackson H.* Lexicography: An Introduction. L. : Routledge, 2002. 190 p.
4. *Nishikawa M.* A Cognitive Approach to English Interjections. Tokyo : Eihosha, 2010. 257 p.
5. *Schourup L., Waida N.* English Connectives. Tokyo : Kuroshio-Shuppan, 1987.
6. *Schourup L.* Discourse Markers // Lingua. 1999. № 107. P. 227–265.
7. *Schourup L.* Rethinking Well // Journal of Pragmatics. 2001. № 33. P. 1035–1060.

Adriane Orenha-Ottaiano

Universidade Estadual Paulista “Júlio de Mesquita Filho” – UNESP, Brazil

THE PROPOSAL OF AN ELECTRONIC BILINGUAL COLLOCATIONS DICTIONARY BASED ON CORPORA

Taking into account, on the one hand, that native speakers have a more or less fixed repertoire of phrases stored in their mental lexicon and, to simplify production, they automatically recover them as a whole block, according to their degree of linguistic competence, and, on the other hand, that collocations pose a serious problem to foreign language learners with regard to production, we claim that specific

collocations dictionaries should be compiled, in order to help foreign language learners and teachers use them more accurately and productively.

Thus, in order to help the referred target audience to communicate more naturally, our aim is to propose the compilation of an electronic bilingual collocations dictionary (English-Portuguese/Portuguese-English) based on (learner, parallel and reference) corpora. The contribution of learner, multilingual and parallel corpora to lexicology and lexicography, and we may also say, to phraseology and phraseography, has already been pointed out by well-known researchers (Tono, 1996; Altenberg, Granger, 2002; Teubert, 2001, 2007; Halliday et al, 2004; Sinclair, 2007; Moon, 2008, among others). R. Moon (2008), for instance, stated that corpora is “the great facilitator for the description of phraseology, and its use in dictionary-making has heavily influenced the ways in which lexicographical attitudes towards phraseology have developed over the last twenty-five years”.

Moreover, it is also true that the quality of monolingual and bilingual dictionaries has also improved, due to the methodology provided by Corpus Linguistics. The use of corpora has enabled us to identify and extract phraseological units more easily and quickly, especially collocations.

The dictionary will deal with all types of collocations (verbal, noun, adjectival and adverbial collocations) and will be designed for teachers and learners of English as a second language as well as learner and professional translators. F. J. Hausmann (1985) defines collocations as “semi-finished products of a language”, and their most important aspect is their “status of mental disponibility as a whole, not as a creation produced ad hoc by a speaker.” The author claims that speakers of a language simply reuse the “semi-finished products of a language” when they use collocations.

With regard to the elements of a collocation, F. J. Hausmann (1984) points out two: a basis and a collocate, each with different semantic status. Actually, there is a hierarchy between these two elements, as one of them determines (the basis) and the other is determined (the collocate). Simply speaking, the basis is what we

already know and the collocate is the element we are looking for. The basis is an independent element, semantically autonomous, that determines which lexical patterns can combine with it. On the other hand, the collocate works as a modifier, it is semantically interpretable within a collocation and it is chosen by a certain basis to form a collocation.

The methodology involves two stages. The first stage relies on the extraction and analysis of collocations from a *Translation Learner Corpus* and a *Written Learner Corpus* compiled at *Universidade Estadual Paulista* (UNESP), in Brazil. Based on the results of the data, with the help of *WordSmith Tools* (Scott, 2008), collocations will be selected and included in the dictionary. In the second stage, based on the keywords analysed in the learner corpora, more collocational patterns will be extracted with the use of *The Corpus of Contemporary American English – COCA* (Davies, 2008–) and *Global Web-Based English*. In order to include more collocations as well as to ensure dictionary users will have access to more frequent, recurrent and sophisticated collocations, we will use the frequency list from *COCA*, available at <http://www.wordfrequency.info/files/entriesWithoutCollocates.txt>, which contains a sample (every seventh entry) of the top 60,000 lemmas.

The idea of having the proposed dictionary in electronic format will allow us to incorporate collocational information more qualitatively. Besides that, more examples can be included, different from conventional collocation dictionaries.

Therefore, we hope we will achieve the challenge of meeting Brazilian learners' collocational needs as the collocations will be selected according to their difficulties in using collocations.

References

1. *Altenberg B., Granger S.* Lexis in Contrast: Corpus-Based Approaches. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2002. 337 p.
2. *Davies M.* The Corpus of Contemporary American English: 425 million words, 1990-present. 2008–.
URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (accessed April 20, 2012).

3. *Davies M.* Corpus of Global Web-Based English: 1.9 billion words from speakers in 20 countries. 2013.
URL: <http://corpus2.byu.edu/glowbe/> (accessed May 6, 2013).
4. *Halliday M. A. K., Teubert W., Yallop C., Čermáková A.* Lexicology and Corpus Linguistics: an Introduction. L. : Continuum, 2004. 184 p.
5. *Hausmann F. J.* Wortschatzlernen ist Kollokationslernen. Zum Lehren und Lernen französischer Wortverbindungen // Praxis des neusprachlichen Unterrichts. 1984. № 31. P. 395–406.
6. *Hausmann F. J.* Kollokationen im deutschen Wörterbuch. Ein Beitrag zur Theorie des lexikographischen Beispiels // Lexikographie und Grammatik / Ed. by H. Bergenholtz, J. Mugdan. Tübingen : Max Niemeyer, 1985. P. 118–129.
7. *Moon R.* Dictionaries and Collocations // Phraseology: an Interdisciplinary Perspective / Ed. by S. Granger, F. Meunier. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2008. P. 313–336.
8. *Scott M.* WordSmith Tools: Version 5.0. Liverpool : Lexical Analysis Software Ltd, 2008.
9. *Sinclair J. McH.* Data-derived Multilingual Lexicons // Text Corpora and Multilingual Lexicography / Ed. by W. Teubert. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2007. P. 69–82.
10. *Sinclair J. McH.* How to Use Corpora in Language Teaching. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2004. 307 p.
11. *Teubert W.* Corpus Linguistics and Lexicography // International Journal of Corpus Linguistics (Special Issue). 2001. P. 125–154.
12. Text Corpora and Multilingual Lexicography / Ed. by W. Teubert. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2007. 159 p.
13. *Tono Y.* Using Learner Corpora for L2 Lexicography: Information on Collocational Errors for EFL Learners // Lexicos (Afrilex Series). 1996. Vol. 1. № 6. P. 16–132.

Irina Pulekha

Magnitogorsk State University, Russia

A NEW DICTIONARY OF FUNCTIONAL SYNONYMS OF THE ENGLISH LANGUAGE

The creative mind of language speakers keeps finding new aspects and features of extralinguistic objects which help contrast and compare them through the use of synonyms. The assumption that the idea expressed by two or more synonyms remains the same is utterly wrong. Whenever the form changes, the contents (and, along with it, the stylistic value) is bound to change too (Skrebnev, 2000, 7).

This paper is intended to introduce a posthumous edition of a new *Dictionary of Functional Synonyms of the English Language* compiled by Anatoly V. Proshin, Professor of Magnitogorsk State University (Russia).

The Dictionary sheds a new light on semantic and pragmatic aspects of synonymy. It aims at paradigmatic and pragmatic systematization of lexical units (words and phrases) of the English language. The author attempts to represent the English vocabulary as a functional system, which allows the speaker to choose and combine language units with regard for the aim and circumstances of communication (Proshin, 2011, 1).

This new type inventory dictionary is based on the author's innovative classification of the English word stock. More than 9,000 entries comprise a vocable (a stylistically neutral word) and its stylistic synonyms, semantic-stylistic synonyms and synonyms which have similar semantic feature(s) with the vocable but differ in some pragmatic characteristics such as localization (*French, Australian, Scottish*), up-to-dateness (*archaic, obsolete*) and origin (*Latin, Greek*). So, we may state that purely stylistic synonyms are not the only items the Dictionary includes. Therefore the author has coined a new term – **functional synonyms**. They are defined as words which, as a rule, belong to the same grammar class and have a common signicate but different denotata.

Each vocabulary entry follows the regular pattern, e.g.:

Abandon (v.t.) – покинуть, добровольно уйти, бросить

Bookish: secede (from) (*secede from a state/organization*).

Rare: plant, void (*place*).

Colloquial: bunk off (*family, school*), chuck in (up) (*sth*), cut, drop (out) (*friends etc.*), leave, opt out (*sth one does*), pack in (*work*), pull out (*business*), *quit (*family*), sling (*Australian*), throw up, walk out on (*sb*).

Slang: *ankle (*friends*), *bail out (*service*), check in, cop out on, crap out (*esp. because of fear or lack of enthusiasm*), fink out (*being unable to extricate oneself from difficulties*), *flunk out (*school, course because of failure to take/pass examinations at the required time*), jack in (up) (*work*), kiss off, *pack up (*work*), rat out (*retreat, withdraw*), redlight, run out (on) (*sb*), *scarf, shoot, skip out on (*wife, family*), *slough, *snap (*obsolete*), take off (*work: temporarily*), turn up (*sb*).

Students' jargon: punt, shine.

Military jargon: chicken out.

Thieves' jargon: moat.

Rude: bury (*lover*), *shitcan.

Scottish: twin (*sb*).

Obsolete: pass (*place*).

■ **Sublime:** desolate a home (a hearth) (*домашний очаг*).

Colloquial: drop dead (*work, wife, family*); get short of (*sth unpleasant*); give sb the ax; hang it up; jump ship (*group or business*); leave sb flat (*in trouble*); let sth go (*махнуть рукой на что-л*); love sb and leave sb; pull one's roots; pull up stakes; shake the dust of one's place off one's feet (*sth unpleasant*); slip the cable (*sb*); turn it up.

Slang: drag it; give sb the great bounce; give the go (*New Zealand*) (*work, country*); kiss sth good-bye; leave holding the baby (*to face responsibility*); pull the pin (*wife, family*); sling it up (*Australian*) (*work*).

Criminal jargon: give beat (*one's business*); give sb best (*sb*).

The form of material presentation is related to the paradigmatic character of the *Dictionary*: all the synonyms are given in vertical columns so that each functional position is fixed in a separate line. As a result, there are rows of lexical units. Each word or phrase is synonymous to the neutral dominant or other units of the row and differs from the rest of the row in its stylistic (-semantic) meaning, connotations or pragmatic characteristics. These rows of synonyms are

arranged in a kind of hierarchy from the most elevated to the most degraded level and can be interpreted as a model of the stylistic picture of the world.

The *Dictionary* is a new complex dictionary of a pragmatic-inventory type as it gives an exhaustive description of English synonyms, revealing their pragmatic potential. It is of considerable value for researchers, teachers and learners of English.

References

1. *Proshin A. V. Slovar' funktsional'nikh sinonimov (Dictionary of Functional Synonyms of the English Language)*. Chelyabinsk : OOO "Tsentr intellektual'nikh uslug 'Entsiklopedia'", 2011. 692 p.
2. *Skrebnev J. M. Osnovi stilistiki angliyskogo yazika (Basics of English Stylistics) : a Textbook for Institutes and Faculties of Foreign Languages*. 2nd edn. rev. Moscow : OOO "Izdatel'stvo AST" ; OOO "Izdatel'stvo Astrel", 2000. 224 p.

Natalia Shutemova

Perm State National Research University, Russia

POETIC TRANSLATION & TRANSLATOR'S DICTIONARY

Poetic translation has rich traditions and history influencing the formation of national literatures and cultures. In this sense it is a creativity activity aimed at the representation of national artistic values in foreign cultures requiring the essential property of the source text (ST) to be represented in the target text (TT). This presupposes the necessity to study poetic translation in reference to the notion of poeticity (R. Jakobson) which we define as the essential ontological property of the poetic text distinguishing it from other types of texts. It may be called the typological dominant (TD) of the poetic text.

Considering specific features of the artistic activity and its stages we regard poeticity as a complex property of the poetic text integrating:

- 1) its idea and emotivity,
- 2) imagery,
- 3) artistic verbal (verse) form.

Idea and emotivity are generated by the author during the process of artistic cognition focused on the relation *man & world*. Poetic imagery is motivated by the imaginative character of the author's thinking process and the system of images he/she creates in his/her mind. As far as the author uses language to objectify the results of his artistic cognition, this determines the artistic verbal (verse) character of the poetic text form. As a whole, poeticity of the ST is its idea and emotivity, realised in images and objectified in the artistic verbal (verse) form. Thus, forming in their integrity the essential quality of the ST they are subject to representation in the TT.

One of the means to trace and explain a translator's way of thinking during the process of comprehending the ST poeticity and its representing in the TT may be a *Translator's Dictionary*. It may be created by the translator as a part of his/her commentary or by a researcher who studies translator's creative activity of representing the ST poeticity in the TT through the comparative analyses of the ST and the TT. In both cases *Translator's Dictionary* has explanatory character and explicates the creative activity of the translator and finally the routes of intercultural dialogue.

Such dictionary is being worked out by us as a part of commentaries to the translation of the cycle *Sea Garden* by Hilda Doolittle (H. D.), who belonged to Imagism as a trend in the European and American poetry of the beginning of the XXth c. (E. Pound, T. E. Hulme, R. Aldington, F. S. Flint, J. G. Fletcher, A. Lowell etc.). It defined an image as "an intellectual and emotional complex in an instant of time" (Imagist Poetry, 1972, 39) and inherited traditions of both European and Japanese arts. *Sea Garden* (1916) was her first book and included such earliest poems as *Sea Rose*, *Sea Poppies*, *Sea Violet*, *Sea Lily*, *Sea Iris*, etc. They are integrated by the basic idea: the fragility and strength of beauty resulting from "the fierce clashing of natural forces" (H. D., 1983, 11). This idea motivates the imagery of poems displaying the scene where land and ocean meets.

The project under consideration includes the following parts:

1. Translator's Introduction to the edition. This part covers:

- Philosophy and aesthetics of Imagism;
- Biography and creative activity of H. D.;
- Background information about the cycle "Sea Garden".

2. The cycle *Sea Garden* by H. D. as source texts and the translation of the cycle as target texts.

3. Translator's Commentary. This part of the project includes:

1) the translator's analysis of the poeticity of the cycle *Sea Garden*;

2) *Translator's Dictionary*.

In the first item we explicate our understanding of the idea and emotivity of the cycle, its imagery and artistic verse form.

Translator's Dictionary includes:

1) intralingual and interlingual interpretation of a sign of the ST,
2) the analysis of its function in the ST from the point of view of its aesthetic character, imagery, idea and emotivity,

3) the explanation of options to represent the ST poeticity in the TT.

Thus, the first item of *Translator's Commentary* covers the cognitive stage of translation as a process and allows to understand what model of the ST poeticity was formed in the translator's mind. The second item allows to trace the stage of representing this model in the TT. As far as Japanese graphics influenced rhythmical structure of H. D.'s poems strongly and a poetic line in them is compared to a line in graphics, the *Translator's Dictionary* is accompanied with Japanese drawings. To some extent *Translator's Dictionary* allows to understand how national literature is interpreted and represented in foreign cultures.

References

1. *H. D. Collected Poems 1912–1944* / Ed. by L. Louis. N. Y. : Martz, 1983. 629 p.
2. *Imagist Poetry* / Ed. by P. Jones. N. Y., 1972. 187 p.
3. *Yakobson R. O. Raboti po poetike (Works on Poetics)*. Moscow : Progress, 1987. 464 p.

Olga Uzhova

Ivanovo State University, Russia

CULTURAL DICTIONARIES

Effective communication is more than a matter of language proficiency, it also includes culture awareness, consequently cultural competence can invariably lead to empathy and respect toward different cultures. The cultural barrier is more difficult than the linguistic ones because it is much less obvious for isolated nations, cultural mistakes are much more irritating and conflict provoking than linguistic ones and finally conflicts of cultures are more dangerous than conflicts of languages. Thus the knowledge of the conventions, customs, beliefs, and systems of meaning of another country, is indisputably an integral part of foreign language learning. Teaching of culture should make learners aware of speech acts, connotations, etiquette, that is, appropriate or inappropriate behaviour.

In this aspect a dictionary of culture can be an indispensable and important tool in teaching culture. *According to the latest research the dictionaries of culture can be subdivided into three different types* in terms of differentiated reflection of their cultural component. *Countrystudy dictionaries* define connotative lexis giving it a special cultural commentary. *Culturological dictionaries* register cultural aspects along with categories of intercultural interaction. *Linguistic cultural dictionary* is a peculiar way of examining culture in lexicography. Since concept (a stable notion of culture) is the main unit in language and culture studies (*linguoculturology*), emergence of concept dictionaries points out scientific maturity of this science, which is indicated by transferring knowledge into dictionaries. Study of language and culture concepts has reached the level when it is possible to make a dictionary of concepts, a dictionary of a new type defining not word meanings as in general dictionaries, not science references and facts of everyday life as this is what encyclopedic dictionaries deal with, but concepts making up peculiarity of a certain culture.

The purpose of my presentation is to offer a project of a new dictionary of culture. Taking into consideration a very unique attitude of the British to their history it was acknowledged necessary for English learners to compile a dictionary under the title *Great Britain. History and Cultural Associations*. This dictionary belongs to the type of culturological dictionaries since it registers specially selected and structured information about culture and history of Great Britain. The dictionary will contain not only the meaning-oriented entries covering a certain historical period but also a section with usage indication since the question of how to use the word in speech has come to the forefront. Megastructure of this reference book consists of a preface, a short text on a certain historical period, a dictionary itself; after the dictionary goes a section called *Cultural Association*. It is this part that contains lexis with historical connotations which is used in modern discourse. Here goes an example from the section *Cultural Associations*:

Medieval [phonetic symbols] adj a descriptive term for people, objects, events and institution of the Middle Ages. Medieval is sometimes used as a term of disapproval for outdated ideas and customs. It may suggest inhuman practices, such as torture of prisoners.

To sum up, culturological dictionaries must not be only meaning-oriented; there is an ever increasing demand for dictionaries of culture which inform the user about the actual use of its entries in speech. It is widely known that to learn a foreign language students are supposed to master two different kinds of skills: passive or recognition skills (reading and understanding oral speech) and active, production-oriented ones (speaking and writing). For many years practically all the dictionaries were meaning-oriented and the problem of speech-production were not considered to be the concern of lexicography. The culturological dictionary of a new type is to let the users know what is used for production, for their actual use in speech, and what is to remain for recognition. Special marking is applied to recommend an entry for active use.

Eveline Wandl-Vogt,

Institute for Corpus Linguistics and Text Technology, Austrian Academy of Sciences, Austria

Thierry Declerck

Institute for Corpus Linguistics and Text Technology, Austrian Academy of Sciences, Austria

German Research Centre for Artificial Intelligence (DFKI), Germany

PORTING A TRADITIONAL DIALECTAL DICTIONARY INTO A COMPUTATIONAL LEXICON: THE EXAMPLE *WBÖ*

1. The Dictionary Content

The Dictionary of Bavarian Dialects in Austria [Wörterbuch der bairischen Mundarten in Österreich (WBÖ)] is a traditional dialectal dictionary (project funding in 1911). Since 2012 the dictionary is available as online version (simple ebook). In 2013 the authors of this paper started to rethink it in a non-traditional way with the focus to open it for further research questions and to render it 1) “operational” for certain corpus linguistic tasks and 2) for supporting search in a semantic framework, like the *Linked Open Data* infrastructure (see <http://linkeddata.org/>).

For reaching the first goal, there is a need to encode the lexical entries of *WBÖ* and part of its associated linguistic information into a so-called *computational lexicon*, e.g. to encode it in such a way, so that it can be read and used by computational linguistics tools.

Therefore, the authors ported example entries of the *WBÖ* dictionary into the lexicon format of the *NooJ* finite state tools (cf <http://www.nooj4nlp.net> for further details on the tools). A basic issue while encoding (diachronic or synchronic) language variation lies in the possibility to link the variant onto a normalized form. *NooJ* is allowing this in its lexicon format, a reason why we choose to use this tool for encoding *WBÖ* entries in a computational lexicon. There are

different types of information that can be associated with entries of *WBÖ* (further details cf Wandl-Vogt, Declerck, 2013):

1) One can get information about the flexion paradigm and semantics (e.g. with the *WBÖ* nominal entry *ädrechsel* “lizard” that it has the same inflection behaviour like the word *klage* and that it is an *animal*, including thus some basic semantics).

2) Handling of encoding of variants.

3) Information about the etymology.

In order to make this new encoding re-usable for the computer-linguistic and other linguistic communities, we plan to map the *NooJ* internal format onto the ISO standardised *Lexicon Markup Framework* (*LMF*, <http://www.lexicalmarkupframework.org/>) encoding and to use the ISO standardised tag sets, as available in the *ISocat Data Category Registry* (<http://www.isocat.org/>).

2. The Dictionary Format

While the encoding in *LMF* and the use of Data Categories is important for getting information about the content of the language resource the dictionaries and other sources can contain, it does not say anything about the formal representation of such data.

One has to think about the formal representation to achieve our second goal: to publish the dictionary in the *Linked (Open) Data* framework. Therefore, we need a representation format that can model the interoperability between the information we find in different objects: lexicon entries, taxonomy labels, knowledge, objects, metadata for images and videos that can be related to entries of *WBÖ*. For this reasons we opt for *RDF*(s) and *SKOS* frameworks (<http://www.w3.org/TR/rdf-schema/> and <http://www.w3.org/2004/02/skos/>), which are the standards for representing and linking knowledge sources within the *Linked Data* network. A side effect of this move is the fact that the *WBÖ* entries are “upgraded” into knowledge objects that can be linked to many other resources. We are following here a practice that has been already adopted by many national libraries, which are publishing there metadata in the *Linked Data* environment. See the example of the *German National*

Library (http://www.dnb.de/EN/Service/DigitaleDienste/LinkedData/link-eddata_node.html).

A first version of porting entries of the *WBÖ* to *SKOS* has been provided and will be discussed.

References

1. *Declerck T., Lendvai P., Mörth K.* Collaborative Tools: From Wiktionary to LMF, for Synchronic and Diachronic Language Data // LMF Lexical Markup Framework / Ed. by G. Francopoulo. L. ; Hoboken, NJ : John Wiley & Sons, 2013. P. 175–187.
2. ISOcat. URL: <http://www.isocat.org/> (accessed June 20, 2013).
3. Linked (Open) Data. URL: <http://linkeddata.org/> (accessed June 20, 2013).
4. LMF. Lexical Markup Framework. URL: <http://www.lexicalmarkupframework.org/> (accessed May 25, 2013).
5. *Wandl-Vogt E., Declerck T.* Turning a Dictionary around in the Web 2.0 Surroundings // Proceedings for the eLex Congress 2013. In print.
6. Wörterbuch der bairischen Mundarten in Österreich (WBÖ). Wien : Österreichischen Akademie der Wissenschaften, (1963-).
7. W3C: RDF. Ressource Description Framework. URL: <http://www.w3.org/2004/02/skos/> (May 25, 2013).
8. W3C: SKOS. Simple Knowledge Organisation System – Home Page. URL: <http://www.w3.org/2004/02/skos/> (May 25, 2013).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Welcoming Words</i>	4
Karpova O. Preface	7

Keynote Speakers

Brief Biographical Notes	13
DeCesaris J. Cultural Elements in English, Spanish and Italian Dictionaries: a Comparison	15
DeCesaris J. Incorporating Context into Dictionary Presentation	16
DeCesaris J. What should be New in Bilingual Dictionaries? ..	18
Mugglestone L. Telling the Life of Words: the Lexicographer as Biographer	20
Nielsen S. Domain-specific Knowledge in Lexicography	23
Nielsen S. Foundations and Key Components of Specialized Lexicography	24
Nielsen S. The Treatment of Culture-bound Items in Dictionaries	25
Williams G. Blast from the Past: Meaning Change through Collocational Resonance	26
Williams G. Moving between Words: Collocational Networks in Dictionaries	29
Williams G. What is Europe: Multilingual Lexicographical Prototypes	32

ИВАНОВО (IVANOVO)

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ (PLENARY PRESENTATIONS)

Авербух К. Я. Профессиональное общение: глобализация языка и интернационализация терминологии	36
Белоглазова Е. В. Тезаурус английского языка межкультурного общения, ориентированного на русскую культуру	40
Григорян А. А. Пейоризация образа женщины в современных лексикографических справочниках английского языка (на материале ряда ключевых слов)	43
Громова Н. В. Особенности терминологии родства в языке суахили	46
Забелин Д. В. Словари пословиц на фоне формирования английской лексикографии	48
Кауль М. Р. Система учебных словарей – системное описание языка	51
Маник С. А. Социально-политическая лексика: подходы к определению в отечественной и зарубежной лингвистике	55
Ненарокова М. Р. <i>Селам</i> Д. П. Ознобишина как особый вид словаря XIX в.	58
Табанаква В. Д. Авторский термин: знаю, понимаю, перевожу	61
Таганова Т. А. Лексикографирование новых реалий культуры	65
Уфимцева Н. В. Ассоциативный словарь как модель языковой картины мира	68
Шестакова Л. Л. <i>Словарь языка русской поэзии XX века: особенности макро- и микроструктуры</i>	70

СЕКЦИОННЫЕ ДОКЛАДЫ (SECTION PRESENTATIONS)

Историческая и писательская лексикография

Ахметсагирова Л. И. Из истории создания немецко-русских и русско-немецких словарей в Германии XIX в.	74
Бабушкина О. Н. Историко-этимологический комментарий в словаре английских и русских фразеологизмов	77
Бурлакова М. В. К вопросу описания национальной культуры в ранних словарях английского языка	80
Гаммермайстер Г. Р. К вопросу о периодизации истории немецкой лексикографии	83
Гвоздецкая Н. Ю. Латинские наименования музыкально-поэтического творчества в древнеанглийском переводе <i>Церковной истории народа Англов</i> Беды Досточтимого	87
Горбачев К. А. Специфика лексикографического описания исторических терминов	90
Иванова Л. И., Михайлова В. А. Словарь искусственного языка <i>Новояз</i> Дж. Оруэлла (на материале романа <i>1984</i>)	92
Клёмина Е. Н. Семантика наименований земли в древнеанглийской поэме <i>Елена</i>	95
Кузнецова А. А. Наименования оружия в словаре древнеанглийских библейских парафраз (на материале поэмы <i>Исход</i>) ..	98
Кулева А. С. Москва и Петербург в именах и названиях (по материалам <i>Словаря языка русской поэзии XX века</i>)	101
Мелентьева О. А. Применение электронных лексикографических ресурсов в изучении языка писателя (на примере <i>Middle English Glossarial Database</i>)	104
Прогунова Ю. М. Церковная терминология Беды Досточтимого: интерпретация термина <i>coepiscopus</i>	108
Рябцева Е. А. Наименования человека в древнеанглийской поэме <i>Беовульф</i> (лингвокультурологический аспект)	110
Филиппова М. А. Этнонимы как культурно-маркированные единицы древнеанглийского поэтического словаря	113

Burmistrova A. Chronology and History as Important Tools of an Etymologist of English Words	116
--	-----

*Языки для специальных целей
и терминологическая лексикография*

Абызов А. А. Отражение канадского варианта английского языка в англоканадской лексикографии	120
Германова О. А. Иллюстрация как способ толкования культурных реалий в учебных словарях	123
Денисов К. М. Сопоставительный анализ справочников фонетической терминологии как основа создания словаря нового поколения	126
Егорова А. А. Некоторые структурные особенности английских терминов области электроэнергетики	129
Кокунова Ю. В. Терминология сферы переводоведения и ее отражение в Интернет-словарях (на материале английского языка)	132
Кравченко С. Л. Научно-техническая терминология в амхарском языке	135
Кряжевских Н. Н. О возможности маркирования признака одушевленности/неодушевленности в словарной статье (существительное <i>ghost</i>)	138
Лаврентьева Н. Г. О перспективах изучения терминологии LSP (фонетический аспект проблемы)	141
Левичева С. В. К вопросу о способах перевода безэквивалентных терминов лексики финансов	144
Путятина Е. И. Терминографические аспекты английских и русских числительных в составе терминологических словосочетаний	147
Степанова М. А. Текстовые и лексикографические аспекты экологической тематики англоязычных политических выступлений	150
Фокина С. Л. Область нанотехнологий в лексикографическом ракурсе	153

Цыбова И. А. Об отображении концепта <i>любовь/miłość</i> в языковом сознании русских и поляков	156
Черепкова Н. М. К вопросу об эволюции лексики сферы образования русского языка	157
Юринок Е. Р. Категориальный анализ терминов в <i>Словаре нанотехнологических и связанных с нанотехнологиями терминов</i>	160
Grigoryeva E. Australianisms in Dictionaries	163
Vishnevskaya G. Varieties of English as Reflected in Pronunciation Dictionaries	166

*Электронные справочные ресурсы
и проекты новых словарей*

Алексеева М. Л. Специфика построения электронного диахронического переводного словаря-справочника	170
Баламакова М. В. О принципах отбора профессионально-ориентированных электронных справочных ресурсов для студентов-филологов	173
Воронцова И. А. Медисловарь как инструмент взаимодействия автора и читателя	176
Егошина Н. Б. Интернет-словари английского сленга нового поколения	179
Зими́на М. В., Якимова Е. А. Отражение отрицательных частиц немецкого языка в электронных словарях	182
Кривенко Л. А., Стернина М. А. Опыт создания словаря коммуникативной релевантности семем	185
Кулагина М. А. Электронные лексикографические ресурсы как неотъемлемая часть современного процесса обучения иностранным языкам	188
Лутцева М. В. Из опыта создания англо-русского словаря юридических терминов	191
Малыхина Н. И., Стернина М. А. Словарь лексико-грамматической полисемии английских глагольных лексем: опыт создания	194

Ополовникова М. В. Семантика частиц в электронных контекстных многоязычных словарях	197
Полякова Е. А. Реалии в современной британской литературе и их перевод на русский язык: проект переводного словаря	200
Поцыбина Е. П. Принципы создания англоязычного словаря-гlossария для обучения языку специальности студентов политологов	202
Рудакова А. В. Проект психолингвистического толкового словаря современного русского языка	206
Ставцева И. В. Пользовательский словарь как основа электронного образовательного корпуса	208
Степанова А. А., Маховиков Д. В. Новый словарь антропонимов русского языка (проект)	212
Фомичева Н. В. Русскоязычные электронные словари в дидактическом аспекте: возможности и проблемы	215
Хорецкая Н. Ю. Безэквивалентная лексика в романе М. Булгакова <i>Мастер и Маргарита</i> в немецком варианте перевода (к проекту создания <i>Переводного glossария</i> к произведению)	218
Щербин В. К. Специальный словарь одного концепта	221
Юзефович Н. Г. Двужычный словарь политического лексикона в интерлингвокультурной парадигме	224
Khomutova T., Kashkhchyan A. South Urals in the Life and Work of World Famous People: a Multimedia Encyclopedic Dictionary	227
Potemkin S., Kedrova G. Semantic Metrics and WordNet	230
Sergaeva Yu. E-Lexicography: Neological Resources and a Creative Linguistic Personality in the Digital Age	233

Коммуникативные и гендерные аспекты лексикографии

Вансяцкая Е. А. Лексикографическое описание тактильных номинаций (на материале электронной версии словаря <i>Macmillan English Dictionary</i>)	237
Врыганова К. А. К созданию словаря невербального поведения человека в ситуации маскировки эмоций (на материале британской лингвокультуры)	241

Филатова Е. А. Отражение косвенных номинаций политического дискурса в современной лексикографии	244
Шулякина Ю. С. Лексика тематической группы <i>характер и поведение человека</i> в словарях литературного языка и народных говоров (на материале говоров Ивановской области)	247
Ivanova (Szelinger) T. Lexicography of Conflict Interaction: Representing Pragmatics in a Dictionary	250
Naumova N. Lexicographic Aspect of Contemporary English Euphemization: Criteria for Euphemisms Selection	253

FLORENCE

PLENARY PRESENTATIONS

Alekseeva L. Florence as Text	256
Ishikawa S. Contribution of Learner Corpus Studies for Learner Dictionary Making: Statistical Approach to an Archetypal Learner Model	260
Karpova O. Dictionaries as Treasure Trove of National Heritage and Culture (with Special Reference to the Dictionary Project <i>Florence in the Works of World Famous People</i>)	263
Konecny Chr., Autelli E. Combining Lexicography with Second-Language Didactics: The Case of the Bilingual Collocations Dictionary <i>Kollokationen Italienisch-Deutsch</i>	268
Maraschio N. The History of Italian Language and its Lexicography	272
Rennie S. “A Kist of Ferlies”: Scottish Culture in Jamieson and Later Dictionaries of Scots	278
Skybina V. Australian Diachronic Dictionaries – a Cultural Portrait of Australia	281

SECTION PRESENTATIONS

Cultural Tourism and Heritage Dictionaries

Bossi M. Spirit of Place and Visitors Reflections on the Florence of Today	285
Bytko N. Indian Culture in Indian English Dictionary	289
Diani G. Cultural Knowledge Dissemination in Italian Art Museum Websites	292
Farina A. Guideline Proposal for Description and Translation of Proper Names in a Multilingual Cultural Heritage Dictionary of Florence	296
Kartashkova F. Ways of Verbalization of Florentine Concepts in Russian Poetry	299

Komarova A., Kotlyakov V. Lexicographic Principles of Compiling the Multilingual Dictionary of Tourism (Nature – Culture – Travels)	302
Konovalova M. The Word <i>Patriotism</i> in American Political Cartoons and Modern American Dictionaries. The Boundaries of Meaning	305
Minyar-Beloroutcheva A. Historical Terms as the Mirror of Cultural Difference of the Past	309
Radighieri S. Florence and Cultural Heritage in Italy	312
Samson Chr. Moving between Words: Keywords and Phraseological Networks in (English) Guidebooks of Florence	315
Shilova E. Lingvo-cultural Concept of Florence in Russian Texts and Dictionaries	319
Utkina N. The Model of the Dictionary for Cultural Tourists: Plyos Guidebook	323
Yücelen M., Yiğitbaş K. Italian Footprints in Istanbul: the Case for Preservation and Promotion	326
Yudina N. Russian Lexicography in Diachronic and Synchronic Aspects	329

Cultural Aspects of Learner Lexicography

Bekisheva E. Cultural and Historical Aspects of Medical Dictionaries	334
Devel L. Cross-cultural Issues in Bilingual English-Russian Learner Lexicography	337
Ishikawa Y. Cultural Keywords in English Dictionaries and Corpora	340
Lovtsevich G. Does Culture Matter? A User Perspective in LSP Dictionary	343
Miller J., Kwary D. See Ya at the Zombie Walk! Terms Learners Need in an Australian Cultural Dictionary	346
Nikulina E. Contemporary Dictionaries of Idioms and the Cultural Component	349
Nurullova A. The Ways of Introduction of Onomatopoeic Units in the Dictionaries of the English Language	352

Petrashova T. Cultural Diversity Reflected in LSP Dictionaries ..	355
Rozhkova T. Etymology Representation in Terminological Dictionaries	360
Sabino M. A. Identifying <i>False Cognates</i> , <i>False Friends</i> and <i>Deceptive Cognates</i> : an Aid to Build Special Dictionaries of False Friends	363
Sadykova A., Aleeva G. Specific Features of Compounds in Tatar and English Languages as the Object of Lexicography	366
Solnyshkina M. Cultural Information in Professional Dictionaries	369
Tretyakova T. The Matrix for Presenting the Meaning of Speech Clichés	373

New Dictionaries Projects

Arsenteva E., Kaiumova A. Online Russian-English Phraseological Dictionary: Presentation of Synonyms and Collocations	376
Fiore A. Problems in Contemporary Translations of Ancient Texts: Lexical Archaisms and Semantic Archaisms	379
Flinz C. TOURLEX: a Specialised German-Italian Bilingual Dictionary	383
Gudkova K. On the Compilation of an Antonymic Idioms Dictionary	388
Hooft A. van 't. Collaborative Work and the Internet: the Experience of a Huastec Cultural Dictionary	390
Kravtsova E. Research Review: Corpus Analysis of Culturally Marked Lexis	392
Kryukova O. Using Frame as Method of Analysis in Terminographic Research (with Special Reference to Tourist Terminology)	396
Mafela M. J. Dictionary of Proverbs and the Layout of the Information: the Case in <i>ṬHALUSAMAIPFI ya MIRERO: TSHIVENḡA-English</i>	398
Nishikawa M. English Discourse-marker Dictionary	402

Orenha-Ottaiano A. The Proposal of an Electronic Bilingual Collocations Dictionary Based on Corpora	405
Pulekha I. A New Dictionary of Functional Synonyms of the English Language	409
Shutemova N. Poetic Translation & Translator's Dictionary	411
Uzhova O. Cultural Dictionaries	414
Wandl-Vogt E., Declerck Th. Porting a Traditional Dialectal Dictionary into a Computational Lexicon: The Example <i>WBÖ</i>	416

LIFE BEYOND DICTIONARIES

**Материалы
юбилейной X Международной школы-семинара**

**Иваново – Флоренция,
12–14 сентября 2013 г.**

Печатается в авторской редакции и оформлении

Директор издательства: Л. В. Михеева

Подписано в печать 15.07.2013

Формат 60x84 1/16. Бумага писчая. Печать плоская.

Гарнитура Times New Roman. Усл.-печ. л. 24,9 Уч.-изд. л. 20,1

Тираж 150 экземпляров.

Издательство «Ивановский государственный университет»

153025 Иваново, ул. Ермака, 39

(4932) 35-63-81 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Типография ГОУ СПО «Ивановский энергетический колледж»

153025 Иваново, ул. Ермака, 41 тел.: (4932) 37-52-44, 32-50-89

Адрес в Интернете: www.tipl.ru

*Материалы Международных школ-семинаров по лексикографии
(1995–2013)*

Теоретические и практические аспекты лексикографии : межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. О. М. Карпова. Иваново : Иван. гос. ун-т, 1997. 197 с.

Актуальные проблемы теоретической и прикладной лексикографии : межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. О. М. Карпова. Иваново : Иван. гос. ун-т, 1997. 332 с.

Словарь в современном мире : материалы III Международной школы-семинара, Иваново, 14–16 сентября 1999 г. / Отв. ред. О. М. Карпова. Иваново : Юнона, 2000. 225 с.

Язык. Культура. Словари : материалы IV Международной школы-семинара, Иваново, 10–12 сентября 2001 г. / Отв. ред. О. М. Карпова. Иваново : Юнона, 2001. 165 с.

Теоретическая лексикография: современные тенденции развития : материалы V Международной школы-семинара, Иваново, 8–10 сентября 2003 г. / Отв. ред. О. М. Карпова. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2003. 234 с.

Лексика, лексикография, терминография в русской, американской и других культурах : материалы VI Международной школы-семинара, Иваново, 12–14 сентября 2005 г. / Отв. ред. О. М. Карпова. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2005. 345 с.

Современная лексикография: глобальные проблемы и национальные решения : материалы VII Международной школы-семинара, Иваново, 12–14 сентября 2007 г. / Отв. ред. О. М. Карпова. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2007. 303 с.

Новое в теории и практике лексикографии: синхронный и диахронный подходы : материалы VIII Международной школы-семинара, Иваново, 10–12 сентября 2009 г. / Отв. ред. О. М. Карпова. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2009. 404 с.

Лексикографические ракурсы: традиции и вызовы XXI века : материалы IX Международной школы-семинара, Иваново, 8–10 сентября 2011 г. / Отв. ред. О. М. Карпова. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2011. 410 с.

Life beyond Dictionaries : материалы юбилейной X Международной школы-семинара, Иваново – Флоренция, 12–14 сентября 2013 г. / Отв. ред. О. М. Карпова. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2013. 432 с.

Proceedings of International Schools on Lexicography
(1995–2013)

Theoretical and Practical Aspects of Lexicography : Collection of Research Papers / Ed. by O. Karpova. Ivanovo : Ivanovo State University, 1997. 197 p.

Current Problems of Theoretical and Applied Lexicography : Collection of Research Papers / Ed. by O. Karpova. Ivanovo : Ivanovo State University, 1997. 332 p.

Dictionary in the Contemporary World : Proceedings of III International School on Lexicography. Ivanovo, September 14–16, 1999 / Ed. by O. Karpova. Ivanovo : Yunona, 2000. 225 p.

Language. Culture. Dictionaries : Proceedings of IV International School on Lexicography. Ivanovo, September 10–12, 2001 / Ed. by O. Karpova. Ivanovo : Yunona, 2001. 165 p.

Theoretical Lexicography: Modern Tendencies of Development : Proceedings of V International School on Lexicography. Ivanovo, September 8–10, 2003 / Ed. by O. Karpova. Ivanovo : Ivanovo State University, 2003. 234 p.

Lexis, Lexicography, Terminography in Russian, American and Other Cultures : Proceedings of VI International School on Lexicography. Ivanovo, September 12–14, 2005 / Ed. by O. Karpova. Ivanovo : Ivanovo State University, 2005. 345 p.

Modern Lexicography: Global Problems and National Solutions : Proceedings of VII International School on Lexicography. Ivanovo, September 12–14, 2007 / Ed. by O. Karpova. Ivanovo : Ivanovo State University, 2007. 303 p.

Synchronic and Diachronic Lexicography: A New Age of Theory and Practice : Proceedings of VIII International School on Lexicography. Ivanovo, September 10–12, 2009 / Ed. by O. Karpova. Ivanovo : Ivanovo State University, 2009. 404 p.

Multi-disciplinary Lexicography: Traditions and Challenges of the XXIst Century : Proceedings of IX International School on Lexicography. Ivanovo, September 8–10, 2011 / Ed. by O. Karpova. Ivanovo : Ivanovo State University, 2011. 410 p.

Life beyond Dictionaries : Proceedings of X Anniversary International School on Lexicography. Ivanovo – Florence, September 12–14, 2013 / Ed. by O. Karpova. Ivanovo : Ivanovo State University, 2013. 432 p.